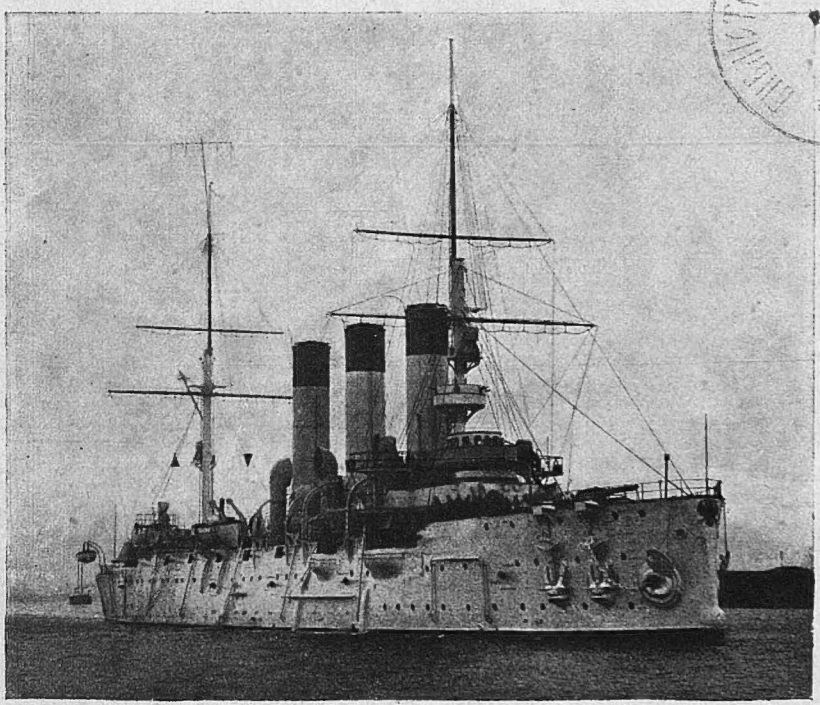
A5 3/35

А. 5 3/85

В. Кравченко.

ЧЕРЕЗЪ ТРИ ОКЕАНА

Воспоминанія врача о морскомъ походѣ въ Русско-Японскую войну 1904—5 г.



Изданіе второе, дополненное.

(Съ 15-ю фотографіями въ текстѣ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1910.

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКІЙ А
№ 4030
13/I 1931.
БИБЛІОТЕКА.

Типографія И. Флейтмана. Спб., Казанская 45.

Командующій Второй Тихоокеанской Эскадрой

Генералъ-адъютантъ Вице-Адмиралъ

Зиновій Петровичъ Рожественскій

(† 1-го января 1909 года, въ С.-Петербургѣ).

съ фот. Д. Здобнова.

Предисловіе къ первому изданію.

„Помни войну!“
Адмиралъ С. О. Макаровъ.

Дорогимъ боевымъ товарищамъ, моимъ сопла-вателямъ, посвящаю трудъ свой—дневникъ, который я велъ съ перваго дня кампаніи.

Все, что я видѣлъ, слышалъ и переживалъ, я заносилъ въ него, насколько позволяли досугъ и окру-жавшая обстановка.

Хотѣлось-бы, чтобы дневникъ этотъ, несмотря на запоздалое его появленіе, представилъ интересъ не только для участниковъ этого небывалаго въ исторіи похода, но и для каждаго, кому дорогъ и близокъ родной флотъ.

Авторъ.

1 Января 1910 г.

Предисловіе ко второму изданію.

Второе изданіе дневника дополнено фотографіями погибшихъ въ бою участниковъ похода. Къ сожалѣнію, не всѣ каютъ-компаніи снялись передъ уходомъ въ послѣднее для нихъ плаваніе.

В. К.

1 Мая 1910 г.

Оглавленіе.

	стр.
Въ С.-Петербургѣ	1
Кронштадтъ	5
Кронштадтъ—Ревель	8
Ревель	8
Портъ Императора Александра III	14
Скагенъ	19
Фридрихсгафенъ	21
Нѣмецкое море	22
Дувръ	23
Англійскій каналъ	24
Бухта Понтевердо	26
Атлантическій океанъ	29
Танжеръ	30
Малага	33
Средиземное море	34
Суда	35
Портъ-Саидъ	38
Суэцъ	39
Красное море	39
Джибути	42
Индійскій океанъ	48
Расъ-Гафунъ	49
Индійскій океанъ	50
Дарессалемъ	50

стр.

Индійскій океанъ 52
Носси-Бэ 52
Индійскій океанъ 71
Малакскій проливъ 79
Южно-Китайское море 83
Камранъ 90
Ванъ-Фонгъ 104
Куа-бэ 114
Тихій океанъ 118
Наканунѣ Цусимы 125

Ц У С И М А.

Непріятельскіе развѣдчики 129
Первый бой 132
Отдыхъ 133
Непонятное перестроеніе эскадры 133
Второй бой 135
Крейсерскій бой 137
Гибель „Осляби“ 138
Крейсера подъ перекрестнымъ огнемъ 141
Выходъ изъ строя флагманскаго броненосца „Князь Суворовъ“ 142
Крейсера и транспорты снова подъ перекрестнымъ огнемъ . 144
Мина 145
Продолженіе боя 146
Гибель „Князя Суворова“ 148
Продолженіе боя 151
Сдача командованія 153
Положеніе эскадры 153
Гибель броненосца „Александръ III“ 154
Гибель „Бородино“ 157
Итогъ шестичасового эскадреннаго боя 158
Поворотъ броненосцевъ къ югу безъ сигнала и распаденіе Второй Тихоокеанской эскадры 158
Въ ожиданіи минной атаки 161
Первая атака миноносцевъ 165

стр.
Поворотъ на сѣверъ 165
Встрѣча со „Свѣтланой“ 165
Первая попытка прорваться на сѣверъ 166
Вторая атака миноносцевъ 166
Встрѣча съ крейсеромъ „Владиміръ Мономахъ“ 169
Второй поворотъ къ сѣверу 170
Третья атака миноносцевъ 171
Непріятельскій крейсерскій отрядъ 171
Третій поворотъ къ сѣверу 172
Поворотъ на югъ 173
Преслѣдованіе непріятельскими крейсерами 173
Огненное крещеніе крейсера „Аврора“ 175
Въ машинѣ 186
На перевязочномъ пунктѣ 190
Переходъ до Маниллы 204
Манилла 226
Угольныя погрузки на эскадрѣ адмирала З. П. Рожественскаго 242
Эпилогъ 254

Командиръ крейсера „Аврора“

капитанъ 1-го ранга Евгеній Романовичъ

Егорьевъ

(† убитъ въ морскомъ сраженіи въ Корейскомъ проливѣ 14-го мая 1905 г.).

Въ С.-Петербургѣ.

На Невскомъ судостроительномъ заводѣ замѣтно необычайное оживленіе. Крейсеръ 2-го ранга „Изумрудъ“ спѣшно заканчиваетъ свою постройку. Уже спущенный съ эллинга, онъ стоитъ у пристани на швартовахъ.

Работа кипитъ.

Съ гуломъ, одна за другой, подкатываются къ деревяннымъ сходнямъ загруженныя вагонетки, поминутно слышатся окрики: „дай дорогу, дай дорогу“.

Крейсеръ сверху до низу переполненъ мастеровыми и матросами: кто бьетъ по заклепкѣ молотомъ, кто визжитъ электрическимъ сверломъ, кто скрипитъ горномъ—все это вмѣстѣ съ грохотомъ, доносящимся изъ мастерскихъ, сливается въ общій несмолкаемый гулъ, среди котораго нельзя разслышать командныхъ возгласовъ и свистковъ низенькаго коренастаго боцмана, съ покраснѣвшимъ отъ натуги лицомъ выдѣлывающаго какія-то рулады на своей дудкѣ.

Съ пристани заворочался громадный кранъ, медленно поднимая на большую высоту тяжелую желѣзную мачту для того, чтобы перенести ее на судно и поставить вертикально.

Среди этой суеты съ большимъ трудомъ розыскалъ я командира крейсера, капитана 2-го ранга барона Василія Николаевича Ферзена, которому долженъ былъ явиться по случаю назначенія на крейсеръ судовымъ врачемъ.

Баронъ—голубоглазый великанъ съ открытымъ добродушнымъ выраженіемъ лица, любезно предложилъ показать мои будущія владѣнія. „Вотъ это лазаретъ на семь коекъ; здѣсь аптека, здѣсь ванная. Здѣсь же въ моемъ помѣщеніи Вы расположите свой боевой перевязочный пунктъ; мнѣ кажется—здѣсь всего удобнѣе; можно и въ каютъ-компаніи: тамъ просторнѣе, зато подача раненыхъ затруднительнѣе. Впрочемъ, какъ хотите. Выбирайте, гдѣ Вамъ удобнѣе. А вотъ и Ваша каюта, рядомъ съ лазаретомъ“.

Командира въ это время уже розыскивали по всему судну.

Оставшись одинъ, видя вокругъ себя голыя желѣзныя переборки, я старался мысленно представить себѣ ту обстановку, среди которой придется жить и работать. „Лазаретъ—всего на семь коекъ. Маловато. Но и ихъ, кажется, размѣстить негдѣ. А что за этой переборкой?“—„Кормовая машина, Ваше ВБ.“, отвѣтилъ какой-то мастеровой. Попробовалъ переборку рукой—горяча. „Что же будетъ въ тропикахъ? Ну, ладно. Поглядимъ каюту“.

„Здѣсь будетъ столикъ, а здѣсь коечка, здѣсь шкапикъ для одёжи приспособимъ, умывальничекъ складной привинтимъ. Все желѣзное, дерева не будетъ. На случай пожара, значитъ“, объяснялъ мнѣ словоохотливый мастеровой.

„А вотъ этотъ уголокъ мы отъ Васъ, Ваше ВБ., отымемъ. Тутъ какъ разъ лючекъ въ провизіонный погребъ проходитъ, такъ мы его въ корридоръ выведемъ, чтобы вѣстовые, лазивши, значитъ, не безпокоили Ваше ВБ.“.

„Койка, умывальникъ, шкапъ и прочее—да здѣсь и сейчасъ повернуться негдѣ. Желѣзо! Въ холода отпотѣвать будетъ, а въ жару накаливаться—знаемъ, знаемъ“. Заглянулъ въ другія каюты. Всѣ одинаковы. Каютъ-компанія крохотная. Прошелъ въ жилую палубу. „А это помѣщеніе, эти рундуки—для команды?“—„Такъ точно, Ваше ВБ.“—„Да! Все для машины, все для угля, а для житья плохо. Вѣдь, на крейсерѣ команды 328 человѣкъ. Какъ они тутъ другъ на дружкѣ размѣстятся?“

Крейсеръ „Изумрудъ“ построенъ по образцу „Новика“, лихого доблестнаго „Новика“. Судно—точно ножъ для разрѣзыванія: узкое, длинное, острое. Три низкихъ трубы, двѣ мачты. На „Новикѣ“ была одна. По числу орудій „Изумрудъ“ сильнѣе „Новика“. Кромѣ того есть и минные аппараты—три, поставленные по настоянію адмирала Макарова. Машины могучія, дающія 24 узла. Недаромъ онѣ заняли чуть не третью часть судна. Дерево на крейсерѣ дѣйствительно изгнано. Въ боевомъ отношеніи это хорошо.

Таковъ же точно и родной братъ „Изумруда“—крейсеръ „Жемчугъ“, окончившій свою постройку на Невскомъ заводѣ мѣсяцемъ раньше и, счастливецъ, уже разсѣкающій своимъ острымъ носомъ воды Балтійскаго моря.

Обходя помѣщенія, я знакомился со своими будущими товарищами, среди которыхъ былъ радъ встрѣтить нѣсколько старыхъ знакомцевъ—соплавателей по Дальнему Востоку во время русско-китайской войны.

Четыре лейтенанта уже обвѣтрены всякими бурями и непогодами, остальные—всё жизнерадостная, полная энергіи молодежь. Пріятно было слышать отзывы о командирѣ и старшемъ офицерѣ П. И. Паттонъ-Фантонъ-де-Веррайонѣ. Ими не нахвалятся. Всѣ рвутся на „Изумрудъ“ въ надеждѣ заслужить ему славу „Новика“.

Энтузіазмъ молодежи мнѣ очень понравился. Невольно заразилъ онъ и меня, пессимиста.

Явившись на другой день уже не въ мундирѣ и треуголкѣ, а, по примѣру офицеровъ, въ самой старой потертой тужуркѣ, я сталъ проводить на крейсерѣ день за днемъ всё рабочее время, стараясь, чтобы и медицинская часть не отстала отъ другихъ и не ударила въ грязь лицомъ.

Работы предстояло много: хотя для меня она была совсѣмъ необычна, зато страшно интересна. Нужно было устроить свое будущее гнѣздышко.

Набивъ себѣ нѣсколько шишекъ на лбу, пересчитавъ ступени многихъ траповъ боками, а тужурку измазавъ краской, я скоро превратился въ равноправнаго члена каютъ-компаніи крейсера „Изумрудъ“.

Скоро я также понялъ, въ чемъ корень успѣха. Нужно было быть не столько врачемъ, сколько надсмотрщикомъ. Нужно было самому не спать и другимъ не давать, тормошить, просить, напоминать, ругаться, строчить рапорты, знакомиться со всѣми чертежами, планами, названіями, указывать, оспаривать, не жалѣть ни языка, ни ногъ, буквально надъ всякой мелочью имѣть свой хозяйскій глазъ.

Русскій рабочій человѣкъ торопиться не любитъ. Поспѣшишь—людей насмѣшишь. Сначала надо малость покурить да побалагурить, а потомъ ужъ и струментъ поискать—куда это онъ, проклятый, запропалъ; ушелъ за нимъ—глядишь, и самъ пропалъ. Ищи его теперь по всему крейсеру, ломай себѣ ноги.

Первое время я никого не разбиралъ: всѣ ходятъ въ такихъ костюмахъ, что инженера отъ мастерового не отличить, а потомъ научился распознавать разные заводскіе служебные ранги: кого возьмешь вѣжливенько за ручку, Христомъ Богомъ молишь, просишь, а кого тащишь къ себѣ безъ всякихъ церемоній, особенно поймавъ на мѣстѣ преступленія въ пустыхъ собесѣдованіяхъ съ матросней, тоже любящей лясы поточить.

Выработались и извѣстные техническіе пріемы: у дверей караулили санитары, и фуражки у рабочихъ для вѣрности отбирались и въ мою каюту подъ замокъ прятались.

Быстро и незамѣтно пролетѣлъ конецъ лѣта.

Вотъ ужъ и осенью пахнуло—обычной петербургской гнилой осенью. Развело слякоть, весь день точно изъ сита мороситъ мелкій дождикъ; солнышка не видать.

На крейсерѣ холодно, сыро, сквозняки. Ждемъ мы, не дождемся начала кампаніи. А впереди еще столько работы, что, весьма возможно, крейсеръ и вовсе не пойдетъ въ плаваніе.

Это приводитъ насъ въ отчаяніе. Знай это заранѣе, всѣ-бы мы давнымъ-давно распредѣлились по другимъ судамъ: эскадра адмирала Рожественскаго уже вышла въ Ревель, не сегодня—завтра уйдетъ.

Но желанный день наконецъ наступилъ.

28-го августа въ проливной дождь, рѣзкій вѣтеръ и холодъ взвились на крейсерѣ Андреевскій флагъ, гюйсъ и вымпелъ. Судно начало жить.

Офицеры перебрались, команда размѣстилась пока рядомъ на баржѣ. Паровое отопленіе будетъ готово не скоро: на первыхъ порахъ крейсеръ придется отапливать собственными боками.

Брр! какой ледяной холодина! Зубъ на зубъ не попадаетъ.

Кое-какъ размѣстились въ своихъ желѣзныхъ клѣтушкахъ: шкапики еще не готовы, бѣлье разложить некуда; мокнутъ бѣдныя вещи на верхней палубѣ подъ дождемъ.

По всему судну грязища — адовая; ѣдкій запахъ свѣжей краски, лаку до боли ѣстъ глаза. Стукъ надъ головой не прекращается, электричество не хочетъ горѣть. Спать сегодня придется на голыхъ доскахъ—матрасы запоздали.

Судно уже совсѣмъ пробудилось къ жизни: впервые ворочало, било по водѣ своими тремя винтами, издавало рёвъ: густымъ мощнымъ басомъ гудѣлъ свистокъ; сирена—ну та, положимъ, сплоховала—злилась, шипѣла, плевала горячей водой, а повиноваться не хотѣла.

1-го сентября 1904 г.

Сегодня первый день нашего плаванія—первый самостоятельный переходъ черезъ разведенные Александровскій, Троицкій, Дворцовый и Николаевскій мосты по Невѣ и далѣе въ Кронштадтъ, гдѣ ко всѣмъ нашимъ невзгодамъ и горестямъ прибавятся новыя—разносы и „фитили“ грознаго адмирала Б.

Кронштадтъ.

Достраиваемся. Продолжается всё тоже съ той лишь разницей, что теперь, что ни спросишь, всё не готово: либо не привезено еще, либо додѣлывается на Невскомъ заводѣ. Съ мастеровыми хоть и не говори.

Надоѣли они намъ своими „завтраками", а мы имъ—разспросами; стали прятаться отъ насъ уже не только мастера, но и инженеры.

Рабочихъ Невскаго завода перешло съ нами 300 человѣкъ. Размѣстились они частью на баржѣ, частью въ городѣ на вольныхъ квартирахъ. Новая обстановка, среди которой они очутились вдали отъ своихъ семействъ, пришлась имъ не понутру и скоро, несмотря на большія суточныя деньги, началось повальное бѣгство въ Петербургъ.

Лазаретъ осадили фиктивные больные, желавшіе вернуться къ себѣ на заводъ подъ предлогомъ болѣзни, съ просьбой выдать имъ записку о таковой.

Ходъ работъ сильно замедлился. Нѣтъ сомнѣнія, что, останься мы лишнихъ двѣ-три недѣли въ Петербургѣ, крейсеръ давнымъ-давно былъ-бы достроенъ. А теперь—вотъ уже почти мѣсяцъ нашей стоянки здѣсь—а неготово еще очень многое: крейсеръ попрежнему согрѣвается нашими боками, опрѣснители не дѣйствуютъ, и команда принуждена пить сырую воду. Меня, какъ врача, это прямо въ ужасъ приводитъ. Всякія напоминанія, просьбы остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Не напасешься на всѣхъ кипяченой воды и баста. Большіе командные самовары за неготовностью парового отопленія приходится по два часа растапливать углемъ и деревянными растопками.

Палуба сильно протекаетъ. Почти вездѣ вода каплями падаетъ, а гдѣ и ручьями льетъ.

Въ машинѣ то одинъ, то другой подшипникъ разогрѣется, или лопнетъ „фланецъ".

Ужъ эти намъ „фланцы"!

Электричество дуритъ и однажды въ 6 часовъ вечера въ разгаръ обѣда вовсе погасло—до утра. Вѣстовые бросились искать свѣчей (загремѣли въ буфетѣ осколки разбитаго блюда). Свѣчами, конечно, не запаслись; такъ и пришлось намъ въ этотъ день обѣдать въ темнотѣ при короткихъ вспышкахъ карманнаго электрическаго фонарика и обойтись безъ второго блюда.

Добравшись ощупью до піанино, въ бурной импровизаціи

я изобразилъ хаотическое состояніе крейсера и нашу досаду. Остальное время мы такъ и провели въ этой тьмѣ кромѣшной, спотыкаясь и разбивая лбы.

Поглядѣли-бы на наши костюмы. Ходимъ эскимосами, спимъ подъ нѣсколькими одѣялами; завелись какіе-то наушники, наголовники, напульсники. На грудь капаютъ крупныя капли; глядишь, къ утру одѣяло и промокло. Пришлось идти на выдумки: придумывать подвѣсныя коробочки, губки, а еще лучше— накрываться поверхъ всего взятой изъ лазарета клеенкой.

Удивляюсь, какъ это никто изъ насъ вмѣсто плаванія не очутился въ госпиталѣ.

Конечно, лазаретъ одолѣли не только мнимые, но и настоящіе больные. А аптеку всё еще разложить нельзя: шкапы не готовы.

Въ аптекѣ, между прочимъ, устанавливается прекрасная вещь: пароэлектрическій стерилизаторъ и дестилляторъ морского врача Р. О. Гловецкаго. Надо, однако, приглядѣть за его установкой да испытать хорошенько, чтобы, поставленный наспѣхъ, онъ не только красовался своей блестящей никкелевой отдѣлкой, но и дѣйствовалъ-бы.

Судовой фельдшеръ, къ сожалѣнію, оказался бѣлоручкой и въ самый разгаръ работъ сбѣжалъ, выхлопотавъ себѣ списаніе на берегъ: увидалъ эту собачью жизнь и испугался.

Впрочемъ, взамѣнъ его мнѣ тотчасъ-же дали стараго опытнаго фельдшера изъ запасныхъ.

Послѣдніе дни въ Кронштадтѣ мы совсѣмъ сбились съ ногъ. Достаточно сказать, что лазаретныя помѣщенія, напримѣръ, были выкрашены экстренно въ одну ночь санитарами подъ моимъ непосредственнымъ наблюденіемъ.

Въ лазаретѣ многое еще неготово, но и у другихъ не лучше.

Вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ я волочу свою ногу въ лубкахъ: какъ-то неловко „сыгралъ“ съ трапа и едва не раскололъ себѣ колѣнную чашку объ острый желѣзный уголъ.

Лежать въ койкѣ некогда.

Сверху всё дождь, дождь, безъ конца. Холодно, грязно.

И такъ тоскливо, а тутъ еще почти каждый день кто-нибудь изъ начальства приходитъ: „фитили“ такъ и сыплются одинъ за другимъ.

Гдѣ ужъ тамъ на берегъ съѣзжать.

За цѣлый мѣсяцъ стоянки въ Кронштадтѣ я урвался всего одинъ разъ на берегъ, въ Петербургъ, по самымъ неотложнымъ служебнымъ и частнымъ дѣламъ: надо было сдѣлать массу заку-

покъ для лазарета, выбрать и заказать въ книжномъ магазинѣ Риккера цѣлую библіотеку для каютъ-компаніи.

Ни съ кѣмъ изъ знакомыхъ проститься не успѣлъ. Вернулся — на крейсерѣ печальная новость: матросъ утонулъ.

13-го сентября.

Приняли снаряды. Пробовали искусственно затопляться: водонепроницаемыя переборки оказались надежными и выдержали.

16-го сентября.

Вытянулись на рейдъ.

Слава Богу, въ воздухѣ немного потеплѣло.

Были пробныя испытанія: въ одно изъ нихъ мы гоняли какъ бѣшеные взадъ и впередъ по Финскому заливу, такъ что даже жутко было. Съ носа брызги летѣли черезъ всю палубу, корма скрывалась подъ буруномъ, вздымаемомъ тремя винтами.

Своихъ 24-хъ узловъ, однако, не дали, а что-то $22^{3}/_{4}$. „Новикъ“, построенный въ Килѣ, давалъ на пробѣ 25.

Правда, сравнительно съ нимъ мы сильно перегружены: мачты, минные аппараты, лишнія орудія и т. п.

Перегрузка противъ чертежа свойственна чуть не всѣмъ судамъ нашей постройки.

Была и пробная стрѣльба, послѣ которой потекли всѣ каюты во многихъ мѣстахъ: заклепки отъ сотрясенія ослабѣли; иныя вовсе вывалились.

Въ верхнюю палубу моей каюты надъ самой головой ввинченъ станокъ лафета 120-ти миллиметроваго орудія. Нечего сказать, милое сосѣдство.

24-го сентября.

Экстренные сборы. Приказано поспѣть въ Ревель на Высочайшій смотръ.

Чѣмъ только не загромождена наша верхняя палуба; но некогда теперь убирать и некуда. Поэтому всѣ громоздкіе предметы, бочки съ масломъ и т. п., только принайтавливаются къ своимъ мѣстамъ на случай качки.

Тяжелыя сцены прощанія...

Кое-кто изъ родныхъ узналъ о нашемъ неожиданномъ уходѣ и успѣлъ пріѣхать.

Часовъ въ 9 вечера снялись съ якоря.

За фортами какой-то броненосецъ береговой обороны

зачѣмъ-то долго свѣтилъ намъ прямо подъ носъ своимъ прожекторомъ, ослѣпляя и зля штурмановъ.

Въ морѣ качнетъ.

Слава Богу, говоримъ мы, нашъ крейсеръ въ приказахъ адмирала Б. не фигурировалъ и не срамился послѣ въ газетахъ на всю Россію.

Кронштадтъ-Ревель.

25-го сентября.

Переходъ. Боковыхъ килей у насъ нѣтъ, поэтому крейсеръ выворачиваетъ какъ щепку.

За два года пребыванія на берегу я совершенно успѣлъ отвыкнуть отъ качки и теперь, любуясь въ зеркало на свое позеленѣвшее лицо, не безъ злорадства повторяю: „tu l'as voulu, Georges Dandin!“

А впереди—цѣлыхъ три океана. . . . . .

Ревель.

26-го сентября.

Пришли въ Ревель рано поутру, съ обгорѣвшими трубами, занесенные сажей и углемъ. На рейдѣ выстроилась вся наша эскадра, представляющая внушительный видъ.

Торопливо приводимъ себя въ порядокъ, надѣваемъ мундиры. Слышенъ длинный тревожный звонокъ. Всѣхъ наверхъ. Выстроились во фронтъ. Высочайшій смотръ эскадры уже начался.

Немного погодя, по семафору было передано приказаніе прибыть на яхту „Александрія“ командиру, двумъ офицерамъ и 20 нижнимъ чинамъ, крейсеру же начать погрузку угля. Смотра „Изумруду“ не будетъ. Мы очень огорчены, но дѣйствительно представлять судно въ такомъ состояніи никакъ нельзя.

27-го сентября.

Эскадра утромъ снялась съ якоря и ушла въ Портъ Императора Александра III.

Охъ, что-то нѣтъ у насъ вѣры во Вторую эскадру, хотя по наружному виду она и представляетъ такой грозный видъ.

Всѣмъ извѣстно, что новыя суда заканчивались наспѣхъ,

фот. Н. Апостоли.

Крейсеръ II-го ранга

„ИЗУМРУДЪ".

остальныя же — заслуженные старички, которымъ давно пора на покой.

Испытаній настоящихъ не было — впереди длинный рядъ поломокъ. Конечно, будутъ гнать и портить механизмы. Будутъ отсталые, а кому удастся дойти, тотъ дойдетъ порядочнымъ инвалидомъ.

Въ маневрированіи эскадра совсѣмъ еще не спѣлась. Судовой составъ не знаетъ своихъ судовъ, своихъ машинъ.

Да и самый судовой составъ развѣ тотъ, что на бравой Первой Тихоокеанской эскадрѣ? Какое можетъ быть сравненіе съ матросами, плававшими на Дальнемъ Востокѣ 5—7 лѣтъ подрядъ, и тѣми, кто плавалъ въ Балтикѣ три—четыре мѣсяца въ году, а остальное время проводилъ въ казармахъ! Къ тому же большая часть судовыхъ командъ Второй Тихоокеанской эскадры состоитъ изъ молодыхъ матросовъ и призванныхъ изъ запаса.

Угольный вопросъ?!

Хорошо, если всё удастся именно такъ, какъ предположено.

Необычно намъ грузить уголь въ морѣ.

Путь предстоитъ долгій, утомительный. Всего вѣроятнѣе— кругомъ Африки, черезъ мысъ Доброй Надежды. Въ Индійскомъ океанѣ могутъ встрѣтить тайфуны.

Конечно, врагъ нашъ не дремлетъ и по дорогѣ приготовилъ какое-нибудь коварство. Минъ японцы не жалѣютъ и не очень-то боятся международныхъ правилъ. Пора наконецъ убѣдиться въ томъ, съ какимъ хитроумнымъ и вѣроломнымъ противникомъ мы имѣемъ дѣло.

Когда мы придемъ, намъ сразу съ пути придется вступить въ бой съ отдохнувшимъ врагомъ.

Къ этому дню Артуръ безъ сомнѣнія падетъ, и Вторая Тихоокеанская эскадра, меньшая по числу боевыхъ судовъ, встрѣтитъ второй Шантунгъ.

Ахъ, вовсе не нужно и пессимистомъ быть, чтобъ ясно видѣть, что кромѣ стыда и позора насъ ничего не ожидаетъ.....

Въ общемъ у насъ, моряковъ, такъ сердце болитъ, что трудно себѣ представить, особенно у тѣхъ, кто бывалъ на Дальнемъ Востокѣ, знаетъ каждый его уголокъ.

Крейсеръ „Изумрудъ“ не ушелъ вмѣстѣ съ эскадрой. Онъ будетъ доканчивать свою постройку уже въ третьемъ порту, совершенно для этого неприспособленномъ, въ Ревелѣ, а потомъ вмѣстѣ съ крейсеромъ 1-го ранга „Олегъ“ догонитъ эскадру

Рожественскаго. Спрашивается, для чего это насъ гоняютъ изъ одного порта въ другой, не давая достроиться какъ слѣдуетъ.

Неизвѣстно, успѣетъ-ли достроиться „Олегъ“: одинъ цилиндръ его далъ трещину. Это штука серьезная и требуетъ долгой починки: говорятъ, нужно мѣнять цилиндръ.

Три лихорадящихъ больныхъ въ лазаретѣ оказались тифозными!.. Такъ оно и должно было быть—сырая водица! Мы, вѣдь, ее до сихъ поръ пьемъ.

Тифозные немедленно списаны въ мѣстный военный лазаретъ.

Изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ пріѣхали старые знакомцы—рабочіе Невскаго завода съ инженерами и мастерами.

Работа снова закипѣла. Въ лазаретѣ пришлось усиливать электрическую вентиляцію, передѣлывать трубопроводъ къ дестиллятору, на внутреннюю переборку лазарета накладывать толстый слой пробки для уменьшенія ея нагрѣванія.

Понемногу лазаретъ начинаетъ принимать видъ игрушечки. Орѣховое, дубовое дерево, роскошное освѣщеніе, прекрасная ванная—все теперь приняло уютный жилой видъ, а современемъ и вовсе недурно будетъ для такого крохотнаго суденышка. Жаль, нѣтъ времени, а очень хотѣлось-бы мнѣ подробнѣе описать это время кипучей дѣятельности, которое намъ приходится переживать.

Изъ судового начальства ко мнѣ рѣдко кто заглядываетъ—у всякаго своя забота.

29-го сентября.

Снова ударили холода. Идетъ снѣгъ. Когда же наконецъ будетъ готово паровое отопленіе?

Пишу, сидя бокомъ: нога снова забинтована въ лубки. Проклятые трапы! Нечего сказать, хорошъ я воинъ.

30-го сентября.

О радость! слышно, какъ шипитъ, свиститъ, щелкаетъ по трубамъ паровое отопленіе. Нѣсколько минутъ спустя каюты принимаютъ видъ бани, полны паромъ—соединенія трубъ пропускаютъ. Пригорѣвшая краска издаетъ страшное зловоніе. Теперь ужъ не только сверху, но со всѣхъ сторонъ съ отпотѣвшаго желѣза падаютъ крупныя капли. Вѣстовые забѣгали со швабрами, машинисты съ отвертками—надо гдѣ поджать, гдѣ отжать гайку.

Пожалуй, безъ отопленія лучше было, а?

Трудно угодить нашему брату.

Всё это пустяки, а вотъ что дѣйствительно скверно: каждый день приноситъ мнѣ одного—двухъ тифозныхъ. Въ лазаретъ я ихъ не задерживаю и тотчасъ-же списываю на берегъ.

Произвелъ поголовный опросъ и осмотръ команды.

Главная причина наконецъ устранена—опрѣснители заработали и даютъ хотя и прескверную ржавую, но зато дестиллированную водицу.

10-го октября.

На крейсерѣ—эпидемія брюшного тифа. Списано уже 20 человѣкъ. У нѣсколькихъ изъ нихъ тяжелыя мозговыя формы. Обычными судовыми мѣрами бороться нельзя; подалъ рапортъ о созваніи комиссіи для выработки экстренныхъ мѣръ.

11-го октября.

Состоялась комиссія изъ врачей, судовыхъ офицеровъ подъ предсѣдательствомъ командира порта контръ-адмирала Вульфа. Выработанъ рядъ энергичныхъ мѣръ, среди которыхъ главныя—свозъ команды на берегъ, дезинфекція всего судна и командныхъ вещей, отпускъ необходимыхъ денежныхъ суммъ.

15-го октября.

Всѣ эти дни былъ занятъ дезинфекціей формалиновымъ газомъ всѣхъ помѣщеній. Удалось провести ее весьма тщательно. Кромѣ того жилыя помѣщенія вымыты сулемой, выкрашены заново. Систерны и трубы обеззаражены текучимъ паромъ. Команда размѣщена въ казармахъ на берегу, тамъ же получаетъ пищу.

Сегодня былъ на похоронахъ нашего фельдфебеля, умершаго отъ тифа. При отданіи воинскихъ почестей взводъ не умѣлъ зарядить винтовокъ.

Туда же, воевать собираемся.

18-го октября.

Все приняло обычный видъ.

Команда вернулась. Пришлось списать еще пять человѣкъ.

21-го октября.

Въ мѣстномъ военномъ лазаретѣ снова похороны.

Живется тяжеленько—что говорить. Случается и взгрустнется.

Въ каютъ-компаніи у насъ рѣдкое единодушіе и согласіе.

Командиръ и офицеры—очень хорошіе люди, вѣжливые, уступчивые; по всему видно, будемъ жить дружно; на суднѣ, да

еще на такомъ маленькомъ, это страшно важно. Подъемъ духа у всѣхъ большой—никто не ожидалъ, что крейсеръ нашъ поспѣетъ. Я же прибавлю отъ себя, что, если это и случилось, то исключительно благодаря энергіи и неутомимости офицерскаго состава.

Судовая команда, состоящая изъ довольно разнородныхъ элементовъ, молодыхъ и старыхъ, пока представляетъ изъ себя сфинксъ.

Какъ у всякаго новаго судна, еще не плававшаго, традицій, общаго духа пока нѣтъ.

23-го октября.

Уходъ въ Портъ Императора Александра III.

Выбирая якорный канатъ, вытащили трупъ матроса утопленника.

Портъ Императора Александра III.

26-го октября.

Встрѣчены слухами о Гулльскомъ инцидентѣ. Первое коварство врага не удалось. Наши не прозѣвали.

1-го ноября.

Всё время заняты различными пріемками.

Списанъ еще одинъ больной.

Желая во чтобы-то ни стало идти въ плаваніе, онъ не являлся въ лазаретъ и продѣлалъ на ногахъ такъ называемый „амбулаторный“ тифъ; когда же его ужъ очень донималъ жаръ, ложился у рефрежиратора. Теперь явился по случаю рецидива, сильно его ослабившаго.

Пришелъ „Олегъ“, готовый къ походу; трещину задѣлалъ, не мѣняя цилиндра.

2-го ноября.

Снѣгъ засыпаетъ нашъ бѣдный крейсерокъ. Палубы, трапы обледенѣли.

Впервые съѣздилъ въ Либаву, обѣжалъ наскоро знакомыя мѣста, произвелъ послѣднія закупки.

Вспоминая о милой старинѣ, устало шагалъ я по либавскимъ перспективамъ, и невеселы были мои думы.

Ихъ прервалъ дружескій ударъ по плечу — оглянувшись, я узналъ Жоржа Д., съ которымъ не такъ давно, два года тому назадъ, славно охотился на дикомъ Пуловеѣ (у Суматры). Радостно облобызались. Онъ теперь на „Терекѣ“, только что вернулся изъ двухмѣсячнаго крейсерства у испанскихъ береговъ.

3-го ноября.

Сегодня день нашего разставанія съ родиной.

Уже проходитъ каналомъ мимо насъ транспортъ „Океанъ“. Богъ мой, какой это гигантъ въ сравненіи съ крошкой „Изумрудомъ“. Буксирные параходики, ведущіе его, надрываются, пыхтятъ во всю.

Въ морѣ очень свѣжо. Могутъ и отставить походъ.

Нѣтъ—пришелъ буксиръ и за нами, развернулъ въ ковшѣ, вывелъ въ аванпортъ.

Уже на ходу къ борту присталъ на шлюпкѣ Жоржъ Д. и передалъ пакетъ. Развернулъ — подарокъ — спасательный поясъ. Спасибо милому Д.

Въ аванпортѣ выстроились готовые къ походу „Олегъ“, два вспомогательныхъ крейсера „Ріонъ“ и „Днѣпръ“ (бывшіе „Смоленскъ“ и „Петербургъ“ Добровольнаго флота), „Океанъ“ и пять миноносцевъ.

Кругомъ свинцовое небо; море реветъ, черезъ гранитные глыбы мола высоко хлещутъ валы.

Знатно трепанетъ сегодня.

Уходимъ! Уходимъ!

Сообщеніе съ берегомъ приказано прекратить. Пріѣхалъ командиръ порта контръ-адмиралъ Ирецкой, простился, пожелалъ счастливаго плаванія.

Уходимъ!

Настроеніе у всѣхъ самое радостное.

Быстро бѣгутъ послѣднія минуты.

Торопливой рукой набрасываются прощальныя строки.

Маршрутъ нашъ держится въ строгомъ секретѣ. Отсылать письма надо въ Главный Морской Штабъ. Ихъ будутъ пересылать не по почтѣ, а съ особыми курьерами—можно быть увѣреннымъ, что не пропадутъ и дойдутъ по назначенію быстро и заблаговременно.

Надъ головой на верхней палубѣ послышался дружный топотъ ногъ—это поднимаютъ паровой катеръ.

О бортъ бьется портовая шлюпка.

— „Примите письмо! скорѣе! ловите его! безъ марки? — ничего—дома доплатятъ“.

Стройный „Олегъ“ уже прошелъ ворота. Вотъ изъ его лѣваго борта сверкнулъ огонь, вырвалось, развернулось облачко дыма — начался прощальный салютъ.

Бумъ! бумъ! раздается равномѣрно то съ праваго, то съ лѣваго борта „Олега“.

„Всѣхъ наверхъ! съ якоря сниматься!“ залились дудками боцмана.

„Въ машинѣ! малый ходъ впередъ!“ „Шары на малый ходъ!“

„Прибавить пять оборотовъ!“ Дзинь—дзинь!.. Дзинь—дзинь—дзинь!.. трещитъ рукоятка машиннаго телеграфа.

Всѣ на своихъ мѣстахъ; свободные высыпали наверхъ, снимаютъ фуражки, крестятся, бросая послѣдніе прощальные взоры на покидаемую родину.

„О родина, чье сердце не дрожитъ, тебя благословляя“...

Прошли ворота. Вотъ первый валъ съ сѣдыми закудрявившимися гребешками ударилъ крейсеръ, качнулъ его, обдавъ всю палубу фонтаномъ брызгъ, затѣмъ второй, третій...

Безъ единаго слова жадными глазами мы впиваемся въ удаляющійся отъ насъ берегъ, съ котораго изъ береговыхъ батарей уже гремитъ отвѣтный салютъ.

Крейсеръ стремительно бросается съ боку на бокъ, зарываясь въ воду по самые борта.

На правомъ траверсѣ на подвѣтренной сторонѣ у каждаго изъ судовъ подъ защитой отъ волны идутъ миноносцы — сердце трепещетъ, когда глядишь на эти утлыя хрупкія суденышки.

Богъ мой, какъ же ихъ валяетъ! Весь киль обнажается, того и гляди—вотъ вотъ судно перевернется килемъ вверхъ.

Что значитъ качка „Изумруда“ въ сравненіи съ этой!

Право, тамъ герои какіе-то, фокусники, акробаты.

Потомъ, вглядываясь въ „Олегъ“, „Океанъ“, „Ріонъ“, „Днѣпръ“, въ особенности въ „Океанъ“, которые идутъ словно вкопанные, почти не дрогнувъ, буравя острыми носами воду, мы убѣждаемся, что въ сравненіи съ этими судами жалкая щепочка „Изумрудъ“ играетъ такую же точно роль, какъ и миноносцы—въ сравненіи съ нами.

Несмотря на вѣтеръ и холодъ эта ночь проведена наверху. Внизу, благодаря не совсѣмъ еще наладившемуся паровому отопленію дышать нечѣмъ.

Много еще разныхъ невзгодъ насъ ожидаетъ, ну да авось съ помощью Божьей все претерпимъ.

Вотъ я снова на переломѣ своей жизни. Къ чему онъ приведетъ, чѣмъ кончится—почемъ знать. Унынія, впрочемъ, нѣтъ ни малѣйшаго. Прежнія неизвѣстность и неопредѣленность положенія томили гораздо больше.

4-го ноября.

Всѣ заняты писаньемъ на крошечныхъ бумажкахъ: съ нами взято для практики тридцать почтовыхъ голубей. Въ 150 миляхъ отъ Порта Императора Александра III мы должны ихъ выпустить. Письма написаны, свернуты, заложены въ гусиное перо, залѣплены воскомъ, подвязаны къ хвостовымъ перьямъ.

Голуби совсѣмъ ручные, не боятся. Открыли корзинку, гладимъ ихъ руками—не летятъ, оглядываются по сторонамъ, точно оріентируются, а летѣть всё не хотятъ—вдругъ сразу сорвались цѣлой стаей, взвились высоко, высоко и взяли вѣрно обратный курсъ.

Экія умницы—ну, конечно, ужъ эти-то въ цѣлости донесутъ наши вѣсточки, лишь-бы завѣдующій ими не полѣнился ихъ послать.

Къ своему письму я даже семикопѣечную марку приложилъ.

Ночью прошли Борнгольмъ, Аркону, далѣе (по нѣкоему недоразумѣнію изъ-за головного „Олега“) стали на якоря, потомъ снова двинулись. Къ разсвѣту подошли къ берегамъ Даніи.

Сильный туманъ прояснило. Оказалось—стоимъ близёхонько къ берегу, „Днѣпръ“ даже устопорился на мель.

Отрядъ обошла датская миноноска, командиръ ея привѣтствовалъ насъ.

Приняли лоцмановъ. Мѣстечко на берегу носитъ названіе что-то вродѣ Феммернберга.

Поминутно находитъ туманъ. Сигналъ за сигналомъ: то „приготовиться къ походу“, то „отставить“.

Наконецъ двинулись. „Днѣпръ“ сошелъ благополучно своими средствами.

Прошли три шага впередъ.

Снова слышно: „стопъ, машина!“

„Отдать якорь“.

Густой молочной пеленой сталъ туманъ. Вести дальше лоцманъ не берется. Здѣсь на каждомъ шагу узкости, острова, камни.

5-го ноября.

Снялись. Силуэты судовъ едва видны въ туманѣ. Ежеминутно налѣзаемъ другъ на друга. Чуть отошли—потеряли изъ виду передній корабль.

Съ нами отбился „Океанъ“ и три миноносца. Безпроволочный телеграфъ почему-то не принимаетъ депешъ. „Отдать якорь“. Прояснило. Прибавили ходъ и нагнали головной отрядъ.

Снова туманъ. Ночевка на якоряхъ. Вѣтеръ въ одну сторону, теченье въ другую. Стоимъ по теченью, „лагомъ“ (бокомъ къ волнѣ)—треплетъ. Каждыя пять минутъ бьютъ „рынду“ (колоколъ, предупреждающій встрѣчныя суда).

Въ 9 часовъ вечера затрещалъ пронзительный тревожный звонокъ („всѣ наверхъ!“)—выскочили, сломя голову. Ошибка—не та кнопка.

Огни потушены, электрическій прожекторъ тщетно старается освѣтить мглу. Въ снопѣ свѣта клубами дымится туманъ.

До Скагена 22 часа ходу.

Уголь и воду уже экономимъ. Перешли на консервы.

6-го ноября.

Лазаретъ переполненъ. Много спеціальныхъ глазныхъ больныхъ: низкія трубы крейсера сильно дымятъ, заносятъ углемъ; раскаленныя мелкія частицы пристаютъ къ роговицѣ, вызывая ожоги.

Офицеры отъ безсонныхъ ночныхъ вахтъ сильно переутомились, а команда повеселѣла—въ лазаретъ изъ сосѣдняго четвертаго отдѣленія доносятся звуки гармоники и пѣсни. Поютъ на судахъ свой репертуаръ, какъ я всегда замѣчалъ, больше хохлы—музыкальный народъ.

Я занялся отчетностью—накопилось ее—тьма. Надо писать, благо сегодня не качаетъ.

7-го ноября.

Весь день бѣжали хорошимъ 15-ти узловымъ ходомъ; узкій длинный „Изумрудъ“ на волнѣ извивается какъ угорь.

Командиръ „Олега“ Л. Ф. Добротворскій, которому поручено командовать отрядомъ, не скупится на „фитили“. „Пушки“ (одиночный выстрѣлъ съ подъемомъ „позывныхъ“ провинившагося судна означаетъ выговоръ) такъ и сыплются. То и дѣло то одно, то другое судно посылается въ наказаніе въ хвостъ отряда. Маленькій „Изумрудъ“ исправнѣе другихъ.

Насъ сопровождаютъ конвоиры датчане, поджидая и треплясь въ морѣ на маленькихъ миноноскахъ и пароходикахъ.

Къ вечеру замотало. Категату отдана должная дань.

Въ половинѣ второго ночи пришли въ какую-то дыру. Тускло мигаетъ вдали огонекъ маяка. „Буря мглою небо кроетъ, вихри снѣжные крутя“. Треплетъ мелкая крутая волна, которой мы предпочли-бы океанскую зыбь.

Говорятъ, мы ждемъ нѣмецкихъ угольщиковъ и здѣсь будемъ производить свою первую погрузку.

Скагенъ.

8-го ноября.

Это Скагенъ.

Берега еле видны.

По правиламъ нейтралитета подходить ближе, вступать въ трехмильную береговую полосу мы не имѣемъ права. Чуть ближе трехъ миль—уходи тотчасъ-же или разоружайся. Мы, вѣдь, теперь всесвѣтные бездомники и скитальцы.

Объявился нѣмецкій пароходъ „Mimi“, уже съ недѣлю ожидавшій гдѣ-то по близости, отдалъ якорь неподалеку отъ насъ.

Снова нашли туманъ и зыбь.

Для погрузки угля день пропалъ. Къ вечеру стало стихать. „Изумрудъ“ подошелъ къ транспорту „Океанъ“, долго заводилъ перлиня, стараясь какъ можно осторожнѣе стянуться бортъ о бортъ.

Стянулись. Всю ночь грузили уголь—всѣ—и санитары въ томъ числѣ. Въ лазаретѣ работа: то и дѣло приходятъ раненые—съ помятыми пальцами, оторванными фалангами и т. п.

9-го ноября.

Подъ утро сразу засвѣжѣло, развело волну. Погрузку прекратили и едва успѣли отойти. Все-таки легонько стукнулись, помяли себѣ фальшбортъ. А тутъ уже заревѣло во всю. Стоявшій на бакштовѣ второй номеръ вельботъ не успѣли поднять: его оторвало и унесло. Хорошо еще, что дневальныхъ на немъ не было.

Въ случаѣ какой-нибудь аваріи намъ придется туго. Въ Портѣ Императора Александра III мы только что сдали на транспортъ „Иртышъ“ два паровыхъ катера, мѣшавшихъ углу

обстрѣла 2-хъ 120-ти миллиметровыхъ орудій. Теперь и спасательнаго вельбота лишились.

Два миноносца не выдержали и по случаю какихъ-то поломокъ пошли къ Фридрихсгафену.

Мы продолжаемъ тоскливо выворачиваться на одномъ и томъ же мѣстѣ. Въ большомъ количествѣ это вещь нестерпимая. Нельзя ни дѣла дѣлать, ни спать.

Отъ души завидую своимъ коллегамъ на сосѣднихъ судахъ.

Трудно вообще не плававшему человѣку представить себѣ всю неприглядность судовой обстановки: сидимъ мы, конечно, уже исключительно на консервахъ, а выборъ ихъ, благодаря неопытности молодого мичмана, завѣдующаго каютъ-компанейскимъ столомъ, оказался изъ рукъ вонъ плохимъ. Названія разныхъ фрикассе казались очень соблазнительными, а на дѣлѣ вышла форменная отрава. Мы ихъ изъ-за границы выписали, таможнѣ уплатили большую пошлину, а теперь и плачемся—все за бортъ валимъ, завидуя командной пищѣ.

Судовая вода—мутная, съ большимъ осадкомъ кирпичнокраснаго цвѣта, съ привкусомъ машиннаго масла, а послѣдніе дни даже соленая: опрѣснители уже испортились; нельзя ни чай, ни кофе пить. Многіе расхворались отъ соленой водицы. Я усиленно опрѣсняю воду въ болѣе исправномъ лазаретномъ дестилляторѣ, даю больнымъ и изрѣдка угощаю каютъ-компанію, какъ большимъ лакомствомъ.

Недостатки сказываются рѣшительно на каждомъ шагу. Въ командномъ помѣщеніи и въ ревизорской каютѣ волна выбила нѣсколько иллюминаторовъ вмѣстѣ съ рамами: три офицерскихъ каюты полны воды, которую поминутно выносятъ ведрами.

Послѣ погрузки на суднѣ невозможная грязь. Мелкая угольная пыль забралась во всѣ шкапы. Стирать бѣлье приходится на палубѣ. Бывшіе франты превратились въ чернорабочихъ съ заскорузлыми руками, но все еще упорно щеголяютъ бѣлоснѣжными воротничками.

Сегодня не я одинъ—многіе „травятъ канатъ“ или „ѣздятъ въ Ригу“—ну, не обидно ли это, стоя на якорѣ? Встрѣчаясь, мы бросаемъ другъ на друга ироническіе взоры и спрашиваемъ: „Что? дошелъ ли ты до грунта и хорошо ли тебѣ тамъ?“ (разговоръ водолазовъ по телефону, ихъ обычная первая фраза при спускѣ).

Долженъ констатировать грустный фактъ: въ лазаретѣ снова три тифозныхъ. Неужто каждый день будетъ приносить мнѣ новыхъ?

Собравшись къ шести часамъ за столомъ въ каютъ-компаніи,

неунывающіе россіяне не жалуются, а, знай, только подтруниваютъ другъ надъ другомъ.

Есть у насъ большой комикъ—младшій инженеръ-механикъ N., молодой технологъ, новичекъ во флотѣ, призванный отбывать воинскую повинность; онъ подъ тужуркой носитъ шнуръ, на шнурѣ револьверъ, компасъ, перочинный ножъ и еще какіе-то предметы. Сегодня имъ поданъ командиру рапортъ, въ которомъ онъ проситъ возвращенія суммы, издержанной имъ на пріобрѣтеніе револьвера для принятія „активнаго участія въ бою“. Тотъ, кто знаетъ его невозможную близорукость, можетъ себѣ представить, до чего комично звучала эта фраза въ рапортѣ.

Каждый вечеръ въ ожиданіи минной атаки, прислуга разводится по орудіямъ, всѣ ложатся спать, не раздѣваясь и не зная, гдѣ проснутся.

Отъ веселаго нашего житья судовой фельдшеръ въ 6 часовъ вечера хватилъ изрядную дозу морфія, стонетъ, катается въ судорогахъ. Я ничего не пойму. Наконецъ, слышу, бормочетъ: „дайте умереть спокойно... морфій!“ Пошла тутъ работа: и кофе, и коньякъ, и эфиръ подъ кожу, горчичники, растираніе тѣла.

А тотъ уже погрузился въ глубокій сонъ, разбудить не можемъ, зрачки сузились, пульсъ упалъ; рѣшилъ вспрыснуть атропинъ. А море какъ нарочно разгулялось, штормуемъ, никакъ не удается на качкѣ отвѣсить лѣкарство, хоть плачь! Атропинъ—сильный ядъ, нужна большая точность. Наконецъ справился. Послѣ вспрыскиванія сразу стало лучше.

Откуда фельдшеръ могъ достать ядъ? Всѣ сильно дѣйствующія средства у меня подъ замкомъ. На другой день все разъяснилось: по указанію фельдшера я досталъ изъ его шкатулки порядочный запасъ морфію, взятаго изъ желѣзнодорожной аптеки, гдѣ онъ служилъ раньше.

Фридрихсгафенъ.

10-го ноября.

Не выдержали и мы—отошли отъ большихъ судовъ миль на 16, придержались ближе къ Фридрихсгафену. Туманъ, разсѣявшійся на нѣсколько мгновеній, открылъ намъ небольшой городокъ.

Стало стихать. Къ намъ лихо, безъ шума, точно паровой катеръ, съ одного разу пристalъ „Mimi“; качаемся вмѣстѣ съ

нимъ, бортъ о бортъ, съ заведенными кранцами, продолжаемъ погрузку. Нечаянно утопили 10 мѣшковъ угля. Съ „Mimi“ удалось раздобыть свѣжей провизіи, за бѣшеныя деньги, конечно.

Прибывшій изъ Фридрихсгафена консулъ сообщилъ, что датчане просятъ насъ честью уйти отъ нихъ, что уже возникъ конфликтъ между державами, посланники обмѣниваются нотами, Франція и Испанія будто-бы совсѣмъ отказываются насъ принимать. Не съ цѣлью-ли ускорить нашъ уходъ консулъ прибавилъ, что на дняхъ рыбаки неподалеку отъ Скагена видѣли сумбарину (подводную лодку). По его словамъ изъ Даніи выслано много японскихъ шпіоновъ.

Къ вечеру подошла датская миноноска. Командиръ ея передалъ въ рупоръ просьбу уйти отъ нейтральныхъ береговъ. Мы продолжаемъ съ азартомъ грузить уголь. Подошелъ вторично: „я имѣю приказаніе послѣ третьяго предупрежденія арестовать Васъ“.

Ничего не подѣлаешь — приходится уходить, не допринявъ угля и вовсе не принявъ прѣсной воды. Будемъ питать котлы полусоленой водицей собственнаго изготовленія.

Съ миноноски кричатъ въ рупоръ: „запрещается передавать какую-бы то ни было почту“. На это командиръ „Mimi“ замѣчаетъ презрительно: „pst, c'est pour les enfants“, и беретъ всю нашу корреспонденцію.

Фельдшеръ поправляется. Вечеромъ выслушиваю его чистосердечное раскаяніе.

Нѣмецкое море.

11-го ноября.

Нѣмецкое море послѣ недавняго шторма встрѣтило насъ большою зыбью. Ночь проведена безъ сна на верхнемъ мостикѣ. Почти всѣ офицеры собрались здѣсь. Мостикъ дѣлаетъ громадные рóзмахи; боковыя его крылья, того и гляди, уйдутъ въ воду. Мы крѣпко ухватились руками и ногами за стойки и поручни. Со стороны, пожалуй, довольно забавно глядѣть на эти эквилибристическія тѣлодвиженія, да дѣлать-то ихъ вовсе не забавно— и скучно и устаешь скоро. Носъ судна весь уходитъ въ воду. На бакѣ не пройти. Брызги обдаютъ съ головы до ногъ; вездѣ скользко, мокро; держаться надо крѣпко, а то упадешь и расшибешься, да и вылетѣть за бортъ вовсе не такъ мудрено. Чтобы пройти благополучно по палубѣ, по которой свободно съ борта

на бортъ гуляетъ вода, надо крѣпко держаться и повременамъ виснуть на леерѣ (канатѣ), протянутомъ вдоль всего судна. Нѣтъ-нѣтъ и какая-нибудь плохо принайтовленная вещь сорвется съ мѣста и ну гулять по палубѣ—береги тогда свои ноги.

Все же наверху лучше, чѣмъ въ душной, тёмной и холодной желѣзной клѣткѣ-каютѣ, гдѣ чувствуешь себя точно въ могилѣ. Вѣдь, электричество попрежнему не дѣйствуетъ, несмотря на всѣ старанія энергичнаго миннаго офицера лейтенанта М. Е. Заозерскаго. Безпроволочный телеграфъ и прочая сигнализація замолкли. Отопленія тоже нѣтъ—очень берегутъ воду и паръ.

Въ лазаретѣ къ тифознымъ прибавился одинъ рожистый.

Какъ хорошо было-бы, думаю я, если-бы не было сейчасъ никакой войны, да не гнали-бы насъ въ шею, а позволили заходить въ порта, прятаться отъ непогодъ, во благовременіи имѣть и водицу и провизію свѣжую, да больныхъ, тяжелыхъ и заразныхъ, не таскать съ собой, а списывать на берегъ.

12-го ноября.

Зыбь улеглась.

На разсвѣтѣ проходимъ мѣсто печальной памяти Гулльскаго инцидента. Масса паровыхъ и парусныхъ рыбачьихъ шхунъ, выползшихъ на рыбную ловлю; нѣкоторыя изъ нихъ пренахально лѣзутъ подъ носъ, не признавая никакихъ свистковъ. На сей разъ миновали ихъ благополучно, безъ всякаго инцидента.

Какъ и слѣдовало ожидать, уже обнаружился недостатокъ въ прѣсной водѣ. На предстоящій восьмисуточный переходъ до Танжера угля достаточно. Но, если станемъ усиленно опрѣснять воду, угля не хватитъ.

Сигналимъ „Олегу“ о нашемъ горѣ.

Возникаетъ вопросъ, куда лучше зайти, чтобы принять съ „Океана“ воду, въ Гавръ или Дувръ? Французы или англичане? Снова нарушеніе нейтралитета и т. п. Какая скука! Послѣ долгихъ колебаній рѣшаемъ, что враги—англичане, пожалуй, будутъ снисходительнѣе къ намъ, чѣмъ друзья и союзники—французы.

Идемъ въ Дувръ.

Дувръ.

13-го ноября.

Къ вечеру въ туманѣ отдали якорь близъ Дувра—по ошибкѣ ближе, въ $2^1/_2$ миляхъ разстоянія. Торопимся начать погрузку, а

тутъ туманъ. Когда чуть-чуть прояснится, видны огни Дуврской набережной, масса судовъ. Здѣсь страшное движеніе.

Рѣшено перемѣнить мѣсто, идетъ выхаживаніе якорнаго каната. Электричество вдругъ гаснетъ, гаснутъ отличительные огни: все судно мгновенно погружается въ абсолютный мракъ. Пока зажигаютъ масляные фонари, справа на траверзѣ показывается красный огонь, затѣмъ и зеленый—какое-то судно держитъ курсъ прямо на насъ. Ближе, ближе...

Нѣсколько очень скверныхъ мгновеній... пароходъ долженъ сію минуту разрѣзать нашъ „Изумрудъ“.

Въ это время успѣли зажечь масляные фонари, а одновременно стало разгораться слабымъ свѣтомъ и электричество. Судно положило руля и прошло подъ самой кормой.

Это былъ большой океанскій пароходъ, весь освѣщенный огнями сверху до низу, переполненный пассажирами, смотрѣвшими на насъ съ борта.

Вотъ какъ мы живемъ и какими ощущеніями ежедневно пробавляемся.

14-го ноября.

Мы стоимъ уже на бакштовѣ у „Океана“ и по длинному шлангу—бранспойту качаемъ воду. Проработали всю ночь, приняли 160 тоннъ, осталось 30, а командиръ „Олега“ уже насъ торопитъ, поднимаетъ сигналъ: „командиру „Изумруда“ выговоръ за медленное исполненіе приказаній“.

Съ цѣлью экономіи въ углѣ и водѣ „Океанъ“ беретъ насъ на буксиръ.

Англійскій каналъ.

Вошли въ Ламаншъ. Скоро выйдемъ и въ Атлантику, гдѣ насъ уже поджидаетъ здоровенный штормяга отъ нордъ-веста. Вотъ онъ реветъ, завываетъ въ снастяхъ, а простора ему въ каналѣ нѣтъ, разгуляться негдѣ.

Въ Атлантическомъ океанѣ нашему крейсеру предстоитъ самый трудный экзаменъ. Постройка-то наша извѣстная, заклепки уже теперь вываливаются. Поглядимъ, какова наша остойчивость; сравнительно съ „Новикомъ“ у насъ въ верхней части судна нагромождено двѣ лишнихъ мачты, три лишнихъ минныхъ аппарата, два большихъ орудія, мелкія скорострѣлки.

Да! вотъ еще сюрпризъ: на нашемъ правомъ винтѣ оказалась намотанной рыбачья сѣть; замѣтили ее слишкомъ поздно.

Такъ и идемъ.

Пишу, а электричество снова погасло, оставивъ меня съ неоконченной фразой и перомъ въ рукѣ.

Въ головѣ рождается мысль: а что, если вся наша готовность такова? — Не придется-ли намъ, злополучнымъ аргонавтамъ, бросить свои мечты, застрять въ какомъ-нибудь чужомъ порту и доканчивать свою постройку, свои испытанія? Не ждетъ-ли насъ колоссальный крахъ и скандалъ гдѣ-нибудь по дорогѣ?

Кругомъ тьма. Зги не видно. Слышно какъ реветъ—стонетъ машина.

Каждое утро я, входя въ каютъ-компанію, привѣтствую товарищей: „здравствуйте, панове! что, есть-ли еще порохъ въ пороховницахъ? не иступились-ли сабли, не погнулись-ли козаки?“

„Нѣтъ, нѣтъ“, отвѣчаютъ мнѣ, смѣясь.

15-го ноября.

Идемъ подъ южнымъ берегомъ Англіи на буксирѣ у „Океана“.

Тихо, не качаетъ, т. е. качаетъ, да очень мало, что съ нашимъ суденышкомъ рѣдко бываетъ. И писать можно—не трясетъ: машина, вѣдь, не работаетъ.

Здѣсь, въ каналѣ часто находитъ туманъ. При большомъ движеніи это грозитъ столкновеніемъ. Поминутно слышно: дзинь—дзинь—стопъ машина и завываніе сиренъ. У громаднаго „Океана“ высокій фальцетъ, а у крошки „Изумруда“ густой мощный басъ; казалось, слѣдовало-бы наоборотъ.

Огромные океанскіе пароходы то и дѣло выныряютъ навстрѣчу изъ тумана. Трехмачтовый парусный баркъ скользнулъ въ трехъ саженяхъ по правому борту.

Пока Господь насъ милуетъ и грѣхамъ нашимъ терпитъ.

Меня позвалъ командиръ: вижу, сидитъ на диванѣ въ уголку, сгорбился.

„Что съ Вами?“—„Что-то не по себѣ, руки и ноги точно не мои, спины не чувствую“.

Усталъ нашъ богатырь, переутомился: разные инциденты, неисправность судна, вѣчныя поломки, безсонныя ходовыя ночи, отвѣтственность за всё—извели и его наконецъ.

Уговариваю его немного отдохнуть:

„Всё это пустяки, пройдетъ. Серьёзнаго ничего нѣтъ. Завтра Вы встрепенетесь и будете какъ ни въ чемъ не бывало. До Бискайки успѣете вполнѣ отдохнуть“.

Испанія.

Отогрѣваемся южнымъ солнышкомъ въ прелестномъ уголкѣ Испаніи, отдыхаемъ отъ Бискайки.

Ухъ! Ну да и трепануло же насъ! Съ овчинку небо показалось...

Зашли сюда только на денекъ вопреки всякимъ росписаніямъ.

Грѣемся и уголь грузимъ.

Что за солнышко! Что за небо!

Послѣ тумановъ, заунывныхъ свистковъ сирены, оглушающей „рынды“—какой покой!

Здѣсь прямо рай земной.

Богъ съ ней, съ войной!

Завтра опишу переходъ поподробнѣе, а сегодня ужъ лучше отдохну.

Бухта Понтевердо.

Первую половину Бискайки мы прошли по хорошему, во второй насъ захватилъ здоровенный штормъ отъ нордъ-оста, клавшій бокомъ на 35°. Плаваю я не первый годъ, видалъ, можно сказать, разные виды, но жутко было чувствовать себя на такой ненадежной крохотной скорлупѣ, шириною посрединѣ не болѣе четырехъ саженъ; видѣть эти горы и пропасти, развергавшіяся передъ нами. Вылетѣть за бортъ не представляло ни малѣйшаго труда. На всемъ крейсерѣ не было ни единаго уголка, гдѣ можно было-бы чувствовать себя въ безопасности. Стулья, тяжелые столы, ящики срывались съ мѣста, шкапы растворялись, изъ нихъ съ грохотомъ вылетали разные предметы, которые, того и гляди, могли проломить голову.

По палубѣ волною ходила вода. Время отъ времени мы черпали всѣмъ бортомъ; вельботъ, висѣвшій высоко на таляхъ, весь уходилъ въ воду. Казалось, этакъ насъ и вовсе зальетъ. Каюты ревизора, двухъ механиковъ, по обыкновенію, были полны воды, но выбирать ея уже было нельзя, поэтому вода стояла и въ проходѣ.

Особенно тоскливо приходилось на грозныхъ девятыхъ валахъ.

Первый экзаменъ остойчивости былъ выдержанъ, однако, съ честью.

Крейсеръ, не имѣвшій боковыхъ килей, дѣлалъ большіе стремительные рóзмахи, но перевертываться не желалъ. Совсѣмъ Ванька-встанька.

Въ „свободное отъ занятій“ время (какія ужъ тамъ занятія!) я устраивался наверху въ задней штурманской рубкѣ—на диванѣ. Подъ спину валикъ, ногами въ опрокинутый столъ, стулъ упирается въ ящикъ, ящикъ въ переборку. Благодаря такимъ приспособленіямъ, можно было не ёрзать съ мѣста на мѣсто, читать и даже полудремать, вспоминая иное—тихое, мирное и безмятежное житіе.

Когда прошли Бискайку и за мысомъ Финистерре скрылись отъ нордъ-оста, стало значительно тише.

Днемъ неподалеку отъ насъ вынырнулъ китъ, пустилъ столбъ воды. Мы увѣряли вахтеннаго начальника, что онъ ошибся, что это-то и была подводная лодка и ея перископъ, а не струя воды.

У насъ опять скандалъ—уголь на исходѣ.

Засигналили...

17-го ноября.

Звѣздною ночью замѣтили на горизонтѣ силуэтъ судна, идущаго безъ огней встрѣчнымъ курсомъ, открыли прожекторъ—миноносецъ. „Олегъ“ и „Изумрудъ“ держали его въ лучѣ, онъ сейчасъ же повернулъ, открылъ гакабортный (кормовой) огонь и давай уходить полнымъ ходомъ. Командиръ говоритъ, что у французскихъ военныхъ судовъ принято ходить ночью безъ огней.

18-го ноября.

Въ часъ дня длинной бухтой, минуя рядъ высокихъ гористыхъ острововъ, покрытыхъ внизу свѣжей зеленью, а вверху снѣгомъ, мы вошли въ бухту Понтевердо.

Въ трехъ миляхъ бѣлѣется городишко.

Наша мать-кормилица „Океанъ“ сталъ посреди, а „Олегъ“ и „Изумрудъ“, точно дѣтеныши, ошвартовились по бокамъ. Въ сравненіи съ „Океаномъ“ даже „Олегъ“ кажется крошкой.

На скорлупкахъ-челнокахъ окружили насъ мальчуганы испанцы, съ громадными черными глазищами и длинными густыми рѣсницами. Отъ берега отвалила шлюпка съ офицерами.

Ну, думаемъ, ѣдутъ насъ выставлять. На бортъ взошли capitano del porto, таможенный офицеръ и съ ними театрально одѣтый альгвазилъ-жандармъ съ преогромными усищами. Мы хорошо угостили офицеровъ шампанскимъ, и инцидентъ былъ исчерпанъ. Испанцы рѣшили телеграфировать своему правительству, что у насъ серьезныя поврежденія въ машинѣ и т. п.

Впервые получили газеты—мѣстныя, конечно. О войнѣ много, но толкомъ ничего не разберешь. Въ Артурѣ горитъ угольный складъ.

Охъ, ужъ этотъ Артуръ! Мы избѣгаемъ и говорить о немъ.

Веселое житье! Шли—качало. Пришли—тутъ-то бы и отдохнуть—нѣтъ, грузи уголь. Снова превратились въ араповъ, офицеровъ не узнать, а команду и подавно. А затѣмъ—мойся соленой водой—прѣсной не даютъ.

Ужасно бѣситъ спеціальная особенность нашего судна—валкость. На рейдѣ тихо, а его валяетъ градусовъ на 15, совсѣмъ пьяное судно. Остальныя суда стоятъ какъ вкопанныя.

По отвѣсному штормъ-трапу взобрался я на бортъ гиганта—„Океана“—палуба здѣсь, хоть цѣлый полкъ разводи. Узналъ, что Н. здѣсь старшимъ врачемъ. Грустны бываютъ наши врачебныя свиданія. И это почти всегда. Встрѣтятся офицеры: живо обѣдъ, выпивка, разливанное море до позднихъ часовъ. Доктора же или не пьютъ, или и пить-то толкомъ не умѣютъ, а большей частью уединятся гдѣ-нибудь въ уголку и дѣлятся впечатлѣніями, отъ которыхъ только тяжелѣе на душѣ становится. Оттого-то, будучи часто очень дружны, врачи рѣдко ѣздятъ другъ къ другу.

Н. сидитъ злой, какъ чортъ, ругаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ всѣхъ и вся. Человѣкъ онъ семейный, а вотъ уже 4 года этакимъ манеромъ болтается. Съ „Николая“ его сразу перевели на „Океанъ“. По старой дружбѣ Н. снабдилъ меня кое-какими медикаментами и подарилъ носилки собственнаго изобрѣтенія.

Обѣдалъ я на „Океанѣ“ за столомъ съ чистой скатертью и чистыми салфетками—очень хорошо!

Вернувшись домой, засталъ только одного capitano del porto; онъ у насъ въ этотъ день и завтракалъ и обѣдалъ. Заплетавшимся языкомъ, немилосердно коверкая французскій языкъ, подвыпившій capitano del porto объяснялъ, что несмотря на то, что онъ capitano del porto, ему казенной шлюпки не полагается, и вотъ, чтобы поѣхать къ намъ, онъ долженъ былъ унизиться и просить таковую у таможеннаго офицера. Послѣдній поставилъ условіемъ взять и его съ собой хотя-бы подъ тѣмъ предлогомъ, что у русскихъ можетъ быть контрабанда—чай и сахаръ.

Теперь capitano del porto стыдился подозрительности своего спутника и все повторялъ: „oh, cet officier cochon (кочóнъ)“ или „quelle cochonnerie (кочоннери)!“ и безъ конца возвращался къ этой темѣ. Пойманный за пуговицу, долженъ былъ и я выслушать сказочку про бѣлаго бычка.

Вечеромъ я нанесъ визитъ другому судну, побывалъ на „Олегѣ“ у старшаго врача В. П. Аннина. Лазаретъ у него тоже переполненъ больными. Младшій врачъ О. О. День лежитъ съ гнойнымъ воспаленіемъ обоихъ слуховыхъ проходовъ, сильно лихорадитъ. Плохо болѣть нашему брату—морскому врачу.

Атлантическій океанъ.

19-го ноября.

Рано утромъ снялись и ушли въ Танжеръ, такъ и не получивъ съ берега обѣщанной прѣсной воды.

Ночью на насъ очень долго и нахально налѣзалъ сзади какой-то коммерческій пароходъ; наконецъ ему былъ пущенъ подъ самый носъ, въ рубку, лучъ прожектора. Ослѣпленный пароходъ сразу шарахнулся въ сторону и отошелъ.

Насъ, конечно, знатно валяетъ. Только на этотъ разъ—настоящая океанская зыбь, которая хотя подчасъ и кладетъ чуть не вверхъ тормашками, но дѣлаетъ это ровно, спокойно, методично; каждый рóзмахъ можно предвидѣть, разсчитать и во время упереться руками и ногами. Но нѣтъ ничего хуже мелкой безпорядочной зыби—толчеи въ Нѣмецкомъ морѣ, Бискайкѣ (брр!), Средиземкѣ—тожъ.

Обѣдаемъ, какъ всегда, со „скрипкой“: это деревянныя рейки, натянутыя вдоль и поперекъ—въ гнѣзда ставится посуда. Впрочемъ и ставить-то нечего: все давнымъ-давно побито—бокаловъ, рюмокъ, соусниковъ нѣтъ, стакановъ осталось пять штукъ, чай пьемъ изъ пустыхъ горчишницъ.

Идемъ одиннадцати узловымъ ходомъ, какъ всегда, съ капризами электричества.

20-го ноября.

Весь день стирали лазаретное бѣлье только для того, чтобы его тотчасъ же на леерахъ прокоптить углемъ и сажей.

Прошли мысъ Рокка, мысъ Санъ-Винцентъ—стало потише.

„Океанъ“ получилъ приказаніе идти впередъ. Безмолвно разошлись съ англійскимъ военнымъ судномъ „Halcion“.

Вечеромъ наблюдалъ восходъ звѣзды Сиріусъ, часто вводящей въ заблужденіе неопытныхъ моряковъ, принимающихъ ее за корабельный огонь.

Танжеръ.

21-го ноября.

Оставивъ влѣво Гибралтарскій проливъ, зашли въ открытую, совсѣмъ не защищенную съ моря Танжерскую бухту, находящуюся на сѣверномъ берегу Африки, во владѣніяхъ Мароккскаго султана. Здѣсь стоятъ французское судно „Gendarmes“, „Ріонъ“, „Днѣпръ“, 4 миноносца, не заходившіе въ Понтевердо, и „Океанъ“. Миноносцы выдержали высокую марку. Честь имъ и слава! 5-ый, миноносецъ „Пронзительный“, отсталъ по случаю поврежденія въ машинѣ и долженъ былъ зайти въ Брестъ.

Салютуемъ націи 21-мъ выстрѣломъ.

Судно окружили со всѣхъ сторонъ вороватые и назойливые арабы—продавцы ягодъ, апельсинъ и (тайно) рому, джину: бутылки съ этой цѣлью на веревочкахъ спускаются въ воду и подводятся къ борту, а матросы выуживаютъ ихъ какъ рыбку. Мы отгоняемъ шлюпки, окачивая ихъ брантспойтами; арабы галдятъ.

Пріѣхалъ русскій министръ-резидентъ г. Бакерахтъ.

Изъ штаба нѣтъ ни одного письмишка. Во французскихъ газетахъ сбивчивыя свѣдѣнія объ Артурѣ. Ясно одно: нашего прихода ему не дождаться. Мѣстный нѣмецкій консулъ предупредилъ насъ: гдѣ-то между Азорскими и Канарскими островами обошла вокругъ нѣмецкаго парохода подводная лодка — неизвѣстно—чья. На другой день пришло сообщеніе изъ Петербурга о томъ же.

Здѣсь очень хорошо—тепло, бирюзовая вода, благорастворе-ніе воздуховъ. Война кажется еще такой далекой, несмотря на всякія тревоги, ночныя освѣщенія боевыми фонарями.

„Ріонъ“ и два миноносца ушли впередъ.

Съ моря идетъ крупная зыбь. Погрузка угля продолжается и ночью на качкѣ. Но вотъ конецъ ей: испортился якорь у динамомашины—судно погрузилось во мракъ.

Въ Танжерѣ я уже второй разъ и снова ни ногой на берегъ. Мой единственный помощникъ—фельдшеръ пьянъ вдребезги. Его примѣру послѣдовалъ и старшій санитаръ.

Пришлось запретить имъ выдачу чарки.

Впослѣдствіи я узналъ, что для нихъ это было не наказаніе, а одно удовольствіе: за непитое вино, какъ полагается, получалось деньгами, а ежедневная порція, благодаря дружбѣ съ баталеромъ, продолжалась выдаваться попрежнему—только тайкомъ.

На флотѣ до сихъ поръ всё еще существуетъ обычай выдавать въ плаваніи командѣ полчарки водки два раза въ день (чему, между прочимъ, ужасно завидуютъ солдаты). Несмотря на научно доказанный вредъ подобныхъ ежедневныхъ пріемовъ алкоголя, съ наступленіемъ кампаніи команда начинаетъ на суднѣ систематически пріучаться къ нему. Молодые парни, только что пришедшіе изъ деревни, первое время боязливо удерживаются отъ чарки, а потомъ впиваются и безъ нея уже страдаютъ отсутствіемъ аппетита; лишь очень немногіе изъ нихъ къ концу службы бросаютъ пить, чтобы скопить домой малую толику денегъ. Поплававши достаточно на своемъ вѣку и въ мирное, и въ военное время, я превратился въ концѣ концовъ въ заклятаго врага чарки.

Относительно выдачи чарки уже не разъ поднимался вопросъ; было много и комиссій и подкомиссій—все-таки чарка пока еще прочно держится въ россійскомъ флотѣ.

„Руси веселіе есть пити“.

По описанію тѣхъ, кто былъ на берегу, городъ Танжеръ самъ по себѣ мало интересенъ, вполнѣ восточнаго характера, грязный. Много евреевъ библейскаго типа, говорящихъ поиспански. Они зажиточнѣе туземцевъ; дома ихъ отличаются болѣе богатымъ видомъ и всегда выкрашены въ голубой цвѣтъ; дома мусульманъ бѣлаго цвѣта. Немного домовъ съ европейскими фасадами; самихъ европейцевъ нѣсколько сотъ человѣкъ. Имѣются почты англійская, французская, германская.

Городъ расположенъ на склонѣ горной мѣстности; чѣмъ выше, тѣмъ болѣе отдѣльныхъ виллъ, въ которыхъ преимущественно живутъ аккредитованные дипломаты европейскихъ государствъ.

Высоко на горѣ виднѣется новенькій частный французскій госпиталь, всего на 15 коекъ. Туда былъ перевезенъ съ „Авроры“ раненый въ Гуллѣ священникъ-монахъ о. Анастасій. Съ размозженной въ плечѣ рукой онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы подвергнуться операціи вылущенія плеча, и скончался черезъ сутки.

На улицахъ Танжера большое оживленіе: арабы, бедуины, суданцы, босоногіе всадники, вооруженные разнокалиберными фузеями, погонщики муловъ, ишаковъ — всё это толкается, суетится по узкимъ артеріямъ города, кричитъ, ругается.

Марокко производитъ значительную торговлю живымъ скотомъ и хлѣбными злаками, направляя всё черезъ Танжеръ въ Гибралтаръ, куда переѣздъ около 3½ часовъ.

Вечеромъ европейцамъ на улицахъ не безопасно.

Есть нѣсколько полуевропейскихъ ресторановъ весьма непривлекательнаго вида.

Гиды, какъ всюду на востокѣ, показываютъ секретно въ разныхъ квартиркахъ мѣстныхъ танцовщицъ, молодыхъ и очень красивыхъ женщинъ, танцующихъ въ костюмѣ Евы, за что деруть высокую плату.

Въ окрестностяхъ Танжера богатая охота, верхомъ и съ пиками на громадныхъ кабановъ.

Послѣднее время вся страна въ мятежѣ, и поэтому выходить хотя сколько-нибудь за предѣлы города весьма опасно.

Повстанцы — голытьба стараются изловить какого-нибудь неосторожнаго европейца, за котораго потомъ требуютъ громадный выкупъ.

Климатическія условія Танжера очень хвалятъ.

22-го ноября.

Командиръ „Олега“ настаиваетъ на уходѣ сегодня-же вечеромъ, а у насъ недопринято 600 пудовъ провизіи и почти весь запасъ прѣсной воды.

„Океанъ“ изъ Танжера долженъ вернуться въ матушку Россію. Сдалъ на него двухъ тяжелыхъ тифозныхъ, а третьяго, ужъ больно необходимаго минера—оставляю у себя. Онъ поправляется.

Сегодня пришла съ моря англійская миноноска, понюхала и ушла прочь. Вечеромъ учился обращенію съ боевымъ фонаремъ и свѣтилъ съ часъ; на зыби это не такъ-то легко.

23-го ноября.

Въ 8 часовъ утра, такъ и не дождавшись прѣсной воды, вышли изъ Танжера вдвоемъ—„Олегъ“ и „Изумрудъ“.

Передъ входомъ въ Гибралтарскій проливъ оставили влѣво мысъ Трафальгаръ, гдѣ происходило извѣстное морское сраженіе.

Вотъ справа Цеута, а слѣва высокая Гибралтарская скала; въ глубинѣ залива много англійскихъ военныхъ судовъ. Мы съ

завистью насчитали шесть броненосцевъ-гигантовъ—всѣ одного типа. Вотъ намъ хотя-бы одну такую парочку!

Пройдя далѣе, увидали подъ вице-адмиральскимъ флагомъ англійскій броненосецъ, занимавшійся стрѣльбой. Обмѣнялись салютомъ въ 13 выстрѣловъ.

У насъ очень мало прѣсной воды; вдобавокъ что-то неладно въ кормовой машинѣ: откуда-то куда-то протекла вода. Изъ задней трубы вмѣсто дыму вырывается бѣлый паръ.

Въ 7½ часовъ вечера стопъ машина: въ двухъ котлахъ вода вытекла. „Олегъ“ ушелъ далеко впередъ. Сигналимъ въ небо вспышками прожектора, просимъ позволенія идти за водой въ ближайшій портъ Малагу (на 50 миль назадъ).

„Олегъ“, которому мы своими вѣчными неисправностями, что называется, „осточертѣли“, сигналитъ: „идите... куда... хотите...“ и, немного погодя, смягчившись: „купите... намъ... вина...“. Послѣднія вспышки на горизонтѣ едва можно разобрать.

До свиданья.

Малага.

24-го ноября.

Къ 8 часамъ утра доползли до Малаги, но какъ! Осталась послѣдняя капля воды. Все хорошо, что хорошо кончается.

Стали далеко, далеко.

На скатахъ горъ, утопая въ зелени, раскинулся большой городъ со 135.000 жителей.

Командиръ немедленно отправился къ русскому консулу, испанцу по происхожденію. Тѣмъ временемъ насъ осадили продавцы фруктъ и испанскихъ винъ. Очень хорошъ малагскій виноградъ свѣжій и вяленый.

Мнѣ пришлось отправиться къ медицинскому инспектору порта и выправить сертификатъ о состояніи здоровья изумрудской команды.

Послѣ Либавы это впервые я ступилъ на землю, которая въ этихъ случаяхъ кажется ужасно твердой, а собственныя движенія чрезвычайно легкими и воздушными.

Съ медицинскимъ инспекторомъ, говорившимъ по французски такъ же, какъ я по испански, кое-какъ наконецъ поладили.

Баронъ Ферзенъ привезъ отъ командира порта любезное

приглашеніе войти въ гавань. Это должно значительно ускорить нашу погрузку.

Мы такъ и сдѣлали и ошвартовились у самой набережной, гдѣ тотчасъ-же собралась толпа уличныхъ зѣвакъ, съ любопытствомъ разглядывавшая сѣверныхъ варваровъ.

По случаю какого-то праздника на улицахъ большое оживленіе—иллюминація, ракеты. Мы любовались прекрасными сеньоритами, одинъ изъ немногихъ недостатковъ которыхъ это—чрезмѣрная страсть къ чесноку, Я зашелъ въ каѳедральный соборъ—грандіозное сооруженіе, составляющее гордость Малаги, слушалъ великолѣпный органъ.

Наголодавшись на своихъ консервахъ, мы съ большимъ наслажденіемъ отобѣдали въ „Hôtel de Rome“, гдѣ лучшимъ напиткомъ явилась вкусная мягкая вода, послѣ судовой опрѣсненной бурды показавшаяся прямо нектаромъ.

Средиземное море.

25-го ноября.

Въ 8 часовъ утра простились съ гостепріимной Испаніей, опредѣлили девіацію, измѣнившуюся послѣ сдачи въ Портѣ Императора Александра III двухъ паровыхъ катеровъ, взяли курсъ на о. Критъ черезъ Мессинскій проливъ.

Вчерашнее питье сырой малагской водицы не прошло безнаказаннымъ, и къ вечеру я уже лежалъ совсѣмъ больной, лихорадя.

Долго я буду помнить этотъ переходъ, продолжавшійся пять съ лишнимъ сутокъ. Шли жестокимъ попутнымъ штормомъ, по пятнадцать узловъ, съ килевой качкой, отъ которой мозги въ головѣ готовы были перевернуться. И такъ всѣ пять дней. Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Когда уже совсѣмъ немного осталось, вѣтеръ точно остервенился, хотѣлъ съ насъ послѣднее взять, рвалъ, металъ, валилъ на бокъ и въ такомъ положеніи несъ, игралъ, заходилъ то справа, то слѣва, вдругъ совсѣмъ неожиданно окунялъ какой-нибудь бортъ въ воду; черезъ немногіе оставшіеся незадраенными люки каскадами лила въ палубы вода.

Вмѣстѣ съ тифозными больными (у меня прибавилось еще два тифозныхъ) сидѣлъ и я на діэтѣ, а попросту безъ всякой ѣды—за всѣ пять сутокъ маковой росинки во рту не было; не

скажу, чтобъ другимъ было лучше: горячей пищи совсѣмъ не варилось—выплескивало изъ котловъ.

Худо болѣть въ такое время, да еще врачу. Подъ конецъ я дошелъ до того, что о глоткѣ воды мечталъ, какъ о маннѣ небесной, а проглотить ее не могъ—выбрасывало вонъ.

Прошли Мессинскій проливъ. Гдѣ ужъ тамъ, чтобы любоваться живописными берегами Италіи, Сициліи, снѣжной Этной!

Миновали мысъ Матапанъ...

Никто не спитъ: изъ койки съ высокими бортами вышвыриваетъ или на голову ставитъ.

Наконецъ, истомленный до послѣдней степени, съ высокой температурой, умудрился я забыться—кошмары душили меня—вотъ я въ Судѣ, вотъ въ Красномъ морѣ, все подводныя лодки, подводныя лодки, ожиданіе взрыва... И вдругъ мои сновидѣнія перемѣнились, я почувствовалъ что-то отрадное и заснулъ сладкимъ спокойнымъ сномъ—это санитаръ догадался и самъ отъ себя положилъ мнѣ на голову пузырь со льдомъ—блаженство!

29-го ноября.

Худо, худо. Не тифъ-ли? Этакъ, шутя, пожалуй, и помрешь.

Часъ ночи. Скрылись за островами греческаго архипелага. Вѣтеръ бушуетъ за горами, а съ нами ужъ ничего подѣлать не можетъ.

Вотъ и Судская бухта, укрытая со всѣхъ сторонъ—отдыхъ, желанный отдыхъ наконецъ! Увы, я сильно ослабѣлъ, не могу подняться, темнѣетъ въ глазахъ.

Суда.

30-го ноября.

Здѣсь уже стоятъ „Олегъ“, „Днѣпръ“ съ двумя миноносцами, нашъ стаціонеръ—канонерская лодка „Храбрый“, итальянскія, французскія суда.

Мнѣ лучше; хожу, держась руками за стулья, началъ правильное леченіе.

Суда, повидимому, порядочная „дыра“: высокія горы, бухта точно въ глубокой котловинѣ. Днемъ палитъ солнце, вечеромъ густой туманъ, пронизывающая сырость и холодъ.

На берегу бѣлѣется кладбище—тамъ похоронены два офицера и 26 нижнихъ чиновъ съ эскадреннаго броненосца „Сисой Великій“, убитыхъ при взрывѣ 12-ти дюймоваго снаряда въ кормовой башнѣ—извѣстная Критская катастрофа.

Мы страшно удручены тѣмъ, что и здѣсь нѣтъ ни одной вѣсточки съ родины, ни одного письма. Нѣсколько офицеровъ съ „Олега“ получили корреспонденцію частнымъ образомъ. Говорятъ, командиръ „Олега“ Добротворскій послалъ въ Главный Морской Штабъ телеграмму такого содержанія: „офицеры, поступившіе незаконно, получили письма, остальные-же нѣтъ. Прошу Штабъ о справедливости“.

1-го декабря.

У насъ произошла смѣна министерства. Консервы, танжерскіе фрукты по недосмотру загнили въ провизіонномъ погребѣ и отравили воздухъ въ каютахъ. Мы и такъ ѣли невозможно, а теперь въ заключеніе уже и перерасходъ появился. Пришлось выбрать новаго завѣдующаго каютъ-компанейскимъ столомъ, болѣе опытнаго.

3-го декабря.

Вѣчно неисправный „Изумрудъ“ ранѣе двухъ недѣль отсюда тронуться не можетъ. Всѣ опрѣснители даютъ соленую воду сколько ихъ не чини. Хорошъ Невскій заводъ съ его или неумѣніемъ или небрежностью. Возьмемъ, напримѣръ, такія мелочи: иллюминаторы наши почти не открываются, потому что въ ихъ замокъ вставлены не мѣдные, а желѣзные болты, быстро ржавѣющіе — оттереть ихъ чрезвычайно трудно. Зовешь машиниста: послѣ сложныхъ манипуляцій, поливанія скипидаромъ, удается раскачать и до половины открыть; когда-же черезъ нѣсколько минутъ понадобится закрыть иллюминаторъ, уже нельзя—надо повторять всю процедуру снова, а волна тѣмъ временемъ не ждетъ, а, знай себѣ, поддаетъ да поддаетъ и заливаетъ каюту. Палуба, конечно, протекаетъ попрежнему. На грудь падаетъ уже не одна, а три капли въ минуту; въ минуту три, сколько за ночь—рѣшаю я ариѳметическую задачу въ часы безсонницы. Законопатить почему-то не удается.

И сколько подобныхъ досадныхъ мелочей на каждомъ шагу; онѣ не такъ-бы злили, если-бы главное наше, существенное былобы въ должномъ порядкѣ, но, увы, мы ничѣмъ похвастать не можемъ.

Остроумные французы наше официальное названіе „Догоняющій отрядъ“ уже давно замѣнили въ газетахъ другимъ: „Отстающій отрядъ“. Стыдъ и срамъ!

Общее настроеніе не изъ веселыхъ. Давно ужъ завѣса спала съ глазъ, и въ успѣхъ нашей авантюры никто не вѣритъ. Но мы—маленькіе чины, никто насъ не спрашиваетъ, наше дѣло не разсуждать, а исполнять то, что прикажутъ—не правда-ли?

Съ „Храбраго“ привезли нѣсколько французскихъ газетъ—извѣстія о начавшемся разстрѣливаніи нашихъ судовъ въ Артурѣ.

Проклятая „дыра“! Недаромъ мы, моряки, ее всегда такъ ненавидѣли. Нужно было выйти и прорываться въ Чифу, Кіао-Чау, куда угодно, только не засѣсть въ этой дырѣ подъ разстрѣлъ. Все-таки, быть можетъ, сохранили-бы хотя нѣсколько корабликовъ. Конечно, всѣхъ обстоятельствъ мы не знаемъ, но какъ это дико кажется со стороны, этотъ безсмысленный разстрѣлъ въ мелководномъ къ тому-же бассейнѣ.

18-го декабря.

Мы все еще стоимъ въ этой опостылѣвшей бухтѣ, ежедневно получаемъ изъ Петербурга телеграммы: „Скорѣе, скорѣе, опоздаете на Мадагаскаръ“. Мы бы и рады, да у насъ что ни день, то къ старымъ поломкамъ прибавляются новыя; теперь пошли лопаться разныя трубы въ машинахъ не только у насъ, но и на „Олегѣ“. Здѣшній дрянной заводишко чинилъ ихъ уже нѣсколько разъ, но неудачно; посылаемъ теперь... въ Аѳины.

Какъ ни худо въ пути, все-же лучше видѣть себя подвигающимся къ цѣли, идти вмѣстѣ съ другими и не испытывать этого состоянія одиночества.

Безъ писемъ публика разнервничалась страсть, ходимъ хмурые, злые—точно три года вмѣстѣ проплавали.

Я стараюсь заполнить весь свой день какимъ-нибудь занятіемъ, но въ свободное время тоже мраченъ. Буду страшно радъ, когда двинемся, хотя снова предстоятъ тяжелые переходы, въ бурныхъ водахъ, да еще при тропической жарѣ. Здоровье мое поправляется понемногу.

26-го декабря.

Собирались простоять въ Судѣ не болѣе четырнадцати дней, а застряли на 28. Кое-какъ починились, кой-чему подучились, помылись, почистились, отдохнули, хотя, повторяю, тяжело жить

на суднѣ типа миноносца, хотя и такомъ большомъ, какъ „Изумрудъ“—не жизнь, а прямо житіе.

Проѣхаться на „Олегъ“ и пообѣдать тамъ является громаднымъ удовольствіемъ. Каютъ-компанія этого судна, несмотря на первые мѣсяцы плаванія, очень сплочена и чрезвычайно гостепріимна. На „Олегѣ“ я частый гость. Младшій докторъ „Олега“ Денъ медленно поправляется. Я удивляюсь его терпѣнію и жизнерадостности.

Развлеченіемъ на „Изумрудѣ“ явилось устройство ёлки для команды.

Ярко горѣла на ютѣ освѣщенная разноцвѣтными электрическими лампочками ёлка; взятыя изъ лазарета гигроскопическая вата и борная кислота изображали родные снѣга. Матросы поочереди доставали билетики, получали каждый: чулки, платковъ полдюжину, кошелекъ, гребень, мыло, чернила, бумагу, конверты, перья, карандаши, въ отдѣльномъ узелкѣ—орѣхи, яблоки, мандарины, апельсины, рахатъ-лукумъ, халву. Другіе—бритву, мыльницу, зеркало и узелокъ. Были подарки—часы. Лучшимъ работникамъ кромѣ того—денежныя награды. По палубѣ ходилъ, путался подъ ёлкою и блеялъ барашекъ—привезли его на судно совсѣмъ грудным младенцемъ, выкормили; теперь онъ покрылся шерсточкой, сталъ ручнымъ, никого не боится; за рулевымъ Камерлиномъ бѣгаетъ какъ собаченка; очень любитъ заглядывать въ лазаретъ.

26-го декабря.

Всѣмъ отрядомъ снялись въ 3 часа дня.

Портъ-Саидъ.

28-го декабря.

Прибыли въ Портъ-Саидъ вполнѣ благополучно. Была порядочная боковая качка, 30° крену; по обыкновенію, нельзя было ни спать, ни ѣсть, ни читать, но всѣ чувствовали себя хорошо—привыкли.

Подходя къ Портъ-Саиду, на нѣсколько часовъ развили самый полный ходъ и сдѣлали удачный пробѣгъ, хотя полной своей скорости „Изумрудъ“ не далъ, въ машинѣ появились какіе-то предостерегающіе симптомы.

Вотъ и Портъ-Саидъ съ его черномазыми арабами и египтянами. Все старыя, знакомыя мнѣ по первому плаванію мѣста.

Недолго пробыли мы въ Саидѣ, всего 18 часовъ, торопились принять прѣсную воду; египетская стража — заптіи на своихъ фелукахъ и катерахъ ретиво охраняли насъ, поминутно шмыгали мимо и отгоняли назойливыхъ продавцевъ и шпіоновъ.

Съ берега привезли шлемы, рубахи, сѣтки, почту, но опять не ту, что была направлена въ Главный Морской Штабъ.

Быть-можетъ, намъ скоро предстоитъ встрѣча съ непріятелемъ. Получены извѣстія, что отрядъ Камимуры уже давно прошелъ Малакскій проливъ и гдѣ теперь—неизвѣстно.

Суэцъ.

30-го декабря.

Только что стали на якорь. Выйдя 29-го въ часъ дня, шли каналомъ около 17 часовъ.

Стали на якорь далеко въ морѣ въ виду Суэца. Какъ въ Портъ-Саидѣ, въ каналѣ, такъ и здѣсь кругомъ насъ все шмыгаютъ паровые катера подъ египетскимъ флагомъ—наша охрана. Въ ожиданіи сюрпризовъ со стороны непріятеля мы стали служить еще исправнѣе и все время на чеку.

Красное море.

Мы уже находимся въ средней части Краснаго моря, валяетъ насъ съ боку на бокъ основательно. Но все равно—я буду воображать, что штиль, и, крѣпко уцѣпившись ногами и упершись локтями въ разныя точки, качаясь временами на 35°, буду продолжать описаніе своей эпопеи многострадальнаго Одиссея.

Въ Суэцѣ приняли много угля, получили дополнительныя свѣдѣнія о томъ, что отрядъ Камимуры, значительно превосходящій насъ силами, находится уже на островѣ Чагосъ, на полъпути между Малаккой и Джибути: слѣдовательно вполнѣ возможна встрѣча съ нимъ гдѣ-нибудь въ Аденскомъ заливѣ. Наши большіе транспорты „Ріонъ“ и „Днѣпръ“ съ цѣнными грузами ему было-бы лестно захватить.

Подъ утро на другой день снялись. Говорили, что въ эту самую ночь за нами каналомъ слѣдовалъ подъ англійскимъ флагомъ коммерческій пароходъ съ орудіями для японцевъ—призъ колоссальной цѣнности. Но командиръ „Олега“ спѣшилъ впередъ, имѣя, вѣроятно, на этотъ счетъ какія-нибудь опредѣленныя инструкціи; повтореніе инцидента съ „Малаккой“ и съ „Ардовой“ не особенно, вѣдь, желательно. Не будучи въ курсѣ дѣла, мы злились; если подобный случай представится „Изумруду“, то ужъ мы не пропустимъ и безъ разсужденій потопимъ контрабандное судно.

31-го декабря.

Весь день гнали 15-ти узловымъ ходомъ, торопясь засвѣтло пройти опасныя мѣста. Здѣсь страшныя узкости, коралловые рифы, мели. Берегъ пока еще недалекъ: африканскій тянется миляхъ въ 30 отъ насъ.

Новый Годъ встрѣченъ въ морѣ безъ особыхъ приключеній. Въ Суэцѣ была оставлена телеграмма въ „Новое Время“ съ обычнымъ поздравленіемъ родныхъ и знакомыхъ.

Дороги осталось на трое сутокъ, т. е. 5-го разсчитываемъ придти въ Джибути. Въ заливѣ какой-то нахальный англійскій пароходъ хотѣлъ прорѣзать нашъ строй. „Олегъ“ сдѣлалъ въ него два холостыхъ выстрѣла, „Ріонъ“—одинъ. Лишь тогда онъ измѣнилъ курсъ. Большіе наглецы—сплошь да рядомъ не салютуютъ и флагомъ.

Въ Суэцѣ впервые увидали акулъ; Красное море и Индійскій океанъ—это, вѣдь, ихъ царство, здѣсь онѣ кишмя кишатъ. На ходу не видать, боятся шума винтовъ и удираютъ. Съ парусныхъ судовъ видны чаще—за тѣми онѣ сами гоняются.

На сегодня довольно. Не распишешься на качкѣ.

2-го января 1905 года.

Прибыли въ самое пекло, дышать нечѣмъ. Надъ головой раскаленное желѣзо. Весь день и ночь крупными каплями падаетъ потъ, течетъ струйками по всему тѣлу. Наверху ночью спать страшно—очень сыро.

Хороши теперь лунныя ночи. Море далеко залито серебристымъ сіяніемъ. Среди ярко горящихъ южныхъ звѣздъ показалось уже созвѣздіе Южнаго Креста. Всѣ свободные отъ службы выползли наверхъ помечтать. Шерлокъ Холмсъ (шутливое прозвище одного офицера) разнѣжился и пристаетъ ко мнѣ: сыграйте

„кака-а-а-я ночь! о, ты взгляни на это небо голубое!“ В.С., а В.С.! сыграйте: „кака-а-а-я ночь!“

Я вспоминаю о томъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ проходилъ въ этихъ самыхъ мѣстахъ съ совсѣмъ иными мыслями и впечатлѣніями. Какъ я былъ тогда молодъ! Какіе отклики въ моей душѣ вызывали всѣ эти красоты природы!

Теперь не то!

Теперь я болѣе озабоченъ флегмонами въ лазаретѣ; и вмѣсто того, чтобы любоваться прелестью этой дивной ночи или играть чувствительные романсы, пойду строчить вѣдомость о „движеніи“ больныхъ на крейсерѣ за декабрь мѣсяцъ.

Затрещалъ барабанъ. Пробили сборъ на молитву. Команда выстроилась на ютѣ въ карре.

Поютъ у насъ хорошо.

„Воскресеніе Христово видѣвше, поклонимся“... разносится по водамъ Краснаго моря.

Крейсеръ равномѣрно кладетъ съ боку на бокъ. Привычные офицеры и команда стоятъ твердо на ногахъ, точно приросли къ палубѣ. Къ ногамъ жмутся судовые звѣри, пріученные выходить на молитву: барашекъ, кошечки, пёсикъ.

3-го или 4-го января (не знаю, забылъ дни, потерялъ счетъ. Не все-ли равно?).

Умираемъ отъ жары, ходимъ полуголые. Въ судорогахъ и безъ сознанія вытаскиваютъ наверхъ бѣдныхъ кочегаровъ и машинистовъ. Мимо машиннаго люка пройти страшно: такъ жжетъ, пышетъ жаромъ. Что-же творится въ самихъ кочегаркахъ! Попробовалъ я спуститься туда, полюбопытствовалъ, какое тамъ!— едва ноги уволокъ.

У насъ опять горе: нѣтъ прѣсной воды. Уже два котла за недостаткомъ ея выведены. Мы на срединѣ Краснаго моря. Вторыя сутки сигналимъ, умоляемъ „Олега“ сжалиться и дать намъ воды. Куда она исчезаетъ—неизвѣстно. Запасъ долженъ хватать на шесть дней, а мы вотъ уже на третьи сутки караулъ кричимъ. Старшій механикъ ходитъ мрачнѣе тучи.

Наконецъ надъ нами сжалились и устроили остановку въ морѣ; стоимъ, конечно, не на якорѣ—глубина здѣсь ни много, ни мало—400 саженъ.

Мы подошли къ „Днѣпру“, спустили шестерку, приняли съ „Днѣпра“ шлангъ, нѣсколько разъ обрывали его, наконецъ завели и теперь сосёмъ, жадно сосёмъ прѣсную воду сквозь узенькое горлышко шланга.

Намъ надо 180 тоннъ, а принимаемъ мы въ часъ всего 15. А съ „Олега“ то и дѣло семафорятъ: „скоро-ли, да скоро-ли?“ Горе намъ горькое. Что это за судно—нашъ крейсеръ. Вѣчныя поломки, вѣчная обуза для всѣхъ.

Взошла полная луна и застала насъ за этимъ занятіемъ—качаніемъ воды. Сквозь шлангъ мѣстами сочится струйками вода; команда жадно подбираетъ ее, подставляетъ кто кружечку, кто пригоршню. Одинъ подставилъ ведерко подъ сирену: оттуда (благодаря неисправности) нѣтъ, нѣтъ и вырвется съ паромъ струя кипятку—догадливый матросъ уже полведра себѣ набралъ.

А я хожу по лазарету, завязываю краны и бранюсь: „санитары, не смѣть трогать прѣсной воды, руки мыть соленой водой!“—вотъ до чего дѣло дошло!

А изъ воды освѣщенныя луной на насъ умильно глядятъ, любуются тупыя акульи морды: ждутъ, не дождутся, скоро-ли, молъ, къ намъ, голубчики, пожалуете?

Эхъ, горе-воители!

Ну, куда намъ воевать-то! А еще съ „Новикомъ“ тягаться вздумали. „Новикъ“ за границей, вѣдь, строился.

7-го января.

Подходимъ къ Джибути. Совсѣмъ истомилъ насъ зной. Вчера раздробило четыре пальца одному матросу: одинъ пришлось отнять, три надѣюсь сохранить. Работать въ этакую жару невозможно. Операція благодаря качкѣ вышла мучительной, хотя и производилась подъ кокаиновой анэстезіей.

Джибути.

12-го января.

Сегодня я долго бродилъ по всему судну, отыскивая уголокъ, гдѣ можно было-бы заняться писаніемъ. Въ каютахъ и каютъ-компаніи невыносимо жарко. Командиръ предложилъ свою каюту, но и у него не лучше, несмотря на электрическій вентиляторъ. Отправился на верхнюю палубу, гдѣ на ютѣ подъ тентомъ мы цѣлыми сутками теперь живемъ: работаемъ, обѣдаемъ, спимъ. У насъ сейчасъ вторыя сутки днемъ и ночью продолжается погрузка угля. Кругомъ бѣгаютъ и галдятъ грузчики угля — сомалійцы съ ихъ однообразными криками: „эго́—эга́! эго́—эга́!“

Въ Джибути я первый разъ.

На низменномъ плоскомъ полуостровѣ расположенъ небольшой городокъ. Равнина тянется довольно далеко и окаймляется высокими горами. Рейдъ огромный, достаточно защищенный отъ вѣтровъ. Входъ въ него довольно затруднителенъ. Вправо невдалекѣ находится огромная, покрытая коралловыми рифами, банка, которая въ отливъ съ часу до трехъ совершенно обнажается.

„Олегъ“ и „Днѣпръ“ стали далеко, остальные ближе къ берегу. Кромѣ нашихъ судовъ здѣсь очень много нѣмецкихъ угольщиковъ; я насчиталъ ихъ 12; все большіе грузовики; надняхъ къ нимъ должно присоединиться еще десять. Этой флотиліей командуетъ лейтенантъ запаса Германскаго флота. Мы его величаемъ шутя „адмираломъ“. Оказывается, нѣмцы на многія свои суда — угольщики поназначали офицеровъ запаса (временно, конечно), для того, чтобы изъ опыта нашего похода извлечь наибольшую пользу для своего флота. Они и сами не скрываютъ этого.

Нашъ крейсеръ послали отыскивать „Ріонъ“, который былъ оставленъ въ Красномъ морѣ ловить два парохода—„Zambia“ и еще какой-то съ орудіями и снарядами. Въ поискахъ за нимъ мы шатались по Аденскому заливу, Баб-эль-мандебскому проливу и наконецъ увидали „Ріонъ“ любезно жавшимся къ двумъ англійскимъ пароходамъ, дѣлавшимъ видъ, будто они и не замѣчаютъ его присутствія. Мы передали приказаніе вернуться въ Джибути, и „Ріонъ“ съ грустью повернулъ за нами, а тѣ два—сразу дали полный ходъ и задымили во всю—контрабандисты внѣ всякаго сомнѣнія. Дѣло въ томъ, что у насъ не было разрѣшенія останавливать и осматривать другіе пароходы кромѣ вышеназванныхъ. Когда мы вернулись обратно, то узнали о полученіи телеграммы, сообщавшей о томъ, что настоящіе-то контрабандисты прошли давнымъ-давно—еще 15-го декабря. Нечего сказать, хороши наши свѣдѣнія!

За время стоянки въ Джибути „Изумрудъ“ выходилъ два раза на стрѣльбу; стрѣльба велась съ довольно большого разстоянія и, къ великому нашему удивленію, отличалась поразительной мѣткостью. Правда, волненія совсѣмъ не было. Послѣ стрѣльбы, въ самый разгаръ жары, съ 12-ти до 2-хъ, мы отдыхали, тихо колыхаясь на едва замѣтной зыби залива. Утомленная команда заснула, а офицеры занялись зоологическими изысканіями. Мимо плыли огромныя пестрыя медузы. Лейтенантъ Р захотѣлъ зачерпнуть одну деревяннымъ ведромъ и уронилъ его въ воду. Ведро стало отплывать по теченію. Р., отличный пловецъ, не желая никого будить, раздѣлся и выпрыгнулъ за бортъ, живо

поймалъ казенную вещь, подплылъ обратно, привязалъ ведро къ поданному нами концу, сталъ въ него ногами, а мы давай тащить Только что Р. поднялся надъ водой, какъ подъ нимъ въ водѣ шмыгнула огромная акула. Мы взглянули да такъ и ахнули—такая ихъ здѣсь масса. Всѣ эти серебристые отблески, отсвѣчивавшіе въ глубинѣ, все это большія и маленькія акулы. И какъ только мы могли позабыть о нихъ? Дѣло въ томъ, что винты наши теперь не работаютъ, онѣ и собрались. Когда я поднялся на верхній мостикъ, то съ вышины еще лучше разглядѣлъ, сколько ихъ здѣсь. Особенно одна парочка меня поразила—мамаша съ дочкой. Мамаша толщиной съ добрую корову, а длиной сажени полторы. Медленно, едва замѣтно шевеля плавниками, онѣ дѣлали туръ за туромъ вокругъ нашего судна точно на прогулкѣ. Я глядѣлъ на нихъ съ неизъяснимымъ чувствомъ, предвидя въ недалекомъ будущемъ печальную возможность болѣе близкаго знакомства съ ними.

Потомъ мы рѣшили теперь же свести счеты, изготовили крюкъ, нацѣпили кусокъ солонины—ходятъ эти чудища близехонько, ихъ спутники лоцмана даже обнюхиваютъ приманку, а брать не берутъ.

Я увѣренъ, что лейтенантъ Р. въ другой разъ за бортъ не полѣзетъ.

Кромѣ акулъ и лоцмановъ ходило нѣсколько штукъ очень красивыхъ зеленыхъ рыбъ съ голубыми плавниками, величиной съ большую щуку. Онѣ поднимались совсѣмъ къ поверхности воды. Распотѣшила всѣхъ одна рыбешка (не знаю названія), небольшая, темно-коричневая, съ двумя парами плавниковъ-крыльевъ. Я выстрѣлилъ изъ монтекристо и напугалъ ее до чрезвычайности: она выскочила изъ воды и полетѣла, какъ добрая птица, чего мы отъ нея ужъ никакъ не ожидали.

Подулъ вѣтерокъ, набѣжала рябь, и подводный міръ скрылся изъ нашихъ глазъ. (Мамаша съ дочкой надолго остались у меня въ памяти).

На рейдѣ намъ очень досаждаютъ крики назойливыхъ чертенятъ—маленькихъ сомали: они подплываютъ на своихъ душегубкахъ-пирогахъ, выдолбленныхъ изъ дерева, цѣпляются за иллюминаторы, заглядываютъ въ каюты, высматривая, гдѣ что плохо лежитъ, и, не переставая, орутъ во все горло: „à la mer, à la mer“ или „tararabumbia“ и даже „viens, poupoule, viens, poupoule, viens“. Все это продѣлывается съ тѣмъ, чтобы обратить на себя вниманіе и выклянчить монету, которую они тутъ-же въ водѣ и ловятъ съ неподражаемымъ мастерствомъ, какъ далеко

имъ не кинь. Тутъ-же въ водѣ они и потасовку между собой заводятъ. У каждаго на рукѣ кожаная браслетка съ талисманомъ отъ акулы: въ ней зашито изреченіе изъ Корана. Акулы ихъ дѣйствительно не трогаютъ; но дѣло въ томъ, что онѣ гастрономы и предпочитаютъ мясо бѣлыхъ.

Какъ-то разъ меня спѣшно вызвали на нѣмецкое судно „Hélène Horn". На борту его въ этотъ самый день утромъ умеръ отъ солнечнаго удара матросъ, а теперь требовалась помощь другому пораненному ядовитой рыбой. Больной оралъ на весь пароходъ. Я провозился съ нимъ около двухъ часовъ и оставилъ въ хорошемъ состояніи. Нѣмцы угостили великолѣпнымъ пивомъ.

Солнечные удары у нѣмцевъ на ихъ угольщикахъ частое явленіе—наши переносятъ жару хорошо. Ужъ больно много дуютъ пива эти нѣмцы—чего, чего, а пиво у нихъ всегда въ изобиліи. По праздничнымъ днямъ нѣмцы обязательно намазываются и на шлюпкахъ подъ парусами гоняютъ по всему рейду, съ пѣснями, гармониками, совсѣмъ наши подгулявшіе мастеровые. Когда эта компанія рѣжетъ намъ корму, крича „hoch", намъ видны ихъ смѣшныя багровыя налитыя пивомъ физіономіи. Надняхъ въ одно изъ подобныхъ праздничныхъ катаній утонулъ старшій офицеръ нѣмецкаго транспорта.

По судамъ мнѣ приходится разъѣзжать довольно часто: то комиссія, то консультація.

Познакомился съ судовымъ врачемъ Добровольнаго флота съ крейсера „Ріонъ" Ч. Пресимпатичный хохолъ, общій любимецъ. Мы оказались съ нимъ земляками, оба уроженцы Херсонской губерніи—отыскали много общихъ знакомыхъ. Такъ и повѣяло на меня роднымъ!

На берегу я былъ всего одинъ разъ. Теперь здѣсь зима, и туземцы кутаются, дрожатъ отъ холода въ овчинахъ, въ то время, какъ мы умираемъ отъ жары. Тьма назойливыхъ мальчишекъ окружила насъ на берегу: вертятся подъ ногами, галдятъ, затѣваютъ перебранку, слова не даютъ сказать. Мѣстные полицейскіе—высокіе сомалійцы, видя безпомощное положеніе иностранцевъ, пришли на защиту и жестоко отлупили мальчишекъ бамбуковыми тростями по башкамъ, спинамъ—по чему попало. Ужъ и не рады были мы, что за насъ вступились. Но это помогло лишь на секунду.

На почтѣ мы застали длинный хвостъ публики—нашей же судовой. На пріемѣ корреспонденціи работаетъ всего одинъ чиновникъ-французъ, разрывается на части, а самъ злой, презлой.

За всю свою службу здѣсь онъ, должно быть, впервые видитъ такую обширную корреспонденцію; марки уже всѣ вышли.

Городокъ Джибути состоитъ изъ нѣсколькихъ приличныхъ деревянныхъ домиковъ, принадлежащихъ французамъ, а затѣмъ сомалійскихъ грязныхъ юртъ-плетней, обвѣшанныхъ разнымъ тряпьемъ (съ цѣлью защиты отъ солнечныхъ лучей); когда мы проходили мимо, изъ этихъ жалкихъ хижинъ выскакивали полуголыя женщины, невообразимые уроды, отъ которыхъ мы съ ужасомъ отворачивались; онѣ говорили что-то непонятное на своемъ гортанномъ языкѣ, но жесты ихъ были болѣе чѣмъ понятны.

За городомъ узкоколейная желѣзная дорога ведетъ въ Харраръ.

Въ гости къ Менелику надо собраться въ другой приходъ, а пока поглядимъ гордость Джибути „Jardin des plantes“, отстоящій отъ города верстахъ въ пяти.

Дорога къ нему скучна: солончаки, бугры, песокъ, рѣдкіе колючіе кустарники; видны пасущіяся стада верблюдовъ. Попадаются грифы, подпускающіе довольно близко.

Мы обгоняли абиссинскихъ воиновъ, съ мохнатой курчавой шевелюрой, не боящихся жгучихъ лучей солнца и незнающихъ шляпъ; вооруженіе ихъ—кожаный щитъ и нѣсколько копій-дротиковъ.

„Jardin des plantes“, конечно, жалокъ — впрочемъ, онъ недавно разведенъ французами; молодыя деревья усердно поливаются. Лучше другихъ принялись гранатовыя; кокосовыхъ, финиковыхъ пальмъ, банановъ не видать. Почва страшно выжжена солнцемъ.

Горы отсюда недалеко, въ нихъ водятся львы, барсы. Ночью львы спускаются и иногда подходятъ совсѣмъ близко къ сомалійской части города и своимъ ревомъ наводятъ страхъ и трепетъ на жителей. Намъ предложили устроить охоту. При другихъ обстоятельствахъ можно было-бы и поохотиться.

Обѣдать пришлось въ городѣ въ „Hôtel des Arcades“; мы пили недурной ordinaire; конечно, набросились на устрицы, за что и поплатились впослѣдствіи—словомъ, было все, что полагается по росписанію.

Послѣ недоразумѣній въ Красномъ морѣ съ водой на „Изумрудѣ“ собралась комиссія инженеровъ; судятъ, рядятъ. Между прочимъ оказалось, что большинство водопроводныхъ трубъ уже проѣдено соленой забортной водой. То здѣсь, то тамъ прорветъ и начинаетъ хлестать. Я самолично подавалъ первую помощь

нѣсколькимъ трубамъ въ аптекѣ, накладывалъ повязку изъ липкаго пластыря, пока не прибѣжали машинисты.

Надняхъ въ провизіонномъ погребѣ (рядомъ съ бомбовымъ) загорѣлась обмотка — не очень пріятно было слышать запахъ гари, видѣть людей, суетливо бѣгавшихъ съ помпами, шлангами.

Тифозныхъ, слава Богу, больше нѣтъ; старые поправились. Есть случай скоротечной чахотки—въ этомъ климатѣ скрытые туберкулезные очаги вспыхиваютъ яркимъ пламенемъ. Такого больного, конечно, оставить на суднѣ нельзя, и онъ будетъ списанъ здѣсь въ Джибути для препровожденія въ Королевскій госпиталь въ Пиреѣ.

Среди болѣзней преобладаютъ теперь ожоги въ машинѣ, фурункулы отъ грязи—самые жестокіе, множественные. Есть нѣсколько переломовъ голени, реберъ. Сильно зудящая тропическая сыпь появилась уже у всѣхъ. При условіяхъ нашей жизни она не поддается леченію.

Фельдшеръ образумился и больше не пьетъ. Зато теперь старшій санитаръ уличенъ въ пьянствѣ и спаиваніи товарищей... эфиромъ. То-то я все удивлялся, почему у меня такъ поразительно быстро испаряются эфиръ, гоффманскія капли. Экій народъ! Я все перетаскалъ къ себѣ, и теперь моя маленькая каюта наполовину напоминаетъ аптеку. Старшаго санитара пришлось смѣнить.

„Нѣтъ у меня помощниковъ“, повторяютъ офицеры мою фразу, желая подразнить меня.

Относительно ухода еще ничего неизвѣстно; можетъ быть, и завтра снимемся, а то задержимся надолго, получимъ какое-нибудь особое назначеніе. Не прикажутъ ли намъ остаться при транспортахъ, которые скопились здѣсь и еще подойдутъ?

До Мадагаскара переходъ дней восемь.

Гдѣ теперь Рожественскій? не ушелъ ли онъ съ Мадагаскара? куда? Съ нимъ мы еще не сносились, а только съ Главнымъ Морскимъ Штабомъ. Безпокоимъ, запрашиваемъ Штабъ о каждомъ пустякѣ и ждемъ отвѣта.

По слухамъ, японцы хозяйничаютъ уже неподалеку и недавно гдѣ-то на Суматрѣ потопили шесть громадныхъ нѣмецкихъ транспортовъ въ 10,000 тоннъ, съ углемъ, признавъ за контрабанду— не стѣсняются, однако. Не то, что мы. Можетъ быть, скоро и сюда пожалуютъ; что-же—милости просимъ. Надоѣла вся эта канитель.

Подъ вліяніемъ неизвѣстности, ужасающей жары публика

уже „дошла до грунта“, нервничаетъ, ссорится. Да и то правда—жизнь-то ужъ больно нерадостная. Инженеры травятся на непорядки въ машинѣ, старшій офицеръ ничего не можетъ подѣлать съ ужасающей грязью; каждый спеціалистъ бранится по своей спеціальности. Дня не проходитъ, чтобы со скрежетомъ зубовнымъ не вспоминали строительства Невскаго завода. Питьевая вода мутна, солона, съ громаднымъ количествомъ ржавчиннаго осадка и пренепріятнымъ машиннымъ привкусомъ. А въ эту жару пьется особенно много. Если такъ будетъ продолжаться, то намъ угрожаютъ новыя эпидемическія заболѣванія. Въ судовыхъ бакахъ весь день заваривается чай, для приданія вкуса прибавляется красное вино. Лазаретные дестилляторы уже испортились и не даютъ дестиллированной воды.

Я давно перешелъ на командную порцію и консервы Малышева (щи съ мясомъ и гречневой кашей) нахожу прямо восхитительными. За каютъ-компанейскимъ столомъ попрежнему самое разнообразное меню: консервированные ростбифы, битки, сосиски—нѣтъ ничего ужаснѣе—это буквально резина, приправленная всевозможными острыми соусами. Вмѣсто воды мы пьемъ красное вино; дешеваго не было, закупили дорогое. Столъ обходится очень дорого, около ста рублей въ мѣсяцъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ картина нашего житья-бытья.

Одинъ изъ боцмановъ, запасной, заскучалъ и рѣшилъ притвориться сумасшедшимъ, объявилъ себя губернаторомъ, забѣгалъ по палубѣ, рыча, какъ дикій звѣрь. Попавъ затѣмъ въ лазаретъ и видя, что я не собираюсь списывать его на родину, на другой же день чистосердечно во всемъ признался. Теперь онъ служитъ вѣрой и правдой.

Да, отъ хорошей жизни не полетишь и не забѣгаешь губернаторомъ по палубѣ. Скорѣе-бы къ Рожественскому, въ его желѣзныя лапки. Не дай Богъ долго стоять здѣсь: въ этой жарѣ, подъ раскаленной желѣзной палубой, безъ спуска на берегъ, того и гляди, вся команда перебѣсится.

Индійскій океанъ.

23-го января.

Съ Джибути мы уже простились, утромъ сегодня обогнули скалистый мысъ Гвардафуй, выслали впередъ на развѣдку вдоль

берега миноносцы. „Рѣзвый“, вслѣдствіе основательныхъ неисправностей оставленный въ Джибути, возвращается обратно. Очень жаль его лихого командира Х.

У южнаго берега Аденскаго залива нагнали два коммерческихъ парохода подъ англійскимъ флагомъ, идущихъ тѣмъ-же курсомъ, что и мы—одинъ подъ самымъ берегомъ, другой мористѣе. Какъ только мы опередили ихъ, они тотчасъ же измѣнили курсъ, повернули перпендикулярно къ берегу и ушли по направленію къ острову Сокоторѣ, который отъ насъ миляхъ въ 80-ти. Не развѣдчики-ли это, и не подстерегаетъ-ли у Сокоторы нашъ злосчастный догоняюще-отстающій отрядъ Камимура? Если выйти изъ Сокоторы 16-ти узловымъ ходомъ, къ вечеру насъ можно нагнать.

Теперь мы уже въ водахъ Индійскаго океана. Грозный океанъ встрѣтилъ насъ мертвымъ штилемъ. Сонную гладь водъ нарушаютъ поминутно выскакивающія громадныя рыбы: луна, мечъ, пила. У самаго носа крейсера стаями взлетаютъ испуганныя мелкія рыбешки и долго летятъ надъ водой.

Всѣ обрадованы нежданнымъ сюрпризомъ — штилемъ. Надоѣстъ, вѣдь, постоянно выворачиваться вверхъ ногами. Впрочемъ, на „Изумрудѣ“ теперь, кажется, уже нѣтъ ни одного человѣка, который не привыкъ-бы ко всѣмъ родамъ качки.

Расъ-Гафунъ.

25-го января.

Вчера поздно вечеромъ вошли въ пустынную бухту Расъ-Гафунъ. Невысокія горы, желтые пески, бугры.

„Изумрудъ“ принимаетъ уголь и воду съ „Ріона“.

Во время отдыха я попробовалъ заняться рыбной ловлей и съ досадой вытащилъ пять разъ подрядъ противныхъ прилипалъ, тотчасъ-же присасывавшихся къ палубѣ; длина ихъ около аршина. На плоской головѣ точно подметка отъ резиновой галоши со множествомъ клапановъ. Больше ничего не удалось поймать. Интересно было наблюдать, какъ въ прозрачной, изумрудной водѣ рѣзвились стаи самыхъ разнообразныхъ, разноцвѣтныхъ рыбешекъ, поглубже ходили болѣе крупные хищники.

Отъ берега отдѣлился челнокъ, прибыла какая-то черножая депутація. Звѣрскія рожи, пучки дротиковъ, перьевъ,

кожаные щиты. На кормѣ сидѣлъ, очевидно, вождь, „расъ“, какъ ихъ здѣсь величаютъ. Они что-то кричали намъ; быть можетъ, требовали уплаты дани за стоянку въ водахъ ихъ территоріи; но намъ было не до нихъ: всѣ были слишкомъ заняты погрузкой угля. Убѣдившись, что никто не обращаетъ вниманія на его особу, вождь удалился, угрожающе потрясая дротикомъ. Не хотѣлъ-бы я попасть къ нему въ лапы на берегу.

Индійскій океанъ.

26-го января.

Перешли экваторъ.

На этотъ разъ мы измѣнили морскимъ традиціямъ и не устроили шутливой церемоніи—маскараднаго шествія въ честь Нептуна, кончающагося поголовнымъ купаньемъ всѣхъ, впервые переходящихъ экваторъ.

Не отомстилъ-бы намъ за это Нептунъ!

Дарессалемъ.

28-го января.

Ночью вошли въ бухту Дарессалемъ на восточномъ берегу Африки, недалеко отъ о. Занзибара. Здѣсь находится нѣмецкая факторія. Вошли благополучно, не ткнулись ни о какіе рифы, которыхъ здѣсь тьма. Впередъ пустили свои миноносцы; они обслѣдовали проходъ, освѣтили путь прожекторами. Пріятно было увидѣть утромъ, послѣ голыхъ выжженныхъ солнцемъ равнинъ и скалъ Джибути, песковъ Расъ-Гафуна дивную тропическую растительность, высокія кокосовыя пальмы и т. п. Кругомъ зеленѣющіе острова. Городка не видать.

Миноносецъ „Грозный“ обошелъ всѣ суда и забралъ желавшихъ съѣхать на берегъ офицеровъ. Удалось попасть и мнѣ.

Подойдя къ материку, мы открыли устье рѣки; поднявшись вверхъ, вошли въ большое озеро, гдѣ увидали военныя суда: одно бразильское, нѣсколько германскихъ и среди нихъ крейсеръ „Герту“, знакомый мнѣ по стоянкѣ въ Таку въ 1900 году. На немъ развѣвался длинный, почти касавшійся воды вымпелъ—признакъ

того, что судно послѣ долгаго заграничнаго плаванія возвращается на родину. На борту „Герты“ теперь находился германскій принцъ, третій сынъ Императора Вильгельма, лейтенантъ.

Всѣ суда и зданія на берегу были расцвѣчены флагами. Къ правому трапу „Герты“ приставали одинъ за другимъ катера съ нарядной публикой, дамами; доносились звуки оркестра. На берегу также ликованіе. Нѣмцы чествовали сына своего Императора.

Намъ пришлось видѣть парадъ мѣстной милиціи: рослые негры въ костюмахъ цвѣта хаки отчетливо исполняли различныя построенія подъ команду бравыхъ германскихъ лейтенантовъ.

Среди этого чуждаго намъ веселья въ сердце невольно закралось тоскливое щемящее чувство—бездомные скитальцы, мы не могли не сознать своей заброшенности, своего одиночества. Съ хмурыми лицами мы бродили по городу, заходили въ магазины, но никто ничего не покупалъ. Для чего?...

За городомъ среди роскошной природы наши сумрачныя физіономіи нѣсколько прояснились. Въ особенности хорошо было на опушкѣ тропическаго лѣса у берега, гдѣ о скалы разбивался прибой.

Нѣмецкая культура, плантаціи, образцовыя шоссейныя дороги вызвали въ насъ должное удивленіе и похвалу.

На обратномъ пути мы зашли въ казармы нѣмецкихъ солдатъ (не туземцевъ), въ ихъ клубъ, гдѣ за столиками играли въ кости и пили пиво солдаты; пиво изготовляется тутъ-же на мѣстномъ заводѣ — попробовали его и мы — великолѣпное. Въ саду различныя приспособленія для гимнастики, для игры въ футболъ. Видъ у людей бодрый, веселый, но не распущенный. Вообще нѣмцы—молодцы.

Вечеромъ я и докторъ Аннинъ очутились въ затруднительномъ положеніи: нужно было переночевать, да негдѣ. Немногія гостинницы оказались биткомъ набитыми пріѣзжими. Наконецъ одинъ хозяинъ сжалился и устроилъ насъ на верандѣ во 2-мъ этажѣ гостинницы на лонгшэзахъ. Ну и памятной-же осталась намъ эта ночка! Москиты буквально заѣли насъ. Несмотря на страшную усталость послѣ дневной прогулки и сонъ, морившій насъ, за всю ночь никто не сомкнулъ глазъ. Тщетно мы, пытаясь спастись отъ москитовъ, закрывали себѣ голову и руки кителями. Все-таки мы оказались гораздо счастливѣе другихъ соотечественниковъ, вовсе не нашедшихъ себѣ пристанища. По главной улицѣ всю ночь напролетъ ходили группами взадъ и впередъ наши бездомники—звучала русская рѣчь; повременамъ проходили под-

гулявшіе нѣмцы, горланя свой „Wacht am Rhein“. Съ разсвѣтомъ, съ ужасомъ взглянувъ на свои физіономіи, распухшія отъ укусовъ и принявшія плачевно-комическій видъ, мы отправились обратно на миноносецъ.

На „Грозномъ“ живутъ въ условіяхъ въ тысячу разъ худшихъ, чѣмъ на „Изумрудѣ“, живутъ дружно и ни на что не жалуются. Глядя на нихъ, я почувствовалъ себя на „Изумрудѣ“ просто баловнемъ судьбы. На миноносцѣ, несмотря на тѣсноту, много разнаго звѣрья: нѣсколько обезьянъ проказничаютъ во всю.

Индійскій океанъ.

29-го января.

Занимаемся усиленно провѣркой различныхъ росписаній. Ночью устроили стрѣльбу по щитамъ. На морѣ штиль.

1-го февраля.

Оставили влѣво островъ Майотту. Идемъ уже вдоль зеленѣющихъ береговъ Мадагаскара.

Съ утра вступили въ переговоры по телеграфу съ адмираломъ Рожественскимъ.

Около 10 часовъ утра впереди по носу замѣтили дымки: скоро открылась наша эскадра, занятая маневрами. То-то была радость! Нашъ отрядъ тотчасъ-же принялъ участіе и не ударилъ въ грязь лицомъ.

Носси-Бэ.

По окончаніи маневровъ вошли въ обширную бухту Носси-Бэ, стали посреди нея на большой глубинѣ, въ чудно прозрачной водѣ ярко-синяго цвѣта, въ мѣстѣ, указанномъ по диспозиціи.

Кромѣ нашего многочисленнаго флота здѣсь стоятъ еще французскія канонерка и 2 миноноски.

Съ „Суворова“ привезли много почты. Наконецъ-то!

2-го февраля.

Обмѣнъ визитовъ. Мнѣ пришлось побывать на „Свѣтланѣ“, броненосцѣ „Орелъ“, вспомогательныхъ крейсерахъ „Терекъ“, „Уралъ“, „Анадырь“, „Кубань“ и на госпитальномъ суднѣ „Орелъ“; здѣсь я увидалъ свое медицинское начальство, флагманскаго врача Я. Я. Мультановскаго.

Плавучій госпиталь оборудованъ превосходно. Яковъ Яковлевичъ сразу огорошилъ меня вѣстью, что, по всей вѣроятности, я буду переведенъ на „Аврору“ старшимъ вмѣсто М. М. Бѣлова, списаннаго по болѣзни на родину. На „Изумрудѣ“ меня замѣнитъ младшій врачъ „Авроры“ А. М. Бравинъ, а съ эскадрой Небогатова прибудетъ и на „Аврору“ младшій врачъ. Не зная радоваться или печалиться этому предложенію, я смолчалъ.

Вернувшись домой, засталъ приглашеніе къ обѣду въ каютъ-компанію крейсера „Жемчугъ“. Каютъ-компаніи „Изумруда“ и „Жемчуга“ сдружились еще на Невскомъ заводѣ во время постройки и теперь встрѣтились братски.

Эскадрѣ Рожественскаго у мыса Доброй Надежды пришлось вынести жесточайшій штормъ. За два мѣсяца стоянки у береговъ Мадагаскара, давно уже не получая писемъ и газетъ, всѣ страшно извелись; объ участи нашего „догоняюще-отстающаго“ отряда не было ничего извѣстно съ самой Суды. Эскадра сидитъ безъ гроша денегъ (банковъ здѣсь нѣтъ, размѣнять кредитивы негдѣ) и безъ сапогъ—запасныхъ въ Портѣ Императора Александра III не дали, а старые давно износились. Не такъ-то легко и прокормить 18.000 человѣкъ. Запасы замороженнаго мяса на спеціальномъ пароходѣ „Эсперансъ“ вслѣдствіе порчи рефрежиратора протухли. Туши, выброшенныя въ большомъ количествѣ въ открытое море, принесены обратно теченіемъ и плаваютъ по всему рейду, застрѣваютъ у берега, заражая воздухъ зловоніемъ.

Настроеніе на эскадрѣ не изъ важныхъ. Всѣ злы. Пишутся громовые приказы. Рожественскій постарѣлъ на 20 лѣтъ, а теперь, говорятъ, серьезно боленъ, адмиралъ Фелькерзамъ тоже. О выходѣ „самотоповъ“ Небогатова уже извѣстно. Радости мало.

На „Анадырѣ“ вслѣдствіе плохой изолировки большой паровой трубы, проходящей черезъ угольные трюмы, произошло самовозгораніе около 1000 тоннъ угля. Посылаются люди со всѣхъ судовъ для разгребанія угля и перегрузки его по остываніи при помощи барказовъ на другіе корабли. Этой работой заняты уже нѣсколько дней.

5-го февраля.

На „Изумрудѣ“ два тяжело больныхъ офицера. Одинъ изъ нихъ списывается вовсе съ эскадры, другой, старшій инженеръ-механикъ, начавшій кашлять кровью, не хочетъ и слышать объ этомъ. „Все равно“, говоритъ, „и такъ скоро помирать“. (Милѣйшій Александръ Даниловичъ Семенюкъ въ бою блестяще выполнилъ свой долгъ; нѣсколько мѣсяцевъ спустя, надорванный трудностями и лишеніями похода, онъ умеръ отъ скоротечной чахотки. Не такъ-то легко далось это плаваніе. Громадное большинство офицеровъ эскадры до сихъ поръ еще платится своимъ здоровьемъ за понесенные труды; то одинъ, то другой выбываетъ изъ строя).

Мнѣ на „Аврору“ предложено вторично. Я сильно колеблюсь, стараясь предугадать свою судьбу. Гдѣ лучше погибать? на „Изумрудѣ“ или на „Авророѣ“? Почемъ знать!

Отказываюсь. Жаль покинуть судно, въ постройкѣ котораго я принималъ дѣятельное участіе, товарищей и команду, съ которыми успѣлъ сродниться за полгода плаванія.

7-го февраля.

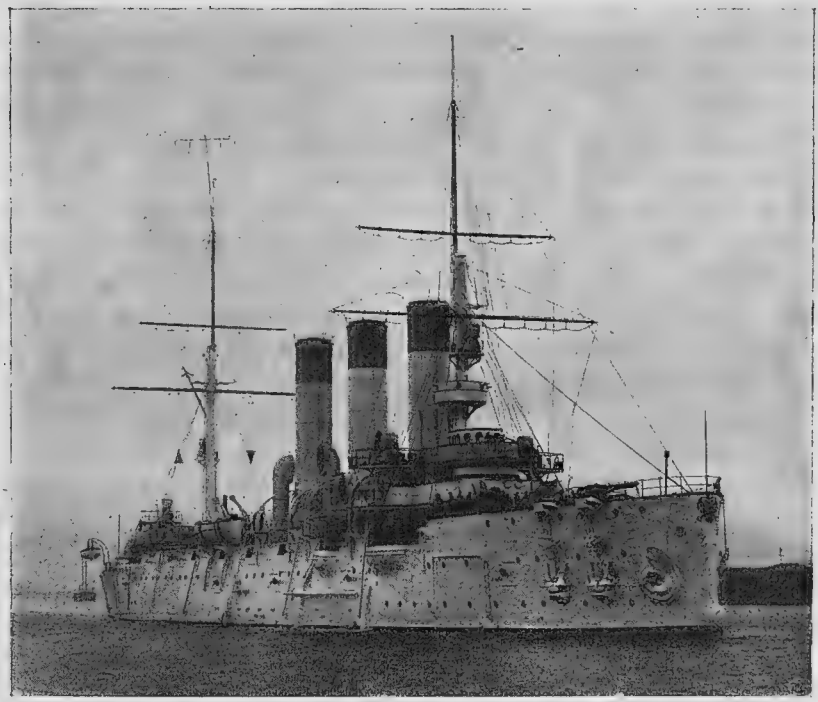
Читаю вдругъ приказъ Командующаго эскадрой: „судовой врачъ крейсера 2-го ранга „Изумрудъ“ назначается старшимъ врачемъ крейсера 1-го ранга „Аврора“, N. назначается младшимъ врачемъ крейсера 1-го ранга „Аврора“ . . . съ оставленіемъ на госпитальномъ суднѣ „Орелъ“ въ распоряженіи флагманскаго врача“.

Вотъ оригинальный и неожиданный приказъ. Я буду нести двойныя обязанности, а N., помимо своего содержанія плюсъ содержаніе отъ Краснаго Креста, будетъ получать еще морское довольствіе младшаго врача съ „Авроры“, ничего ровно на ней не дѣлая. Очень мило.

Откланявшись командиру, обнявъ товарищей, простившись съ командой, отваливаю на вельботѣ отъ борта „Изумруда“ и долго продолжаю оглядываться на красивый стройный крейсерокъ, нынѣ ставшій мнѣ роднымъ.

Итакъ, жребій брошенъ. Участь „Авроры“—моя участь.

Вельботные особенно лихо налегаютъ на весла. Крейсеръ „Аврору“ легко узнать издали по тремъ высокимъ трубамъ, какихъ нѣтъ ни у одного изъ другихъ судовъ. Четверть часа спустя я вступаю на его бортъ, являюсь командиру, знакомлюсь съ офицерами.



фот. Н. Апостоли.

Крейсеръ I-го ранга

„АВРОРА".

Капитанъ 1-го ранга Евгеній Романовичъ Егорьевъ извѣстенъ всему флоту, какъ лихой безстрашный морякъ, образцовый командиръ и милый собесѣдникъ. На меня онъ произвелъ сразу самое симпатичное впечатлѣніе. Офицеры крейсера молоды, энергичны, живутъ дружно и сплоченно. Чистота на суднѣ, порядокъ—образцовые. Все это дѣло рукъ старшаго офицера Аркадія Константиновича Небольсина, энергичнаго и неутомимаго. Я быстро схватываю разныя мелочи опытнымъ глазомъ, и радуется мое сердце моряка. Первое впечатлѣніе отъ „Авроры“ самое благопріятное. Команда веселая, бодрая, смотритъ прямо въ глаза, а не исподлобья, по палубѣ не ходитъ, а прямо летаетъ, исполняя приказанія. Все это отрадно видѣть.

На первыхъ-же порахъ меня поразило обиліе угля. Много его на верхней палубѣ, а въ батарейной палубѣ еще больше; три четверти каютъ-компаніи завалены имъ. Духота поэтому нестерпимая, но офицерство и не думаетъ унывать и не только не жалуется на неудобства, а, напротивъ, съ гордостью сообщаетъ мнѣ, что до сихъ поръ ихъ крейсеръ по погрузкѣ былъ первымъ, бралъ первыя преміи и вообще на очень хорошемъ счету у адмирала.

Зато осмотръ медицинской части привелъ меня въ полное уныніе...

Лазарета нѣтъ. То, что было лазаретомъ, операціонной, до самаго потолка завалено мѣшками съ сухарями. Аптека, правда, свободна отъ сухарей, но въ ней изъ-за жары нельзя работать; ванной также нельзя пользоваться: крейсеръ загруженъ, сидитъ въ водѣ по самые иллюминаторы; стоки гораздо ниже уровня воды, и послѣдняя не вытекаетъ, а, напротивъ, хлещетъ изъ-за борта, а потому стоки запаяны.

„Гдѣ же больные? гдѣ лазаретъ?“—„Больныхъ у насъ очень мало“, утѣшаетъ меня старшій офицеръ, „а лазаретъ находится въ батарейной палубѣ на рундукахъ“.

Отправляюсь въ батарейную палубу. На высокихъ рундукахъ, на которые и здоровому-то трудно влѣзть, ютятся рядомъ нѣсколько лихорадящихъ больныхъ, въ сосѣднемъ отдѣленіи лежитъ рожистый. Мнѣ объясняютъ, что переселеніе лазарета изъ жилой палубы въ батарейную вызвано невозможной жарой и духотой въ этихъ помѣщеніяхъ. Въ справедливости сказаннаго я убѣдился тотчасъ-же при первомъ обходѣ.

13-го февраля.

Первые дни посвящены мною всецѣло ознакомленію съ судномъ и съ командой. Вотъ уже второй день я произвожу медицин-

скій смотръ. Что здѣсь за молодцы! здоровые, стройные, такъ весело и бодро подходятъ, даютъ бойкіе отвѣты. Заглянулъ въ камбузъ, въ баню. Хорошо кормятъ, часто моютъ, умѣлое строгоразумное обращеніе такъ во всемъ и сказывается. Зато и по работѣ аврорская команда, говорятъ, первая на эскадрѣ и пресамолюбивая—никому уступить не хочетъ.

Команды у меня теперь не 300, а 600 человѣкъ. Больныхъ среди нихъ дѣйствительно мало — на амбулаторный пріемъ явилось не болѣе 20 человѣкъ, въ то время, какъ на „Изумрудѣ“ больные просто одолѣли: послѣдніе мѣсяцы по утрамъ являлось до 60 человѣкъ. Такое различіе въ состояніи здоровья команды „Изумруда“ и „Авроры“ объясняется тѣмъ, что „Аврора“ плаваетъ уже не первый годъ: люди привыкли, обтерпѣлись, загорѣли, обвѣтрились, а изумрудцы большей частью молодые матросы и вдобавокъ только что съ Невскаго завода, гдѣ они принимали участіе въ работахъ по постройкѣ крейсера.

Перспектива очутиться въ бою однимъ съ 600 человѣкъ команды мнѣ вовсе не улыбается. Впрочемъ флагманскій врачъ увѣряетъ, что N. назначенъ временно до прихода врача съ эскадрой Небогатова. „У Васъ обязательно будетъ младшій врачъ; уже вторая телеграмма послана“.

Отлично. Будемъ ждать. Мы такъ не торопимся, что младшій врачъ можетъ еще десять разъ прибыть на частномъ пароходѣ.

Медицинскій персоналъ на крейсерѣ „Аврора“ по своей численности больше таковаго-же на „Изумрудѣ“. Фельдшеровъ—2, санитаровъ—4. Старшій фельдшеръ Уласъ во время моего перваго дальняго плаванія на броненосцѣ „Сисой Великій“ находился у меня младшимъ фельдшеромъ. Санитары — молодцы. Всѣ уже дослуживаютъ срокъ своей службы.

Трудно примириться съ лазаретомъ на рундукахъ, и я ломаю себѣ голову, стараясь что-нибудь измыслить. Очень жаль свой прежній лазаретъ на крейсерѣ „Изумрудъ“, небольшой, но сверкавшій чистотой, бѣлизной, съ массой всякихъ удобствъ и приспособленій.

Я забылъ сказать, что „Аврора“ тотъ самый крейсеръ, которому не посчастливилось въ Гуллѣ—его разстрѣливали свои же суда. Командѣ было приказано лечь, а изъ боевой рубки засигналили всѣми сигнальными средствами, имѣвшимися въ распоряженіи, зажгли такъ называемую „рождественскую ёлку“, фальшфейера, лучи прожекторовъ пустили вверхъ. „Александръ III-й“ въ это время какъ разъ навелъ дула своихъ огромныхъ 12-ти дюймовыхъ чудовищъ и готовился ахнуть по „Авроръ“ залпомъ,

отъ котораго ей былъ-бы капутъ. Стрѣльба стихла. Попаданій оказалось всего пять, и два изъ нихъ въ каюту судового священника.

Пострадавшихъ было двое. Священнику раздробило плечо, и онъ скончался при явленіяхъ гангрены въ Танжерѣ. Матросъ, раненый въ ногу, поправился, но продолжать службу не могъ и былъ уволенъ на родину.

Я видѣлъ слѣды пробоинъ. Одинъ изъ 75-ти миллиметровыхъ снарядовъ сдѣлалъ въ борту и трехъ переборкахъ круглыя отверстія, немногимъ больше діаметра снаряда. Словомъ, даже отъ 75-ти миллиметровыхъ снарядовъ все судно пронизывается насквозь; брони, вѣдь, на „Авроръ“ нѣтъ.

Сегодня впервые слыхалъ нашъ оркестръ, содержащійся на средства офицеровъ: очень недуренъ. По моему это не роскошь, а необходимая вещь на большихъ судахъ, гдѣ команды иногда до 1000 человѣкъ. Музыка чрезвычайно благотворно вліяетъ на настроеніе, мѣняетъ его, вызываетъ особый подъемъ. На „Авроръ“ даже и авральныя судовыя работы исполняются подъ звуки оркестра; играется быстрый веселый „янки дудль“, и въ это время буквально вихремъ взлетаютъ на воздухъ тяжелые барказы, полубарказы, катера. Лихо работаетъ команда! Подъ звуки своего аврорскаго марша аврорцы полѣзутъ куда угодно. Какъ жаль, что во время боя оркестръ не можетъ играть. Впрочемъ, за ревомъ орудій его все равно и не услышишь. Все-таки инструменты наши рѣшено нарочно во время боя не прятать въ безопасное мѣсто—почемъ знать, быть можетъ, ко дну будемъ идти съ развѣвающимися флагами подъ звуки гимна.

По моей просьбѣ помѣщеніе для лазарета оставлено тамъ-же въ батарейной палубѣ, но увеличено вдвое, рундуки сломаны, убраны, на ихъ мѣстѣ размѣщены койки, переборки выкрашены бѣлой краской.

14-го февраля.

Былъ впервые на берегу. Городокъ носитъ названіе „Helleville“. Это маленькая французская колонія съ 50-ю европейцами.

Шлюпки пристаютъ къ хорошему длинному каменному молу. У самаго берега стоятъ вилла губернатора съ лаунъ-теннисомъ, таможня, два сарая съ угольными брикетами, полицейское управленіе, почта—телеграфъ въ Діэго-Суарецъ. Въ городѣ европейскихъ зданій очень мало: католическая каменная церковь, небольшой крытый рынокъ, галантерейный магазинъ, маленькій

ледодѣлательный заводъ, госпиталь на 20 коекъ, община католическихъ сестеръ милосердія (не помню какого ордена).

Кругомъ дивная растительность. Громадныя манговыя деревья усѣяны плодами; послѣдніе валяются всюду на землѣ; ѣдятъ ихъ люди, и куры, и утки. Чей-то бѣлый конь, развалившись на травѣ, получилъ оранжевую окраску отъ раздавленныхъ манго. Много пальмъ съ кокосами, лимонныхъ деревьевъ, папаи и другихъ фруктовыхъ, названія которыхъ не знаю. Многія деревья цвѣтутъ очень яркими цвѣтами преимущественно краснаго цвѣта; зелень всевозможныхъ оттѣнковъ; ліаны, вѣерныя пальмы, громадныя деревья изъ породы кактусовыхъ.

Масса хамелеоновъ, мѣняющихъ свои цвѣта, всякихъ ящерицъ и маленькихъ пестрыхъ птичекъ.

Населеніе „Helleville“ довольно разнообразно; французы, мулаты, негры, малайцы, индусы, персы, греки, евреи; есть даже и нашъ соотечественникъ—мрачный длинноволосый типъ.

Туземное населеніе города и острова составляютъ два племени: сакалавы и мальгаши; живутъ они въ бамбуковыхъ избушкахъ на курьихъ ножкахъ.

Поблизости отъ городка ванильныя плантаціи, интересныя для насъ, никогда невидавшихъ, какъ растетъ ванильный стручекъ. Это въ сущности ліана, которая разводится на расчищенной землѣ тропическаго лѣса, но для ея произрастанія нужно посадить одну породу деревца, на которомъ ліана эта хорошо культивируется.

Съ Мадагаскара вообще вывозится очень большое количество ванили; цѣна ея здѣсь 10 рублей одинъ кило (2,4 фунта). Кромѣ ванили экспортируется гуттаперча, эбонитовое дерево и, что курьезнѣе всего, мочала для подвязки европейскихъ виноградниковъ и плодовыхъ деревьевъ. Это, конечно, не липовая мочала, а какая-то трава въ обработанномъ видѣ, похожая на мочалу, только бѣлѣе и мягче.

Днемъ, обыкновенно съ 3-хъ до 6-ти часовъ, когда разрѣшается имѣть сообщеніе съ берегомъ, маленькій городокъ наполняется нашими бѣлыми тропическими шлемами и костюмами.

Большей частью публика, выйдя на молъ и поднявшись подъ ужаснѣйшимъ солнцепекомъ на крутую горку главной дороги, останавливается передъ почтамтомъ, въ крошечное окно котораго подается безчисленное количество писемъ и денежныхъ переводовъ роднымъ въ Россію. Выстраивается цѣлый хвостъ въ ожиданіи очереди, которая настаетъ не скоро. Покончивъ съ этимъ, большинство направляетъ свои стопы въ единственный

здѣшній кабачекъ „Café de Paris“, хозяинъ котораго за мѣсяцъ нашей стоянки навѣрное сталъ богатымъ человѣкомъ, такъ какъ деретъ ужасныя цѣны и каждую недѣлю повышаетъ ихъ. Чашка кофе—1 франкъ 50 сант., бутылка пива—3 фр. и т. д.

Такія-же аховыя цѣны и въ мелкихъ лавчонкахъ, въ сарайчикахъ, сколоченныхъ на скорую руку. Аферистовъ собралось тьма, отовсюду понаѣхали.

Молодежь наша усердно изучаетъ нравы мѣстнаго черномазаго населенія и шныряетъ по узкимъ переулкамъ, гдѣ благодаря рѣдко гостепріимному обычаю можно зайти въ каждый домикъ и свести знакомство съ любой красавицей — мамашей, дочкой, кузиной.

Обойти молчаніемъ мѣстныхъ дамъ было-бы прямо грѣшно. Вѣдь, здѣсь бабье царство. Племена управляются королевами. Мнѣ посчастливилось лицезрѣть ея величество королеву сакалавовъ, несомую въ особомъ паланкинѣ въ сопровожденіи свиты фрейлинъ. Женщины сложены прекрасно: высокая грудь, тонкая стройная талія, походка замѣчательно гордая; замысловатая прическа, золотыя украшенія—серьги въ ушахъ и носу; на рукахъ и на ногахъ масса серебряныхъ браслетовъ. Тѣло смуглое, темное, но не такое черное, какъ у негровъ. Вообще эта раса совсѣмъ не похожа на уродливыхъ абиссинцевъ, сомали, негровъ.

Костюмы вполнѣ приличны и напоминаютъ классическіе, тонкія хламиды самыхъ пестрыхъ цвѣтовъ, въ которыя женщины очень красиво драпируются. Женщинъ всегда можно встрѣтить у водопроводовъ группами съ высокими глиняными сосудами—амфорами на плечахъ. Дѣвушки до замужества пользуются полной свободой. Нравы вообще чрезвычайно просты и патріархальны.....

Мужчины?... ихъ я что-то и не примѣтилъ. Повидимому, они въ полномъ подчиненіи у своихъ половинъ.

Жизнь туземцевъ чрезвычайно дешева. Чистота въ избушкахъ прямо поразительная. Чужеземца встрѣчаютъ привѣтливо, но не назойливо. Дѣтвора ласковая и не торопится выклянчивать сантимы.

Съ уходомъ эскадры „Helleville“ опустѣетъ, торговцы разъѣдутся, и жители заживутъ прежней идиллической жизнью. Желающимъ насладиться ею вдали отъ суеты мірской предлагаю мирный уголокъ Носси-бэ. Такихъ уголковъ на земномъ шарѣ теперь немного.

15-го февраля.

На эскадрѣ частенько бываютъ похороны. Во время погрузки угля задохлось отъ углекислоты два человѣка машинной команды „Бородино“ въ угольныхъ ямахъ; одинъ умеръ на берегу отъ солнечнаго удара; на „Уралѣ“ лопнувшій гнилой топенантъ отъ погрузочной стрѣлы убилъ одного офицера, другого тяжело ранилъ.

Похороны сопровождаются извѣстнымъ церемоніаломъ. Свищутъ „всѣхъ на верхъ“; офицеры и команда выстраиваются во фронтъ.

Отъ госпитальнаго судна „Орелъ“ отдѣляется и медленно идетъ траурный миноносецъ. На ютѣ у него лежитъ зашитый въ парусину покойникъ, убранный зеленью и цвѣтами. Миноносецъ идетъ чрезъ эскадру, вдоль фронта судовъ, идетъ надрывающе душу медленно. Съ него доносится похоронное пѣніе, а на судахъ по мѣрѣ приближенія начинаютъ играть „Коль славенъ“. Миноносецъ выходитъ въ море, скрывается вдали; слышенъ одиночный пушечный выстрѣлъ—тѣло предано водѣ.

Печальный церемоніалъ замѣтно дѣйствуетъ на всѣхъ. Человѣкъ до 18 уже похоронено такимъ образомъ.

„Командѣ разойтись“—свистятъ боцмана.

Церемоніалъ кончился.

За обѣдомъ гремитъ уже другая, веселая музыка, и тяжелое впечатлѣніе мало по малу изглаживается.

Судовыя и эскадренныя ученья идутъ своимъ чередомъ. Дня на два выходили въ море на маневры. Съ наступленіемъ сумерекъ изъ опасенія нападенія миноносцевъ дѣлаются различныя приготовленія, тушатся огни, и мы проводимъ время наверху или задыхаемся отъ жары въ каютахъ при задраенныхъ наглухо боевыми крышками иллюминаторахъ (иначе виденъ свѣтъ).

Очень красивы ночныя ученья—отраженіе атаки миноносцевъ. Ужъ тогда всѣ наверху. Миноносцы, стараясь проскочить и приблизиться къ судну незамѣченными, маскируются и пускаются на разныя хитрости. Если это имъ удастся, судно считается взорваннымъ.

Я часто хожу по крейсеру и прикидываю мысленно, гдѣ-бы мнѣ основаться во время боя. Крейсеръ пронизывается насквозь. Артиллеристы говорятъ, что тотъ бортъ безопаснѣе, который подъ огнемъ: его пробиваетъ только снарядъ, а на слѣдующій бортъ летитъ уже со снарядомъ цѣлая куча осколковъ, захваченныхъ по дорогѣ. Мой предшественникъ предполагалъ устроить боевой

перевязочный пунктъ въ батарейной палубѣ въ церковномъ отдѣленіи.

Ждемъ прихода транспорта „Иртышъ“, одного изъ крупнѣйшихъ нашихъ угольщиковъ, со свѣжими новостями. Обносились всѣ невозможно. Запасныя вещи подмокли, заплѣснѣвѣли, заржавѣли.

На крейсерѣ много случаевъ маляріи; появились эпидемическія ушныя заболѣванія; у всѣхъ тѣло покрыто тропической сыпью—чешется ужасно, не даетъ покоя ни днемъ, ни ночью; при нашихъ условіяхъ средствъ противъ нея нѣтъ; обтиранія спиртомъ, одеколономъ хороши, ну да на всѣхъ этого не напасешься.

На-дняхъ въ Россію отправили транспортъ „Малайю“ и на немъ 28 человѣкъ съ острымъ туберкулёзомъ.

Команды съ судовъ стали урывать иногда время для рыбной ловли неводами. Дѣлается это въ цѣляхъ освѣженія стола и составляетъ для всѣхъ большое развлеченіе.

Рыбы масса: иныя похожи на сиговъ, сазановъ; другихъ команда называетъ чухонь; есть щуки, но большинство рыбъ исключительно тропическаго вида. Хотя здѣсь съ самаго сотворенія міра никто ихъ неводами не тревожилъ, но самыя крупныя изъ нихъ страшно умны и при каждомъ заводѣ невода, замѣтивъ ловушку, выскакиваютъ на большую высоту вверхъ и падаютъ по другую сторону невода, что имъ и удается очень часто.

Какой только чертовщины не вытаскивается неводомъ: морской аббатъ, котъ, собака, чёртъ, пила-рыба—только ахаетъ наша матросня, поражаясь фантазіей природы. Много ядовитой рыбы, съ пестрой, очень оригинальной и красивой окраской. Какъ доктору мнѣ приходится разбираться въ выловленной добычѣ—указывать годную для пищи. Мало по малу у меня накапливается коллекція разнаго звѣрья, чему очень сочувствуетъ командиръ, большой любитель природы.

Команда тащитъ ко мнѣ всё.

Купленный на африканскомъ берегу въ Габунѣ попка—премилое кроткое созданье, которое цѣлый день всѣ, кому не лѣнь, теребятъ. Репертуаръ у него самый обширный, память замѣчательная. Это большой другъ каютъ-компаніи.

Затѣмъ есть цѣлое стадо лемуровъ-полуобезьянъ, которые водятся только на Мадагаскарѣ. Одинъ изъ нихъ быстро приручился, общій забавникъ и баловень, ѣстъ все, особенно любитъ сардинки. Остальные — дикари, живутъ на реяхъ — никакъ не поймать: на страшной высотѣ прыгаютъ въ воздухѣ со штага на штагъ, а

ночью всѣмъ стадомъ спускаются внизъ воровать въ буфетѣ бананы и съ визгомъ и хрюканьемъ удираютъ, если ихъ настигнутъ на мѣстѣ преступленія.

Команда не можетъ жить безъ собакъ; у насъ ихъ двѣ: особенныхъ талантовъ онѣ, впрочемъ, не проявляютъ.

Инженеръ-механикъ К. завелъ себѣ пару оригинальныхъ друзей—препротивныхъ хамелеоновъ—самца и самку (на берегу ихъ тьма), возится съ ними, нѣжно ласкаетъ, дрессируетъ: поднесетъ къ мухѣ, и изъ пасти выбрасывается стрѣлой длинный тонкій языкъ—муха проглочена. Когда въ каюту К. приходятъ посторонніе, хамелеоны гнѣвно надуваются, топорщатся, мѣняютъ цвѣта. Лемуры, долго враждовавшіе съ ними, въ концѣ концовъ улучили-таки минутку и выбросили ихъ за бортъ.

Насъ одолѣли пруссаки—полчища ихъ, легіоны ходятъ днемъ и ночью повсюду голодные, злые, грызутъ одежду, сапоги, корешки переплетовъ, а по ночамъ выгрызаютъ у спящихъ кусочки кожи на рукахъ, на лбу. Видали-ли Вы когда-нибудь пруссаковъ-людоѣдовъ?

Мы стараемся изводить ихъ всяческими способами: ловимъ въ стаканы, обмазанные внутри полоской масла. Къ утру стаканы полны, но вмѣсто уничтоженныхъ враговъ появляются новые.

26-го февраля.

Наступила масляная. „Аврора“ и тутъ въ грязь лицомъ не ударила: офицерами была составлена интересная программа увеселеній для команды.

Въ 2 часа началась торжественная процессія — шествіе замаскированныхъ.

Былъ, конечно, Нептунъ, клоуны, дикари разныхъ племенъ. Два масляничныхъ дѣда, недурно загримированныхъ, хорошо исполняли свою роль на большой кучѣ каменнаго угля, которымъ загромождена вся верхняя палуба. Были очень откровенные негры, т. е. совершенно голые матросы, обмазанные свѣжей черной масляной краской. Въ процессіи живѣйшее участіе приняли, конечно, всѣ судовые звѣри, но лучше всѣхъ была большая свинья, выкрашенная охрой, съ синими ушами; она визжала и вырывалась, а велъ ее магометанинъ Гамиджи, нашъ присяжный шутникъ и остроумецъ, каждое слово котораго вызывало дружный взрывъ хохота.

На бакѣ были организованы спеціально морскія судовыя игры. Большая часть этихъ довольно забавныхъ и требующихъ

ловкости игръ въ общемъ сводилась къ тому, что какая-нибудь пара при самомъ неудобномъ для себя положеніи усердно тузила другъ друга при хохотѣ окружающихъ.

Давно ужъ мы не смѣялись такимъ здоровымъ, безпечнымъ смѣхомъ.

Затѣмъ послѣдовалъ рядъ небольшихъ состязаній: стрѣльба дробинками изъ ружей, вытягиваніе силомѣра, бѣганіе черезъ марсъ, состязанія въ семафорѣ, дальномѣрѣ, наводкѣ орудій.

Въ пять часовъ забѣгали наши катера, вельботы, барказы, полубарказы, шестерки; начались гонки на призы.

По окончаніи ихъ гребныя суда поднимались, какъ всегда, подъ звуки веселаго плясового „янки-дудль“. Палуба горѣла подъ ногами, тали дымились, въ нѣсколько секундъ какъ пушинки взлетали на воздухъ тяжелые барказы, а адмиралъ любовался въ бинокль съ борта „Суворова“ на лихихъ авроpцевъ.

Вечеромъ былъ спектакль на полубакѣ; крошечная сцена, талантливо росписанная мичманомъ Ильинымъ, изображала избу.

Около 7-ми часовъ вечера всѣ уже были на мѣстахъ, т. е. офицеры тѣснились на нѣсколькихъ стульяхъ, остальные зрители облѣпили все кругомъ тѣснаго пространства, стояли на пушкахъ, еще выше на скатанномъ тентѣ, стояли за бортомъ, держась за леера.

Вдругъ хлынулъ тропическій ливень, пришлось удирать внизъ.

Дождь вскорѣ пересталъ и далъ возможность закончить этотъ день согласно программы спектаклемъ и дивертисментомъ.

Наканунѣ этого дня наша программа празднества была послана въ штабъ для утвержденія. Сегодня вышелъ циркуляръ, въ которомъ программа эта приводилась дословно, и запрашивались командиры всѣхъ судовъ, позаботился-ли кто-нибудь изъ нихъ устроить какое-нибудь развлеченіе для команды.

Пришелъ давно ожидаемый „Иртышъ“.

Изъ Либавы онъ вышелъ въ 20-хъ числахъ декабря, и, какъ всѣ россіяне, вышелъ безъ копѣйки денегъ, но съ кредитивомъ.

Въ Саидѣ денегъ для своей надобности не принялъ. Въ Джибути хотѣлъ ждать прихода 3-й эскадры. Ревизора отправили за деньгами въ Саидъ, но въ это время „Иртышу“ было приказано немедленно уйти въ Носси-Бэ. Теперь ревизоръ съ деньгами долженъ ѣхать въ Сайгонъ, гдѣ и будетъ ожидать насъ. Интересно путешествіе solo съ большимъ мѣшкомъ золота.

Изъ штаба ни одного письмишка. Подѣйствовало это на всѣхъ убійственно.

Я очень занятъ: уже теперь одному тяжеленько, что же будетъ дальше? Тормошатъ цѣлый день, нерѣдко и ночью. Пріемы больныхъ (масса съ нервнымъ сердцебіеніемъ), перевязки раненыхъ, приведеніе своего хозяйства въ порядокъ, осмотръ запасовъ наполняютъ весь день. Набѣгавшись вдоволь по этажамъ нашихъ палубъ, къ вечеру не чувствуешь подъ собою ногъ.

Пріѣдетъ-ли на помощь мнѣ младшій врачъ, котораго, якобы, телеграммой вызывали?

Чего добраго останусь я одинъ, во время боя буду разрываться на части, а ранятъ—буду перевязанъ фельдшеромъ или вовсе останусь безъ медицинской помощи. Вотъ трагизмъ положенія судового врача.

Чувствуя, что повременамъ необходимо развлечься, спасаясь отъ лютой хандры, я удираю на берегъ на охоту: одѣваю костюмъ цвѣта хаки, шлемъ, беру фляжку съ водой и лимоннымъ сокомъ, принимаю облатку хинина (не лишняя предосторожность). Безъ тяжелыхъ ботфортъ нельзя—приходится лазить по болотамъ, да и змѣй страшновато. Въ провожатые охотно идутъ черномазые мальчишки.

Иногда приходилось уходить довольно далеко къ рѣкѣ, минуя по дорогѣ большое озеро. Оно лежитъ глубоко, точно въ кратерѣ. Пробраться сквозь гущу окаймляющихъ его береговъ камышей очень трудно и небезопасно. Мѣстные жители разсказываютъ, что оно очень глубоко и изобилуетъ крокодилами. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ французскіе офицеры, желающіе измѣрить глубину дна, спустили шлюпку, которая и была перевернута крокодилами на серединѣ озера.

Закрытое отъ вѣтровъ высокой воронкой кратера, озеро всегда спокойно, молчаливо и таинственно.

Въ небольшой рѣкѣ масса пороговъ. Нѣтъ, нѣтъ, гдѣ-нибудь вдали и высунется морда крокодила, которую вначалѣ непремѣнно пріймешь за плавающій чурбанъ.

Въ густой чащѣ съ трудомъ удается розыскать тропинку.

На самой дорогѣ частенько попадаются разнообразныя породы змѣй; лежатъ себѣ, свернувшись клубочкомъ, грѣясь на солнышкѣ.

Повстрѣчать пифона (небольшого удава въ сажень длиной) мнѣ не удалось, хотя ихъ здѣсь масса. Туземцы часто продавали на берегу живыхъ, слегка оглушенныхъ ударомъ бамбука.

Много было прелести въ этомъ шатаніи среди дѣвственной тропической растительности. Иногда приходилось пролѣзать въ чащѣ звѣриными тропами, рубить топоромъ ліаны, вѣчно въ

ожиданіи опасности прислушиваться къ каждому шороху, иногда слышать шумъ, трескъ ломаемаго камыша, затѣмъ всплескъ воды.

Выбравъ, наконецъ, удобное мѣстечко, мы устраивали засаду: долго сидѣли въ полномъ молчаніи, или же мальчишки подражали лаю щенка, визжанью поросенка, и вотъ гдѣ-нибудь совсѣмъ вблизи насъ, шагахъ въ пятнадцати, высовывалась изъ мутной воды морда; готовясь къ выстрѣлу, нужно было избѣгать малѣйшаго шороха.

Стрѣляли мы по крокодиламъ пулями думъ-думъ, приготовляя ихъ на суднѣ домашнимъ способомъ. Убитыхъ изъ воды нельзя было тотчасъ достать—трупъ всплывалъ лишь нѣсколько сутокъ спустя и гдѣ-нибудь далеко, значительно ниже того мѣста, гдѣ стрѣляли.

Послѣ охоты наступалъ отдыхъ, весело трещалъ костеръ, отгоняя назойливыхъ москитовъ, въ котелкѣ варился чай, разогрѣвались консервы.

Тѣмъ временемъ я и мои спутники, выбравъ себѣ предварительно мѣстечко выше по теченію рѣки, межъ порогами, гдѣ побезопаснѣе, помельче и вода свѣтлѣе, пострѣлявъ въ воду, рисковали купаться. Ужъ больно донималъ зной, и слишкомъ великъ былъ соблазнъ освѣжиться прѣсной водой. Здѣсь она въ изобиліи, не то, что на суднѣ, гдѣ даже на одно полвёдерко прѣсной воды для ванны требуется разрѣшеніе старшаго офицера.

Хорошо было въ прохладной водѣ. Надъ головой спускались вѣтви деревьевъ съ незнакомыми, причудливой формы цвѣтами, перепархивали маленькіе зеленые попугайчики („неразлучные“), пролетали бѣлые ибисы, цапли, дикіе голуби, кружились громадныя бабочки самой разнообразной окраски. Случалось выгонять изъ-подъ камней въ водѣ змѣю. Это портило все удовольствіе.

Послѣ одного изъ купаній получился ожогъ спины—сплошной пузырь—два дня нельзя было ни лечь, ни спать.

Съ пустыми руками домой рѣдко когда приходилось возвращаться.

Нѣсколько такихъ прогулокъ очень освѣжили меня и развѣяли хандру.

По воскресеньямъ отъ 4 до 6 часовъ дня, противъ губернаторскаго дома, играетъ суворовская музыка.

Военный оркестръ производитъ большую сенсацію, такъ какъ здѣсь никакой мѣстной музыки нѣтъ и не бывало. Въ эти часы можно увидѣть весь здѣшній beau—и просто monde. Музыка

играетъ рядомъ съ губернаторскимъ tennis-ground'омъ: тамъ, въ центрѣ кружка, губернаторша и жены другихъ лицъ, принадлежащихъ къ администраціи, разные секретари, мѣстный докторъ, офицеры съ французскаго стаціонера и наши.

Выдѣляется стройная фигура красавца мичмана князя Церетели, играющаго въ лаунъ-теннисъ.

Кругомъ самого оркестра черномазая публика, черныя няньки съ бѣлыми дѣтьми, двѣ-три французскихъ монашенки, аккуратно по формѣ одѣтыя, съ четками на боку, съ распятіемъ на груди.

Хорошенькая М-me Р., жена одного изъ здѣшнихъ купцовъ и еще другая дама, въ шикарныхъ бѣлыхъ платьяхъ, перчаткахъ и парижскихъ шляпахъ (несмотря на жару), напомнили намъ прелести Европы.

Сверху надъ головой шелеститъ листва громадныхъ манговыхъ деревьевъ; съ одного изъ нихъ шаловливая длиннохвостая сѣрая обезьяна бросаетъ въ публику тяжелые плоды манго, величиной съ яблоко.

Къ 6 часамъ вечера нужно непремѣнно поспѣть на шлюпку: опаздывать не полагается, а возвращаться на частной катаморанѣ даже опасно: свои же могутъ разстрѣлять—вообще надѣлаешь шуму на всю эскадру.

При подъемѣ флага утромъ играютъ гимнъ, затѣмъ марсельезу и маршъ Рожественскаго, вечеромъ же, при торжественно замирающихъ звукахъ „Коль славенъ“, съ послѣдними лучами солнца флагъ медленно спускается. Много поэзіи во всемъ этомъ, оригинальной, грустной поэзіи, особенно понятной сердцу моряка.

28-го февраля.

День проходитъ за днемъ, а мы все еще не трогаемся съ мѣста. Какія-то невѣдомыя намъ обстоятельства принуждаютъ насъ сидѣть здѣсь; бѣситъ всѣхъ это ужасно.

О политикѣ говорить не принято—ну ее! посылаютъ умирать—и шабашъ! отлично! только скорѣе-бы, а назадъ возвращаться—позоръ! хуже смерти! За что, спрашивается, мы столько претерпѣли? Не думаютъ-ли въ Россіи, что обогнуть Африку—веселый пикникъ?

Попрежнему сидимъ безъ вѣстей. Рѣдко, рѣдко по геліографу передастся телеграмма съ какой-нибудь новостью политическаго характера—она тотчасъ-же вывѣшивается на почтѣ—но большинство новостей, какъ съ родины, такъ и съ театра военныхъ

дѣйствій, такого характера, что лучше ихъ и не получать. Способствовать подъему нашего духа онѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ. Сегодня, напримѣръ: „50.000 русской арміи взято въ плѣнъ, Мукденъ взятъ, надняхъ будетъ отрѣзанъ Владивостокъ".

Цѣлый день прошелъ въ обсужденіи этого событія; мы плохо вѣримъ въ правдоподобность его, но тѣмъ не менѣе находимся въ скептическомъ настроеніи относительно дальнѣйшаго. Въ самомъ дѣлѣ Владивостокъ можетъ быть отрѣзанъ; тогда наша дальнѣйшая цѣль становится необъяснимой. Флотъ безъ базы— до сихъ поръ неслыханное предпріятіе.

Куда мы двинемся съ Мадагаскара, абсолютно никто не знаетъ. Адмиралъ, нужно отдать ему справедливость, мастерски держитъ все въ тайнѣ.

Наконецъ вышелъ приказъ готовиться къ продолжительному походу. Всѣ набрали страшную массу угля — на палубахъ горы мѣшковъ выше человѣческаго роста, офицерская каютъ-компанія завалена; оставлены лишь узкіе проходы и небольшія площадки вокругъ орудій. Загрузились такъ высоко, что, кажется, еще одинъ пудъ угля и ко дну пойдемъ.

Особенно страшно за броненосцы. Храни Богъ на случай бури. Насчетъ пожара у насъ тоже довольно скверно. Много дерева, тѣснота страшная. Дышать нечѣмъ: уголь отнялъ весь кислородъ. Многіе жалуются на сердцебіеніе.

Впервые видалъ, какъ аврорцы грузятъ уголь. Дѣйствительно любопытно посмотрѣть. Участіе принимаютъ рѣшительно всѣ. Бѣлоручекъ нѣтъ. Франтоватыхъ офицеровъ не узнать — всѣ превратились въ эфіоповъ, отдаютъ приказанія хриплымъ голосомъ: завтракъ проглатывается наскоро, разговоры только объ углѣ, соревнованіе страшное. Свою пальму первенства „Аврора" низачто не хочетъ уступить. Не остаюсь и я безучастнымъ зрителемъ—въ лазаретъ то и дѣло являются раненые — одни сами ковыляютъ, другихъ на носилкахъ приносятъ. У иныхъ раны на головѣ: отвернуты большіе лоскуты, обнажена кость. Привести раны въ чистое состояніе стоитъ большихъ трудовъ— тутъ даже лица не узнаешь, всѣ негры какіе-то. Да и рукъ маловато — половина медицинскаго персонала забрана на погрузку.

Наверху надъ всей этой угольной вакханаліей разносится задорно веселый „янки дудль". Подъ его бодрящіе звуки бѣгутъ съ мѣшками, съ телѣжками, толкая другъ друга, спотыкаясь, падая, сотни босыхъ ногъ по палубѣ, визжатъ лебедки, подни-

маются и съ трескомъ рвутся въ воздухѣ старые дырявые мѣшки, уже достаточно послужившіе на своемъ вѣку; уголь съ грохотомъ летитъ на палубу на головы, матросня норовитъ увернуться, да не всегда удачно.

Вакханалія кончена. На всемъ крейсерѣ безпробудное царство сна.

Мой утренній рапортъ командиру на слѣдующій день обогащается значительной цифрой прибылыхъ больныхъ—раненыхъ.

„Аврору“ посѣтилъ адмиралъ Рожественскій, обошелъ, подробно осмотрѣлъ помѣщенія, видѣлъ у меня въ лазаретѣ раненыя на погрузкахъ головы, остался очень доволенъ состояніемъ корабля, а за погрузку угля особенно благодарилъ, сказалъ, что лучшаго корабля онъ въ жизни не видалъ.

„Вознаградить Васъ за такую службу я не въ состояніи — одинъ Царь и Отечество вознаградятъ“.

Въ устахъ нашего строгаго, грознаго, но справедливаго адмирала такая похвала что-нибудь да значитъ—поэтому „Аврора“ сегодня ликуетъ.

Рожественскаго мы не узнали. Я, видѣвшій его послѣдній разъ лѣтомъ въ Петербургѣ, чуть не ахнулъ — такъ онъ измѣнился, сгорбился, посѣдѣлъ.

На другой день вышелъ приказъ по эскадрѣ: „Всѣ гг. старшіе и артиллерійскіе офицеры приглашаются въ такой-то день и часъ посѣтить „Аврору“ и поглядѣть распредѣленіе угля“.

(Наши 600 тоннъ сверхкомплектнаго угля по возможности расположены цѣлесообразно: уложены въ мѣшкахъ и просто косяками—такъ, чтобы не мѣшать дѣйствію своей артиллеріи и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ уголь могъ служить намъ хорошей защитой въ случаѣ, если непріятель застанетъ насъ въ такомъ видѣ).

Въ назначенный часъ съѣхалась тьма гостей, пріѣхали „наводить на насъ критику“. Мы встрѣтили ихъ какъ можно гостепріимнѣе, показали размѣщеніе угля, показали и нашу достопримѣчательность—слѣды Гулльской передряги, накормили прекраснымъ завтракомъ съ музыкой.

Спасибо имъ, ругали мало, больше хвалили.

Аврорскій водолазный офицеръ, мичманъ В. Я. Яковлевъ, со своей командой въ настоящее время отличается на „Жемчугѣ“— тамъ оказалось серьезное поврежденіе въ рулѣ, и вотъ водолазы чинятъ его безъ всякихъ доковъ, въ водѣ, не боясь акулъ. Такъ какъ и „Изумрудъ“ той-же постройки Невскаго завода, то и ему не

сегодня, завтра грозитъ поломка руля. Поэтому съ „Жемчуга“ водолазы переберутся на „Изумрудъ“. Водолазы другихъ судовъ заняты очисткой подводныхъ частей отъ наросшихъ за долгое пребываніе въ тропическихъ водахъ ракушекъ и „бороды“—морскихъ водорослей, значительно уменьшающихъ ходъ судна.

Индійскій океанъ.

3-го марта.

Южнѣе Сешельскихъ острововъ.

Пишу это письмо, а не знаю, придется-ли отправлять его.

Кажется, если я запечатаю его въ бутылку и брошу за бортъ, то шансы на полученіе будутъ одинаковы.

Итакъ, 3-го марта, въ два часа дня, не дождавшись парохода „Messageries Maritimes“, который долженъ былъ привезти для насъ почту, мы покинули цвѣтущіе, зеленые берега гостепріимно пріютившаго насъ острова, въ водахъ котораго Вторая Тихоокеанская эскадра провела въ общемъ около двухъ съ половиной мѣсяцевъ.

Послѣдніе дни промелькнули быстро въ большой суматохѣ, въ различныхъ пріемкахъ и закупкахъ.

Въ 11 ч. утра за часъ до ухода эскадры у насъ сломались подъемные механизмы парового катера. Подъемъ послѣдняго поэтому былъ крайне затруднителенъ, но удался.

Далеко раскинулась въ океанѣ наша громадная эскадра изъ 40 съ лишнимъ вымпеловъ. Военныя суда почти незамѣтны, такъ какъ теряются въ огромномъ количествѣ транспортовъ. Въ общемъ преобладаетъ удивительная разнотипность, если исключить 4 однотипныхъ броненосца. Зато каждое другое судно составляетъ unicum („Алмазъ“, „Свѣтлана“, „Донской“, „Наваринъ“, „Сисой“). Однотипные семь миноносцевъ уже успѣли порядкомъ поизноситься.

Присоединились къ намъ гиганты нѣмцы—„Уралъ“, „Терекъ“, „Кубань“—будущіе развѣдчики, лучшіе ходоки нашей эскадры и... громаднѣйшіе щиты для японской артиллеріи. Госпитальное судно „Орелъ“ сопровождаетъ эскадру.

Впереди гордо идутъ родные братья—красавцы „Изумрудъ“

и „Жемчугъ“. На фокъ-мачтѣ каждаго корабля высоко, высоко въ бочкѣ сидитъ сигнальщикъ, слѣдящій за горизонтомъ. Попробовалъ слазить туда и я. Долѣзъ до марса—тяжеленько! до салинга—еще того хуже! сдѣлалъ нѣсколько шаговъ еще выше по узкимъ выбленкамъ и отказался, голова закружилась: люди на палубѣ кажутся маленькими, маленькими, а самъ корабль узкимъ, длиннымъ, такимъ крохотнымъ среди этого водяного простора. Горизонтъ виденъ кругомъ миль на сорокъ. Позавидовалъ я лемурамъ, которые, не испытывая никакого головокруженія, тутъ-же рядомъ прыгали, возились по штагамъ, реямъ, цѣпляясь однимъ хвостомъ. Мой приходъ спугнулъ ихъ и заставилъ прыжками перебраться въ другія мѣста.

О томъ, куда эскадра идетъ, никто ничего не знаетъ. Запасы приказано взять максимальные—дней на 45.

Нагрузились по самые борта. Погода, къ счастью, намъ очень благопріятствуетъ.

Нѣсколько дней спустя сомнѣнія разсѣялись: обогнувъ сѣверную оконечность Мадагаскара, эскадра поднялась вверхъ къ порду, а затѣмъ вправо къ осту—ура! очевидно идемъ воевать, а не въ Джибути, какъ мы этого боялись.

Теперь мы находимся почти на самой серединѣ Индійскаго океана, входимъ въ такъ называемую „штилевую“ полосу, а затѣмъ вторично пересѣчемъ экваторъ.

Идемъ по хорошему.

Начались обычные случаи эскадреннаго плаванія: растягиванія, понуканія, выходъ изъ строя изъ-за остановокъ машинъ вслѣдствіе поврежденій, такъ что въ общемъ ходъ эскадры значительно сократился: вмѣсто девяти даемъ пять-восемь узловъ.

Жизнь на суднѣ теперь веселая, походная. Ежедневно много работаемъ по благоустройству судна въ военномъ отношеніи. Очень томитъ зной. Груды угля постепенно исчезаютъ съ верхней палубы.

Я разобрался въ имѣющемся у меня перевязочномъ матеріалѣ, разбросанномъ по разнымъ помѣщеніямъ. Прибавилось и больныхъ—все хирургическіе случаи.

Теперь дивныя лунныя ночи. Послѣ ужина всѣ выползаютъ на ютъ, вытаскиваютъ лонгшэзы; большей частью ведется мирная бесѣда, вспоминается далекая дорогая родина. Часто къ намъ запросто присоединяется и командиръ. Этотъ человѣкъ много плавалъ, много видѣлъ на своемъ вѣку; обладая большой наблюдательностью и юморомъ, онъ является всегда самымъ интереснымъ собесѣдникомъ.

Эту часть дневника я пишу въ командирскомъ помѣщеніи за удобнымъ столомъ. Въ открытый полупортикъ плещутъ волны, одинъ шагъ отдѣляетъ меня отъ неизмѣримой морской пучины.

Рядомъ черезъ открытую дверь небольшого шкапика вмѣстѣ со мной наслаждается чистымъ воздухомъ и ночною прохладой пифонъ—любимецъ командира и мой паціентъ. Евгеній Романовичъ поймалъ его на охотѣ и ударомъ палки перебилъ ему позвоночникъ. Переломъ срастается понемногу, только пифонъ нашъ что-то загрустилъ, объявилъ голодовку и, не шутя, рѣшилъ уморить себя.

Наверху въ чанѣ сидитъ небольшой крокодилъ—ахъ, какая это злая и проворная бестія, несмотря на свою кажущуюся неподвижность и меланхолію. Мы очень боимся за нашего любимаго лемура Мурку, который уже возненавидѣлъ крокодила и собирается выбросить его туда-же, куда и хамелеоновъ.

Какъ-то разъ мнѣ пришлось слышать разговоръ двухъ матросовъ, укладывавшихся спать.

„Экое горе!“ жалуется одинъ другому, „и спать ложиться-то страшно: изъ одного угла на тебя крокодилъ ползетъ, въ другомъ удавъ свернулся клубочкомъ; встанешь, пойдешь искать мѣстечко побезопаснѣе—и со всѣхъ ногъ летишь на палубу, споткнувшись о черепаху (ихъ у насъ двѣ, громадныя, на нихъ становиться обѣими ногами можно)—идешь дальше: тамъ ворчатъ, хрюкаютъ лемуры, тамъ хамелеонъ шипитъ, а пруссаки... что про нихъ и говорить! хуже собакъ накидываются, скоро всю шкуру съ тебя сгрызутъ“.

4-го марта.

Сегодня у насъ былъ маленькій трюкъ. Изъ лазарета крейсера „Жемчугъ“ черезъ иллюминаторъ умудрился вылѣзть и выброситься за бортъ больной матросъ (должно быть, сумасшедшій)—выбросился и поплылъ; суда прошли впередъ—набросали буйковъ. „Жемчугъ“ далъ полный ходъ назадъ, спустилъ вельботъ; госпитальное судно „Орелъ“, идущее позади всѣхъ, спустило на ходу двѣ спасательныхъ шлюпки и успѣло подобрать несчастнаго прежде, чѣмъ онъ пошелъ ко дну или сдѣлался добычей акулъ, которыми кишитъ здѣсь океанъ.

5-го марта.

Погода продолжаетъ намъ благопріятствовать, штилевая полоса оправдываетъ свое названіе.

Съ разсвѣтомъ приказано миноносцамъ идти на буксирахъ

у транспортовъ. Отъ непривычки заводить ихъ буксиры стали лопаться; снова пошли остановки. Только что присоединившійся къ эскадрѣ „Иртышъ“, какъ глухой провинціалъ, совсѣмъ не можетъ идти въ ногу съ другими, также и добровольцы. Вслѣдствіе сего нескончаемое количество адмиральскихъ сигналовъ. Виновныхъ въ неумѣніи держать мѣсто въ строю адмиралъ требуетъ къ себѣ поближе и, какъ говорятъ, лично задаетъ имъ въ мегафонъ (большой рупоръ) основательную проборку.

Сегодня у насъ свалился за бортъ индюкъ и феноменально быстро былъ спасенъ изъ лазаретнаго иллюминатора. Всѣ очень обрадовались его чудесному спасенію (изъ корыстныхъ видовъ конечно).

Не захотѣлъ идти на войну одинъ изъ молодыхъ крокодиловъ, котораго офицеры выпустили сегодня на ютъ для забавы. Онъ предпочелъ выскочить за бортъ и погибнуть въ океанѣ.

8-го марта.

Была первая погрузка угля. Погода благопріятствовала, океанская зыбь была очень умѣренная.

Въ 6 ч. утра эскадра застопорила машины, спустила съ транспортовъ спеціально желѣзные бота съ воздушными ящиками, съ линейныхъ судовъ барказы и паровые катера и принялась за погрузку.

Работали лихо.

Большія суда успѣли до 4-хъ часовъ дня принять около 200 тоннъ каждое; „Аврора“ приняла только 160 тоннъ, имѣя всего одинъ паровой катеръ (другой нельзя было спустить изъ-за поломки шлюпъ-балки въ день ухода изъ Носси-Бэ).

Во время этой остановки стало замѣтно, какое огромное количество акулъ провожаетъ нашу эскадру, питаясь различными отбросами; жадны онѣ ужасно, хватаютъ всё: дощечки, паклю, у самаго борта близъ мѣдной обшивки высовываютъ свои тупыя рыла и прежде, чѣмъ схватить, тяжело перевертываются и показываютъ бѣлое брюхо. Пасть огромная—голова войдетъ свободно, а между тѣмъ все это акулы средней величины.

Ловили мы ихъ очень просто: на большіе рыболовные крючья наживляли солонину и на прочномъ концѣ выбрасывали за бортъ, поплавкомъ служили дощечки. Акулы здѣсь неизбалованы и хватали быстро; благодаря необыкновенной прозрачности воды было ясно видно, какъ онѣ, услыхавъ всплескъ воды отъ брошенной приманки, тотчасъ-же устремлялись на нее изъ глубины. Иногда, приличія ради, сначала только понюхаетъ,

отойдетъ, потомъ сразу перевернется, схватитъ и сильно тянетъ ко дну, да такъ стремительно, что если кто зазѣвается, то конецъ каната собьетъ съ ногъ и увлечетъ за бортъ.

Пойманную акулу начинали тащить гуртомъ; цѣлый водоворотъ образовывался отъ ударовъ ея хвоста; нерѣдко уже поднятая на воздухъ, она мощнымъ движеніемъ срывалась съ крюка и тотчасъ-же бросалась на ту-же самую приманку. Во избѣжаніе подобныхъ случаевъ приходилось въ то время, пока ее тащили, сажать въ голову изъ браунинга пули — одну за другой. Это ее не убивало, но нѣсколько ошеломляло.

Въ эту остановку намъ попались двѣ довольно большія.

Вмѣстѣ съ одной изъ нихъ вытащили присосавшихся къ ней противныхъ прилипалъ.

Одна изъ акулъ оказалась мужского пола, другая женскаго.

Мы констатировали невѣроятную ихъ живучесть: вырѣзанное сердце полчаса спустя усиленно продолжало сокращаться.

Животъ былъ вскрытъ, и всё содержимое выложено на палубу. Въ желудкѣ самца находился черепъ и шейные позвонки большой птицы, масса кусковъ солонины и машинной пакли. Самка сравнительно была голодна: въ желудкѣ у нея оказался только одинъ чрезвычайно интересный экземпляръ морского животнаго: нѣчто въ родѣ хризантемы изъ нѣсколькихъ толстыхъ лепестковъ, въ центрѣ которыхъ торчалъ чисто попугайный клювъ, принадлежавшій несомнѣнно этому моллюску Индійскаго океана.

У одной акулы я отпрепарировалъ челюсти. Получился великолѣпный препаратъ. Зубовъ плоскихъ, пластинчатыхъ масса— 6—8 рядовъ, всѣ обращены остріемъ внутрь. Добычѣ назадъ ужъ никакъ не вырваться. Это былъ экземпляръ такъ называемой „тигровой“ акулы.

Часа за два до заката солнца эскадра подняла свои шлюпки, бота и паровые барказы, построилась въ походный порядокъ, и снова по океану вытянулась длинная, миль на пять, линія двухъкильватерной колонны съ многочисленными разноцвѣтными огнями, представлявшая въ общемъ видъ громаднаго хорошо освѣщеннаго города съ проспектами въ родѣ Невскаго.

10-го марта снова дневная остановка, снова погрузка угля, но менѣе успѣшная, такъ какъ зыбь была гораздо сильнѣе.

Скучать намъ не приходится.

Работы всѣмъ хватаетъ.

Медицина за день такъ надоѣдаетъ, что и говорить о ней не хочется. Между тѣмъ дѣлается ежедневно много: весь имѣющійся громадный запасъ перевязочнаго матеріала, медикаментовъ

разобранъ, сосчитанъ, разложенъ въ разныя мѣста на случай пожара. Передъ уходомъ изъ Носси-Бэ кое-что было дополнено съ госпитальнаго судна „Орелъ“. Ежедневно нарѣзывается и стерилизуется перевязочный матеріалъ. Боевой перевязочный пунктъ оставленъ на томъ-же мѣстѣ—во 2-омъ отдѣленіи батарейной палубы—въ церковномъ отдѣленіи; онъ будетъ считаться главнымъ, центральнымъ, а на мѣстѣ лазаретовъ по правому и лѣвому борту будутъ помѣщаться запасные боковые.

Носилокъ мало, всего 7 штукъ; приказалъ сдѣлать еще семь. Санитарный отрядъ въ числѣ тридцати человѣкъ росписанъ по разнымъ мѣстамъ судна, снабженъ всевозможными инструкціями.

11-го марта.

Сегодня была операція: вылущеніе опухоли на шеѣ. Часть офицеровъ пожелала присутствовать.

14-го марта.

Теперь уже выяснилось, что мы пойдемъ Малакскимъ проливомъ. До Суматры осталось полъдороги.

Думаемъ, что не сегодня—завтра гдѣ-нибудь въ океанѣ, въ заранѣе назначенномъ мѣстѣ, произойдетъ встрѣча съ 3-ьей Тихоокеанской эскадрой.

Готовясь ко всякой случайности, офицеры обмѣнялись адресами своихъ домашнихъ; позаботились и о вещахъ: одну часть оставили наверху, другую спрятали въ погреба на случай пожара.

Я прочелъ подробную лекцію офицерамъ о поданіи первой помощи. Соотвѣтственно демонстрировалъ ее. Командѣ прочелъ отдѣльно въ сокращенномъ и болѣе популярномъ изложеніи. Съ санитарнымъ отрядомъ все время ведутся спеціальныя занятія—это мои непосредственные помощники—всецѣло въ моемъ распоряженіи во время боя—имъ нужны обстоятельныя свѣдѣнія. Кромѣ того веду занятія со старшимъ фельдшеромъ, повторяю съ нимъ курсъ анатоміи, расположеніе сосудовъ, простѣйшія операціи.

Это, вѣдь, мой младшій врачъ.

Ночью исчезъ любимый лемуръ: должно быть, упалъ за бортъ во время своихъ прыжковъ и кувырканій черезъ голову. Остальные попрежнему ходятъ стадомъ по вантамъ, во главѣ со своимъ чернымъ вожакомъ, котораго они, видимо, страшно боятся.

Послѣ погрузокъ 15-го и 16-го марта угольный запасъ нашъ сталъ опять 1300 тоннъ.

Снова завалена вся верхняя палуба, проходъ возможенъ только по узенькимъ корридорчикамъ, оставленнымъ между угольными сооруженіями, которыя на этотъ разъ похожи на дѣтскія игрушечныя работы изъ кубиковъ, такъ какъ принятый уголь брикетный, англійскаго производства.

20-го марта.

Семнадцатый день въ морѣ. Прошли и оставили къ сѣверу Сешельскіе острова, поднялись между Малединвскими и архипелагомъ Чагоса. Шли вдали отъ ихъ береговъ. Экваторъ уже пересѣкли и изъ штилевой полосы вышли, поднявшись къ сѣверу. Послѣдній даетъ себя чувствовать—мерзнемъ—до того всѣ привыкли къ адской жарѣ.

Что-же третья эскадра? Жадно впиваемся глазами въ горизонтъ. Ни одного дымка.

По мѣрѣ приближенія къ Суматрѣ и небольшого удаленія отъ экватора погоды измѣнили свой характерный видъ: чаще всего небо бываетъ заволочено тучами, каждый день съ трехъ до четырехъ часовъ налетаютъ шквалы, но къ ночи или къ утру обыкновенно стихаетъ. Это сильно затруднило угольныя погрузки. Тяжело ползутъ на буксирѣ у паровыхъ катеровъ загруженные барказы, колыхаясь на зыби; бьетъ ихъ о бортъ.

Благополучное движеніе нашей эскадры находится всецѣло въ зависимости отъ частой возможности подгруживаться углемъ.

Дальше это будетъ всё труднѣе въ виду приближенія къ непріятелю, и уже теперь имѣются подозрительные симптомы, указывающіе какъ будто на его близость.

Почти каждый вечеръ „Донской“, „Изумрудъ“ и „Кубань“ доносятъ о будто видимыхъ ими повременамъ судовыхъ огняхъ на сѣверную сторону эскадры.

И у насъ на „Аврорѣ“ въ послѣднее время ночью нерѣдко замѣчали на горизонтѣ огонекъ, слѣдующій за нами то сзади, то гдѣ-нибудь со стороны. Изъ любопытства всѣ перелазили на марсъ и на салингъ.

Если это не галлюцинація, не заходящія у горизонта звѣзды, а настоящіе судовые огни, то это только можетъ быть выслѣживающій насъ непріятель, но не огни коммерческихъ пароходовъ, которымъ въ этой широтѣ совершенно незачѣмъ быть.

Этотъ таинственный огонекъ всѣхъ насъ очень интригуетъ.

Мы теперь недалеки отъ о. Чагоса, на которомъ, по слухамъ,

такъ недавно гостилъ со своимъ отрядомъ Камимура. Ночная атака миноносцевъ весьма возможна.

На эскадрѣ ночью очень внимательны.

Съ провизіей несовсѣмъ ладно—солонина стала все чаще и чаще портиться—вскроютъ боченокъ: „запахъ“ (выражаясь деликатно) разносится по всему судну. Каждый разъ все больше и больше приходится забраковывать. Запасъ свѣжаго мяса, хранившагося въ рефрежираторахъ, давно истощился, но далеко не всѣ суда обладаютъ такой необходимой вещью, какъ рефрежираторъ.

Команда безъ сапогъ. Имѣетъ по одной фуражкѣ, которая бережется самымъ тщательнымъ образомъ. Во время погрузки кто носитъ феску, кто колпакъ, большая часть просто пустой чехолъ, а одинъ даже въ цилиндръ вырядился, который ему живо смяли во время погрузки.

Послѣднее время на суднѣ много случаевъ маляріи. Въ день прибываетъ человѣкъ пять съ сорокаградусной температурой. Послѣ первой большой дозы хинина приступы больше не повторяются.

23-го марта.

Сегодня утромъ распрощались съ Индійскимъ океаномъ, о которомъ впрочемъ сохранили самое пріятное воспоминаніе; первую половину его прошли полнымъ штилемъ, а во второй налетавшіе шквалы обыкновенно черезъ нѣсколько часовъ затихали, зыбь была сносная, что и давало намъ возможность грузиться неоднократно. Погрузку начинали съ ранняго утра и даже въ самый солнцепекъ не прекращали. Частенько насъ поливалъ и освѣжалъ тропическій дождикъ, налетавшій вмѣстѣ со шквалomъ.

Въ виду приближенія къ непріятелю, количество сверхкомплектнаго угля на всѣхъ судахъ уменьшено адмираломъ: для „Авроры“ полный запасъ установленъ теперь въ 1250 тоннъ, для броненосцевъ въ 1800 тоннъ.

При послѣдней погрузкѣ миноносецъ „Буйный“ получилъ поврежденіе въ носовой части; раньше такой случай уже былъ съ другимъ миноносцемъ.

Похоронили мы въ Индійскомъ океанѣ двухъ матросовъ, умершихъ на госпитальномъ суднѣ „Орелъ“, потопили одинъ паровой катеръ съ броненосца „Сисой Великій“; его во время погрузки зыбью ударило о бортъ броненосца, прижало и перевернуло: офицера и команду, очутившихся въ водѣ, подобрали, прежде чѣмъ акулы успѣли накинуться на нихъ.

Сегодня въ часъ дня прошли между Никобарскими остро-

вами и Суматрой. Засинѣли вправо на горизонтѣ горы острова Пуловея (у сѣверной оконечности Суматры), милаго Пуловея, съ которымъ у меня связано столько охотничьихъ воспоминаній.

Малакскій проливъ.

Вошли въ Малакскій проливъ; чѣмъ дальше, тѣмъ онъ уже становится. Здѣсь идти тревожно. Каждую ночь можно ожидать нападенія миноносцевъ. Миновали спокойные денечки.

Ну, а гдѣ же наша 3-ья Тихоокеанская эскадра? наша пресловутая 3-ья эскадра, посланная для успокоенія общественнаго мнѣнія? Будемъ-ли мы ждать ее или нѣтъ?

Нынѣшнее настроеніе офицеровъ и команды мнѣ очень нравится: всѣ какъ-то воспрянули духомъ, чрезвычайно дѣятельны, бодры, работа кипитъ; странно, что адмиралъ, несмотря на двукратную просьбу командира, почему-то не разрѣшаетъ выломать и выбросить все дерево за бортъ. У насъ очень много горючаго матеріала. Дѣлаются попытки защитить и мой боевой перевязочный пунктъ: вдоль борта вѣшаются желѣзные колосники. Разумѣется, какъ защита, все это сущіе пустяки.

Днемъ встрѣтили одно коммерческое судно, идущее къ Пуловею—скоро вся Европа будетъ оповѣщена по телеграфу о нашемъ мѣстонахожденіи.

Воображаю! какіе толки и путаница были въ газетахъ! Куда дѣлась эскадра? Ужъ не вокругъ-ли Австраліи она идетъ? Потомъ разочарованіе и негодованіе. Помилуйте! ползти Индійскимъ океаномъ двадцать дней!

Съ наступленіемъ темноты разносятся и ставятся на палубѣ пиронафтовые фонари, пущенные въ четверть огня; или же зажигаются электрическія лампочки, окрашенныя въ темносиній цвѣтъ—сидимъ мы въ этой полутьмѣ, лица кажутся мертвенно-блѣдными; разговоры не клеятся. Скучно.

На музыку большой спросъ. Въ этой темнотѣ почти каждый вечеръ я играю свои любимые мотивы, часто полные меланхоліи и грусти; публика слушаетъ молча, пригорюнившись.

Нѣсколько словъ по поводу нашего каютъ-компанейскаго музыкальнаго инструмента.

Перенесеніе его въ новое помѣщеніе—въ командирскую столовую, послѣ того какъ прежнюю каютъ-компанію пришлось

завалить углемъ, доставило много трудовъ и смѣху. (Это происходило еще до моего прибытія на переходѣ изъ Габуна въ Гритфишбай).

Вначалѣ, когда наваливали уголь, пришли къ заключенію, что піанино по его величинѣ невозможно пронести сквозь извилистый и узкій корридоръ, соединяющій прежнюю каютъ-компанію съ новой.

Поэтому рѣшено было оставить его на старомъ мѣстѣ и закутать брезентами ввиду сосѣдства угля.

Но черезъ сутки наши музыканты соскучились безъ него, открыли брезенты и нашли, что піанино уже пострадало: звукъ, дескать, сталъ глуше. Тогда двое энергичныхъ мичмановъ рѣшили его разобрать и въ такомъ видѣ перенести. Надъ ними трунили, смѣялись; однако разборка шла съ такой спѣшностью, что около нихъ скоро образовались цѣлыя горы разныхъ винтовъ, палочекъ, кусковъ дерева и т. п.

Въ концѣ концовъ двѣ выдающіяся части, на которыхъ помѣщается клавіатура, не поддались разбору, такъ какъ оказались великолѣпно приклеенными.

Этотъ эпизодъ привелъ всѣхъ въ уныніе, и было рѣшено разобрать косяки дверей желѣзной переборки.

Долго стучали, ломали; наконецъ съ великимъ трудомъ удалось втащить піанино въ узкій кривой корридоръ, гдѣ снова надо было устранить массу препятствій.

Къ 11 ч. вечера піанино допутешествовало до входныхъ дверей новой каютъ-компаніи, которыя также оказались узкими и были облицованы желѣзомъ, такъ что всякое уширеніе оказалось невозможнымъ.

Обливавшіеся потомъ иниціаторы переноса злились, противники злорадствовали и хохотали до упаду; совѣты и остроты сыпались со всѣхъ сторонъ, обстоятельства становились критическими, и изъ трагикомедіи легко могла-бы выйти трагедія.

Всѣ уже отступились, когда явился старшій офицеръ и рѣшилъ, что кусокъ піанино надо отнять.

Посыпались насмѣшки, какъ это пилить піанино. Но, дѣйствительно, это былъ единственный исходъ.

И вотъ появился судовой плотникъ съ пилой и началъ пилить піанино.

Думаю, что звуковъ пиленія піанино никто еще никогда не слыхивалъ, а потому въ одной группѣ офицеровъ раздался гомерическій хохотъ, а въ другой—плохо скрываемая злоба и досада.

Когда былъ отпиленъ порядочный кусокъ, остатки піанино

внесли на мѣсто, и стараніями тѣхъ-же двухъ иниціаторовъ оно снова было собрано къ 2-мъ часамъ ночи.

Плотникъ искусно придѣлалъ отпиленную часть, и офицеры стали снова извлекать увеселяющіе звуки.

Сегодня вечеромъ игра была неожиданно прервана, всѣ моментально выскочили наверхъ. Сквозь открытый полупортикъ обрисовалась вдругъ громадная черная масса, надвигавшаяся прямо на насъ: вотъ, вотъ таранитъ.

Это былъ броненосецъ „Орелъ“, у котораго случилась какая-то поломка въ машинѣ, а затѣмъ погасло электричество. Мы прошли близехонько отъ броненосца, переговариваясь.

25-го марта.

Сегодня Благовѣщеніе — праздникъ, поэтому у насъ нѣтъ никакихъ работъ, хотя многое еще нужно приготовить. Но, вѣдь, сегодня и „птица гнѣзда не вьетъ“.

Было богослуженіе. Грѣшники стояли, переминаясь съ ноги на ногу, крестились, думали о томъ, о сёмъ, ловили себя на посторонніхъ мысляхъ, сейчасъ-же усиленно крестились, подтягивали баскомъ, а черезъ минуту снова разсѣянно глазѣли въ открытые полупортики на быстро бѣгущія волны.

Мы проходимъ узкія и самыя опасныя мѣста пролива—отовсюду можно ждать нападенія. Днемъ нерѣдко попадаются навстрѣчу или обгоняютъ сзади коммерческія суда.

За нами слѣдятъ — въ этомъ мы убѣдились — вотъ уже четыре ночи виденъ на горизонтѣ далеко сзади какой-то огонекъ, а передъ заходомъ солнца иногда и дымокъ небольшой показывается.

Вчера ночью прошелъ съ полными огнями встрѣчный пароходъ, а потомъ зачѣмъ-то повернулъ и держался сзади на нѣкоторомъ разстояніи цѣлыхъ два часа. Любопытствовалъ. Поздно вечеромъ среди полной темноты сверкнувшая молнія освѣтила идущій справа отъ насъ пароходикъ безъ огней — затѣмъ сейчасъ-же налетѣлъ страшный шквалъ съ проливнымъ дождемъ— всё скрылось изъ глазъ. Наступила тропическая „воробьиная“ ночь, величественная и грозная.

Я уже говорилъ о томъ, что разсуждать о политикѣ мы не особенно любимъ: не вѣримъ мы въ успѣхъ нашей армады, но всѣ одинаково жаждемъ отмстить за эти самые „Ретвизанъ“, „Севастополь“, „Полтаву“, „Петропавловскъ“, „Баянъ“, „Новикъ“,

на фотографіи которыхъ мы, моряки, смотрѣть теперь рѣшительно не въ состояніи. Сердце щемитъ.

А что теперь дѣлается въ Манчжуріи? Куда еще отступаетъ Куропаткинъ?

Офицеры сегодня предложили командиру очистить всѣ свои каюты, завалить ихъ мѣшками съ углемъ, а свободное пространство между каютами уступить подъ боевой перевязочный пунктъ. Командиръ не разрѣшилъ. Я тоже не былъ особеннымъ сторонникомъ этой идеи: каютами можно будетъ воспользоваться для раненыхъ послѣ боя.

26-го марта.

Въ проливѣ, конечно, совершенно тихо, теченье быстрое. Съ азіатскаго берега тянетъ амброзіей и нектаромъ — какіе-то ужасно пряные ароматы.

Справа Суматра, не вполнѣ покоренная голландцами. Въ центральной ея части нога европейца еще не бывала.

Въ проливѣ все чаще и чаще стали попадаться встрѣчныя или обгоняющія большимъ ходомъ суда. Большинство ихъ шарахается отъ насъ, какъ отъ зачумленныхъ (памятуя Гулльскій инцидентъ), въ особенности ночью, когда мы внезапно освѣщаемъ ихъ прожекторами.

Избѣгнувъ на этотъ разъ повторенія инцидента, мы въ часъ дня стали проходить Сингапуръ, идя узкимъ проливомъ мимо острововъ, покрытыхъ богатѣйшей растительностью. Глядя на свѣжую зелень, мы облизывались, вспоминая—какъ вы думаете—о чемъ?—о вкусныхъ вещахъ вродѣ картофеля, лука, огурцовъ, салата и даже чеснока. О сингапурскихъ же ананасахъ и думать не смѣли. Не до ананасовъ теперь. Морскіе волки вспоминали пріятно проведенное ими нѣкогда время въ этомъ городѣ, я-же негодовалъ на злую насмѣшку судьбы: вотъ уже второй разъ въ жизни я прохожу мимо Сингапура, не останавливаясь, въ разстояніи всего какихъ-нибудь семи миль отъ него.

На этотъ разъ наши суда не скандалили, не выходили изъ строя и шли стройными колоннами. Подтянулись и вѣчно неисправные транспорты: „Кіевъ“, „Князь Горчаковъ“, „Владиміръ“.

Къ борту броненосца „Суворовъ“ хотѣлъ пристать небольшой пароходикъ съ русскимъ консуломъ, вышедшимъ встрѣтить насъ, но почему-то не присталъ. Г. Рудановскій по общему отзыву весьма энергичный и дѣятельный консулъ; рѣдко мнѣ приходилось слышать отъ моряковъ хорошіе отзывы о нашихъ консулахъ.

Консулъ все-таки присталъ къ борту концевого крейсера „Дмитрій Донской“, которому „Аврора“ тотчасъ-же нетерпѣливо засемафорила, прося подѣлиться новостями.

Новости оказались изъ рукъ вонъ дрянь: наша армія, покинувъ громадные запасы провіанта, отступила за Телинъ; Куропаткина смѣнилъ Линевичъ.

Не поздоровится отъ этакихъ вѣстей.

Въ Сингапурѣ двѣ недѣли тому назадъ гостилъ японскій флотъ; въ настоящее время онъ отошелъ къ сѣверной оконечности острова Борнео, къ бухтѣ Сула или Лабуанъ, гдѣ у него база; крейсера-же и миноносцы сосредоточились неподалеку у острововъ Натуна. Съ ними подводныя лодки.

Эскадра Небогатова находится въ Джибути.

Проходя Сингапуръ, мы разглядывали городъ, высокій соборъ въ готическомъ стилѣ, два большихъ англійскихъ крейсера въ бухтѣ; справа-же оставляли пустынные островки съ песчаными отмелями, тихими заводями съ зеркальной гладью воды.

Солнце, бирюзовая вода—точно въ сказочной рѣкѣ плывешь, панораму смотришь, глазъ отрывать не хочется.

Оставивъ далѣе по правую руку бѣлый конусообразный баканъ и опасныя скалы, замѣтныя по набѣгавшимъ на нихъ бурунамъ, миновавъ еще нѣсколько островковъ съ громадными нефтяными цистернами, мы вышли наконецъ въ Южно-Китайское море—въ ожидаемый районъ военныхъ дѣйствій. Если вѣрны полученныя свѣдѣнія, то встрѣча съ непріятелемъ можетъ послѣдовать не сегодня—завтра.

Выяснилось, что Рожественскій ведетъ насъ за Сайгонъ въ бухту Камранъ, принадлежащую французамъ и отстоящую отъ Малакскаго пролива миль на четыреста.

Южно-Китайское море.

27-го марта.

Рано по утру занялись погрузкой угля; на горизонтѣ разставили сторожевыя суда „Уралъ“, „Терекъ“, „Кубань“, „Олегъ“, „Изумрудъ“. На этихъ погрузкахъ всегда разбрасываемся очень далеко и строимся чуть не два часа. Верхнюю палубу загромождать углемъ уже не будемъ, дабы не мѣшать дѣйствію орудій.

Этой стоянкой я воспользовался для того, чтобы перепра-

вить на госпитальное судно „Орелъ“ матроса съ воспаленіемъ червеобразнаго отростка.

До острововъ Натуна осталось миль сто пятьдесятъ; мы будемъ проходить ихъ около 12—1 ч. ночи, готовые отразить минную атаку.

Команда работаетъ чудно, спокойно, энергично. Въ каютъ-компаніи еще больше поднялся спросъ на музыку: все требуютъ нашъ гимнъ. Налету я присаживаюсь къ піанино, играю гимнъ, какой-нибудь бравурный маршъ или нашъ любимый аврорскій, который исполняетъ нашъ оркестръ, грустный, но рѣшительный маршъ. Онъ, очевидно, наиболѣе отвѣчаетъ настоящему нашему настроенію.

Вечеромъ съ броненосца „Суворовъ“ телеграмма: „крейсерамъ „Олегу“ и „Аврорѣ“ изъ крейсерскаго отряда перейти въ броненосный и во время боя быть въ хвостѣ броненосной кильватерной колонны“.

Бѣдные транспорты!

Зато у насъ ликованье! Мы—„броненосцы“! Будемъ сражаться вмѣстѣ съ броненосцами. Погибнемъ въ настоящемъ линейномъ бою, а не при транспортахъ.

„Аврора“—небронированный корабль съ массой дерева—очень не безопасный въ пожарномъ отношеніи, особенно въ кормовой части, гдѣ находятся разныя провизіонныя отдѣленія, лазаретъ, заваленный старымъ деревомъ, ящиками съ консервами — гдѣ тѣсно, темно, а выходъ всего одинъ и довольно далекій въ офицерское отдѣленіе по трапу. Всѣ опасаются, что съ пожаромъ въ кормѣ намъ не справиться: оттуда выгонитъ дымъ.

Безъ дѣла—тоска. Попробовалъ проглядѣть оперативную хирургію—не читается. Нужно живое дѣло, какая-нибудь физическая работа.

Стемнѣло. Пробита вечерняя боевая тревога, ставшая уже обычной. Орудія заряжены. Огни потушены. Въ полутемной каютъ-компаніи за столомъ сидитъ публика и бесѣдуетъ вполголоса. До острововъ Натуна осталось нѣсколько часовъ. Меня клонитъ предательскій сонъ. Не выдерживаю и ложусь. Разбудятъ.

28-го марта.

Ночь прошла мирно. На суднѣ идетъ лихорадочная работа по постройкѣ защищающихъ траверзовъ у каждаго орудія: подвѣшиваются сѣти миннаго загражденія, и въ нихъ кладется рядъ

коекъ. Даже освобожденные отъ работъ больные и тѣ вышли принять участіе въ общихъ трудахъ. Суетится и несчастный чахоточный съ острымъ кровохарканьемъ матросъ Б. до тѣхъ поръ, пока я не дѣлаю видъ, что сержусь на него.

Очевидно, у всѣхъ сейчасъ одна и та же потребность отвлечь свои мысли работой.

Въ моемъ отдѣленіи молодцомъ распоряжается энергичный младшій боцманъ Соколовъ, а помогаетъ ему расторопный квартирмейстеръ Никитинъ. По моему настоянію и у меня поставлено два коечныхъ траверса.

Дѣла! побольше дѣла! безъ него тоска смертная.

Наконецъ мы добились до того, что командиръ приказалъ на свой страхъ выломать и выбросить за бортъ всё дерево. То-то пошла работа!

Дѣло кипитъ: трещатъ рундуки, внутренній деревянный бортъ, обшивка, ящики съ консервами. Всѣ пришли въ азартъ. Точно духъ разрушенія овладѣлъ нами. Офицеры сами рубили топорами деревянную телеграфную рубку на шканцахъ и перетаскивали на плечахъ къ борту тяжелыя бревна. Дошла очередь и до нижняго лазарета: полетѣли за бортъ столы, стулья, тюфяки, шкапики.

Въ результатѣ было очищено масса мѣста, и пожаръ сталъ далеко уже не такъ страшенъ.

У коковъ (поваровъ) была своя работа: они прирѣзали всѣхъ куръ, свиней и заполнили рефрежираторы; курятники полетѣли за бортъ.

Въ трюмахъ „Авроры“ я розыскалъ великолѣпную вещь—длинные резиновые жгуты—и использовалъ ихъ, какъ эсмарховскіе для остановки кровотеченія; почти каждый матросъ получилъ жгутъ и былъ обученъ обращенію съ нимъ.

Ночь.

На крейсерѣ тихо. У орудій прикурнули комендоры и прислуга; два вахтенныхъ начальника (одинъ на переднемъ, другой на заднемъ мостикѣ) съ сигнальщиками напрягаютъ все свое зрѣніе, зорко вглядываясь въ ночную тьму.

Много часовъ проводилъ и я подобнымъ образомъ на мостикѣ или на марсѣ съ биноклемъ въ рукахъ. Глаза у меня хорошіе, но трудно разглядѣть что-нибудь; своихъ-же судовъ, большихъ судовъ, идущихъ рядомъ на траверзѣ, кабельтовахъ въ четырехъ—шести не различишь. Гдѣ-же тамъ замѣтить миноносцы, крадущіеся точно тати ночные подъ покровомъ тьмы, нарочно выкрашенные въ какой-нибудь подходящій цвѣтъ.

Высоко на фокъ-мачтѣ въ бочкѣ сидитъ сигнальщикъ (къ нему проведенъ телефонъ). Днемъ онъ сидитъ подъ зеленымъ зонтикомъ. Частенько его заноситъ густымъ удушливымъ дымомъ, частенько онъ тамъ мирно засыпаетъ и не отвѣчаетъ на нервные звонки вахтеннаго начальника.

Иллюминаторы задраены по боевому. Огни потушены, оставлены темносинія лампочки, и въ этой опостылѣвшей всѣмъ полутьмѣ мы ходимъ, спотыкаемся, разбиваемъ носы или сидимъ, погрузившись въ тяжелое раздумье, уставъ послѣ дневной работы. Непривычный мракъ нагоняетъ тоску.

Разговоры скучны и неинтересны: все объ одномъ и томъ-же—на жгучую тему: гдѣ японцы? сколько ихъ? гдѣ главныя силы? у Сула? Лабуана? Натуна? Все подсчитываемъ и подсчитываемъ безъ конца по справочнымъ изданіямъ число нашихъ и японскихъ судовъ и видимъ превосходство послѣднихъ въ 2—2½ раза и числомъ, и качествомъ, и количествомъ орудій, снарядовъ, преимуществомъ въ ходѣ и т. п. У японцевъ есть доки, есть время для подготовки и для отдыха, а, главное, есть боевой опытъ. У насъ же только и надежды, что на четыре новенькихъ броненосца, остальные... каждый съ какимъ-нибудь недостаткомъ. Самая разнокалиберная компанія. Тотъ тихоходъ, тотъ стрѣляетъ на разстояніе не далѣе 35 кабельтовъ.

А транспорты! Что за обуза! даже сейчасъ какое неудобство идти съ ними, а въ бою! маневрировать! Всѣ они, конечно, самые настоящіе тихоходы. Изъ-за нихъ мы все время должны идти съ отличительными огнями.

Эту ночь мы впервые перевели электрическіе отличительные огни на масляные—все-же не такъ далеко видать насъ.

29-го марта.

Какъ только стало свѣтать, сквозь дымку утренней зари увидали черный четырехтрубный крейсеръ. Вѣсть о появленіи на горизонтѣ военнаго судна наэлектризовала всѣхъ, но вскорѣ выяснилось, что это англійскій крейсеръ, идущій контръ-курсомъ.

Разойдясь и отсалютовавъ намъ, онъ тотчасъ-же зачѣмъ-то измѣнилъ курсъ влѣво.

Въ японо-китайскую войну этими салютами будто-бы однажды англійское судно дало знать японцамъ о близости непріятеля.

Курсъ нордъ.

Идемъ безхитростно прямымъ путемъ къ Камрану.

Немного погодя на томъ-же курсѣ встрѣтили второй англійскій крейсеръ, двухтрубный.

„Изумрудъ“, посланный прочесть названіе судна, далъ полный ходъ, пошелъ на пересѣчку. На англійскомъ крейсерѣ взвился сигналъ: „не могу различить адмиральскаго флага, прошу позволенія не салютовать“. Отвѣтъ подняли у насъ поздно, какой не знаю.

Часть офицеровъ была оскорблена, говорили о невѣжествѣ и нахальствѣ англичанъ, сдѣлавшихъ видъ, что не различаютъ будто-бы вице-адмиральскаго флага, когда и безъ него всему міру извѣстно, какая эскадра идетъ.

Другіе утверждали, что англичане имѣли право обидѣться на посылку „Изумруда“.

Еще показался англійскій крейсеръ...

Что-же это?

Не дана-ли имъ стратегическая задача открыть мѣсто нахожденія русскаго флота?

На всѣхъ это произвело дурное впечатлѣніе.

Точно черное вороньё стало слетаться; чуютъ близость сраженья или просто развѣдчиками идутъ, облегчая японцамъ задачу.

По нашимъ предположеніямъ за ними скоро должны были появиться и ихъ друзья—японцы.

А вотъ въ десять часовъ утра и первая неизвѣстная телеграмма по безпроволочному телеграфу... Какое-то „сяо-кяу“...

Затѣмъ пошли и пошли безъ конца длинные разговоры, непонятные, шифрованные...

На завтракѣ присутствовалъ командиръ, поставилъ шампанское и провозгласилъ тостъ за нашъ успѣхъ.

Было требованье гимна, аврорскаго марша.

Отдыхъ.

Впервые не спится, ворочаемся съ боку на бокъ.

Думы, что черныя мухи...

12½ часовъ дня.

Дымокъ на остъ.

Еще дымокъ, справа на траверзѣ.

Сегодня предполагалась погрузка угля. Встрѣча съ англійскими крейсерами измѣнила планы.

Въ 1 ч. 30 м. госпитальное судно „Орелъ“ вышло изъ строя влѣво, прибавило ходу и скрылось за горизонтомъ (какъ оказалось потомъ, получивъ инструкціи зайти въ Сайгонъ).

Сигналъ адмирала „Тереку“: „стыдно „Терекъ“!“

День жаркій, душный. Вода прозрачная, изумрудная, свѣжая, такъ и манитъ къ себѣ.

Опять подсчетъ калибровъ—тошно! Отъ этихъ разговоровъ я стараюсь уходить полнымъ ходомъ какъ можно дальше.

„Изумрудъ“ и „Жемчугъ“ посланы впередъ на развѣдку.

За ужиномъ, публика, забывъ о калибрахъ японскихъ пушекъ, занялась старыми кадетскими воспоминаніями, большею частью сводящимися къ одному и тому-же: какъ надували одного преподавателя, какъ травили другого, что выдѣлывали на урокахъ третьяго.

30-го марта.

Грузимъ уголь ботами. Въ случаѣ появленія непріятеля приказано все—боты, катера, барказы—оставлять на водѣ и живо строиться въ походный строй.

„Наваринъ“ сигналитъ: „имѣю поврежденіе въ машинѣ, могу исправить къ шести часамъ вечера“. Непріятная исторія, которая вовсе не входила въ наши разсчеты.

Аврорцы какъ всегда лихо грузятъ: на этотъ разъ принято 270 тоннъ—шикарно.

Въ 5½ часовъ „Ослабя“, приспустивъ до половины кормовой флагъ, поднялъ молитвенный: на суднѣ, значитъ, покойникъ.

Сегодня моя очередь на ночную вахту съ 10 до 2-хъ сигнальщикомъ въ помощь вахтенному начальнику. Команда, уставшая послѣ погрузки, спитъ особенно крѣпкимъ сномъ.

31-го марта.

Утромъ подошли къ аннамскимъ берегамъ, къ бухтѣ Камранъ, возлѣ которой и держимся въ ожиданіи, пока наши миноносцы и катера, посланные впередъ, протралятъ бухту. На горизонтѣ видны суда—это ходятъ наши сторожевые крейсера.

При эскадрѣ есть водоналивное судно „Метеоръ“, но, къ счастью, теперь уже рѣдко кто пользуется съ него водою: всѣ научились экономить собственную воду.

Младшій инженеръ-механикъ Ш. былъ на одномъ изъ коммерческихъ транспортовъ—тамъ вструхнули не на штуку. Бранятся: „ввязались мы съ вами въ грязную исторію! что теперь съ нами будетъ! ой-ой! пропали наши бѣдныя головушки! Знали-бы, такъ и не пошли-бы“. Веселый Ш., глядя на нихъ, вмѣсто того, чтобы посочувствовать имъ, пособолѣзновать, всѣ животики себѣ отъ смѣха надорвалъ.

Вѣчный шутникъ Б. говоритъ: „хорошо армейцамъ—отбѣжали за кочечку, въ овражекъ спрятались, а тутъ на-ко—спрячься“.

Отъ скуки стали разсказывать свои сны—всѣмъ теперь снится ужасная чертовщина.

Мы приняли съ транспорта „Владиміръ“, согласно приказанію адмирала, для офицерской каютъ-компаніи тридцать пудовъ консервированнаго мяса; очень неважное, но и за то спасибо.

Новый уголь (кардифъ въ брикетахъ) страшно разъѣдаетъ лицо, руки, вызываетъ эритему, припуханье кожи, коньюнктивиты.

Заболѣваніе инфлуэнцой, маляріей продолжаются.

Нашъ командиръ тоже ведетъ дневникъ. Онъ мастеръ на всѣ руки. На „Воинѣ“ я помню его лихимъ парусникомъ; оказывается, онъ знаетъ хорошо и машинное дѣло, онъ и естественникъ, много читаетъ и вообще всѣмъ интересуется. Отношеніе его къ командѣ самое гуманное.

На суднѣ у него есть дѣтище ненаглядное—удавъ. Нерѣдко днемъ командира можно застать въ каютѣ читающимъ въ лонгшэзѣ, а у ногъ его, свернувшись калачикомъ, лежитъ этотъ звѣрь. Переломъ на спинѣ давно сросся, но подвижность и чувствительность невполнѣ возстановились.

По моему совѣту черезъ день производится искусственное питаніе: въ стеклянную водомѣрную трубку набивается мелко изрубленное сырое мясо. Евгеній Романовичъ держитъ удава, а я раздвигаю челюсти шпаделемъ, вставляю трубку и шомполомъ препровождаю содержимое въ желудокъ. Однажды я прибавилъ коньяку, но удавъ остался такимъ же меланхоликомъ, не сталъ буйствовать. Отъ хорошей спокойной жизни и бездѣльничанья онъ очень разжирѣлъ и на дняхъ перемѣнилъ свою шкуру, причемъ она сошла у него одновременно съ эпителіемъ роговицъ.

Къ вечеру тралъ бухты былъ оконченъ, штурмана разставили буйки. Транспорты вошли въ бухту. Боевыя суда остались пока еще на рейдѣ.

Съ трудомъ сохраняя строй, мы толчемся на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Теченіе сноситъ къ сѣверу.

На госпитальномъ „Орлѣ“ должна прибыть почта и провизія изъ Сайгона.

Была погрузка. Вмѣсто тридцати приняли сто тоннъ.

Работы окончили сегодня рано.

Транспортамъ разрѣшено войти въ бухту. Они, видимо, сильно обрадовались этому приказанію, такъ какъ поразительно быстро

зашлепали своими винтами, работающими наполовину въ воздухѣ вслѣдствіе разгруженнаго состоянія транспортовъ.

Ночью у орудій сонное царство, въ бочкѣ храпитъ сигнальщикъ, на ютѣ у ракетнаго станка, развалившись на забытомъ вѣстовыми лонгшезѣ, храпитъ во всю носовую завертку дежурный комендоръ. Когда я подошелъ и окликнулъ его, то бѣдняга со страху чуть за бортъ не выскочилъ—такъ всполошился.

Камранъ.

1-го апрѣля.

Въ 12 часовъ дня въ бухту вошли и боевыя суда; стали по диспозиціи.

Почти одновременно съ эскадрой вошли четыре коммерческихъ парохода, оказавшихся нѣмецкими угольщиками. У нихъ на гротъ-мачтѣ былъ поднятъ русскій флагъ, на фокъ-мачтѣ французскій, на гафелѣ—германскій.

Бухта Камранъ очень велика.

Узкій проливъ ведетъ во вторую бухту—ковшъ, такую-же обширную, какъ и первая. Тамъ помѣстились транспорты.

Кромѣ этихъ двухъ главныхъ имѣется множество мелкихъ бухточекъ.

Въ море два выхода, раздѣленные островкомъ. Меньшій изъ нихъ загородили бономъ изъ желѣзныхъ ботовъ, во избѣжаніе прорыва миноносцевъ, во второмъ расположилась сторожевая цѣпь изъ миноносцевъ и катеровъ.

Похоже что-то на продолжительную стоянку.

Насъ окружаютъ скалистыя высокія (до 2½ тысячъ футъ высоты) горы. Ближе, вглубь страны берегъ отлогій, низменный. Горы поросли густымъ лѣсомъ, кустарникомъ, кое-гдѣ на вершинахъ лежитъ снѣжокъ. Нѣкоторые скаты покрыты красноватымъ пескомъ, другіе бѣлымъ.

Вернувшіеся съ берега послѣ траленія офицеры передали, что на берегу есть небольшая французская колонія, почта, телеграфъ.

Новости заключаются въ томъ, что телеграмма объ уходѣ нашей эскадры съ Мадагаскара запоздала—была задержана въ Носси-Бэ на цѣлыхъ десять дней. Благодаря этому проходъ нашъ черезъ Малакскій проливъ совершился благополучно и неожи-

данно для всѣхъ. Намъ также помогла масса выпущенныхъ ложныхъ телеграммъ о нашемъ направленіи и появленіи у Батавіи. Третья эскадра четыре дня тому назадъ, то-есть 26-го, вышла изъ Джибути.

Мы стоимъ на глубинѣ 11 саженъ. Каждый день къ 11 часамъ утра съ моря задуваетъ вѣтеръ; вмѣстѣ съ приливомъ въ бухту идетъ порядочная зыбь. Къ вечеру наступаетъ страшная сырость, пронизывающая до костей. Палуба мокра. Это очень нездорово, въ особенности для тѣхъ, кто не можетъ за недостаткомъ мѣста и жарою спать внизу.

Крейсеръ „Дмитрій Донской“, стоявшій въ дозорѣ, миляхъ въ 8-ми отъ входа, съ 2-хъ часовъ дня сталъ принимать по безпроволочному телеграфу чьи-то шифрованныя депеши.

Въ 4 ч. дня съ моря пришелъ изъ Сайгона небольшой нѣмецкій пароходъ; приближаясь, держалъ сигналъ: „вижу непріятеля, имѣю почту“.

Командиры наши всѣ на военномъ совѣтѣ на броненосцѣ „Князь Суворовъ“.

За непріятеля, какъ послѣ оказалось, былъ принятъ нашъ крейсеръ „Донской“.

Нѣмецкіе угольщики привезли съ собою тридцать тысячъ тоннъ кардифскаго угля, пришли они изъ Діэго-Суареца, а привелъ ихъ оттуда нашъ лейтенантъ Крыжановскій; вотъ чѣмъ объяснялось оставленіе его въ Носси-Бэ съ какими-то неизвѣстными порученіями. Онъ-то и шелъ все время позади насъ съ огнями.

Привезена прѣсная вода (въ которой особенной нужды нѣтъ) и быки съ Мадагаскара.

Говорятъ, что французы выселили отсюда всѣхъ японцевъ, не такъ давно въ эту бухту приходилъ съ двумя миноносцами японскій вспомогательный крейсеръ „Amerika-maru“ и подъ предлогомъ отысканія своего миноносца, пропавшаго будто-бы безъ вѣсти, дѣлалъ промѣръ. Французы предложили свои услуги. Японцы отказались и, черезъ два дня придя въ Сайгонъ, заявили, что миноносецъ найденъ.

Другой японскій вспомогательный крейсеръ тоже былъ застигнутъ французскимъ таможеннымъ крейсеромъ во время промѣра одной изъ сосѣднихъ бухтъ.

Прошелъ слухъ, что аргентинскія суда уже куплены и идутъ сюда подъ командованіемъ адмирала Беклемишева. Этому у насъ, однако, никто не вѣритъ, зная нашу обычную тугость на подъемъ.

Прозѣваемъ мы и здѣсь, какъ уже прозѣвали покупку „Нисшинъ“ и „Кассуги“.

Идутъ споры о томъ, проглядѣли-ли насъ японцы или нѣтъ, и гдѣ они ищутъ насъ теперь?

Сегодня одинъ матросъ „сыгралъ“ съ марса, упалъ на тентъ, былъ подброшенъ имъ на ростры, съ ростръ загремѣлъ на палубу. Думали, косточекъ не соберемъ. Ничего, отдѣлался сотрясеніемъ мозга.

Причина паденія—безпечность: лѣзъ, держась одной рукой.

2-го апрѣля.

Дежурства въ дозорѣ распредѣлены такъ: „Олегъ“, „Свѣтлана“, „Донской“, „Аврора“.

Сегодня очередь „Авроры“.

Въ шесть часовъ утра „Аврора“ вышла въ море и крейсируетъ малымъ ходомъ на разстояніи десяти миль, то удаляясь, то приближаясь къ берегу, въ предѣлахъ видимости сигналовъ отъ крайнихъ судовъ эскадры.

Занятіе скучное. Развлеченіемъ служатъ открывающіеся дымки, нѣсколько энервирующіе насъ. О каждомъ изъ нихъ тотчасъ-же докладывается командиру:

„Ваше В.Б., дымокъ слѣва по носу!“

Немного погодя: „Ваше В.Б., виденъ корпусъ судна, неизвѣстно, какой національности!“

„Ваше В.Б., на нордъ-остѣ дымокъ!“ и т. д.

Все это коммерческія суда подъ англійскимъ и французскимъ флагами.

Ночью стали на якорь въ четырехъ миляхъ, скрыли огни, спустили сѣтевое минное заграждение и по временамъ освѣщали подозрительные силуэты прожекторами.

Кстати о прожекторахъ: ихъ зеркала порядочно потускнѣли: одно никуда не годится, совсѣмъ облѣзло, и младшій минный офицеръ Б. П. Ильинъ въ настоящее время изощряется задѣлывать его оловянными бумажками изъ-подъ шоколада, натирая ихъ предварительно ртутью.

Первое наше крейсерство было неудачно: на дневной вахтѣ съ часу до четырехъ прозѣвали не только дымокъ, но цѣлый крейсеръ, да еще чужой, французскій, подъ адмиральскимъ флагомъ. Скандалъ! Замѣтили его поздно, когда онъ, пройдя подъ самымъ берегомъ, входилъ уже въ бухту, салютуя нашему адмиралу.

Увы! на той-же самой вахтѣ при тѣхъ-же самыхъ условіяхъ

проморгали и другое судно—бѣлый госпитальный „Орелъ“, вернувшійся изъ Сайгона.

Со страхомъ и стыдомъ ждемъ сигнала Рожественскаго: „стыдно, „Аврора“!“.

3-го апрѣля.

Въ 7 часовъ утра вернулись съ дежурства, показавшагося намъ безконечнымъ; прошли прямо во внутренній бассейнъ для погрузки угля съ борта громаднаго германскаго парохода „Badenia“.

Изъ Сайгона получена масса почты, конечно, черезъ Гинсбурга. Моя все еще адресуется на „Изумрудъ“.

На госпитальномъ суднѣ „Орелъ“ идетъ разборка привезенной свѣжей провизіи.

Передаютъ, что на крейсерѣ „Діана“, разоружившемся въ Сайгонѣ, тьма больныхъ: тяжело боленъ командиръ, свѣтлѣйшій князь Л., священникъ; у судового врача острое умопомѣшательство.

4-го апрѣля.

Пришелъ громадный, зафрахтованный и почти купленный княземъ Л. у „Messageries Maritimes“, пароходъ „Эриданъ“, старый, престарый, весь въ заплатахъ, ковчегъ, построенный еще во времена Ноя. Адмиралъ Рожественскій, разсердившись, будто-бы сказалъ: „разгрузить этотъ пароходъ и вернуть Л., пусть будетъ его яхтой“.

Съ „Эридана“ мы приняли быковъ и разную живность: куръ, утокъ, свиней. Бѣдныя тощія куры дохнутъ десятками. Быки мѣстной породы, мелкіе, худые.

„Аврора“ на этотъ разъ стала ближе къ берегу, и я не вытерпѣлъ, рискнулъ съѣхать немного провѣтриться.

Вельботъ легко выбросился на песчаный отлогій берегъ противъ небольшой деревушки довольно убогаго вида, изъ 6—7 дворовъ, пріютившихся подъ сѣнью стройныхъ кокосовыхъ пальмъ. Изъ-за калитки высокой изгороди боязливо выглянула дѣтвора; приблизилось нѣсколько молчаливыхъ взрослыхъ аннамитовъ. Ихъ типъ представляетъ нѣчто среднее между китайцами и малайцами. Лица у всѣхъ плоскія, какія-то нездоровыя блѣдносѣрыя, худыя, выраженіе безстрастное; у большинства струпья на ногахъ.

Невольно мы вспомнили привѣтливую жизнерадостную носсибэйскую дѣтвору и тамошнихъ красавицъ, нарядныхъ, гордыхъ, кокетливыхъ.

Здѣсь-же намъ предстали какія-то заморенныя существа, грязныя, бѣдно одѣтыя; самое ужасное—ихъ ротъ съ черными зубами, воспаленный, окровавленный, такъ какъ всѣ безъ исключенія жуютъ листья бетеля съ известкой.

Аннамиты высказали мало удивленія при видѣ насъ, а мы тоже не стали ими интересоваться и даже не заглянули внутрь хижинъ.

Насъ привлекала больше природа.

Горы издали очень обманчивы. Кустарникъ оказался густымъ лѣсомъ, съ такой чащей, сквозь которую нельзя было пробраться, а небольшое едва замѣтное ущелье развернуло передъ нами прекрасную широкую долину, выходящую на противоположный берегъ перешейка, во вторую бухту. Слѣва нависли утесы, поросшіе высокими деревьями, справа крутой песчаный скатъ, окаймленный внизу густой чащей.

Растительность здѣсь много бѣднѣе тропической.

Посреди долины я наткнулся на аннамитское кладбище и кумирню обще-китайскаго типа. Внутри висѣли доски съ письменами, цвѣтные лоскутки, курительныя свѣчечки—приношенія вѣрующихъ.

Для охоты время было выбрано неудачно—самый солнцепекъ.

Природа точно замерла. Не слышно было щебетанья птицъ, только ящерицы да змѣи шуршали въ сухой травѣ. Ящерицы здѣсь очень красивы, сѣраго цвѣта съ рубиновыми полосами и кожей точно изъ плюша. Одна попалась очень большая—всей ея длины за кустами не удалось разглядѣть, но туловище было величиной съ кулакъ, а длина не менѣе $1^1/_2$ аршина. Этакой и испугаться не стыдно. Улепетывали онѣ съ быстротою молніи, какъ-то смѣшно задирая при этомъ свой хвостъ.

Изъ деревьевъ я не могъ назвать ни одного. На иныхъ красивые цвѣты—точно букеты изъ геліотроповъ. Зато въ травѣ ни одного цвѣтка.

Пролетали красивые тропическіе зимородки—бѣлые съ голубыми крыльями. Надъ головой долго парилъ въ вышинѣ бѣлоголовый орелъ.

По дорогѣ набилъ десятка полтора жирныхъ горлинокъ и дикихъ голубей; по своей окраскѣ они ужасно подходятъ подъ цвѣтъ скалъ.

Промазалъ по старому знакомцу—зайцу. Ужъ никакъ не ожидалъ встрѣтить его здѣсь и растерялся, когда онъ шмыгнулъ изъ-подъ самыхъ ногъ.

Слѣдующій эпизодъ прямо стыдно разсказывать: чёртъ меня

зачѣмъ-то понесъ на гору; пришлось лѣзть по скату, утопая въ пескѣ, цѣпляться за колючіе кустарники; добравшись наконецъ до половины, я упалъ и съ руками зарылся въ гнѣздо красныхъ муравьевъ, не замѣтивъ его сначала.

Ну, думалъ, послѣдній мой часъ насталъ.

Крупные, злые, быстро бѣгающіе муравьи моментально облѣпили меня съ ногъ до головы, забрались всюду, впились даже въ вѣки; я стремглавъ бросился внизъ, позорно бросивъ ружье, падая, срывая съ лица пригоршнями этихъ насѣкомыхъ, дрожа какъ въ лихорадочномъ ознобѣ.

Справившись наконецъ съ врагомъ, я ужъ не возобновлялъ своихъ попытокъ одолѣть гору, а, доставъ ружье, грустно поплелся къ морю освѣжать водой горѣвшее тѣло.

Вотъ-такъ красные муравьи!—совсѣмъ не чета нашимъ мирнымъ и незлобивымъ мурашамъ.

Купанье чудное. Плотный, ровный песокъ, глубина начинается сразу; есть гдѣ поплавать, только не надо забывать объ акулахъ—здѣсь ихъ много.

Возвращеніе было не изъ важныхъ: съ моря задулъ вѣтеръ, развелъ противную короткую зыбь, да еще и съ приливомъ пришлось считаться.

Какъ не налегали на весла лихіе гребцы, вельботъ все сносило назадъ и въ сторону къ скалистому мысу, гдѣ разбивался высокій бурунъ. Вельботъ черпалъ носомъ, и всѣ давно вымокли до послѣдней нитки.

Наконецъ на „Авророѣ“ замѣтили наше безпомощное положеніе и прислали паровой катеръ, который и привелъ насъ на буксирѣ.

Вѣтка коралловъ, кокосы, цвѣты, дичь были нашими трофеями на этотъ разъ. Изъ ящерицы вышло прекрасное чучело.

5-го апрѣля.

Новости: привезено 12000 паръ сапогъ. Перепало и авроpцамъ.

На „Эриданѣ“ идутъ пріемка провизіи барказами со всѣхъ судовъ. Говорятъ, это не пріемка, а дневной грабежъ. Кто посильнѣе, кто первый захватилъ, тотъ и беретъ. Команда нарочно разбиваетъ въ трюмахъ ящики съ шампанскимъ, пивомъ и напивается тутъ же до безчувствія.

Слава Богу, не аврорцы были въ этомъ грѣшны.

Отличается главнымъ образомъ команда съ „Орла“, грозив-

шая даже прибить нашихъ аврорцевъ за то, что они оказывали имъ противодѣйствіе.

Производить пріемку правильно очень трудно; ревизоры выбились изъ силъ. Возить далеко, а съ 12 часовъ съ моря задуваетъ вѣтеръ — едва, едва можно догрести обратно съ помощью паровыхъ катеровъ.

Флагманскаго интенданта никакъ не поймать. Содержатель нашей каютъ-компаніи приналегъ на пиво. Кто что, а онъ, знай себѣ, ящики съ пивомъ таскаетъ.

А на дѣлѣ ѣсть нечего.

Проскользнули слухи о грандіозной битвѣ и побѣдѣ Линевича, благодаря одной лишь кавалеріи, но кавалерія эта будтобы сама на половину костьми легла.

На эскадру пріѣхалъ одинъ лейтенантъ, артурскій герой, онъ побывалъ уже въ Петербургѣ и вернулся черезъ Сайгонъ. Онъ говоритъ, что залпомъ изъ 12-ти дюймовыхъ орудій съ „Ретвизана“ на „Асахи“ смело всѣ надстройки верхней палубы.

„Цесаревичъ“ имѣлъ пробоину и шелъ съ нею 16-ти узловымъ ходомъ. Въ темнотѣ на него наскочилъ миноносецъ и выпустилъ мину. Послѣдняя была усмотрѣна благодаря фосфоресцирующей струѣ и скользнула вдоль борта.

На транспортѣ „Иртышъ“ сегодня убило стрѣлой (для погрузки угля) боцмана.

Сегодня была стрѣльба пушками по мишенямъ изъ учебныхъ стволовъ, обученіе всей команды прицѣльному прибору.

Все чаще и чаще приходится выбрасывать за бортъ солонину. Это грустно. Припасовъ не такъ много, пополнять ихъ негдѣ. Черезъ день отводимъ душу и отдыхаемъ отъ солонины на консервахъ Малышева.

Давно пора вывести изъ положенія однообразную вечернюю кашицу — размазню. Команда ея вовсе не ѣстъ и вечеромъ питается однимъ чаемъ, прибавляя сухари и устраивая какую-то тюрю.

На „Авророѣ“ уже дѣлаются кое-какія самостоятельныя попытки съ цѣлью разнообразить ужинъ: иногда бобы, макароны, консервы. Но это всецѣло зависитъ отъ иниціативы нашего старшаго офицера и предусмотрительности ревизора.

Пруссаки, сгрызая обувь и корешки книгъ, жестоко принялись за аврорцевъ. Всѣ изощряются въ придумываніи способовъ для уничтоженія ихъ. Я могъ-бы получить первую премію: невзрачная сѣрая пичужка, пойманная мною живой на берегу, уже выловила у меня всѣхъ пруссаковъ, теперь бѣгаетъ по

лазарету и мастерски ловитъ ихъ, вытаскивая изъ щелей за торчащіе усики.

6-го апрѣля.

Всѣ, кромѣ „Олега“, „Свѣтланы“, „Изумруда“, „Жемчуга“ и транспортовъ, сегодня выходили въ море на эволюціи.

Транспорты „Юпитеръ“, „Кіевъ“ и еще два были вчера отосланы совсѣмъ въ Сайгонъ подъ охраной развѣдочнаго отряда („Уралъ“, „Кубань“, „Терекъ“).

Очень эффектенъ былъ спускъ флага сегодня. Въ заливѣ мертвый штиль. Солнце медленно опускается за горы, золотя ихъ вершины. Ему на смѣну тотчасъ-же спѣшитъ луна, выкатываясь съ другой стороны изъ-за горъ огромнымъ краснымъ шаромъ.

Намъ незачѣмъ ѣздить на „стрѣлку“. Но мы настолько избалованы, настолько привыкли, что глазъ нашъ рѣдко чувствуетъ всю ту прелесть, которая окружаетъ насъ на каждомъ шагу, будь это очертанія береговъ, голубѣющая даль горъ, ежеминутно мѣняющаяся красота моря или грозный видъ эскадры— всё намъ пріѣлось, примелькалось, и многіе изъ насъ нелицемѣрно вздыхаютъ по туманамъ родной Балтики.

Старшій офицеръ уже успѣлъ получить отвѣтную телеграмму изъ Россіи отъ жены.

Счастливецъ!

Ходятъ разные слухи.

Говорятъ о томъ, что мы посланы просто съ цѣлью демонстраціи, на самомъ-же дѣлѣ въ Петербургѣ будто-бы собираются заключать миръ.

Что-же, неужели съ нами только шутки шутятъ?

Неужели мы выносили на своихъ плечахъ милліоны лишеній, непогоду, голодали, коченѣли отъ холода на сѣверѣ, изнывали подъ тропиками, восемь мѣсяцевъ безъ вѣстей сидѣли, отрѣзанные отъ всего міра, при вѣчныхъ тревогахъ, ожиданіи нападенія миноносцевъ, подводныхъ лодокъ—все это для того, чтобы кончить... пуфомъ?

Неужели не рискнутъ на эту грандіозную ставку, которая или окончательно доканаетъ весь флотъ или дастъ побѣду Россіи, положитъ конецъ войнѣ?

7-го апрѣля.

Сигнальщики сообщаютъ, что почти каждое утро часовъ около четырехъ съ берега доносится ревъ какого-то животнаго— прямо трубный гласъ, а въ отвѣтъ ему поодаль откликается другой.

Это тигръ—„ункоппъ“ по туземному. Надо на охотѣ быть осторожнѣе и не соваться одному зря.

Помню, какъ привлекала меня одна глубокая падь—густыя поросли и тропка: въ глубинѣ навѣрное долженъ былъ быть источникъ. Что-то меня удержало однако.

По вѣрованьямъ туземцевъ тигръ—священное животное; изображенія его попадаются въ кумирняхъ наравнѣ съ изображеніями боговъ. Не знаю, какъ здѣсь, но въ Манджуріи китайцы при встрѣчѣ съ тигромъ и не думаютъ о сопротивленіи, покорно ложатся и ждутъ рѣшенія своей участи.

По словамъ французовъ и мѣстныхъ жителей, тигровъ здѣсь много. Въ извѣстное время года въ глубинѣ бухты берегомъ проходятъ слоны, ломая деревья, выворачивая телеграфные столбы.

Вечеромъ послѣ спуска флага пришли съ моря развѣдчики „Уралъ“, „Терекъ“, „Кубань“, „Днѣпръ“ и „Ріонъ“.

Послѣдній, входя въ бухту, держалъ сигналъ: „вижу въ морѣ много огней“.

Эти огни прошли мимо нашей притаившейся въ бухтѣ съ потушенными огнями эскадры, мимо сторожевого въ морѣ корабля—тоже неосвѣщеннаго, чернаго, мрачнаго какъ пиратъ—и ночь была проведена благополучно.

8-го апрѣля.

Вышли въ море на очередное суточное дежурство.

Въ служебномъ отношеніи это гораздо спокойнѣе, чѣмъ на якорѣ.

Гдѣ теперь можетъ быть 3-ья эскадра? Какой путь она избрала? Малакскій-ли проливъ или вокругъ Батавіи?

А японцы? Куда они прошли изъ Сула, Натуны, Лабуана?

Не пропустили-ли они насъ нарочно, чтобы разбить отдѣльно 3-ью эскадру?

Одинъ изъ главныхъ принциповъ военной стратегіи—разбивать противника по частямъ. Сдѣлать это теперь такъ легко.

Мы здѣсь стоимъ тихохонько, смирнехонько, сами никого не трогаемъ и Бога молимъ, чтобы насъ отсюда не выставляли.

Не мало толковъ о подводныхъ лодкахъ. Между прочимъ былъ по эскадрѣ циркуляръ съ подробнымъ (для команды) описаніемъ перископовъ, приказано было смотрѣть за всякимъ подозрительнымъ предметомъ на водѣ.

Толкуемъ о томъ, насколько дѣйствительны сѣтевыя заграждения, опускаемыя каждую ночь.

Ну а днемъ?

Нѣтъ! противъ подводнаго врага суда пока беззащитны, но и сомнѣнія нѣтъ, что здѣсь-ли, или въ Корейскомъ проливѣ или, наконецъ, во Владивостокѣ намъ придется испытать на своихъ бокахъ первое примѣненіе подводныхъ лодокъ.

На томъ пока и успокоимся.

Если-же много сосредоточиваться на этой мысли, то, пожалуй, скоро и рехнешься, загаллюцинируешь, въ каждой пустой бутылкѣ, банкѣ изъ-подъ консервовъ будешь видѣть перископъ.

Климатъ въ Аннамѣ и Кохинхинѣ самый зловредный.

Днемъ удушливый зной, послѣ захода солнца роса, густой нездоровый туманъ. Лихорадки самой тяжелой формы, дизентерія—глазныя заболѣванія. Климатъ особенно вредно отражается на иностранцахъ и болѣе всего на женщинахъ.

Пріѣзжающіе сюда французы-чиновники смѣняются черезъ два года. Объ этомъ заботится само начальство: не надо хлопотать, подавать рапорты о настоящемъ или фиктивномъ заболѣваніи. А уѣзжать необходимо — малярійное худосочіе, тропическая анемія подкрадываются совершенно незамѣтно и надолго выводятъ человѣка изъ строя.

Увы! не такъ давно я знавалъ на Дальнемъ Востокѣ другія мѣста, куда, разъ попавъ, трудно было выбраться; гдѣ офицеры, проплававъ въ прекрасной судовой обстановочкѣ, вродѣ мною описанной, въ непривычномъ и вредномъ климатѣ подрядъ три—четыре года, разстраивали свое здоровье навсегда, дѣлались психопатами, спивались и возвращались на родину, если не физическими, то нравственными инвалидами.

Къ закату какъ всегда стали на якорь, окружили себя сѣтями. Около этого времени наступаетъ лучшая часть тропическихъ сутокъ. Чувствуется нѣкоторая прохлада; ясное звѣздное небо со спокойнымъ моремъ наводитъ на тихія думы; Южный Крестъ и Большая Медвѣдица напоминаютъ намъ о томъ, что мы находимся гдѣ-то въ срединномъ пространствѣ между роднымъ сѣверомъ и чуждымъ для насъ югомъ.

Обыкновенно въ это время на ютѣ собираются на отдыхъ отъ дневного труда всѣ офицеры: сидя въ лонгшэзахъ, складныхъ табуреткахъ, на кнехтахъ, бухтахъ тросу, они ведутъ дружные разговоры, вспоминаютъ о томъ, что дѣлается теперь на ихъ далекой родинѣ. Слышатся смѣхъ, анекдоты вперемежку съ разговорами по разнымъ морскимъ спеціальностямъ.

Около 10 часовъ вѣстовые выносятъ на палубу цыновки и подушки любителей спать подъ открытымъ небомъ при сильной росѣ съ пріятнымъ сюрпризомъ проснуться отъ внезапнаго дождя.

Благодаря жарѣ и духотѣ внутреннихъ помѣщеній вся палуба (дальше офицерскаго юта) почти непроходима отъ спящей команды, и только около пушекъ бодрствуетъ половинное число орудійной прислуги. На мостикахъ-же и другихъ возвышенныхъ мѣстахъ всегда самая бдительная служба.

Не люблю я дежурствъ въ морѣ. Тревожно все-таки. Весь день поминутно дымки то справа, то слѣва, ночью то огни, то неосвѣщенные темные силуэты рыбачьихъ джонокъ — пока-то убѣдишься, не миноносецъ-ли это, загримировавшійся мирнымъ рыбаремъ.

Зато, когда вернешься съ дежурства въ бухту, невольно какое-то спокойствіе разливается.

Въ эту ночь мы долго не спали: очень любопытно было узнать, какая это парусная джонка удираетъ отъ насъ такимъ ходомъ при полномъ безвѣтріи. Мы старались освѣтить ее прожекторомъ, но лучи его оказывались мало дѣйствительными при лунномъ свѣтѣ.

Сегодня всю ночь ссорился со старшимъ офицеромъ... во снѣ.

Снилось мнѣ, что онъ позабиралъ всѣхъ фельдшеровъ и санитаровъ и поразсылалъ кого на марсъ, кого въ бочку выглядывать непріятеля, кого уголь грузить. Проснусь — засну: тьфу! опять лѣзутъ мои несчастные санитары на марсъ, въ бочку и т. д.

9-го апрѣля.

Вернувшись съ дежурства, грузимъ уголь.

Удалось списать на госпитальное судно „Орелъ“ злосчастнаго Б. съ сильнымъ кровохарканіемъ.

Пресимпатичный матросъ: все норовилъ работать, увѣрялъ, что никакого жара онъ не чувствуетъ, а у него ежедневно къ вечеру 39°—40°.

Съ погрузкой приказано спѣшить. Уходимъ сегодня въ 12 часовъ дня.

Куда? почему? что за экстра?

Оказывается: французы просятъ насъ удалиться по хорошему.

Съ одной стороны, видите-ли, нейтралитетъ, а съ другой пришло извѣстіе, что и Линевичъ вмѣсто побѣды разбитъ на голову.

Честью просимъ.

Ну, намъ это не впервые.

Мрачные, злые, точно волки выходимъ мы въ 2½ часа одинъ за другимъ въ море съ тяжелымъ чувствомъ изгнанниковъ на душѣ.

Почти весь шаръ земной обошли мы, притыкаясь къ разнымъ угламъ и дырамъ, изгоняемые всюду.

А день-то какой сегодня, суббота вербная!

Какъ мы всѣ разсчитывали, мечтали утречкомъ сегодня съѣхать, нарубить зелени, цвѣтущихъ пальмъ, хотя немного скрасить нашу неприглядную обстановку, замаскировать эти наваленныя всюду груды угля...

И вербное воскресенье, значитъ, въ морѣ, и страстная недѣля, и Пасха, треплясь на этой волнѣ...

Говорятъ, адмиралъ Рожественскій въ томъ случаѣ, если самотопы еще немного запоздаютъ, не станетъ ждать и уйдетъ безъ нихъ.

Вечеромъ было богослуженіе: всенощная безъ вербы.

10-го апрѣля.

Вербное воскресенье.

Всей эскадрой шатаемся безцѣльно взадъ и впередъ самымъ малымъ (трехъузловымъ) ходомъ, безъ эволюцій, такъ себѣ, лишь бы время провести.

Въ боевомъ перевязочномъ пунктѣ—въ церковномъ отдѣленіи—въ невозможной жарѣ и духотѣ идетъ богослуженіе.

Батя, отецъ Георгій, сѣденькій благообразный старичекъ, служитъ съ чувствомъ, нараспѣвъ.

Далѣе праздничный обѣдъ съ командиромъ. Для веселости подпущена музыка. Музыканты разучили нѣсколько новыхъ маршей.

Мороситъ дождь. Скучно, сыро.

По моему подсчету во Второй Тихоокеанской эскадрѣ за время перехода умерло 5 офицеровъ и 25 нижнихъ чиновъ, изъ нихъ 2 офицера и 7 нижнихъ чиновъ отъ несчастныхъ случаевъ; списано по болѣзни на родину 10 офицеровъ и 42 нижнихъ чина, изъ нихъ 1 офицеръ и 2 нижнихъ чина психически разстроенныхъ, 28 съ острымъ туберкулезомъ легкихъ.

На самомъ дѣлѣ эти цифры ниже дѣйствительныхъ: я не располагаю всѣми данными.

Ну, что же третья эскадра?

Высказываются самыя различныя предположенія; заключаются пари. Командиръ и я, смотря довольно оптимистически, записываемся на 16-ое апрѣля, другіе, болѣе осторожные, на другія числа вплоть до 28-го.

Изъ взносовъ по фунту образовался фондъ въ 180 рублей. Первый призъ 120, второй 60 рублей.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы рѣзко поднялись на сѣверъ, сразу обнаружились острыя желудочныя заболѣванія. Вещь обычная и мнѣ знакомая. Постоять на одномъ мѣстѣ—привыкнуть; два градуса сѣвернѣе—снова тоже самое. Заблаговременно отдано распоряженіе носить набрюшники; фельдфебеля пораздавали ихъ всѣмъ и каждому и слѣдятъ за этимъ, но не любитъ наша команда этого баловства и предпочитаетъ попрежнему спать съ голымъ животомъ.

И вотъ въ разное время дня и ночи въ лазаретъ прибываютъ больные съ рвотой и сильнѣйшими приступами коликъ. Часовъ черезъ пять все проходитъ благополучно.

При этомъ наблюдается всегда одно и то-же: матросы, вообще терпѣливый народъ, словно дѣти боятся рвоты: заболѣвшій сейчасъ-же ложится на палубу и вопитъ: „помираю, бра́тцы, помираю“, а товарищи его, сломя голову, летятъ ко мнѣ и докладываютъ: „такъ что, надо полагать, Ваше В.Б., такой-то кончается“.

Нерѣдко—благодаря неисправности опрѣснителей, въ водѣ появляется непріятный вкусъ.

Сегодня это вызвало слѣдующій инцидентъ: за утреннимъ чаемъ офицеры спрашиваютъ буфетчика, глупаго, простоватаго парня: „отчего это чай такой невкусный?“ а тотъ отвѣчаетъ: „вода, Ваше В.Б., такая, такъ что г. дохтуръ въ нее касторовaго масла налили“.

„Что ты мелешь, болванъ?“

„Такъ тошно, Ваше В.Б., скусъ такой, да и команда на бакѣ тоже баяла“.

Заявили объ этомъ мнѣ: „если Вы не примете своихъ мѣръ, придется доложить старшему офицеру“.

Я принялъ мѣры, позвалъ буфетчика: „Емельяновъ, что ты тамъ такое говорилъ? вода что-ль касторкой пахнетъ?“

„Тошно такъ, Ваше В.Б., пахнетъ, да не я одинъ, команда тоже сказываетъ“.

„А откуда ты выдумалъ, что я подливалъ касторовaго масла въ воду?“

„На бакѣ „печатаютъ“ (говорятъ), Ваше В.Б.“.

„Кто „печатаетъ“? укажи кого-нибудь“.

„Такъ что запамятовалъ, Ваше В.Б.“.

„Ну, а ты вкусъ касторки знаешь? принималъ ее когда-нибудь?“

„Никакъ нѣтъ“.

„Санитаръ, дай-ка сюда касторки“...

„Попробуй. Похоже?“

„Совсѣмъ непохоже, Ваше В.Б.“.

„Ну, ступай и не мели вздору другой разъ“.

Инцидентъ былъ исчерпанъ, и докладывать старшему офицеру было лишнее.

Сверхъ ожиданія вкусъ касторки даже понравился Емельянову. Наказаніе-же его было иного рода: долго поднимала его на смѣхъ и не давала проходу на бакѣ команда.

12-го апрѣля.

Эскадра крейсируетъ въ морѣ. „Ріонъ“, „Днѣпръ“, „Уралъ“, „Терекъ“, „Свѣтлана“, „Алмазъ“, госпитальное судно „Орелъ“, „Жемчугъ“, „Изумрудъ“, также миноносцы, втянулись въ сосѣднюю бухту, принялись грузить уголь, а „Аврора“ стала въ дежурство близъ входа въ бухту.

Передъ заходомъ солнца съ сѣвера подъ адмиральскимъ флагомъ пришелъ двухтрубный французскій крейсеръ „Descartes“. „Аврора“ отсалютовала 13-ью выстрѣлами, сыграла марсельезу, офицеры и команда стояли во фронтѣ, словомъ было все, что обычно полагается въ такихъ случаяхъ.

У боцмана Н. аппендицитъ, требующій операціи. Пріятно, что съ нами госпитальное судно.

Командиръ къ Пасхѣ самъ назначилъ денежныя награды фельдшерамъ по двадцати пяти франковъ, санитарамъ по пяти. Очень любезно при скудности судовыхъ наградъ.

13-го апрѣля.

Всѣ суда, выйдя изъ бухты, присоединились къ эскадрѣ, построились въ походный строй и двинулись къ сѣверу. Мы рѣшили, что французы насъ окончательно выставили.

Идемъ на японцевъ.

Отлично.

Часа черезъ два однако выяснилось, что идемъ совсѣмъ не такъ далеко, въ сосѣднюю бухту.

Что-жъ, и это хорошо.

Поживемъ еще на бѣломъ свѣтѣ.

Сегодня выброшено тринадцать бочекъ солонины. То-то раздолье акуламъ.

Видѣли въ морѣ неподалеку кита: кувыркался, пускалъ столбы воды.

Въ 5½ часовъ вечера стали на якорь въ бухтѣ Ванъ-Фонгъ.

Ванъ-Фонгъ.

Эскадра стоитъ въ громадномъ полуоткрытомъ заливѣ, окруженномъ очень высокими горными кряжами, высотой отъ 2 до 5 тысячъ футъ. Склоны горъ покрыты лѣсами; много прогалинъ, голыхъ скалъ; на многихъ вершинахъ природой нагромождены точно искусственные каменные столбы, принимающіе видъ фантастическихъ замковъ или храмовъ.

Къ закату солнца всѣ суда эскадры были на якоряхъ, окружили себя сѣтями, выслали миноносцы и минные катера въ дозоръ; еще часа два продолжалось оживленіе рейда сигнализаціей и разсылкой паровыхъ катеровъ по разнымъ неотложнымъ надобностямъ; понемногу судовые огни погасали, и наконецъ эскадра погрузилась во мракъ, зорко слѣдя за окружающимъ горизонтомъ.

14-го апрѣля.

Ночью съ крейсеровъ потребовали по 25 человѣкъ на „Воронежъ“—перегружать уголь съ нѣмца. Теперь наша очередь: на Мадагаскарѣ грузила команда броненосцевъ.

Вышелъ приказъ адмирала о томъ, что береговые жители даютъ сдачу фальшивыми русскими кредитками—таковыхъ не брать. Все это японское издѣліе—отголоски войны, дошедшіе и сюда до Аннама.

О Небогатовѣ ни слуху, ни духу.

Мечтаемъ о возможномъ прорывѣ черезъ Лаперузовъ или Сунгарскій проливъ трехъ владивостокскихъ крейсеровъ на соединеніе съ нами. То-то хорошо было-бы!

Вечеромъ на ютѣ богослуженіе съ чтеніемъ двѣнадцати Евангелій; присутствуютъ всѣ свободные отъ службы. Тѣсно, жарко, душно, хотя вѣтерокъ и задуваетъ свѣчи.

15-го апрѣля.

Утромъ по безпроволочному телеграфу полученъ рядъ загадочныхъ телеграммъ: наконецъ съ трудомъ разобрали одно слово: „Zud-Ouest“ — очевидно, говорятъ французы. А мы думали, 3-я эскадра идетъ.

Въ четыре часа дня былъ выносъ плащаницы.

Продолжаемъ грузить уголь ботами — медленно, но все-же быстрѣе нашего флагманскаго корабля „Олегъ“, который за ночь погрузилъ 40, а мы 61 тонну. Сегодня поэтому „Олегъ“—на правахъ адмиральскаго корабля—отобралъ отъ насъ лучшій трюмъ, а намъ далъ другой со сломанной стрѣлой. Впрочемъ, къ вечеру нѣмецкій пароходъ „Eva“ сталъ бортъ о бортъ — погрузка ускорилась.

У борта судна толпятся аннамиты на джонкахъ, въ которыхъ рѣшительно всё сдѣлано изъ бамбука: дно, такелажъ, цыновки. Бамбукъ здѣсь универсаленъ. Туземцы привозятъ для продажи мѣстный малорослый тощій скотъ, куръ, свиней, чай, табакъ, чеснокъ, саго, апельсины, бананы, папаю, мангу, папельмусы, мандарины — все втридорога. Съ офицера за апельсинъ меньше франка не берутъ. Папельмусы мы называемъ семейными апельсинами, такъ какъ однимъ фруктомъ можно накормить человѣкъ 5—6. Папая—родъ дыни съ приторнымъ сладкимъ вкусомъ и сѣменами, похожими по наружному виду на рыбью икру.

Всѣ эти фрукты весьма полезны, какъ разнообразіе въ пищѣ; бѣда только въ томъ, что наши нижніе чины не умѣютъ пользоваться ими: дорвутся до нихъ, моментально обожрутся, а къ вечеру катаются отъ боли въ животѣ и рвоты.

Говорятъ, нами куплено 18 нѣмецкихъ пароходовъ: „Eva“, „Dagmara“ и др. Всѣ они ходятъ пока еще подъ германскимъ флагомъ. „Дагмару“, будто-бы, адмиралъ на-дняхъ выслалъ отсюда: или она отказалась почему-то выдавать провизію или потому, что на ней въ числѣ прислуги оказались два японца. На остальныхъ нѣмцахъ прислуга большею частью китайская, затѣмъ бѣглые русскіе—словомъ компанія съ бору да съ сосенки.

„Eva“ была уже нѣсколько разъ во Владивостокѣ. Черезъ нее командиръ получилъ извѣстіе о своемъ сынѣ, лейтенантѣ на крейсерѣ „Громобой“. „Eva“ передаетъ, что во Владивостокѣ 200.000 тоннъ угля, а въ Артурѣ сдано его 80.000.

Командиръ ея во время погрузки говорилъ нашимъ офицерамъ: „куда Вы идете? опомнитесь! Японцы Васъ безъ труда разобьютъ“.

16-го апрѣля.

3-ей эскадры нѣтъ, командиръ и я уже проиграли по фунту.

Сегодня страстная суббота, нѣсколько офицеровъ съѣхало на берегъ за зеленью.

Какъ въ Камранѣ, такъ и здѣсь, ровная, гладкая полоска песчанаго берега окаймляется низкорослымъ колючимъ кустарникомъ какъ непроницаемой стѣной.

Послѣ долгихъ усилій, отыскавъ наконецъ лазейку, ободравшись о колючки, усыпанныя красными муравьями, мы очутились въ долинѣ, напоенной медовымъ ароматомъ. Шумъ прибоя сразу стихъ.

Здѣсь богатая зелень. На деревьяхъ крупные цвѣты (магноліи и другіе мнѣ неизвѣстные).

Щебетаніе пташекъ, рѣзкіе крики павлина, ястреба, клекотъ орла, аккомпаниментъ цикадъ, то усиливающихъ crescendo свое пѣніе, то постепенно замолкающихъ — все это представляло въ общемъ довольно оглушительный хоръ.

У ручейка мы замѣтили массу козьихъ слѣдовъ, а въ травѣ лежбище какого-то крупнаго звѣря.

Хотя компанія наша и была вооружена, но по случаю такого дня рѣшила никого не трогать.

Купанье было-бы чудесное, если-бы не масса колючихъ морскихъ ежей съ длинными иглами. Сегодня довольно тихо, они и выползли ближе къ берегу, а при большой волнѣ они предусмотрительно удаляются на глубину.

Какихъ только здѣсь нѣтъ раковинъ! Часто онѣ быстро двигаются, шуршатъ на пескѣ: это убѣгаютъ обитающіе въ нихъ раки-отшельники, таща за собой свое жилье.

Рядомъ съ нашимъ вельботомъ близъ берега на якорѣ качалась аннамитская шлюпчонка-душегубка; оттуда изъ-подъ рогожи торчали двѣ пары голыхъ ногъ мирно спящихъ рыбаковъ.

Душегубку сдрейфовало къ берегу, ударило о песокъ и окатило водой. Аннамиты разомъ выскочили изъ-подъ рогожи и, увидавъ чужестранцевъ, купавшихся по близости и смѣявшихся надъ ихъ испугомъ, рѣшили, что это ихъ продѣлка, что это они передвинули ихъ якорь ближе къ берегу.

Мы не могли оправдаться, аннамиты съ мрачными рожами перебрались подальше отъ насъ.

Какъ всегда, по возвращеніи съ берега, мы навезли съ собой разныхъ разностей: зелени, цвѣтовъ, пальмъ различныхъ породъ.

Зелень нужна для уборки судна — сегодня идутъ дѣятельныя приготовленія къ встрѣчѣ Праздника. Переборки задрапировываются флагами, въ батарейной палубѣ разставляются куличи, крашенныя яйца.

Подъ вечеръ пришло приказаніе особенно усилить бдительность и надзоръ въ эту ночь.

Выдалась темная ночка. У входа въ бухту на ночь расположились цѣпью съ правильными интервалами аннамитскіе рыбаки съ однимъ огнемъ на каждой шлюпкѣ; это кажется намъ подозрительнымъ.

Давно-бы пора японскимъ миноносцамъ произвести атаку. Что они? гдѣ они? зачѣмъ время зря тратятъ?

Несмотря на пріѣвшуюся однообразность нашей судовой обстановки и трудность скрасить ее чѣмъ-нибудь, несмотря на грозныя боевыя приготовленія, всѣ и говѣющіе, и неговѣющіе чувствуютъ, что приближается Великій Праздникъ.

Невольно вспоминается родина.

Походная церковь собрана на боевомъ перевязочномъ пунктѣ. Защита изъ коекъ задрапирована флагами. Наверху потушены всѣ огни. Усиленная вахта офицеровъ и команды зорко слѣдитъ за горизонтомъ, прислушиваясь въ то-же время къ доносящимся изъ батарейной палубы молитвамъ священника и трогательнымъ для всякаго русскаго возгласамъ: „Христосъ Воскресе“.

Послѣ богослуженія, кончившагося въ два часа, командиръ и офицеры поздравили команду, затѣмъ собрались за столомъ дружной семьей.

17-го апрѣля.

Адмиралъ обходилъ на паровомъ катерѣ всѣ суда и, не выходя, здоровался и поздравлялъ съ праздникомъ. „Аврора“ встрѣтила и проводила его музыкой.

Всѣ замѣтили, до чего адмиралъ въ послѣднее время похудѣлъ и выглядитъ нездоровымъ. Это нисколько не удивительно, если принять во вниманіе, сколько трудовъ и энергіи было затрачено имъ за почти годичный срокъ приготовленія эскадры къ настоящему походу и за длинный періодъ самаго похода.

Да поможетъ Господь Богъ ему и въ дальнѣйшемъ, да сохранитъ силы для довершенія подвига, котораго ожидаетъ отъ него вся Россія.

Мы, служащіе на его эскадрѣ, вѣримъ въ способности нашего начальника, въ его счастье, и съ этой вѣрой собираемся побѣдить врага.

Адмиралъ Фелькерзамъ совсѣмъ плохъ, говорятъ. Уже долгое время онъ не встаетъ съ постели. Доканали его тропическая жара и чрезвычайная трудность службы при данныхъ условіяхъ.

Суда обмѣнялись по обычаю визитами.

Мнѣ пришлось побывать на „Анадырѣ“, „Жемчугѣ“ и „Изумрудѣ“, гдѣ теперь вся каютъ-компанія завалена углемъ вплотную; піанино обернуто въ брезентъ. Офицеры живутъ попрежнему на верхней палубѣ, тутъ-же ѣдятъ и спятъ. Я уже избаловался на „Аврорѣ“, и меня обратно не тянетъ.

Командиръ и остальные члены каютъ-компаніи „Изумруда“, какъ всегда, очень милы и гостепріимны.

Привезено извѣстіе, сильно насъ встревожившее: въ газетахъ напечатано, что у о-вовъ Анамба уже былъ бой: погибли „Аврора“, „Сисой Великій“, „Дмитрій Донской“. Очевидно кто-то спекулировалъ на деньги и душевное спокойствіе нашихъ родныхъ. Какой ужасъ!

Приказъ: грузиться углемъ до полнаго запаса на три тысячи миль при ходѣ десять узловъ.

Наконецъ-то! Ну, слава Богу!

Говорятъ, „Изумрудъ“ и „Жемчугъ“ имѣютъ предписаніе во время боя внезапно броситься на японскіе флагманскіе корабли и выпустить по двѣ мины.

Рискованное предпріятіе!

А зачѣмъ это меня судьба перевела на „Аврору“?

Вотъ любопытно-то знать!

Нашъ адмиралъ не изводитъ насъ тьмой приказовъ. Всѣ его приказы содержатъ только необходимое. Каждое движеніе эскадры сопряжено съ большой таинственностью: кромѣ Рожественскаго никто ничего не знаетъ. Хорошо-ли это?

Прошелъ слухъ, что третья эскадра только 14-го апрѣля вошла въ Малакскій проливъ. Поэтому заключается еще одно пари на 130 рублей.

Пришелъ миноносецъ изъ Камрана, привезъ предостереженіе насчетъ тайфуна.

19-го апрѣля.

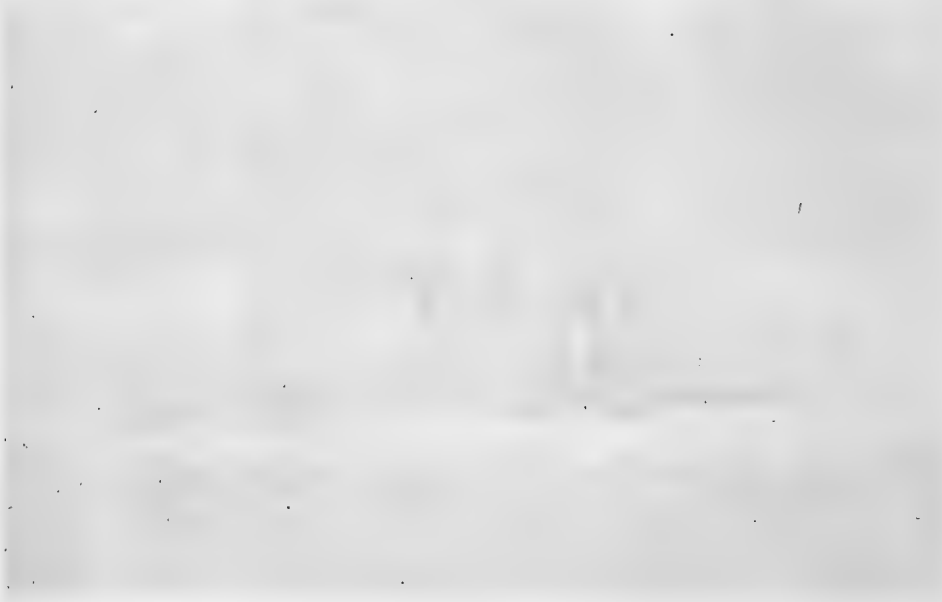
Близость тайфуна чувствуется. Съ утра ходитъ большая зыбь. Залегъ туманъ.

Коснется-ли насъ циклонъ? Центръ его въ 400—600 миляхъ отъ насъ; идетъ онъ своимъ обычнымъ трактомъ къ N и къ NO.

фот. Н. Апостоли.

Крейсеръ I-го ранга

„АВРОРА".



Согласно приказанію всѣ суда выкрасили свои мачты въ сѣрый цвѣтъ, а реи и марсы оставили черными для того, чтобы труднѣе было опредѣлять по нимъ разстояніе дальномѣромъ. Трубы у насъ желтыя, ночью освѣщаются прожекторами великолѣпно. Почему-бы не перекрасить и ихъ?

Продолжаемъ разгрузку нѣмецкихъ пароходовъ. Сегодня добрались до солонины парохода „Eva“; по клеймамъ Шангайская, но хвалить нельзя: небрежная укупорка, у многихъ бочекъ вытекаетъ разсолъ, торцы донышекъ выпучены; все-же она много лучше той солонины, которая была заготовлена въ Кронштадтѣ.

Въ послѣдніе дни приходится выбрасывать за бортъ по 12 бочекъ испорченной, чтобы найти съ трудомъ 13-ую, сносную для пищи.

Съ вечера опять стали получаться непонятныя телеграммы, Третьяго дня на дежурствѣ „Дмитрій Донской“ замѣтилъ пароходъ, который остановился и спустилъ шлюпку. Когда пароходъ отошелъ, нашъ паровой минный катеръ задержалъ эту шлюпку почти у самаго берега. Изъ нея выбросился голый человѣкъ, а куда дѣлся—неизвѣстно. Говорятъ, нашли какія-то бумаги.

Вѣроятно, японскій шпіонъ.

21-го апрѣля.

Вырвался на берегъ.

Проводникъ аннамитъ повелъ по тропинкѣ, которую безъ него мы-бы не отыскали. Переваливъ черезъ небольшой хребетъ, идя порядочной чащей, мы остановились, увидя въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя сѣрую тушу, зашевелившуюся въ кустахъ. Это оказался огромнаго роста съ гривой на шеѣ и широкими рогами быкъ—якъ, мирно пасущійся. Проводникъ, думая, что мы станемъ стрѣлять въ него, дѣлалъ умоляющіе жесты.

Послѣ мы узнали, что одинъ изъ подобныхъ намъ охотниковъ залѣзъ отъ такого быка на дерево и долго сидѣлъ тамъ, а другой подстрѣлилъ теленка, за что и поплатился тремя фунтами.

Мы залѣзали добросовѣстно всюду. Проводникъ очищалъ дорогу серпомъ съ длинной рукояткой, наши-же тупые десантные топорики не годились для этой цѣли.

За переваломъ увидали прелестную долину съ журчащимъ ручейкомъ по срединѣ.

Изъ-подъ ногъ выскочила какая-то звѣрюшка вродѣ большой сѣрой кошки съ длиннымъ хвостомъ и улепетнула.

Немного далѣе взлетѣлъ, красиво распустивъ пышный хвостъ, самецъ-павлинъ. Я выстрѣлилъ, и онъ тяжело упалъ въ кустарникъ. Добраться до него такъ и не удалось. Много дичи пропадало у насъ подобнымъ образомъ.

Немного погодя изъ-подъ ногъ выскочили сразу двѣ граціозныхъ козочки и метнулись въ разныя стороны. Погнавшись за двумя сразу, конечно, промазалъ. Другой офицеръ инженеръ-механикъ былъ счастливѣе и убилъ большую козу.

Солнце стало уже склоняться къ западу, въ ущельяхъ горъ легли тѣни, и мы, забравшись вдоль ручья довольно далеко, услыхали неподалеку ревъ тигра, выходившаго на вечернюю охоту, и поторопились вернуться.

Присутствіе павлиновъ указываетъ на близость тигра.

Въ одномъ мѣстѣ на сыромъ пескѣ мы увидали ясные отпечатки слѣдовъ тигрицы и ея дѣтеныша.

Сторожевыя суда видѣли днемъ въ морѣ два миноносца неизвѣстно какой національности, которые, поднявъ французскій флагъ, быстро улепетнули.

Не японцы-ли?

Вечеромъ въ морѣ кто-то сигналилъ въ небо прожекторомъ.

Съ „Суворова“ приказано „быть внимательнѣе“.

Мясо свѣжее у насъ теперь постоянно, а вотъ насчетъ зелени—лучку, картофеля, такъ даже споры выходятъ. Въ ней ощущается страшная потребность, всѣмъ грозитъ цынга; давно ужъ пора ей появиться.

Скоро наши потребности будутъ доведены совсѣмъ до минимума: тарелка щей съ сухаремъ, стаканъ чаю, полведра прѣсной воды, кусочекъ мыла.

24-го апрѣля.

Въ 4½ часа съ моря пришелъ французскій крейсеръ „Guichen“, яснѣе яснаго намекая своимъ приходомъ, что гостепріимство въ нейтральныхъ водахъ исчерпано.

Распространилось почему-то извѣстіе, что завтра произойдетъ соединеніе эскадръ. На розыски посланы развѣдчики: „Жемчугъ“, „Изумрудъ“, „Ріонъ“ и „Днѣпръ“.

На „Ослябѣ“ умеръ старшій артиллерійскій офицеръ лейтенантъ Гедеоновъ.

25-го апрѣля.

Адмиралу Фелькерзаму хуже.

Въ 7 часовъ утра приказано вдругъ всѣмъ выйти въ море. Вышли, крейсируемъ вдоль береговъ. Причина выхода неизвѣстна.

Въ 8 часовъ съ юга пришелъ французскій крейсеръ съ адмираломъ Жонкьеръ, заглянулъ въ бухту.

Теперь онъ можетъ записать въ своемъ вахтенномъ журналѣ и сообщить французскому правительству, что русская эскадра не нарушаетъ правилъ нейтралитета и крейсируетъ вдали отъ нейтральныхъ водъ.

Гдѣ-же 3-я эскадра?

Каждый день одинъ или два офицера проигрываютъ пари.

Въ полученной Сингапурской англійской газеткѣ мы отыскали описаніе нашего прохода черезъ Малакскій проливъ, составленное въ такихъ язвительныхъ выраженіяхъ:

„Наконецъ-то мы узрѣли чудо чудное, диво дивное—прошла русская эскадра изъ 42 вымпеловъ. Впереди идутъ транспорты, затѣмъ опять идутъ транспорты, далѣе снова транспорты. Вотъ мы видимъ „боевое“ судно „Изумрудъ“, видимъ нашихъ весьма старинныхъ знакомцевъ: „Дмитрія Донского“ и „Сисоя Великаго“, лихой корабль „Свѣтлану“, а за ними снова ползутъ транспорты... Гдѣ-же пресловутые броненосцы? А! Они, надо полагать, остались въ Индійскомъ океанѣ, дожидаются эскадры Небогатова“...

Вернулись снова въ ту-же бухту.

Младшій врачъ броненосца „Орелъ“ списывается по болѣзни на госпитальное судно „Орелъ“. Въ помощь старшему врачу этого броненосца взятъ младшій врачъ съ одного изъ транспортовъ.

Уже одна фамилія его „Авроровъ“ напоминаетъ о томъ, что необходимо и на „Аврору“ назначить второго врача.

26-го апрѣля.

Знаменательный день.

Въ 10 часовъ утра суда вышли въ море.

3-ья эскадра уже прошла мимо насъ и шла къ сѣверу, къ мысу Варелъ. Концевымъ съ транспортами шелъ „Владиміръ Мономахъ“, который, услыхавъ по безпроволочному телеграфу переговоры „Суворова“ съ „Ураломъ“ въ 9 часовъ 20 минутъ утра. отозвался: «ясно вижу „Мономахъ“».

Тогда „Суворовъ“ сталъ его вызывать: „Мономахъ“, „Мономахъ“! Покажите вашу широту, долготу. Возьмите курсъ W“.

3-ья эскадра повернула и легла на встрѣчный намъ курсъ.

Долго ожидаемая встрѣча произошла, наконецъ, въ 3 часа дня какъ разъ на вахтѣ лейтенанта С., выигравшаго въ этотъ день одновременно оба пари.

Мы увидѣли эскадру изъ 11 судовъ; 5 боевыхъ изъ нихъ— „Николай I“, „Апраксинъ“, „Сенявинъ“, „Ушаковъ“, „Мономахъ“ прошли по лѣвому борту, обрѣзали корму и приблизились къ адмиралу съ праваго борта.

Радость была всеобщая.

Гремѣло „ура“; оркестры играли гимнъ.

Стараго знакомца „Владиміра Мономаха“ не узнать: на немъ снята гротъ-мачта.

Адмиралъ Рожественскій поднялъ сигналъ: „добро пожаловать! поздравляю съ блестяще выполненнымъ походомъ, поздравляю эскадру съ присоединеніемъ эскадры“.

Къ 7 часамъ вечера суда вошли въ узкую длинную темную бухту „Куа-бэ, всего на двѣ мили сѣвернѣе Ванъ-Фонга.

К у а - б э.

Стоянка въ Куа-бэ продолжалась 4 сутокъ; спѣшно грузились углемъ сами и перегружали уголь съ однихъ транспортовъ на другіе, чтобы уменьшить число ихъ и отпустить разгруженными въ Сайгонъ.

Отрядъ адмирала Небогатова пришелъ къ намъ въ полной исправности, такъ что этихъ четырехъ сутокъ стоянки хватило для различныхъ мелкихъ работъ по исправленію механизмовъ. Пришлось также и ему перекрасить дымовыя трубы какъ у насъ въ желтый цвѣтъ, а мачты въ свѣтло-сѣрый.

Во время стоянки офицеры нашихъ судовъ и пришедшаго отряда обмѣнивались визитами, посѣщали товарищей, и тогда разговорамъ не было конца. Послѣднія приказанія отрядъ имѣлъ въ Джибути, гдѣ разсчитывалъ соединиться съ нами. Затѣмъ пошелъ прямымъ путемъ черезъ Малакку.

Сингапурскій консулъ ждалъ ихъ въ морѣ близъ Сингапура три дня; съ величайшимъ трудомъ ему удалось достать пароходикъ, такъ какъ англичане, соблюдая „строжайшій нейтрали-

тетъ", запретили давать ему въ наймы какое-бы то ни было судно.

27-го апрѣля.

Отрядъ привезъ намъ письма и газеты съ родины, чему мы безконечно обрадовались, такъ какъ до сихъ поръ имѣли послѣднія извѣстія отъ конца января.

Всегда, а теперь въ особенности, полученіе писемъ цѣлая трагедія, съ трудомъ скрываемая. Кто съ утра, а кто уже и наканунѣ, волнуется, сердится, бранится, почему это не посылаютъ за почтой катера; другіе молчатъ, а внутри видимо изводятся.

Наконецъ почта привезена, распечатывается.

Общія восклицанія: „жидковато что-то!"

Старшій офицеръ разбираетъ ее и раздаетъ, а остальные жадно глядятъ ему въ руки, стараясь издали по цвѣту конверта или по почерку угадать свое.

При этомъ сыплятся болѣе или менѣе остроумныя замѣчанія, нѣкоторыя письма даже обнюхиваются—раздушенныя.

Я уже давно (съ 7-го февраля) сижу въ этихъ случаяхъ въ сторонкѣ, зная, что мнѣ все еще адресуютъ на „Изумрудъ".

Доброжелатели присылаютъ намъ вырѣзки изъ газетъ.

Командиръ прочелъ свои письма и съ грустью заявилъ: „господа! о насъ въ Россіи и думать вовсе позабыли. Всѣ заняты внутренними своими распорядками, реформами, сплетнями, а про войну ужъ и не говорятъ".

Грустно намъ было это слышать.

Пробѣжалъ я нѣсколько номеровъ газетъ и сразу обратилъ вниманіе на тотъ хаосъ и сумбуръ, которые царятъ теперь во всѣхъ сужденіяхъ и понятіяхъ—все перепуталось, растерялось, сыплется масса обвиненій. Всѣмъ и каждому хочется найти виноватаго.

И среди всей этой суматохи не слышно ни одного мужественнаго, твердаго, спокойнаго, благоразумнаго голоса съ призывомъ не терять голову, быть стойкими, терпѣливыми и вѣрить въ лучшее будущее.

Горько и обидно стало продолжать чтеніе, и съ тяжелымъ чувствомъ я отбросилъ газету.

Очень милы лаконическія телеграммы съ сухопутнаго театра войны: „одинъ солдатъ отморозилъ ноги" или „нашли трупъ японца"—всё въ такомъ родѣ.

Какъ и слѣдовало ожидать, съ эскадрой Небогатова на „Аврору“ младшій врачъ не прибылъ.

Отъ французскаго адмирала Жонкьеръ сегодня по безпроволочному телеграфу получено поздравленіе „bon voyage!“ и все такое. Видно пора уходить, порядкомъ мы надоѣли французамъ.

Ура! съ „Изумруда“ получено пять писемъ—всѣ со штемпелемъ благодѣтеля Гинсбурга.

28-го апрѣля.

По поводу благополучнаго соединенія эскадръ вышелъ приказъ Командующаго 2-й эскадрой флота Тихаго Океана.

„Китайское море.

26-го апрѣля 1905 года, № 229.

Сегодня, 26-го апрѣля, въ 2 часа, къ эскадрѣ присоединился отрядъ контръ-адмирала Небогатова, вышедшій изъ Либавы 2-го февраля на четыре мѣсяца позже эскадры.

Отдавая должную честь молодецкому отряду, совершившему столь блестящій переходъ безъ услугъ попутныхъ портовъ и съ знакомыми всѣмъ намъ притѣсненіями на стоянкахъ въ пустынныхъ мѣстахъ, я не умаляю цѣны трудовъ прочихъ отрядовъ эскадры, которымъ пришлось поджидать товарищей въ обстановкѣ, дѣлавшей вынужденныя стоянки столь-же тяжелыми, какъ и переходы.

Съ присоединеніемъ отряда силы эскадры не только уравнялись съ непріятельскими, но и пріобрѣли нѣкоторый перевѣсъ въ линейныхъ боевыхъ судахъ.

У японцевъ больше быстроходныхъ судовъ, чѣмъ у насъ, но мы не собираемся бѣгать отъ нихъ и сдѣлаемъ свое дѣло, если наши заслуженныя машинныя команды и въ бою будутъ работать спокойно и такъ-же старательно и добросовѣстно, какъ работали до сихъ поръ.

У японцевъ гораздо больше миноносцевъ, есть подводныя лодки, есть запасы плавучихъ минъ, которыя они навыкли подбрасывать. Но это такія средства, которымъ должна быть противопоставлена осторожность и бдительность: надо не проспать минной атаки, не прозѣвать плавающихъ корпусовъ и торчащаго изъ воды перископа, не теряться у прожекторовъ, меньше волноваться у пушекъ и лучше цѣлить.

У японцевъ есть важное преимущество—продолжительный боевой опытъ и большая практика стрѣльбы въ боевыхъ условіяхъ. Это надо помнить и, не увлекаясь примѣромъ ихъ быстрой стрѣльбы, не кидать снарядовъ впустую, а исправлять каждую

наводку по получаемымъ результатамъ. Мы можемъ разсчитывать на успѣхъ только при исполненіи этого требованія: имъ должны проникнуться всѣ офицеры и всѣ команды.

Японцы безпредѣльно преданы престолу и родинѣ, не сносятъ безчестья и умираютъ героями.

Но и мы клялись передъ Престоломъ Всевышняго. Господь укрѣпилъ духъ нашъ, помогъ одолѣть тяготы похода, доселѣ безпримѣрнаго, Господь укрѣпитъ и десницу нашу, благословитъ исполнить завѣтъ Государевъ и кровью смыть горькій стыдъ Родины".

Подписалъ: Генералъ-адъютантъ Рожественскій.

Приказъ написанъ просто и ясно, безъ громкихъ фразъ.

Дай намъ Богъ хорошо его выполнить!

Минный офицеръ Ю. К. Старкъ досталъ съ „Ушакова" лишнее зеркало для прожектора вмѣсто нашего „шоколаднаго"; старшій артиллерійскій офицеръ А. Н. Лосевъ раздобылся вторымъ дальномѣромъ Барра и Струда, которыхъ у судовъ Небогатова—по четыре, а у насъ одинъ. (Къ сожалѣнію, этотъ дальномѣръ оказался изъ рукъ вонъ негоднымъ. Не таковы-ли и остальные?).

Оттуда-же раздобыли и приняли къ свѣдѣнію весьма интересный циркуляръ, въ которомъ бывшій командиръ „Новика" и „Севастополя", капитанъ I-го ранга Н. О. фонъ-Эссенъ давалъ различныя указанія военнаго характера.

Жаль, что такія полезныя вещи доходятъ поздно, узнаются случайно.

Къ эскадрѣ присоединился плавучій госпиталь „Кострома", который обогнулъ Батавію отдѣльно отъ своего отряда.

На госпитальномъ „Орлѣ" въ трюмѣ задохся санитаръ Ярославцевъ. Передъ нимъ кокъ и баталеръ, спустившіеся туда за лукомъ, были вытащены въ полузадохшемся состояніи. Идетъ разслѣдованіе.

Вечеромъ съ одного изъ судовъ отряда Небогатова на „Аврору" пріѣхалъ лейтенантъ Б. и продемонстрировалъ командѣ рядъ туманныхъ картинъ патріотическаго содержанія изъ морской и сухопутной военной жизни. Демонстрація сопровождалась соотвѣтствующими поясненіями.

Говорилось объ извѣстномъ подвигѣ двухъ матросовъ со „Стерегущаго", открывшихъ кингстоны и затопившихъ вмѣстѣ съ собою свой миноносецъ, о подвигѣ Василія Рябова, разстрѣлянnаго японцами, о подвигахъ нашихъ дѣдовъ севастопольцевъ,

о томъ, что уважать надо и врага, объ Андреевскомъ флагѣ, который тонулъ, но никогда не спускался..... и много еще, много хорошихъ вещей.

Завтра въ 5 часовъ утра уходимъ окончательно.

Тихій Океанъ.

1-го мая.

Сегодня—маевка въ Россіи, т. е. стачки, забастовки студентовъ, рабочихъ и... послѣдствія, сопряженныя со всѣмъ этимъ—веселый денекъ у Васъ сегодня!

Ну, а мы въ 5 часовъ утра двинулись далѣе въ свой путь.

Днемъ былъ отслуженъ молебенъ съ водосвятіемъ, судно окроплено святой водой. Служба тянулась безъ конца. Отецъ Георгій не выпускалъ рѣшительно ни одной молитвы и наказывалъ этимъ нашихъ грѣшниковъ, привыкшихъ къ болѣе короткой службѣ.

Когда послѣ въ каютъ-компаніи кто-то замѣтилъ: „нельзя-ли, батя, служить какъ-нибудь покороче?“—батя вспылилъ, принесъ требникъ и просилъ вопрошающаго указать ему все то, что онъ находитъ лишнимъ.

Бѣдные артиллеристы терпѣливо пыхтятъ надъ исправленіемъ дальномѣра, который съ такимъ трудомъ былъ выклянченъ съ „Ушакова“.

То „Орелъ“, то другое судно выходятъ повременамъ на нѣсколько часовъ изъ строя: „имѣю поврежденіе, исправлю къ такому-то часу, могу идти пятиузловымъ ходомъ“.

Неважно будетъ, если что-нибудь подобное случится во время боя.

Послѣ полудня „Николай“ произвелъ нечаянный выстрѣлъ, о чемъ сообщено было сигналомъ.

Несмотря на то, что ничего подозрительнаго въ видимости горизонта не замѣчалось, наши телеграфы нѣсколько разъ получали непонятные для насъ знаки. Поэтому приходится предположить, что гдѣ-нибудь не очень далеко работаютъ чужіе телеграфы.

3-го мая.

Разбирали съ командиромъ по русскимъ и англійскимъ лоціямъ описаніе острова Формозы, на южную оконечность которой мы сейчасъ держимъ курсъ.

Островъ еще не весь покоренъ японцами. Хорошихъ портовъ здѣсь нѣтъ. Сѣверный—Келунгъ—небольшой, съ угольной станціей. Уголь плохой, по вѣсу на 50% легче кардифа, по жаропроизводительности на 30% слабѣе. На Формозѣ у японцевъ есть минная станція, телеграфный кабель въ Шанхай, Гонгконгъ, Нагасаки.

4-го мая.

Курсъ продолженъ восточнѣе Формозы.

5-го мая.

Въ широтѣ 19½ градусовъ и почти на меридіанѣ о-ва Формозы съ ранняго утра принялись за погрузку угля.

Къ концу погрузки два транспорта „Тамбовъ“ и „Меркурій“ получили разрѣшеніе идти въ Сайгонъ.

Адмиралъ сигналомъ изъявилъ имъ свое особенное удовольствіе за службу и пожелалъ благополучнаго плаванія.

И вотъ передъ заходомъ солнца ко всеобщей радости—и ихъ и нашей—они пошли обратнымъ курсомъ.

Только успѣли мы освободиться отъ нихъ, какъ въ тотъ-же вечеръ открыли при свѣтѣ яркой луны дымъ парохода, который, скрывъ огни, полнымъ ходомъ улепетывалъ всторону отъ эскадры.

За нимъ въ погоню былъ посланъ крейсеръ „Олегъ“.

6-го мая.

День рожденія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Рано утромъ разбудилъ меня вѣстовой: Ваше В.Б., вставайте! „Олегъ“ закороводилъ одинъ пароходъ, а „Земчугъ“ за другимъ гоняется“.

Я вышелъ наверхъ. „Олегъ“ стоялъ подлѣ большого двухмачтоваго однотрубнаго парохода подъ англійскимъ коммерческимъ флагомъ („Ольдгамія“). Къ пароходу съ „Олега“ шелъ на шлюпкахъ десантъ. „Жемчугъ“ тоже спускалъ шлюпку для осмотра второго парохода, оказавшагося норвежскимъ „Оскаромъ II“.

Въ 10½ часовъ утра норвежецъ, не имѣвшій груза, былъ отпущенъ и прошелъ черезъ эскадру, все время салютуя флагомъ и держа сигналъ по международному: „благодарю, желаю

счастливаго плаванія", на что съ „Суворова" былъ отвѣтъ: „благодарю".

Было видно, какъ „Оскаръ II" задымилъ во всю и далъ фуль-спитъ (полный ходъ) по направленію... къ южной оконечности о-ва Формозы (доносить японцамъ), радъ радешенекъ, что такъ легко отдѣлался отъ насъ.

Съ 3-хъ часовъ утра до 6-ти вечера шли трехъузловымъ ходомъ по случаю какой-то довольно серьезной поломки машины у „Апраксина".

Транспортъ „Ливонія" идетъ на абордажѣ, бортъ о бортъ съ англичаниномъ, съ котораго теперь грузитъ уголь.

Нами полученъ приказъ принять англійскаго командира и старшаго механика. Мы готовимся гостепріимно встрѣтить ихъ.

„Хорошо было-бы, если-бы они догадались свой портеръ или пиво захватить, а то у насъ нѣтъ его ни капельки", говоритъ кто-то.

Разговоръ переходитъ на тему о томъ, что въ сущности что за варварская вещь—война.

Какое дѣло, напримѣръ, этому англійскому кэптену до войны. Возилъ онъ грузъ въ Японію и до войны и почему бы и теперь не возить.

Каково ему теперь разставаться со своимъ роднымъ кораблемъ, на которомъ онъ, быть можетъ, лѣтъ 20 плаваетъ.

Мы сами—моряки, знаемъ, что такое привязанность къ судну.

Вѣроятно, у этого кэптена есть и жена, и дѣти, мать; они ждутъ отъ него вѣстей и вдругъ узнаютъ, что онъ захваченъ контрабандистомъ, попалъ на войну.

Сколько тревогъ, сколько опасеній!

(Приказъ былъ отставленъ. Англичанъ помѣстили на „Днѣпръ", а затѣмъ на госпитальное судно „Орелъ", имѣя въ виду ихъ полную безопасность).

7-го мая.

Утромъ проходимъ южнѣе острова Батана. Курсъ взятъ NO 34°.

Сзади ползетъ англійскій контрабандистъ съ 200 человѣкъ нашей команды съ перваго броненоснаго отряда. „Ливонія" отъ него уже отошла, такъ какъ перлиня (канаты) полопались. Сегодня довольно свѣжій SSO. Англичанинъ поэтому поднялъ кливеръ и поставилъ триселя; плетется очень недурно.

Говорятъ, ему скоро сдѣлаютъ „крантикъ", т. е. ко дну пустятъ.

Пройдя проливъ Balingtan, мы теперь уже вышли изъ Южно-Китайскаго моря въ настоящій Тихій Океанъ.

Въ Артурѣ, въ старое доброе время между матросами „Разбойника“ и „Забіяки“ произошла однажды цѣлая драка изъ-за того, что послѣдніе, уходя въ запасъ, по традиціи написали на своихъ чемоданахъ „морякъ Тихаго Океана“. Разбойницкіе и стали травить ихъ: „какіе, молъ, вы моряки Тихаго Океана, когда вы его и въ глазахъ не видали: только и плавали, что по Желтому, Китайскому да по Японскому морямъ“.

Сегодня насъ покачиваетъ. Гляжу на „Изумрудъ“. Издали видно, какъ выворачиваетъ его, несчастнаго.

8-го мая.

Англійскій пароходъ отпущенъ съ небольшимъ количествомъ русской команды при офицерѣ по неизвѣстному назначенію. (Послѣ узнали, что онъ былъ посланъ во Владивостокъ кружнымъ путемъ).

Сегодня „Жемчугъ“ и „Олегъ“ ушли впередъ паблюдать появившійся на горизонтѣ воздушный шаръ. Скоро вернулись.

Какой шаръ? Что за исторія? На „Аврорѣ“ его не видали. Или это сигналъ былъ ошибочно разобранъ?

Тяжелые дни переживаются теперь нашими родными!

Бой ожидается каждый день, а какъ медленно тянется время!

9-го мая.

Оставили въ правой рукѣ къ сѣверу острова Ліу-Кіу, а къ югу Міо-Кіу, принадлежащіе японцамъ. Снова вышли изъ предѣловъ Тихаго Океана и вошли въ Китайское море, взявъ курсъ на Шанхай.

Дождь, сѣрое небо, 15° тепла.

Рѣзкая разница въ температурѣ (мы вчера вышли изъ тропическаго пояса, пробывъ въ немъ полгода) отражается очень чувствительно. Появились гастриты, судороги въ мышцахъ и проч. По эскадрѣ вышелъ приказъ надѣть суконное платье.

Весь вечеръ была сильная молнія и зарница. Ночью пронесся циклонъ, разразился дождь. Въ десяти шагахъ ничего не было видно, а ужъ подавно и гакабортнаго (кормового) огня впереди идущаго судна.

Благодаря волненію предполагаемая сегодня погрузка угля не состоялась.

Уголь—нашъ хлѣбъ насущный. На какой-только зыби не умудрялись мы принимать его барказами!

Ни одна команда иностраннаго флота никогда еще не выдѣлывала такихъ фокусовъ, какіе выпали на долю многострадальной Второй Тихоокеанской эскадры.

Вчера отъ насъ отдѣлился развѣдчикъ „Кубань“, сегодня „Терекъ“.

Куда? Зачѣмъ?

10-го мая.

Отъ непріятеля рукой подать, какихъ-нибудь 400 миль.

Все ближе и ближе тревожный часъ, въ который многимъ не сносить головы.

Было-бы лучше, если-бы намъ удалось мирно пройти во Владивостокъ, соединиться тамъ со своими крейсерами и миноносцами, оставить транспорты.

Планы Рожественскаго неизвѣстны. Повидимому, онъ желаетъ пройти во Владивостокъ Корейскимъ проливомъ.

Въ каютъ-компаніи разбираютъ стратегическую задачу о томъ, не лучше-ли избрать обходный путь вокругъ Японіи, черезъ Сангарскій проливъ.

Сторонниковъ кружнаго пути очень мало. Всѣ предпочитаютъ болѣе скорое разрѣшеніе своей судьбы: надоѣло томиться ожиданіемъ.

Сегодня заштилѣло.

Съ ранняго утра „Аврора“ энергично грузитъ уголь съ транспорта „Владиміръ“. Принято 230 тоннъ.

Благодаря распорядительности старшаго офицера и старшаго механика у насъ всегда наканунѣ погрузки обдумывается цѣлый планъ, какъ-бы провести ее скорѣе и лучше распредѣлить уголь. Сегодня, напримѣръ, когда нашъ флагманскій крейсеръ „Олегъ“ въ 7 часовъ утра поднялъ сигналъ „приготовиться къ погрузкѣ угля“, мы могли начать ее тотчасъ-же, такъ какъ у насъ уже все было готово къ 5 часамъ утра.

Адски холодно. 12° тепла и туманъ, пронизывающій до костей. Во всемъ тѣлѣ ощущается какая-то слабость, мелкая дрожь, въ головѣ тяжесть.

Я негодую на легкомысліе своихъ соплавателей, щеголяющихъ въ легкихъ кителяхъ, несмотря на мои предостереженія.

Въ результатѣ вечеромъ—командиръ, ревизоръ и еще 4 офицера больны, лихорадятъ, принимаютъ касторку, хининъ, аспиринъ и т. п.

Благодаря дождю угольная пыль превратилась въ слой

грязи, который мы своими подошвами разнесли по всѣмъ помѣщеніямъ.

Съ „Владиміра“ удалось выпросить немного свѣжей провизіи. Онъ уходитъ въ Шанхай, а во Владивостокѣ, говорятъ, дороговизна ужасная: яйцо—75 коп., фунтъ масла 2 рубля.

Съ 2-хъ часовъ идемъ пятиузловымъ ходомъ, чтобы завтра утромъ подойти къ Шанхаю и оставить тамъ часть транспортовъ.

11-го мая.

Въ 5½ часовъ утра, измѣнивъ курсъ, придержались въ туманѣ къ группѣ Сѣдельныхъ острововъ, миляхъ въ 30 отъ Шанхая.

На суднѣ идутъ послѣднія приготовленія: во многихъ мѣстахъ устраиваются траверзы—защита отъ осколковъ изъ сѣтей миннаго загражденія съ рядомъ коекъ или изъ стального и пеньковаго троса.

Я настоялъ, чтобы и мнѣ на боковыхъ перевязочныхъ пунктахъ поставили парочку траверзовъ. Впослѣдствіи одному изъ нихъ, именно правому, я былъ обязанъ спасеніемъ своей жизни.

Въ анкерки и лагуны наливается свѣжая питьевая вода. Разставляются бочки съ забортной водой, запасные пожарные шланги, ведра съ пескомъ для тушенія пожаровъ. Дерева у насъ на суднѣ еще много; всего не выбросишь.

Съ верхней палубы разгребается и убирается уголь, который расходуется съ такимъ разсчетомъ, чтобы къ Цусимѣ у насъ были полныя угольныя ямы и запасы въ офицерской каютъ-компаніи и еще кой-гдѣ въ небольшомъ количествѣ, лишь для защиты. Палубы должны быть всѣ освобождены отъ угля.

Боевые перевязочные пункты остались на прежнемъ мѣстѣ въ батарейной палубѣ, въ передней части судна, подъ командным мостикомъ и рубкой, въ той части судна, въ которую больше всего цѣлятъ японцы и, какъ я послѣ на опытѣ узналъ, не только цѣлятъ, но и попадаютъ. Но болѣе удобнаго мѣста въ смыслѣ подачи раненыхъ, снабженія водой и т. п. отыскать было нельзя. Спуститься палубой ниже совсѣмъ не представлялось возможнымъ.

Въ 8½ часовъ вечера транспорты „Ярославль“, „Воронежъ“, „Владиміръ“, „Метеоръ“ были отпущены, а съ ними ушли и крейсера „Днѣпръ“ и „Ріонъ“.

Какъ мы догадывались, назначеніе нашихъ легкихъ крейсеровъ было находиться въ тылу эскадры, прерывать сообщеніе съ Японіей, ловить контрабанду.

Я читалъ списокъ названій контрабандныхъ судовъ. Чего на нихъ только нѣтъ: есть даже особый спеціально заказанный въ Америкѣ кранъ для подъема затонувшихъ судовъ въ Артурѣ.

Ходъ у нашихъ крейсеровъ хорошій, угля хватитъ надолго.

„Уралъ“ остался съ нами „для болѣе почетнаго назначенія“, какъ будто-бы выразился Рожественскій.

На немъ очень сильный безпроволочный телеграфъ.

Эскадра наша будетъ состоять изъ 38 вымпеловъ; небоевыя суда „Уралъ“, „Алмазъ“, 4 транспорта „Корея“, „Иртышъ“, „Камчатка“ и „Анадырь“, къ сожалѣнію, идутъ съ нами.

Но лучше не подсчитывать нашихъ силъ. Это наводитъ на очень и очень грустныя мысли.

Всѣ эти молодыя силы, эти милліоны осуждены на гибель.

Не сегодня, такъ завтра.

Мы уже разсчитали: бой будетъ 14-го въ субботу.

Рожественскій, какъ старый морякъ, не захочетъ драться въ пятницу, да еще 13-го числа.

Съ этимъ суевѣріемъ, вѣдь, тоже принято считаться.

Не знаю, какъ мы будемъ вести себя въ бою, но думаю, что хорошо. Аврорцы уже выдержали одно огненное крещеніе (въ Гуллѣ).

Бѣдные мои соплаватели начинаютъ идти на уступки: кто раньше соглашался „ну такъ и быть“ пожертвовать въ бою однимъ, двумя пальцами лѣвой руки, тотъ теперь радъ потерять всю руку или ногу, лишь-бы только выйти живымъ. Одинъ спрашиваетъ меня: „а можно-ли двѣ искусственныхъ ноги придѣлать?“

Тѣмъ не менѣе большинство ходитъ прямо съ праздничными лицами—именинниками, не будучи въ состояніи удержать радостной улыбки на лицѣ.

Завтра бой, а тамъ скоро послѣ нашего долгаго странствованія: Владивостокъ, письма, газеты, новости—Богъ мой!

Да, надо много пережить, чтобы дойти до того, чтобы радоваться при такихъ обстоятельствахъ.

Мичманъ Т., у котораго во Владивостокѣ живутъ отецъ, братъ, сестры, масса знакомыхъ, обѣщаетъ намъ самое широкое гостепріимство.

12-го мая.

Въ 9 часовъ утра взятъ курсъ NO 70°, ведущій въ восточный Корейскій проливъ (иначе проливъ Крузенштерна).

Съ утра очень пасмурно, мгла, мороситъ дождь, холодно.

Раздувшійся за ночь SO срываетъ съ гребней волнъ сѣрую водяную пыль и несетъ ее по низу.

Совсѣмъ родная Балтика.

Силуэты судовъ пропадаютъ въ туманѣ. Жалко глядѣть на броненосцы береговой обороны (3-ей эскадры): они зарываются носомъ по самыя башни, и съ послѣднихъ каскадами хлещетъ вода.

Увидѣвъ на миноносцѣ „Бодромъ“, идущемъ по траверзу „Авроры“, команду въ бѣломъ, я сдѣлалъ семафоръ: „безпокоюсь о здоровьѣ Вашей команды“.

Противъ такой погодки, однако, никто ничего не имѣетъ. Если она продолжится еще нѣсколько дней, то мы пройдемъ во Владивостокъ незамѣченными въ 20 кабельтовыхъ, подъ самымъ носомъ у японцевъ.

Къ 6 часамъ вечера стало тише. Горизонтъ прояснился, стѣна тумана осталась позади.

Къ разсвѣту крейсерамъ приказано имѣть пары на 15 узловъ ходу.

Что собирается сдѣлать съ нами завтра адмиралъ?

Наканунѣ Цусимы.

13-го мая.

Сейчасъ мы находимся на траверзѣ острова Квельпарта, миляхъ въ 150 отъ Цусимы.

Всю ночь ползли пятиузловымъ ходомъ; что-то не больно спѣшитъ нашъ адмиралъ.

Утромъ на „Авророѣ“ было молебствіе.

Часовъ въ 9 былъ поднятъ сигналъ: „эволюціи“.

Эволюціи? Подъ самымъ носомъ непріятеля?

Не поздно-ли?

Дѣйствительно командующій эскадрой не торопится: получается впечатлѣніе, точно мы нарочно задерживаемся, стараемся оттянуть время. Вѣдь, къ Цусимскому проливу мы могли-бы подойти двумя днями раньше, если-бы не убили время на поворотъ къ Шангаю, не ползли-бы черепашьимъ ходомъ, не занимались теперь, точно спохватившись, этими запоздалыми эволюціями.

Навѣрное адмиралъ это дѣлаетъ неспроста.

Не ждетъ-ли онъ выхода владивостокскихъ крейсеровъ?

Не хочетъ-же онъ въ самомъ дѣлѣ подогнать нашъ бой непремѣнно къ 14-му мая?!

Судовые стратеги теряются въ догадкахъ.

Я поднялся на мостикъ въ самый разгаръ маневровъ: суда выстраивались во фронтъ, дѣлали повороты на различное число румбовъ.

Въ морѣ дулъ свѣжій вѣтеръ отъ зюйдъ-веста. Выглянувшее солнышко было не въ силахъ разсѣять довольно густую мглу, вслѣдствіе чего очертанія броненосцевъ повременамъ казались весьма неясными.

Часовъ около десяти аврорскіе сигнальщики замѣтили въ сторонѣ слѣва по траверзу бѣлый коммерческій пароходъ, расходившійся съ нами курсомъ. Въ этой мглѣ не такъ-то легко было разглядѣть его смутные контуры, а тѣмъ болѣе опредѣлить національность. Благодаря нашей черной окраскѣ, мы, безъ сомнѣнія, казались ему гораздо болѣе видимыми.

„Аврора“ тотчасъ-же просемафорила своему флагману на „Олегъ“.

Какъ послѣ оказалось, этотъ пароходъ видѣли и другія суда.

Никакихъ распоряженій, однако, насчетъ его задержанія съ „Суворова“ не послѣдовало, и эскадра предолжала мирно заниматься своими маневрами, къ слову сказать, не очень-то удачными.

Въ 12 часовъ, по окончаніи маневровъ, мы собрались въ каютъ-компаніи за столомъ.

Вошелъ командиръ: „господа, а пароходъ-то былъ японскій развѣдчикъ. Вотъ и его депеши. Глядите!“

Доска пошла по рукамъ...

Всѣми овладѣло радостное оживленіе: мы открыты, слѣдовательно сегодня ночью будутъ первыя минныя атаки, а завтра въ проливѣ эскадренный бой. Безъ боя пролива намъ не пройти.

Мнѣ очень понравилось настроеніе аврорцевъ, радостное, спокойное настроеніе. Излишнихъ иллюзій, правда, ни у кого не было, да и не могло быть, но не было и трусливыхъ опасеній.

Зная нашу лихую молодежь, я ничего иного и не ожидалъ отъ нея.

Такъ вотъ она—долго жданная развязка!

Наконецъ-то!

Не въ ожиданіи-ли этого момента мы 8½ мѣсяцевъ трепались, выворачивались чуть не по всѣмъ океанамъ земного шара, голодали, холодали, поджаривались подъ экваторомъ, болѣли и тысячи другихъ невзгодъ сносили безропотно.

Вѣдь, моментъ этотъ—моментъ раздѣлки за многое: за Артуръ,

за наши дорогія погибшія суда, за наши постоянныя неудачи въ Манчжуріи—за все.

Такъ какъ-же не радоваться?

Мы пригласили командира. Было поставлено шампанское (по одному бокалу), и коротенькій тостъ Евгенія Романовича за нашъ успѣхъ былъ подхваченъ громовымъ „ура“.

Принесли семафоръ съ „Суворова“: „непріятельскіе развѣдчики видятъ нашъ дымъ, много переговариваются межъ собой“.

Въ половинѣ третьяго по сигналу съ броненосца „Суворовъ“ „маневры! непріятель впереди!“ начались снова эволюціи, продолжавшіяся два часа.

Вышли онѣ очень нестройными, особенно у отряда Небогатова.

И немудрено. Это наши первые совмѣстные маневры съ нимъ.

Въ 4 часа 30 мин. сигналъ съ „Суворова“: „приготовиться къ бою“.

Въ 4 часа 45 мин.: „завтра съ подъемомъ флага поднять стеньговые флаги“.

Въ 5 часовъ: „во время боя у аппаратовъ имѣть лучшихъ телеграфистовъ и разсыльныхъ“.

Въ 6 часовъ: „завтра съ разсвѣтомъ имѣть пары для полнаго хода“.

По окончаніи эволюцій суда выстроились и продолжали идти въ трехъ кильватерныхъ колоннахъ: правая—отряды Рожественскаго и Фелькерзама, лѣвая—Небогатова и Энквиста, средняя—4 транспорта. Впереди развѣдочный отрядъ. На правомъ траверзѣ „Суворова“—„Жемчугъ“, на лѣвомъ траверзѣ „Николая I“—„Изумрудъ“. Въ замкѣ эскадры крейсеръ „Дмитрій Донской“, на высотѣ котораго по обѣ стороны шли госпитальныя суда „Кострома“ и „Орелъ“.

Роль нашего крейсера въ предстоящемъ бою—дѣйствовать соединенно со своимъ флагманскимъ судномъ „Олегъ“ (контръ-адмиралъ О. А. Энквистъ).

На послѣдней стоянкѣ было рѣшено, что охрана транспортовъ въ бою будетъ поручена развѣдочному отряду („Свѣтлана“, „Алмазъ“, „Уралъ“), а крейсерскій отрядъ („Олегъ“, „Аврора“, „Дмитрій Донской“ и „Владиміръ Мономахъ“) должны будутъ дѣйствовать самостоятельно, помогая главнымъ силамъ и во время боя по возможности держась съ противоположной непріятелю стороны нашихъ броненосцевъ.

Крейсера 2-го ранга „Жемчугъ“ и „Изумрудъ“ къ крейсер-

скому отряду не принадлежали и имѣли свое особое назначеніе при броненосцахъ.

Но затѣмъ охрана транспортовъ была найдена недостаточной, и изъ отряда адмирала Энквиста были выдѣлены крейсера „Дмитрій Донской“ и „Владиміръ Мономахъ“.

Такимъ образомъ въ распоряженіи адмирала Энквиста, какъ командующаго крейсерами, для самостоятельныхъ дѣйствій осталось только два крейсера—„Олегъ“ и „Аврора“.

Послѣ багроваго заката солнца, предвѣщавшаго свѣжую погоду на другой день, суда спустили флагъ, открыли отличительные огни—на этотъ разъ неполные, только внутренніе, обращенные другъ къ другу.

Какъ и въ предыдущіе дни въ палубахъ царила тьма: кое-гдѣ тускло свѣтили пиронафтовые фонари, пущенные въ полсвѣта, или густозакрашенныя въ синій цвѣтъ электрическія лампочки.

Время отъ времени проходили съ потайными ручными фонариками офицеры.

Какая-то необычайная торжественная тишина спустилась и овладѣла всѣмъ крейсеромъ.

Все замерло.

Въ 8 часовъ какъ всегда раздался глухой рокотъ барабановъ, бившихъ сборъ на молитву, раскатился дробью, отдался эхомъ въ нижнихъ палубахъ и замеръ вдали.

Среди мертвой тишины отчетливо послышались слова молитвы, произносимой священникомъ.

Я вышелъ на верхнюю палубу.

И здѣсь царило такое-же торжественное и вмѣстѣ съ тѣмъ грозное молчаніе.

У заряженныхъ орудій прилегли комендоры.

Сигнальщики напряженно вглядывались въ ночную тьму.

Глухо стучали удары винта.

Эскадра безшумно разсѣкала воды, стремясь впередъ къ своему неизвѣстному будущему, уже заранѣе предопредѣленному рокомъ.

Въ телеграфной рубкѣ все время продолжалъ стучать аппаратъ, и на длинной бумажной лентѣ выползали одинъ за другимъ загадочные знаки японскихъ шифрованныхъ телеграммъ.

Теперь звучало одно: „ре-ре-ре-ре“.

Очевидно, вызывали какое-то судно.

Я тоже пристально вглядывался въ эту черную бархатную

пелену, окутывавшую крейсеръ. Различить что-либо было невозможно: даже нашихъ миноносцевъ, идущихъ справа на траверзѣ „Авроры“, и тѣхъ не было видно. Слѣва повременамъ, казалось, мелькали искорки, точно вылетавшія изъ трубъ—это фосфоресцировала вода.

Среди этой тьмы, благопріятной для насъ, а еще болѣе—для непріятельскихъ миноносцевъ, досадными ёлками горѣли госпитальныя судна „Орелъ“ и „Кострома“, идущія сзади чуть-чуть поодаль, расцвѣтившіяся полными огнями, со своимъ знакомъ Краснаго Креста на гафелѣ, съ освѣщеннымъ спардекомъ, словомъ, совсѣмъ плавучіе дворцы.

Вахтенный начальникъ наконецъ не выдержалъ и, когда „Кострома“ ужъ больно насѣла сзади, сталъ семафорить ей потайнымъ фонаремъ Ратьера, прося отойти подальше.

Часовъ около десяти на горизонтѣ по лѣвому траверзу сверкнулъ короткой вспышкой лучъ непріятельскаго прожектора. За нимъ послѣдовало еще нѣсколько вспышекъ все болѣе и болѣе слабыхъ. Непріятель точно отходилъ влѣво.

Безпроволочный телеграфъ до 12 часовъ усиленно, почти безпрерывно, работалъ—затѣмъ смолкъ.

Не раздѣваясь, легъ я на свою жесткую койку, попробовалъ было мысленно подвести кое-какіе итоги, перебрать въ памяти наиболѣе дорогія воспоминанія, представить дорогія лица, но усталость взяла свое, и почти тотчасъ-же я погрузился въ глубокій сонъ безъ всякихъ грезъ и кошмаровъ...

ЦУСИМА.

14-го мая.

Непріятельскіе развѣдчики.

Утромъ меня разбудилъ вѣстовой: „Ваше В.Б., а Ваше В.Б.! вставайте, японскіе крейсера видать!“

Я живо вскочилъ и выбѣжалъ наверхъ.

Былъ седьмой часъ. При ясномъ безоблачномъ небѣ горизонтъ оставался задернутымъ какой-то молочной мглой. Отъ зюйдъ-веста свѣжѣлъ вѣтеръ; волненіе было среднее.

Наружнѣе нашей правой броненосной колонны за кормой

крейсера „Адмиралъ Нахимовъ“ я не сразу разглядѣлъ еле выступавшія изъ мглы смутныя очертанія непріятельскаго двухмачтоваго двухтрубнаго крейсера, выкрашеннаго въ свѣтлосѣрый цвѣтъ, поразительно подходившій подъ цвѣтъ этой мглы.

Это былъ развѣдчикъ, крейсеръ 3-го класса „Идзуми“, слѣдившій за нашимъ движеніемъ съ разстоянія 50—60 кабельтовъ и лежавшій на курсѣ, параллельномъ нашему.

Около семи часовъ на лѣвомъ траверзѣ открылся отрядъ изъ пяти крейсеровъ, также идущій параллельнымъ курсомъ. Сорокъ минутъ спустя туманъ скрылъ его изъ нашихъ глазъ.

Эскадра шла девятиузловымъ ходомъ на NO 60° — курсомъ, ведущимъ межъ островами Цусимой и Ики.

Развѣдочный отрядъ перешелъ въ тылъ эскадры и расположился кильватерной колонной за транспортами.

Въ 8 часовъ утра на эскадрѣ были подняты стеньговые Андреевскіе флаги по случаю годовщины Священнаго Коронованія ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, совпавшей, какъ мы узнали впослѣдствіи, съ днемъ рожденія Японской Императрицы.

Собравшись въ каютъ-компаніи за утреннимъ чаемъ, группа офицеровъ оживленно толковала о названіяхъ видѣнныхъ крейсеровъ, восторгались ихъ поразительной окраской, благодаря которой наши дальномѣры съ трудомъ опредѣляли разстояніе.

Высказывалось недоумѣніе, почему какое-нибудь судно, „Олегъ“ или „Аврора“, не было послано для того, чтобы отогнать назойливый и нахальный „Идзуми“.

Не мало удивлялись и тому, что непріятель совершенно безпрепятственно продолжалъ получать по безпроволочному телеграфу свѣдѣнія о насъ отъ своихъ развѣдчиковъ.

Всѣмъ было извѣстно, что на „Уралѣ“ имѣется аппаратъ огромной силы: его большая искра могла бы прямо пережечь непріятельскіе аппараты.

Между прочимъ лейтенантъ Ю. К. Старкъ разсказалъ свой сонъ; я приведу его, потому что онъ оказался пророческимъ:— „Идемъ мы мимо Цусимы, а на Цусимѣ какой-то портъ, и вотъ изъ него стройно-престройно (не такъ, какъ наша) выходитъ японская эскадра.

Передніе корабли ея, ближайшіе къ намъ, уже открыли огонь. Недолеты рвутся объ воду, поднимаютъ столбы воды, а осколки летятъ въ боевую рубку и поютъ — жужжатъ: „подарочекъ капитану, подарочекъ капитану“.

Проснулся—будятъ, говорятъ: „японскіе крейсера“...

Въ это время въ каютъ-компанію вошелъ командиръ.

Мы смолкли.

Евгеній Романовичъ, проведшій всю ночь въ боевой рубкѣ безъ сна, выглядѣлъ довольно утомленнымъ.

Въ 8 часовъ 50 мин. была пробита боевая тревога.

Слѣва показалось пять непріятельскихъ крейсеровъ.

На этотъ разъ они держались къ намъ ближе, и мы могли различить „Матсушиму“, „Итсукушиму“, „Хашидате“, „Суму“ и „Наниву“ (флагъ адмирала Уріу).

Держась на разстояніи 60 кабельтовъ, крейсера обгоняли нашу эскадру на параллельномъ курсѣ и около $9^1/_2$ часовъ скрылись въ туманѣ.

Мы уже вошли въ Цусимскій (Корейскій) проливъ и около 11 часовъ должны были проходить его наиболѣе узкое мѣсто.

Въ 9 часовъ 50 мин. показался сзади, а затѣмъ перешелъ на нашу лѣвую сторону отрядъ изъ четырехъ крейсеровъ: „Читозе“, „Кассаги“, „Ніитака“, „Отава“ (флагъ адмирала Дэва). Эти суда нагоняли предыдущія, ушедшія впередъ, и постепенно сближались съ нами на параллельномъ слегка сходящемся курсѣ.

Окраска всѣхъ японскихъ судовъ была поистинѣ изумительная.

Въ 10 часовъ 30 мин. по сигналу съ броненосца „Князь Суворовъ“ командѣ дали обѣдать у орудій повахтенно.

На „Аврорѣ“ въ этотъ день чарка была отмѣнена по приказанію командира.

Завтракъ въ каютъ-компаніи, устроенный на скорую руку, прошелъ оживленно. У всѣхъ было радостно приподнятое настроеніе, не было видно мрачныхъ лицъ, не слышно тоскливыхъ предчувствій и жалобъ на потерю аппетита.

Кто-то вспомнилъ о томъ, что ужъ сегодня-то мы навѣрное заработаемъ себѣ 18 кампаній (къ ордену Св. Владиміра), не то, что въ Гуллѣ; на что старшій штурманскій офицеръ отвѣтилъ своей излюбленной поговоркой, порядкомъ намъ надоѣвшей за время похода: „господа! жизнь наша... точно бульбочка на водѣ“.

Завтрака намъ не пришлось докончить: прозвенѣлъ тревожный авральный звонокъ; всѣ бросились по своимъ мѣстамъ.

Я прошелъ къ себѣ на правый перевязочный пунктъ. Здѣсь все было уже давно приготовлено, разставлено согласно росписанію. Санитарный отрядъ былъ переодѣтъ во все чистое, съ повязками Краснаго Креста на лѣвомъ рукавѣ.

Переодѣлась утромъ и команда.

На случай пожара я приказалъ смочить водой изъ шланговъ коечныя защиты на перевязочныхъ пунктахъ.

Палубы обошелъ съ крестомъ и окропилъ святой водой о. Георгій.

Первый бой.

Поведеніе непріятельскихъ крейсеровъ становилось вызывающимъ: они приблизились уже на разстояніе 49 кабельтовъ и безпрерывно по безпроволочному телеграфу посылали депеши—одну за другой.

„Уралъ“ не выдержалъ и просилъ адмирала разрѣшить ему пустить въ ходъ свой аппаратъ. Ему въ этомъ было отказано.

Выдержка выдержкой, а только это бездѣйствіе, да еще столь опасное для насъ, начинало насъ сильно изводить.

Съ трудомъ можно было удержать горячившуюся у орудій прислугу. Одинъ комендоръ 75-ти мм. орудія въ плутонгѣ мичмана А. В. Терентьева прямо плакалъ: „Ваше Благородіе, ей-Богу попаду; дозвольте, Ваше Благородіе!“

Наконецъ кто-то на броненосцѣ „Ушаковъ“ не выдержалъ: оттуда раздался первый выстрѣлъ, принятый за сигналъ и тотчасъ-же подхваченный остальными.

Загремѣли надъ головой тяжелыя шестидюймовки.

Съ „Суворова“ послѣдовалъ сигналъ: „не кидать снарядовъ“.

Стрѣльба продолжалась недолго, около четверти часа. Японскіе крейсера, отрепетовавъ двухфлажный сигналъ своего адмирала, повернули „всѣ вдругъ“ и въ строѣ фронта, отстрѣливаясь кормой, стали быстро уходить и скоро скрылись во мглѣ.

Одновременно „Олегъ“, „Аврора“ и въ особенности „Владиміръ Мономахъ“, находившійся ближе къ „Идзуми“, стрѣляли по послѣднему изъ орудій праваго борта.

Въ палубахъ были слышны оживленные разговоры, говорили о комендорѣ Борисовѣ, удачный выстрѣлъ котораго изъ 6-ти дюймоваго орудія разнесъ кормовую рубку на флагманскомъ кораблѣ „Читозе“. Говорили о поврежденіи рулевого аппарата на „Читозе“, заставившемъ его рыскнуть и выйти изъ строя. Впрочемъ онъ скоро справился съ поврежденіемъ и снова вступилъ въ строй.

Одинъ непріятельскій снарядъ упалъ совсѣмъ близко за нашей кормой, другіе упорно ложились между „Олегомъ“ и „Авророй“; всѣ обратили вниманіе на то, какіе огромные столбы воды взлетали при ихъ паденіи.

Отдыхъ.

Скомандовали отдыхъ.

Снаряды, конечно, не убирались и остались лежать тутъ-же въ кранцахъ.

Команда прилегла у орудій.

Я спустился въ кормовую машину, куда на время боя былъ запрятанъ мною двухмѣсячный птенецъ—зеленый попка, пойманный въ Камранѣ. Надо было покормить этого баловня, который признавалъ только своего хозяина.

Тихо было въ палубахъ.

Но врядъ-ли кто заснулъ: появленія главныхъ непріятельскихъ силъ слѣдовало ожидать съ минуты на минуту.

Чѣмъ ближе мы входили въ проливъ, тѣмъ все гуще и гуще становился туманъ.

И вотъ время отъ времени, когда его чуть прояснивало, можно было разглядѣть неясные силуэты четырехъ крейсеровъ, продолжавшихъ слѣдить за нами съ разстоянія не менѣе 70—80 кабельтовъ.

Депеши непріятеля попрежнему не были перебиваемы.

Въ полдень по сигналу съ „Суворова“ всѣ суда, идущія уже въ одной боевой кильватерной колоннѣ, стали послѣдовательно ложиться на курсъ NO 23°, ведущій къ выходу изъ Цусимскаго пролива и къ Владивостоку.

Самое узкое мѣсто пролива было пройдено.

Непонятное перестроеніе эскадры.

Въ 12 ч. 25 м. дня была замѣчена японская парусная шлюпка, идущая съ острова Цусимы къ японскому берегу на пересѣчку нашего курса.

Объ этой шлюпкѣ нигдѣ не вспоминалось въ печатныхъ донесеніяхъ, а, мнѣ кажется, она сыграла не малую роль. Надо помнить, что адмиралъ Рожественскій въ своихъ приказахъ и распоряженіяхъ еще съ Кронштадта указывалъ на опасность, что какая-нибудь простая рыбачья шлюпка можетъ подбросить плавучую мину. Не предположилъ-ли нашъ начальникъ, что именно съ этой цѣлью шлюпка смѣло идетъ на пересѣчку курса?

Если это предположеніе правильно, то и дальнѣйшій маневръ эскадры можетъ имѣть какое-либо объясненіе — иначе трудно понять, какъ могъ адмиралъ, ожидавшій съ минуты на минуту встрѣчи съ главными силами непріятеля, дѣлать перестроеніе.

На самомъ дѣлѣ онъ это сдѣлалъ; поднялъ сигналъ: „1-му броненосному отряду („Суворовъ“, „Александръ III“, „Бородино“, „Орелъ“) повернуть „всѣмъ вдругъ“ на 8 румбовъ вправо—второму броненосному отряду („Ослябя“, „Сисой Великій“, „Наваринъ“, „Адм. Нахимовъ“)—отмѣнительный сигналъ“; причемъ распоряженія уменьшить ходъ второму броненосному отряду не было.

Дѣйствительно, 1-ый броненосный отрядъ повернулъ вдругъ вправо, давъ этой злосчастной шлюпкѣ пройти подъ кормой „Орла“; затѣмъ, отойдя отъ прежняго курса на кабельтовъ 5—7 разстоянія, 1-ый броненосный отрядъ снова повернулъ на 8 румбовъ влѣво, т. е. легъ на прежній курсъ.

Такимъ образомъ образовалось двѣ отдѣльныхъ кильватерныхъ колонны броненосцевъ.

Второй броненосный отрядъ, попрежнему не получая приказанія уменьшить ходъ, сталъ выходить впередъ и уже по своей иниціативѣ замедлилъ ходъ до самаго малаго, чтобы „Ослябѣ“ быть на траверзѣ „Суворова“.

Въ это время 1-ый броненосный отрядъ увеличилъ ходъ, и „Суворовъ“, а за нимъ и три остальныхъ броненосца стали выходить впередъ и склоняться влѣво, чтобы занять прежнее мѣсто впереди и идти одной боевой кильватерной колонной.

„Суворовъ“ уже успѣлъ выдвинуться впередъ, и на траверзѣ „Осляби“ былъ уже „Александръ III“, какъ вдругъ слѣва изъ-за мглы обрисовались главныя силы непріятеля, и начался бой.

Первый огонь непріятеля такимъ образомъ обрушился на „Ослябя“, на которомъ развѣвался флагъ адмирала Фелькерзама, на слѣдовавшій за нимъ „Сисой Великій“ и выдвинувшійся „Суворовъ“.

Эти броненосцы и приняли на себя всю силу сосредоточеннаго огня непріятеля.

Находясь-же въ двухъ кильватерныхъ колоннахъ, не всѣ наши броненосцы могли отвѣчать на огонь и теряли дорогое время. Такимъ образомъ какихъ-нибудь 15—20 минутъ рѣшили очень многое.

Второй бой.

Въ 1 ч. 30 м. стоявшій на вахтѣ лейтенантъ Дорнъ обратилъ вниманіе на какой-то особенно сгустившійся влѣво по носу туманъ, какой-то отдѣльной болѣе темной полосой, и заподозрилъ непріятеля. Въ то-же самое время уже на всѣхъ судахъ принимался сигналъ съ головного „Суворова“: „тревога! крейсерамъ и транспортамъ правѣе!“

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ стояли спокойно на своихъ мѣстахъ, готовые встрѣтить врага.

Впереди изъ стѣны тумана выдѣлились концы трубъ двухъ головныхъ, а затѣмъ и силуэты четырехъ первыхъ вражескихъ судовъ.

Сближеніе происходило со страшной быстротой.

Сію же минуту зарокотали орудія.

Японскія суда, идя контракурсомъ и сблизившись съ „Авророй“ на разстояніе около 66 кабельтовъ, повернули обратно и легли на курсъ, параллельный нашему.

Можно было узнать извѣстные намъ до сихъ поръ только по рисункамъ головной броненосецъ „Миказу“, на которомъ развѣвался флагъ адмирала Того, далѣе броненосцы „Шикишиму“, „Фуджи“, „Асахи“, броненосные крейсера „Нисшинъ“ и „Кассугу“ и за ними отрядъ изъ шести броненосныхъ крейсеровъ подъ флагомъ адмирала Камимуры—„Идзумо“, „Иватэ“, „Асама“, „Токива“ и „Якумо“.

Повернувъ и идя бо́льшимъ ходомъ, чѣмъ мы, японская эскадра скоро поравнялась съ первымъ броненоснымъ отрядомъ, который тѣмъ временемъ успѣлъ вступить въ голову нашей кильватерной колонны (впереди „Ослябя“), и стала бить сосредоточеннымъ огнемъ исключительно по нашимъ двумъ флагманскимъ кораблямъ—„Суворову“ и „Ослябѣ“.

Сплошная стѣна высокихъ столбовъ воды, чернаго дыма, огня совершенно заслонила отъ насъ эти броненосцы. Отъ паденій и разрывовъ снарядовъ, казалось, вскипѣло море.

На „Суворовѣ“ быстро были сбиты передняя, задняя мачты, обѣ трубы. Въ районѣ боевой рубки черными клубами валилъ дымъ—горѣло что-то. Немного погодя близъ задняго мостика вдругъ вырвался высоко вверхъ столбъ пламени, очевидно, произошелъ взрывъ (этимъ взрывомъ сорвало крышку кормовой двѣнадцати дюймовой башни). Пламя тотчасъ-же стихло, а у боевой рубки все больше и больше разгоралось.

Уже накренившійся на лѣвый бортъ броненосецъ представлялъ изъ себя зловѣщій видъ. Дымъ отъ пожара у боевой рубки, соединяясь съ дымомъ, валившимъ изъ разбитыхъ трубъ, на ходу стлался по судну, повременамъ совсѣмъ закутывая его чернымъ облакомъ.

Еще хуже приходилось другому флагманскому кораблю „Ослябѣ".

И у него горѣло около боевой рубки, была сбита задняя мачта и былъ грозный кренъ на лѣвый бортъ, достигшій уже 15°.

Было ясно, что корабль гибнетъ.

Но тѣмъ не менѣе не хотѣлъ доблестный корабль выходить изъ строя и упорно, подъ убійственнымъ огнемъ продолжалъ идти въ кильватеръ броненосцу „Орелъ", безпрерывно посылая снаряды.

Стало влетать и другимъ судамъ: вышелъ изъ строя „Бородино". Довольно быстро справившись со своимъ поврежденіемъ, онъ снова вернулся въ строй и занялъ свое мѣсто въ кильватерѣ у броненосца „Александра III".

Вспыхнули пожары и на другихъ судахъ. Клубы густого чернаго дыма валили на „Александрѣ III" межъ заднимъ мостикомъ и кормовой башней.

На броненосцѣ „Сисой Великій" все больше и больше разгорался пожаръ у передней ходовой рубки.

Нашъ броненосный отрядъ, идя кильватерной колонной въ 12 судовъ, сильно растянулся. Особенно отставалъ и тщетно силился соблюдать разстояніе бѣдный „Ушаковъ".

Обладая преимуществомъ въ ходѣ, японская эскадра заходила впередъ и, дѣйствуя продольнымъ огнемъ вдоль кильватерной линіи нашихъ судовъ, оттѣснила эскадру къ осту.

Въ сравненіи съ энергичной стрѣльбой японцевъ наша производила впечатлѣніе вялой. Отчасти это зависѣло отъ совсѣмъ различнаго эффекта, вызываемаго разрывомъ нашихъ и японскихъ снарядовъ при паденіи ихъ въ воду.

Когда одинъ снарядъ упалъ на срединѣ разстоянія межъ непріятелемъ и „Ушаковымъ", на „Авроръ" сказали: „вотъ это выстрѣлъ „Ушакова" (его орудія не отличаются дальнобойностью).

До сихъ поръ крейсера находились въ безопасности у праваго борта броненосцевъ внѣ сферы перелетовъ („Аврора" на траверзѣ „Наварина"); миноносцы и транспорты были еще правѣе. Параллельно броненосцамъ и крейсера и транспорты склонялись къ осту.

Крейсерскій бой.

Въ 2 ч. 20 м. справа изъ-за гористаго островка Котсу-Сима вынырнулъ надоѣдливый „Идзуми“: онъ храбро принялся разстрѣливать транспорты.

По немъ открыли огонь „Олегъ“, „Аврора“ и „Мономахъ“. „Авророѣ“ сильно помѣшалъ „Анадырь“, и она могла выпустить по „Идзуми“ только нѣсколько снарядовъ изъ шестидюймоваго носового орудія подъ носъ и черезъ „Анадырь“; 75-ти же миллиметровыя орудія должны были вовсе бездѣйствовать.

„Идзуми“ отошелъ въ туманъ на этотъ разъ съ пожаромъ.

Въ 2 ч. 25 м. на „Донскомъ“ подняли сигналъ: „непріятельскіе крейсера обходятъ транспорты“.

Сзади съ юга изъ мглы показался уже видѣнный утромъ отрядъ изъ четырехъ крейсеровъ „Читозе“, „Кассаги“, „Ніитака“, „Отава“.

Транспортамъ грозила участь быть отрѣзанными.

Тотчасъ-же болѣе быстроходные „Олегъ“ и „Аврора“ вышли вправо и бросились вдвоемъ на четыре непріятельскихъ судна, съ которыми и завязали бой, сблизившись на разстояніе 42-хъ кабельтовъ. Огонь, открытый лѣвымъ бортомъ, былъ перенесенъ затѣмъ на правый.

Завязался правильный бой на контракурсахъ. Мы сами старались поддерживать разстояніе не болѣе 50 кабельтовъ, иначе снаряды нашихъ шестидюймовокъ не всегда достигали цѣли, а намъ продолжало попадать и на бо́льшемъ разстояніи отъ японскихъ восьмидюймовыхъ (а послѣ и двѣнадцатидюймовыхъ снарядовъ, когда присоединился „Чинъ-Іенъ“). „Свѣтлана“, „Мономахъ“, „Донской“ остались при транспортахъ.

Маневрированіе японскихъ крейсеровъ имѣло цѣлью отрѣзать насъ отъ транспортовъ или отжать въ сторону своихъ броненосцевъ и поставить въ два огня.

Благодаря быстроходности „Олега“ и „Авроры“ это имъ первое время не удавалось.

Далѣе намъ пришлось быть свидѣтелемъ ужасной катастрофы съ „Ослябя“.

Гибель „Ослябя".

Геройскій корабль, первый грудью встрѣтившій врага, первымъ-же и погибъ.

Онъ уже вышелъ изъ строя. „Сисой Великій" и другія суда обходили его.

Окутанный дымомъ, съ громаднымъ креномъ на лѣвый бортъ, съ сильно развороченнымъ носомъ, до самыхъ клюзовъ ушедшимъ въ воду, со сбитой задней трубой, безъ кормовой башни, „Ослябя" легъ на обратный курсъ и, поровнявшись съ „Авророй", на правомъ траверзѣ ея въ разстояніи десяти кабельтовъ, поражаемый все новыми и новыми снарядами, сталъ агонировать: зарылся носомъ, началъ ложиться на лѣвый бортъ; показались, коснулись воды отверстія трубъ, обнажился безпомощно вертѣвшійся въ воздухѣ правый винтъ; люди, вначалѣ прыгавшіе съ борта въ воду, тутъ уже неудержимо посыпались какъ горохъ съ разныхъ мѣстъ палубы, изъ люковъ, и тотчасъ-же въ такомъ положеніи, не перевертываясь килемъ вверхъ, корабль пошелъ ко дну.

Люди барахтались въ водоворотѣ, судорожно хватались за выбрасываемые предметы.

На обломкахъ гребного барказа уцѣпилось человѣкъ пятнадцать (ихъ спасла шлюпка съ буксирнаго парохода „Русь").

Въ эту кашу плававшихъ, барахтавшихся людей врѣзались миноносцы „Буйный", „Бравый", „Быстрый"; давая то передній, то задній ходъ, они спасали гибнувшихъ.

А сверху всё продолжали и продолжали сыпаться дождемъ японскіе снаряды. . . . . .

Занятые своимъ боемъ, безсильные помочь гибнущимъ 900 товарищамъ, мы видѣли всё это и... не сошли съ ума!

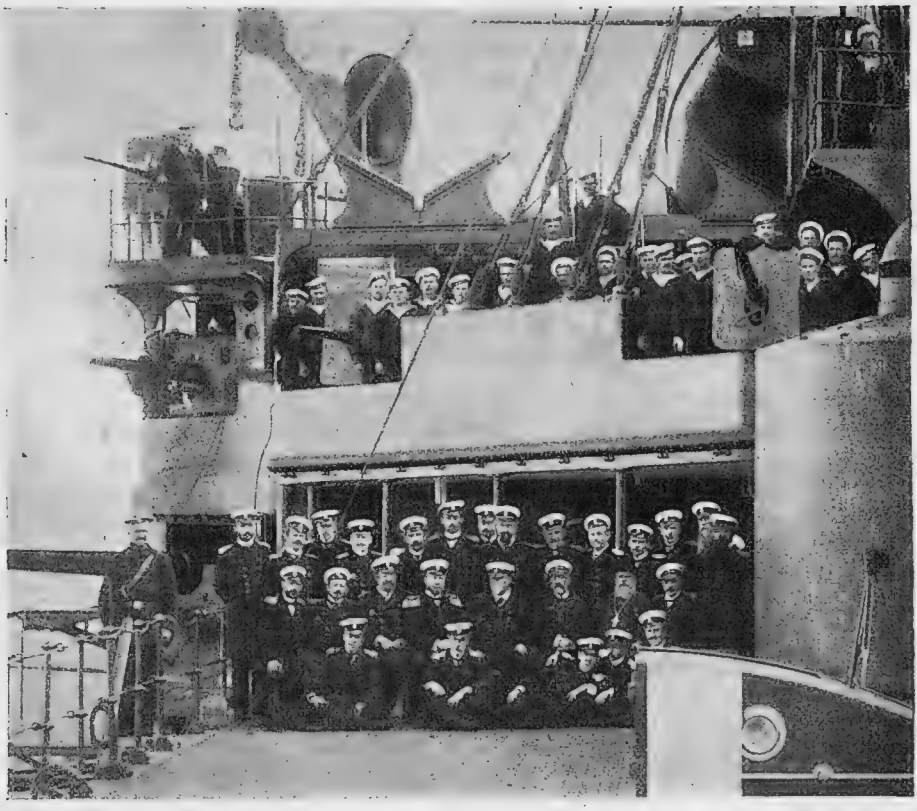
Что творилось въ душѣ у каждаго въ эти мгновенія, никто не передастъ словами!

А наружно—никто не дрогнулъ, никто не выдалъ себя и не оставилъ своего дѣла.

И, какъ прежде, по всей линіи продолжался бой.

Съ момента начала боя прошла цѣлая вѣчность—всего 50 минутъ.

Вотъ мы уже лишились одного корабля, наши броненосцы запылали, строй страшно растянулся, въ особенности у отряда



фот. Иванова.

Командиръ и офицеры погибшаго въ сраженіи
эскадреннаго броненосца

„ОСЛЯБЯ“.

Небогатова (несмотря на то, что ходъ былъ не болѣе десяти узловъ), а противникъ нашъ точно неуязвимъ. Соблюдали равненіе и разстояніе японскіе корабли, что называется, въ точку.

Крейсера подъ перекрестнымъ огнемъ.

Японскіе крейсера еще не пристрѣлялись по „Авроръ“ какъ слѣдуетъ. На разные лады жужжали и пѣли надъ нашими головами непріятельскіе снаряды, много ихъ падало подъ самымъ носомъ, между „Авророй“ и „Олегомъ“, затѣмъ они принялись ложиться недолетами близъ праваго борта, одинъ за другимъ.

Въ это время (3 ч. 20 м.) съ лѣвой стороны изъ мглы вынырнулъ второй отрядъ крейсеровъ—„Матсушима“, „Итсукушима“, „Хашидате“, „Нанива“ и „Сума“ (или „Чинъ-Іенъ“).

Откуда-то взялся и „Идзуми“, уже справившійся со своимъ пожаромъ.

Насъ живо взяли въ два огня.

Трахъ, трахъ! ударило нѣсколько снарядовъ въ переднюю часть судна, въ передній мостикъ: все закуталось чернымъ удушливымъ дымомъ. Когда онъ разсѣялся, изъ разныхъ мѣстъ одновременно послышались стоны раненыхъ, крики: „носилки сюда, скорѣе носилки!“

Крейсера сблизились съ непріятелемъ уже на 25 кабельтовъ.

Еще нашъ снарядъ! еще!...

Какой-то крупный пролетѣлъ совсѣмъ низко надъ полубакомъ, кувыркаясь.

Еще нашъ! градомъ посыпались, застучали осколки...

На правомъ шкафутѣ вспыхнулъ пожаръ — туда бросился трюмнопожарный дивизіонъ.

Торопливо забѣгали люди санитарнаго отряда.

По всему судну вполголоса передавалась печальная вѣсть: „командиру нашему царствіе небесное! командиръ приказалъ долго жить!“

У уцѣлѣвшаго лѣваго трапа на полубакъ показались носилки, осторожно спускаемыя санитарами. Лицо лежавшаго было прикрыто тужуркой съ прапорщичьими погонами, но вотъ она сползла и открыла мертвенно-блѣдныя черты командира: на головѣ алѣла предательская струйка крови.

Люди торопливо давали дорогу, снимали фуражки и, молча, крестились.

Нѣсколько минутъ спустя, сильно прихрамывая, безъ фуражки съ забинтованной головой прошелъ въ сопровожденіи своего ординарца старшій офицеръ крейсера А. К. Небольсинъ, раненый во время тушенія пожара. Онъ поднялся въ боевую рубку и вступилъ въ командованіе крейсеромъ.

Кругомъ продолжали сыпаться непріятельскіе снаряды: вотъ у праваго борта точно отъ взрыва мины поднялся огромный столбъ воды—дрогнула „Аврора“, вотъ другой, такой-же точно, упалъ рядомъ съ „Олегомъ“, совсѣмъ рядомъ: весь закутался дымомъ „Олегъ“.....

„Олегу—крышка!“... произнесъ кто-то.

Нѣтъ! нѣтъ! цѣлъ онъ, не тонетъ, не кренится, такъ-же гордо и стройно идетъ впередъ, даже не мѣняя курса, такъ-же энергично отстрѣливается. Только теперь на немъ повалилъ дымъ—загорѣлось что-то.

У лѣваго борта столпились безпомощно транспорты, миноносцы, „Алмазъ“—изъ-за нихъ пришлось прекратить огонь на лѣвый бортъ.

Мы вели бой съ десятью крейсерами!

Въ кильватеръ „Аврорѣ“ на время вступилъ „Владиміръ Мономахъ“.

Выходъ изъ строя флагманскаго броненосца „Князь Суворовъ“.

Было 3 ч. 35 м.

Нашъ флагманскій броненосецъ „Князь Суворовъ“ вышелъ изъ строя.

Весь въ пламени, въ дыму, безъ мачтъ, безъ трубъ, не будучи въ состояніи управляться рулемъ, онъ описывалъ циркуляцію влѣво въ сторону непріятеля, не прекращая стрѣльбы.

„Александръ III“, „Бородино“ и остальные наши броненосцы продолжали бой, отходя къ сѣверу и увлекая за собой непріятеля.

Отходили къ сѣверу и наши крейсера, продолжая вести бой съ разстоянія 45-ти кабельтовъ.

Непріятельскіе крейсера теперь выстроились уже въ одну

кильватерную колонну съ небольшимъ интерваломъ между первымъ и вторымъ отрядами.

Наши комендоры стрѣляли хладнокровно, не горячась. Разстояніе указывалось пока еще изъ боевой рубки. Очертанія непріятельскихъ судовъ очень скрадывались, благодаря мглѣ, а попаданій, разрывовъ въ водѣ нашихъ снарядовъ и вовсе нельзя было замѣтить.

Оставшійся послѣ „Суворова“ головнымъ „Александръ III“, сильно израненный, наконецъ вышелъ изъ строя вправо.

Отъ непріятельскихъ броненосцевъ отдѣлилось два—„Нисшинъ“ и „Кассуга“: они пошли добивать „Суворова“.

Замѣтивъ бѣдственное положеніе своего флагманскаго броненосца, въ то время какъ остальные броненосцы удалялись къ сѣверу, „Олегъ“ и „Аврора“ легли на обратный курсъ, дали полный ходъ и поспѣшили къ нему на помощь.

За нами, продолжая энергичный огонь, повернуло десять непріятельскихъ крейсеровъ.

Мы прошли мимо вспомогательнаго крейсера „Уралъ“: онъ сильно садился носомъ, на немъ суетилась, спускала гребныя суда команда, развѣвался сигналъ: „имѣю пробоину, задѣлать своими средствами не могу, спасаю людей“.

„Олегъ“ поднялъ сигналъ „Анадырю“, находившемуся вблизи „Урала“ и энергично отстрѣливавшемуся изъ своихъ маленькихъ 120-ти миллиметровыхъ орудій, спустить шлюпки.

Въ это время по своему собственному почину отважно бросился спасать людей маленькій буксиръ „Свирь“. „Анадырь“ успѣлъ спустить шлюпки и спасъ часть команды.

Всё это производилось подъ жестокимъ огнемъ. Фонтаны такъ и взметывались вокругъ. Море кипѣло.

Мы не узнали „Суворова“. Это былъ не корабль, а какая-то черная головня, окутанная дымомъ, съ языками огня, выскакивавшими изъ полупортиковъ и пробоинъ.

Мачты, обѣ трубы, всѣ задніе мостики, шканечныя надстройки—все было уже снесено. Боевую рубку лизали огненные языки.

То, что называлось броненосцемъ „Князь Суворовъ“, стояло на мѣстѣ, не двигаясь и..... отстрѣливаясь отъ „Нисшинъ“ и „Кассуги“, потомъ куда-то вдаль (должно быть, отъ миноносцевъ) и еще отъ одного судна типа „Чинъ-Іенъ“.

Къ „Суворову“ подходили наши миноносцы (какъ послѣ мы узнали—„Буйный“, взявшій тяжело раненаго адмирала Рожественскаго и часть его штаба).

Увидѣвъ „Олегъ“ и „Аврору“, „Нисшинъ“ и „Кассуга“ перенесли свой огонь на нихъ.

Приблизившіеся съ тылу непріятельскіе крейсера взяли „Олега“ и „Аврору“ въ два огня. . . . . .

. . . . . .

И былъ-бы здѣсь славный конецъ двумъ зарвавшимся небронированнымъ крейсерамъ, если-бы не приближеніе нашихъ броненосцевъ, также повернувшихъ на обратный курсъ. Движеніе ихъ заставило „Нисшинъ“ и „Кассугу“ отойти и скрыться въ туманѣ.

И вотъ сильно уже избитые броненосцы наши грудью прикрыли „Суворова“ и стали описывать вокругъ него круги.

Крейсера и транспорты снова подъ перекрестнымъ огнемъ.

Пока все это происходило, отъ огня крейсеровъ жестоко влетѣло бѣднымъ транспортамъ: „Иртышъ“ шелъ, уже сильно погрузившись носомъ, „Камчатка“ была сильно подбита, на бакѣ у нея суетилась команда и мастеровые, у „Анадыря“ зіяла пробоина выше ватерлиніи въ носу, а въ средней части заводился на ходу пластырь, „Уралъ“ все еще не тонулъ, и „Свирь“ дѣлала попытку взять его на буксиръ. Одна „Корея“ шла какъ будто-бы цѣлая.

Надо было отвлечь отъ себя непріятельскіе крейсера и дать возможность отойти транспортамъ. Сигналомъ съ „Олега“ было приказано „Владиміру Мономаху“ и „Дмитрію Донскому“ присоединиться къ намъ, и затѣмъ четыре крейсера ринулись на сближеніе съ десятью японскими.

Къ намъ по собственной иниціативѣ присоединились „Жемчугъ“ и „Изумрудъ“, присутствіе которыхъ у броненосцевъ оказалось совершенно безцѣльнымъ.

По лѣвую сторону мы оставили вышедшій изъ строя и горѣвшій „Сисой Великій“. Весь носъ его до передняго мостика былъ окутанъ дымомъ, межъ носовой башней и передней трубой виднѣлись громадные языки пламени. И тѣмъ не менѣе эта башня, окутанная дымомъ, чуть не раскаленная, продолжала посылать одинъ снарядъ за другимъ; это произвело на аврорцевъ сильнѣйшее впечатлѣніе; послышались возгласы: „Сисой-то! Сисой! поглядите, каковъ молодецъ!“

Послѣдній галсъ для нашихъ крейсеровъ былъ очень несчастливъ: имъ пришлось очутиться въ хвостѣ своихъ броненосцевъ, описывавшихъ круги вокругъ „Суворова“ и чрезвычайно растянувшихъ свою линію, образовавъ почти кольцо.

Крейсера должны были замедлить ходъ.

Транспорты и миноносцы, сбившіеся въ это время въ кучу внутри круга, помѣшали маневрированію.

Крейсера не могли дать полнаго хода и выйти изъ сферы перекрестнаго огня, въ который они снова попали. Съ одной стороны ихъ раздѣлывали непріятельскіе десять крейсеровъ, съ другой— „Нисшинъ“ и „Кассуга“, вынырнувшіе сзади изъ тумана, съ третьей — броненосцы, отдѣлившіе по насъ по нѣсколько орудій, что доказывалось 12-ти дюймовыми „чемоданами“, падавшими совсѣмъ неподалеку.

До непріятеля было только 24 кабельтова.

Огонь сосредоточился главнымъ образомъ на „Олегѣ“ и „Авроръ“, которые пострадали здѣсь болѣе, чѣмъ за все время боя.

Особенно досталось намъ отъ „Нисшинъ“ и „Кассуги“, державшихся сзади въ тылу.

Но и отъ насъ досталось „Нисшинъ“, по которому „Аврора“ особенно хорошо пристрѣлялась. На немъ были большія потери въ людяхъ, убитъ командиръ. Можетъ быть, это именно „Аврора“ отомстила за смерть своего командира.

Попало и назойливому „Идзуми“. Когда онъ снова очутился концевымъ, „Аврора“ нарочно сосредоточила на немъ весь огонь. По донесенію Того, на немъ оказалось 26 убитыхъ.

Мина.

Около 4-хъ часовъ къ „Авроръ“ приблизился буксиръ „Русь“ и что-то сигналилъ флажками; что именно—разобрать не успѣли, такъ какъ въ это время съ „Олега“ стали кричать въ рупоръ и семафорить: „мина! мина!“

Впереди по лѣвой сторонѣ нашъ курсъ пересѣкала мина.....

„Олегъ“ успѣлъ положить руля, „Аврора“ нѣтъ: всѣ замерли на своихъ мѣстахъ, глядя на приближавшуюся по поверхности воды мину.

Насъ спасъ хорошій ходъ. Мину отбросило обратной волной, и всѣ видѣли, какъ она прошла вдоль судна въ двухъ саженяхъ отъ лѣваго борта.

Мичманъ Терентьевъ кинулся наводить 75-ти миллиметровое орудіе, чтобы разстрѣлять ее, но не успѣлъ.

За „Авророй“ близко въ кильватеръ шелъ „Мономахъ“, прямо на мину.

Предостереженія съ „Авроры“ опоздали...

Вотъ онъ ударилъ ее форштевнемъ, и мина, разрѣзанная пополамъ, пошла ко дну, не взорвавшись.

Какой вздохъ облегченія вырвался изъ нашей груди!

Мина была уайтхедовская, короткая, съ бронзовымъ зарядным отдѣленіемъ, съ красными полосами на верхней части.

Откуда она взялась, осталось неизвѣстнымъ. Стрѣлялъ-ли ею кто-нибудь именно по насъ, или-же она была выпущена миноносцами по „Суворову?“ Не пустила-ли ее наконецъ какая-нибудь изъ этихъ подозрительныхъ джонокъ, шатавшихся по мѣсту сраженія?

Продолженіе боя.

Буксиръ „Русь“, вѣроятно, держалъ сигналъ: „терплю бѣдствіе“. Вскорѣ послѣ этого мы видѣли, какъ команда съ него стала садиться въ шлюпки, предварительно спустивъ на „Руси“ флагъ. Одна изъ шлюпокъ была тотчасъ-же разбита снарядомъ, а уцѣлѣвшіе люди, державшіеся за киль ея, подобраны „Анадыремъ“.

Сама „Русь“, упорно не желавшая тонуть, затонула отъ удара тарана „Анадыря“, а „Уралъ“ отъ тарана „Мономаха“.

Въ водѣ плавала масса выброшенныхъ пустыхъ гильзъ изъ подъ 75-ти миллиметровыхъ патроновъ: онѣ колыхались точно тростникъ.

Часамъ къ тремъ погода засвѣжѣла; развело крутую волну. На бакѣ захлестывало. Люди стояли мокрые, продрогшіе.

Орудія батарейной палубы стало тоже захлестывать, и большинство ихъ пришлось вывести въ самый разгаръ боя. Чтобы въ батарейную палубу не попадала вода, надо было задраить полупортики, но не вездѣ это можно было сдѣлать: четыре полупортика были сильно подбиты, исковерканы и не закрывались. Черезъ нихъ свободно вкатывали каскады воды.

Что-же тогда должно было твориться на нашихъ несчастныхъ броненосцахъ съ ихъ нижними батареями, чрезвычайно близко

расположенными къ водѣ ужъ по одному чертежу, а благодаря перегрузкѣ углемъ тѣмъ болѣе?

Несмотря на вѣтеръ, мгла не разсѣивалась, и очертанія японскихъ судовъ были попрежнему полускрыты отъ насъ. Поврежденій на нихъ что-то замѣтно не было, и пожаровъ было немного, въ то время какъ наши суда пылали какъ костры. Въ строю японцы держались точно заколдованные. У насъ-же то одно, то другое судно выходило изъ строя, справлялось съ поврежденіемъ и снова вступало.

Нашъ единственный дальномѣръ Барра и Струда въ самомъ началѣ боя былъ разбитъ на марсѣ; затѣмъ перебиты были и проводники, по которымъ передавались приказанія изъ боевой рубки къ циферблатамъ Гейслера. Каждому плутонговому офицеру пришлось опредѣлять разстояніе на глазъ и стрѣлять, какъ Богъ на душу положитъ. А пристрѣлка была плохая: не видно было нашихъ попаданій въ воду и шабашъ. Дальнее разстояніе подчасъ, мгла, предательская окраска, мѣшавшая наводкѣ, служили большимъ препятствіемъ для нашей стрѣльбы; не мало затемняли поле зрѣнія высокіе фонтаны при паденіи въ воду японскихъ снарядовъ, начиненныхъ сильно взрывчатымъ веществомъ.

Опытный фехтовальщикъ училъ неопытнаго да еще къ тому-же вооруженнаго вмѣсто острой рапиры старой никуда негодной заржавленной шпаженкой.

Всё это время мы толклись почти на одномъ и томъ-же мѣстѣ; все былъ виденъ Котсу-Сима да Котсу-Сима, къ которому усердно старались отжать насъ японцы—на мины или на орудія береговыхъ фортовъ.

Такъ какъ нашимъ крейсерамъ большей частью приходилось сражаться на контракурсахъ, то у насъ бывали минуты передышки, когда можно было оправиться, вздохнуть свободнѣе. Броненосцы-же сражались почти безпрерывно на параллельныхъ курсахъ.

„Олегу“, какъ головному флагманскому кораблю, доставалось больше, чѣмъ „Авроръ“. Вокругъ него снаряды такъ и ложились. Но большая часть его орудій была защищена броневыми казематами и башнями, въ то время какъ на „Авроръ“ все было гладко, чистенько, на виду.

„Суворовъ“, объятый дымомъ и пламенемъ, продолжалъ стоять на одномъ и томъ-же мѣстѣ—вдругъ онъ далъ ходъ и двинулся, оставляя за собою вбокъ густое черное облако дыма. На слѣдующемъ галсѣ „Аврора“ увидала его уже вошедшимъ въ строй и идущимъ въ кильватеръ „Ушакову“.

Каковъ молодецъ!..

На приблизившемся миноносцѣ „Буйномъ“ въ 4 ч. 22 м. разобрали сигналъ: „адмиралъ на миноносцѣ“.

Около 5 часовъ наша эскадра стала снова ложиться на нордъ, и къ ней кромѣ „Суворова“ присоединился и „Александръ III“ съ громаднымъ креномъ. Ясно было, что минуты и этого корабля сочтены.

Тѣмъ не менѣе отстрѣливался онъ лихо.

„Олегъ“ и „Аврора“, оказавшіеся сравнительно далеко отъ броненосцевъ, увеличивъ ходъ, пошли на сближеніе съ ними, продолжая вести бой съ непріятельскими крейсерами, шедшими этотъ разъ на параллельномъ курсѣ.

Вѣрные своей тактикѣ японцы, увидавъ поворотъ броненосцевъ къ норду, снова обошли ихъ, обрушились на головной „Бородино“ и принудили эскадру уклониться вправо и лечь на остъ.

Благодаря послѣднему движенію непріятельскіе крейсера, сражавшіеся съ нами на параллельномъ курсѣ, очутились прямо по носу нашихъ броненосцевъ, отъ которыхъ и поторопились уйти.

Японскіе-же броненосцы, тоже ворочавшіе на остъ, оказались довольно далеко.

Огонь на время ослабѣлъ.

„Олегъ“, „Аврора“ вступили въ кильватеръ броненосцамъ, а миноносцы, развѣдочный отрядъ, транспорты и крейсера „Донской“, „Мономахъ“, „Жемчугъ“ и „Изумрудъ“ очутились внутри круга, который образовала наша эскадра.

Снова японцы зашли во флангъ, снова броненосцы наши должны были уклониться отъ нихъ вправо и лечь на обратный курсъ вестъ.

Гибель „Князя Суворова“.

„Суворовъ“, бывшій передъ тѣмъ концевымъ послѣ „Ушакова“, исчезъ, и за дымомъ, мглой его никакъ не удавалось открыть. На „Аврорѣ“ всѣ спрашивали другъ друга: „гдѣ „Суворовъ“? что съ нимъ?“ Заключенія свелись къ тому, что онъ остался гдѣ-то позади въ безпомощномъ состояніи.

фот. Квара.

Командиръ и офицеры погибшаго въ сраженіи
эскадреннаго броненосца

„КНЯЗЬ СУВОРОВЪ“.

Продолженіе боя.

Бывшій теперь головнымъ „Александръ III“ снова вышелъ изъ строя. Передъ тѣмъ кренъ его нѣсколько выпрямился, а теперь былъ громадный; между трубами и задней мачтой пылалъ пожаръ. На броненосцѣ развѣвался какой-то сигналъ.

Въ 5 час. 10 мин. легли на курсъ NO 50°.

Въ 5 час. 35 мин. на головномъ „Бородино“ сигналъ: „транспортамъ курсъ NO 23°, восемь узловъ ходу“.

Въ 5 час. 40 мин. „Александръ III“ всетаки вступилъ въ строй позади „Орла“.

Во время послѣдняго маневрированія за мглой и дымомъ, окутавшимъ весь горизонтъ, японскіе броненосцы на время потеряли нашу эскадру.

Около половины шестого къ транспортамъ приблизились непріятельскіе крейсера и открыли сильный огонь.

„Олегъ“ и „Аврора“ покинули строй кильватера за броненосцами и, бросившись на крейсера, дали возможность транспортамъ отойти правѣе.

„Олегу“ и „Авророѣ“, по которымъ непріятель на этотъ разъ пристрѣлялся сразу, пришлось туго.

У борта „Олега“ поминутно падалъ снарядъ за снарядомъ; онъ шелъ среди кучи брызгъ, и на „Авророѣ“ только и ждали, за какимъ снарядомъ потонетъ нашъ бѣдный „Олегъ“.

На немъ взвился сигналъ: „Донскому“ и „Мономаху“ вступить въ кильватеръ“, и тотчасъ-же къ намъ на помощь подошли эти суда.

Оба старые корабля вели себя геройски.

Но что могли сдѣлать наши четыре крейсера съ противникомъ изъ 9—10 судовъ съ орудіями 8-ми дюймоваго калибра?

Не по силамъ имъ была ихъ задача.

Лихо, отважно велъ себя нашъ головной корабль „Олегъ“: онъ не прятался за броненосцы, не избѣгалъ стрѣльбы, а самъ первый торопился начать ее.

Замѣтивъ приближеніе крейсеровъ, онъ тотчасъ-же шелъ имъ навстрѣчу, вдвоемъ съ „Авророй“ на десятерыхъ, и схватывался съ ними на контракурсахъ.

Отъ окончательнаго разстрѣла „Олегъ“ и „Аврору“ спасла быстрота и частая смѣна ходовъ: мы сбивали этимъ непріятеля, не давали ему точно пристрѣляться.

За весь бой вѣрная „Аврора“ ни на одну пядь не отстала отъ своего флагмана.

Одинъ разъ, когда „Олегъ“ почему-то вдругъ сразу застопорилъ свои машины, „Аврора“ вышла впередъ въ сторону непріятеля и грудью прикрыла „Олегъ“. (Въ Маниллѣ всевѣдущіе японцы припомнили аврорцамъ этотъ моментъ).

Были ужасныя, такъ называемыя „поворотныя“ точки: когда непріятель хорошо пристрѣливался и удачно концентрировалъ огонь по „Олегу“, такъ что послѣдній казался весь окутаннымъ брызгами, взметами бѣлой пѣны, чернымъ дымомъ, съ проблесками огня, то мы нерѣдко видѣли, какъ бѣдный корабль не выдерживалъ этого огня, клалъ круто на бортъ руля, поворачивалъ на восемь румбовъ и, выходя изъ сферы огня, оставлялъ ее позади. „Аврора“ тотчасъ-же слѣдовала его примѣру, клала руля, но, катясь по инерціи, должна была вступать въ этотъ ужасный, засыпаемый на нашихъ глазахъ чугуннымъ градомъ, районъ.

Такъ какъ „Аврора“ очень медленно слушается руля, не ворочается, какъ говорятъ моряки, „на пяткѣ“, то она неминуемо должна была всякій разъ окунаться въ этотъ дождь.

Вообще „Аврора“ въ бою счастливо вышла изъ многихъ непріятныхъ моментовъ и сохранила свое мѣсто въ строю.

Возьмемъ такой примѣръ: „Олегъ“ и „Аврору“ должны были отрѣзать непріятельскіе крейсера.

Увидя это, броненосцы (уже безъ „Суворова“, который горѣлъ отдѣльно) взяли вправо, чтобы прикрыть насъ.

Намъ пришлось, оставивъ въ лѣвой рукѣ вышедшій изъ строя и горѣвшій „Сисой Великій“, вступить въ кильватеръ броненосному крейсеру „Адмиралъ Нахимовъ“, а для этого повернуть на 12 румбовъ.

Въ этотъ моментъ намъ пришлось рѣзать носъ всѣмъ транспортамъ, и концевая „Аврора“ едва-едва успѣла проскочить подъ носомъ „Камчатки“, „Анадыря“ и „Алмаза“, сбившихся въ кучу и сходившихся носами. Еще минута, и она была-бы протаранена.

Чтобы слѣдовать въ кильватеръ „Олегу“, требовалось самое тщательное вниманіе. Болѣе быстроходный и поворотливый „Олегъ“, прижимаемый 9—10-ю японскими крейсерами, тѣснимый собственными транспортами, вертѣлся какъ волчекъ и ежеминутно мѣнялъ хода съ полнаго на стопъ и наоборотъ.

Нельзя было ни на секунду отвести глазъ съ „Олега“, и отдавать приказанія приходилось не рѣже двухъ-трехъ разъ въ минуту: „полный ходъ! самый полный! 130 оборотовъ! 100 оборотовъ! Право руля! лѣво руля! стопъ машина! задній ходъ!“ и т. д.

Сдача командованія.

Около шести часовъ крейсерскій бой кончился, и японскіе крейсера скрылись за горизонтомъ во мглѣ; броненосцы-же ихъ вскорѣ стали настигать нашу эскадру, и броненосный бой возобновился съ прежней силой.

Въ это время вдоль линіи нашихъ судовъ проходилъ одинъ изъ миноносцевъ, держа сигналъ: „адмиралъ поручаетъ командованіе адмиралу Небогатову“.

Адмиралъ Фелькерзамъ погибъ на „Ослябѣ“ (смерть его отъ тяжелой болѣзни еще за двое сутокъ до боя была скрыта отъ эскадры); очевидно, теперь убитъ и Рожественскій.

Все это время эскадра оставалась безъ командованія и бродила, стрѣляла, не имѣя опредѣленнаго плана.

Но врядъ-ли могъ сдѣлать что-либо самый мудрый, самый храбрый и самый опытный флотоводецъ въ данныя минуты при данныхъ обстоятельствахъ.

Въ этой ловушкѣ японцы дѣлали съ нами все, что хотѣли, играли какъ кошка съ мышью.

Оставалось только удивляться одному—стойкости и героизму русскихъ судовъ.

Положеніе эскадры.

Дѣло близилось къ вечеру.

Броненосцы во главѣ съ „Бородино“ стали опять ложиться на курсъ NO 23°, ведущій къ выходу изъ Цусимскаго пролива. За „Бородино“ близко шелъ „Орелъ“, далѣе сильно отставшіе „Николай I“, „Апраксинъ“, „Сенявинъ“, „Александръ III“, „Ушаковъ“, „Сисой Великій“, „Наваринъ“ и „Нахимовъ“. Интервалы межъ судами были уже сильно неправильны.

Слѣва отъ броненосцевъ находились „Олегъ“ и „Аврора“, еще лѣвѣе остальные крейсера, транспорты, миноносцы, валившіе нестройной кучей.

Изъ броненосцевъ не хватало „Суворова“ и „Ослябп“, изъ крейсеровъ „Урала“, изъ транспортовъ „Камчатки“ и „Руси“.

Миноносцы были всѣ на лицо. „Буйный“, на которомъ находились тяжело раненый или умершій отъ ранъ, какъ мы думали, адмиралъ Рожественскій и часть (175 человѣкъ) команды, спасенной съ „Ослябя“, былъ виденъ далеко въ тылу эскадры.

Слѣва „Аврору“ въ полутора кабельтовѣ разстоянія обгонялъ „Алмазъ“, намъ были видны его пробоины въ носу, въ кормѣ, развороченный фальшбортъ, разбитая фокъ-мачта. Развѣвались уже извѣстные намъ два трехфлажныхъ сигнала. Виднѣвшіеся на переднемъ мостикѣ, на спардекѣ алмазскіе офицеры раскланивались съ нашими, маша фуражками.

За „Алмазомъ“ шла „Свѣтлана“, сильно сидѣвшая носомъ. Волны заливали ея верхнюю палубу.

Госпитальныхъ судовъ съ утра никто такъ и не видалъ. Про нихъ даже и думать позабыли.

„Жемчугъ“ и „Изумрудъ“ были тутъ-же. Все время боя они вертѣлись, крутились, бросались подъ огнемъ спасать людей, но неудачно. Назначеніе этихъ судовъ въ бою такъ и осталось непонятнымъ.

Гибель броненосца „Александръ III“.

Всѣ суда, за исключеніемъ небогатовскихъ, были сильно повреждены: самый печальный видъ представлялъ „Александръ III“, броненосецъ Гвардейскаго Экипажа. Кренъ его на правый бортъ былъ огроменъ и не только не уменьшался, а, напротивъ, замѣтно увеличивался. Развѣвавшійся сигналъ обозначалъ: „терплю бѣдствіе“.

Поведеніе его было невполнѣ понятно. За полчаса передъ тѣмъ онъ вышелъ изъ строя, прошелся вдоль всей эскадры на югъ, потомъ вернулся назадъ, все время точно розыскивая кого-то. Аврорцамъ показалось, что онъ ищетъ „Суворова“, чтобы остаться съ нимъ и вмѣстѣ умереть.

Вотъ онъ снова вышелъ изъ строя, вступилъ концевымъ.

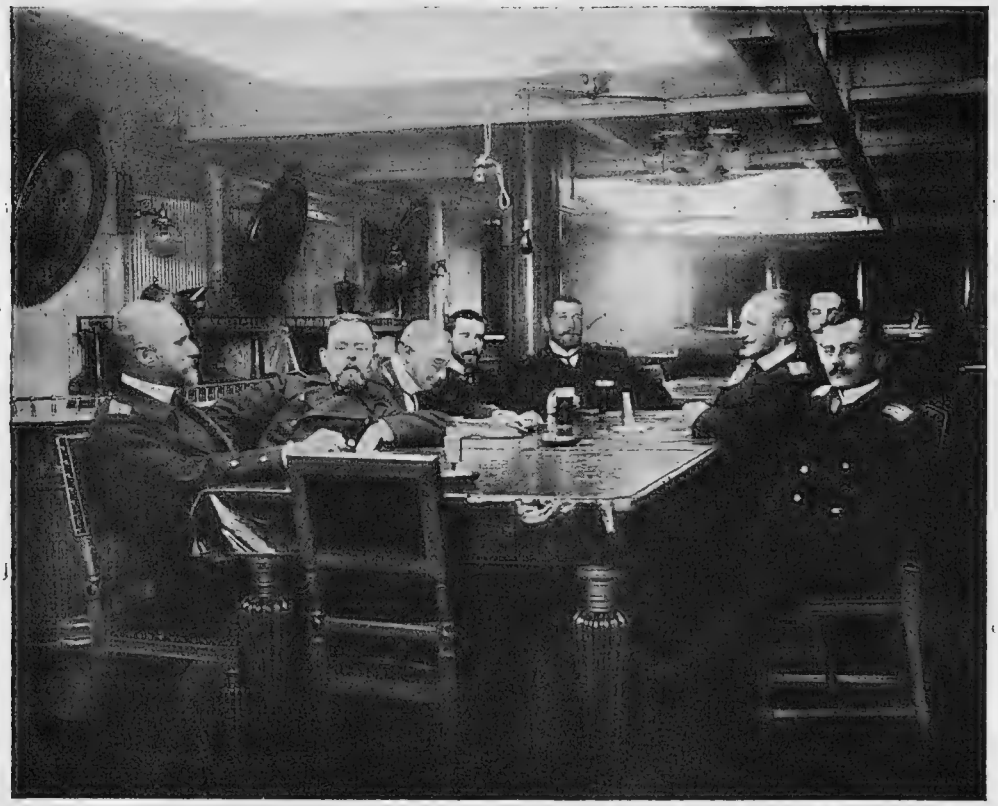
Около 7 часовъ онъ какъ-то сразу исчезъ.

Никто не хотѣлъ вѣрить его внезапной гибели.

Командиръ Небольсинъ упорно требовалъ отъ сигнальщиковъ, чтобы они разглядѣли это судно, а тѣ твердили въ одинъ голосъ: „вотъ тутъ онъ былъ, вотъ тутъ, а теперь не видать; куда дѣлся, не знаемъ“.

И разстояніе до него передъ тѣмъ было не очень большое: кабельтовъ тридцать.

Момента, въ который перевернулся вверхъ килемъ геройскій броненосецъ, на „Авророѣ“ такъ никто и не замѣтилъ.



Въ каютъ-компаніи погибшаго въ сраженіи
эскадреннаго броненосца

„ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III“.

Гибель „Бородино“.

Между тѣмъ японскіе броненосцы, за дымомъ и мглой потерявшіе на нѣкоторое время нашу эскадру, снова нагнали ее съ тылу и, поравнявшись съ передними кораблями, какъ и раньше, сосредоточили свой огонь на головномъ, которымъ теперь шелъ „Бородино“. На немъ уже съ полчаса горѣлъ пожаръ въ кормѣ: дымилось мало, что-то алѣло, какая-то яркая точка, словно груда раскаленнаго угля.

Когда „Бородино“ четверть часа спустя былъ взятъ, какъ слѣдуетъ, на прицѣлъ, и снаряды одинъ за другимъ стали впиваться въ его бока, поднимая громадные столбы чернаго дыму (отъ мелиниту, а возможно, что и отъ угольныхъ ямъ), у всѣхъ насъ екнуло сердце; мы почувствовали, что такого огня никакому броненосцу не выдержать.

Доблестный-же „Бородино“ упрямо не хотѣлъ выходить изъ строя или ворочать влѣво: онъ твердо и неуклонно велъ эскадру на NO 23°.

Въ багровыхъ, точно кровавыхъ лучахъ спускалось солнце— вотъ вотъ зайдетъ за горизонтъ. Вѣтеръ заштилѣлъ, волна улеглась.

До захода солнца осталось какихъ-нибудь пять минутъ. Всѣ страшно жаждали, чтобы наступившая ночь спасла-бы своимъ благодѣтельнымъ покровомъ несчастный корабль.

Каждое мгновеніе было такъ дорого!

Но пять минутъ протекали, казалось, какъ цѣлая вѣчность.

На заднемъ мостикѣ „Бородино“ у гротъ-мачты показался пожаръ: узенькій языкъ пламени высоко (выше уровня трубъ) лизнулъ мачту. Дыма не было, въ стороны огонь не распространялся.

Что-бы это могло горѣть? не вспыхнулъ-ли порохъ въ мачтовомъ или простомъ элеваторѣ?

Обыкновенно такіе пожары кончались черезъ нѣсколько минутъ, пока не выгоритъ въ патронахъ бездымный порохъ, но этотъ пожаръ былъ какъ-то странно упоренъ и разгорался все сильнѣй.

Непріятель, замѣтивъ это, еще болѣе усилилъ огонь.

Минутъ пятнадцать „Бородино“ еще боролся съ пожаромъ, энергично отвѣчая на огонь.

Вдругъ (въ 7 ч. 15 м.) въ передне-носовой части его послѣдовалъ взрывъ, поднялось цѣлое облако чернаго дыма, и вслѣдъ

за тѣмъ, сдѣлавъ послѣдній предсмертный залпъ изъ 12-ти дюймовыхъ орудій кормовой башни, „Бородино“ почти въ одно мгновеніе легъ на правый бортъ, обнажилъ свою подводную часть, киль, сверкнувшій въ лучахъ заходящаго солнца какъ чешуя гигантской рыбы, и скрылся подъ водой еще быстрѣе, чѣмъ „Ослябя“, не долѣе, чѣмъ въ полминуты времени.

Надъ погибшимъ въ славномъ бою кораблѣ изъ воды появилось бѣлое облачко пара, поднимавшееся все выше и выше къ небу.

Казалось, съ этимъ облачкомъ улетала душа судна.

Солнце въ это время сѣло.

Было 7 ч. 20 м.

. . . . . .

Броненосецъ „Орелъ“, слѣдовавшій въ кильватеръ, прошелъ по свѣжей колыхавшейся еще могилѣ своего боевого товарища. Находясь въ какихъ-нибудь двадцати кабельтовахъ, аврорцы были безмолвными свидѣтелями этой трагедіи.

Итогъ шестичасового эскадреннаго боя.

Послѣ гибели четырехъ лучшихъ нашихъ броненосцевъ всѣ поняли ясно и твердо, что бой проигранъ въ полномъ смыслѣ этого слова и что надѣяться намъ болѣе не на что. Оставшіеся корабли—худшіе и самые слабые. Японская эскадра цѣла.

Гибелью „Бородино“ кончился собственно бой.

Дальнѣйшее (атаки миноносцевъ)—это была бойня: послѣдовательное добиваніе уже разбитаго противника, уничтоженіе корабля за кораблемъ.

Поворотъ броненосцевъ къ югу безъ сигнала и распаденіе Второй Тихоокеанской эскадры.

Незадолго до захода солнца, около семи часовъ, въ лучахъ заката впереди нашего курса отъ норда до нордъ-веста на горизонтѣ показались первые непріятельскіе миноносцы отрядами по 4—5 штукъ, загораждавшіе путь на сѣверъ. Они держались въ строѣ кильватера и хорошо соблюдали разстояніе.

Приготовясь атаковать наши суда, они пока еще не трогались съ мѣста, выжидая окончательнаго наступленія темноты.

Флагманскій корабль „Олегъ“ попробовалъ открыть по нимъ огонь, но безуспѣшно—снаряды не долетали.

На „Аврорѣ“ насчитали впереди сначала девять миноносцевъ, потомъ семнадцать; затѣмъ, увидавъ, что миноносцы начинаютъ выползать и слѣва и сзади, и счетъ имъ потеряли. (Послѣ ужъ мы узнали, что въ бою участвовало около 105 непріятельскихъ миноносцевъ: изъ нихъ 25 истребителей, 12 миноносцевъ I-го класса, 55—II-го и 13—III-го). У насъ-же было всего девять истребителей.

Очевидно, они хотѣли кольцомъ окружить эскадру. До ближайшихъ изъ нихъ на сѣверѣ мы приблизились уже на разстояніе 50 кабельтовъ.

Казалось, одинъ моментъ, и они понесутся въ атаку.

Еще до гибели „Бородино“, на послѣднемъ галсѣ было видно, какъ тяжело приходится несчастнымъ броненосцамъ.

Нѣкоторые изъ нихъ—„Наваринъ“, „Сенявинъ“, „Апраксинъ“ уже ломали строй, склоняясь больше въ нашу сторону, точно стараясь подставить болѣе корму непріятелю.

Въ моментъ катастрофы съ „Бородино“, „Орелъ“ какъ будто уменьшилъ ходъ и, прокатившись по инерціи надъ мѣстомъ гибели, тотчасъ-же безъ всякаго сигнала повернулъ влѣво на восемь румбовъ и пошелъ въ сторону нашихъ крейсеровъ курсомъ близкимъ къ весту.

Одновременно съ „Орломъ“ и остальные броненосцы повернули въ сторону, противоположную непріятелю, но уже не въ послѣдовательномъ порядкѣ, т. е. не одинъ за другимъ, какъ это дѣлалось ими въ теченіе всего дня, а „всѣ вдругъ“ безъ всякаго сигнала съ адмиральскаго корабля, которымъ теперь былъ „Николай I“.

Съ „Авроры“, находившейся отъ броненосцевъ на разстояніи около 20 кабельтовъ, было видно, что броненосцы стараются дать самый полный ходъ и идутъ самой нестройной кучей, не соблюдая правильныхъ интерваловъ, не равняясь въ строѣ фронта. Болѣе другихъ выдвинулся впередъ „Николай I“ и еще болѣе склонился къ югу.

Не понимая этого маневра, не видя сигнала, крейсера, транспорты, миноносцы застопорили свои машины...

Но со стороны броненосцевъ это уже не былъ маневръ.

Это было самое безпорядочное отступленіе въ сторону, противоположную непріятелю.

Прошло минутъ пять.

Чтобы очистить мѣсто быстро надвигавшемуся отряду броненосцевъ, крейсера, транспорты, миноносцы, слѣдуя примѣру первыхъ, должны были повернуть и дать ходъ въ ту-же сторону (въ зюйдовую четверть), очутившись такимъ образомъ, благодаря повороту на 8 румбовъ, теперь впереди (т. е. южнѣе) своихъ броненосцевъ.

Именно это движеніе броненосцевъ нарушило прежнюю цѣльность, стройность, организованность эскадры: получилась безпорядочная каша, была потеряна всякая диспозиція.

Непріятель продолжалъ еще обстрѣливать броненосцы, и перелеты ложились близко за кормой „Авроры“ (это указываетъ разстояніе, на которомъ „Аврора“ находилась отъ своихъ броненосцевъ).

Безпорядочно разбросавшіеся транспорты помѣшали и нашимъ крейсерамъ сохранить строй.

Тогда адмиралъ Энквистъ поднялъ сигналъ своему отряду „вступить въ кильватеръ“, и „Аврора“, прибавивъ ходъ, вслѣдъ за „Олегомъ“ обошла сбившуюся кучу транспортовъ, миноносцевъ и выровнялась въ линію кильватера; „Мономахъ“ исполнилъ то-же самое, а „Донской“ нѣтъ.

Съ лѣвой стороны „Олега“ оказался „Жемчугъ“.

Остальныя суда (развѣдочный отрядъ, транспорты, миноносцы и среди нихъ „Буйный“) сначала оказались лѣвѣе насъ, а затѣмъ сзади и валили то справа, то слѣва нестройной кучей.

Сумерки быстро надвигались.

Со всѣхъ румбовъ бросились въ атаку миноносцы.

Было видно, какъ тѣ миноносцы, которые находились теперь впереди насъ и были въ кабельтовахъ уже тридцати, повернули носами къ намъ и, давъ полный ходъ, пошли въ атаку: подъ носомъ ихъ закипѣли, забѣлѣли буруны.

Тогда, чтобы принять атаку съ кормы, „Олегъ“, а за нимъ „Аврора“ и остальныя суда положили руля, взяли еще лѣвѣе на SW и развили ходъ до полнаго. (На большомъ ходу мины отбрасываются отъ борта). Тихоходный „Мономахъ“ отсталъ.

До наступленія темноты мы видѣли, что наши броненосцы продолжали идти прежнимъ курсомъ на SW и отстрѣливались въ тылъ.

Быстро наступившая затѣмъ темнота, продолжавшійся сзади бой, нашъ болѣе скорый ходъ и минныя атаки, открытыя тотчасъ-

же и по крейсерскому отряду, совершенно раздѣлили крейсера и остатки броненосной эскадры.

Крейсерскому отряду пришлось дѣйствовать самостоятельно и вразбродъ, такъ какъ благодаря скрытымъ огнямъ, разности ходовъ, а, главное, миннымъ атакамъ и частымъ перемѣнамъ курса, крейсера (такъ-же какъ и остальныя суда) растеряли другъ друга, и свое мѣсто при адмиралѣ какимъ-то чудомъ сохранили только „Аврора“ да по своей иниціативѣ присоединившійся „Жемчугъ“.

Въ ожиданіи минной атаки.

Еще засвѣтло, передъ гибелью „Бородино“, послѣ того какъ непріятельскіе крейсера отошли, нужно было до наступленія минныхъ атакъ выяснить свои потери и пополнить убыль у орудій. Распоряжался всѣмъ раненый А. К. Небольсинъ.

Лейтенантъ Старкъ собралъ на полубакѣ уцѣлѣвшихъ комендоровъ и орудійную прислугу.

Оказалось, что убитыхъ было 10, раненыхъ 89, изъ нихъ 57 комендоровъ и орудійной прислуги; изъ строя выбыло 50 человѣкъ.

Что касается числа орудій, годныхъ для отраженія минной атаки, то выяснилось, что по правому борту было совершенно выведено одно шестидюймовое, пять 75-ти мм., одно 37-ми мм. орудіе, легко повреждены одно шестидюймовое и пулеметъ, по лѣвому борту временно выведено два 75-ти мм. орудія.

Съ четырехъ часовъ дня орудія батарейной палубы должны были замолчать, такъ какъ полупортики захлестывало водой, и ихъ пришлось задраить наглухо. Этимъ мы разомъ лишались двѣнадцати 75-ти мм. орудій батарейной палубы.

Такимъ образомъ отражать атаку съ праваго борта „Аврора“ могла только восемью орудіями (считая въ числѣ ихъ и баковое и ютовое орудія), съ лѣваго-же одиннадцатью.

Нехватавшихъ комендоровъ и орудійную прислугу пополнили людьми отъ подбитыхъ орудій и изъ центральнаго поста.

Въ 7 часовъ 25 минутъ приказано было переодѣться теплѣе и ужинать у орудій. Камбузъ былъ разбитъ, и консервы выдавались на руки прямо въ жестянкахъ.

Команда очень измучилась за день, вымокла, продрогла до костей, но что стоили физическія страданія въ сравненіи съ

нравственными—при видѣ этой гибели одного судна за другимъ, этой картины полнаго разгрома!

Было уже сумрачно. Всѣ торопились. Скоро ожидалась первая минная атака.

За „Авророй“ слѣдовало нѣсколько нашихъ миноносцевъ.

Во избѣжаніе рокового недоразумѣнія послѣдовалъ приказъ: „не открывать огня безъ приказанія съ передняго мостика“.

Какъ оказалось послѣ, это было во всѣхъ отношеніяхъ благоразумное распоряженіе.

Со стороны офицеровъ, завѣдывавшихъ плутонгами, требовалась страшная выдержка и хладнокровіе.

Комендоры ночью чуть-чуть не разрядили орудій по „Свѣтланѣ“, „Жемчугу“, „Мономаху“ и двумъ нашимъ миноносцамъ.

Минеры спѣшно собрали прожектора. Изъ шести одинъ у насъ еще до боя не дѣйствовалъ, другой былъ разбитъ снарядомъ на фокъ-мачтѣ; подбиты осколками и четыре остальныхъ, но легко; ихъ удалось подправить, а самыя главныя жизненныя части (лампы, переднія стекла, отражатели) еще до боя были предусмотрительно спрятаны въ безопасное мѣсто старшимъ минным офицеромъ лейтенантомъ Ю. К. Старкомъ.

Стало совершенно темно.

Накрапывалъ мелкій дождь.

Мы не открывали своихъ огней.

Слѣва за кормой „Авроры“ показалась „Свѣтлана“: она шла хорошимъ ходомъ: это было видно по громадному буруну подъ носомъ. За кормой „Свѣтланы“ ближе къ намъ шелъ „Блестящій“, справа у нашей кормы „Бодрый“.

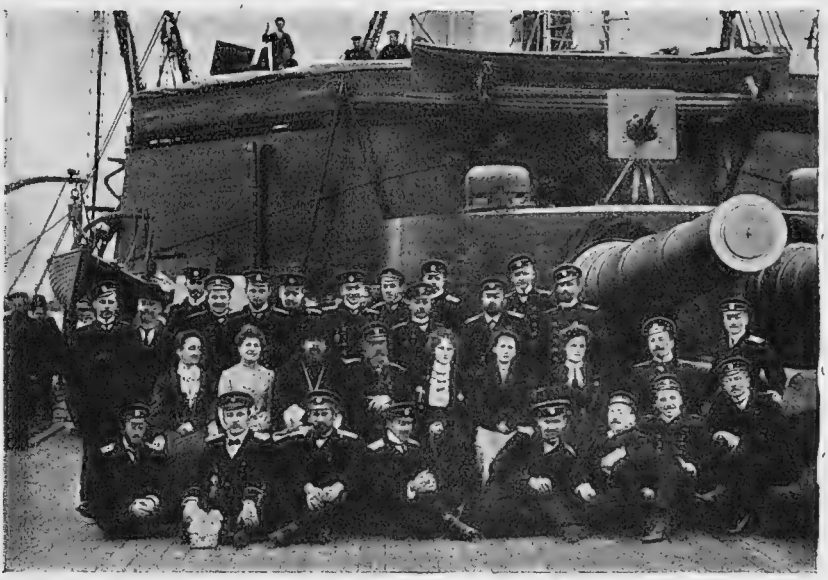
Мы не удержались и сверкнули прожекторомъ на одинъ изъ своихъ миноносцевъ.

„Донской“ и „Мономахъ“ къ этому времени уже отстали и въ темнотѣ не могли найти насъ. Въ скоромъ времени „Свѣтлана“ круто измѣнила курсъ вправо.

Въ тылу грохотали орудія; выстрѣлы представлялись въ видѣ красныхъ вспышекъ правильными рядами, языковъ пламени; по небу чертились огненныя траекторіи отъ полета снарядовъ, сверкали прожектора.

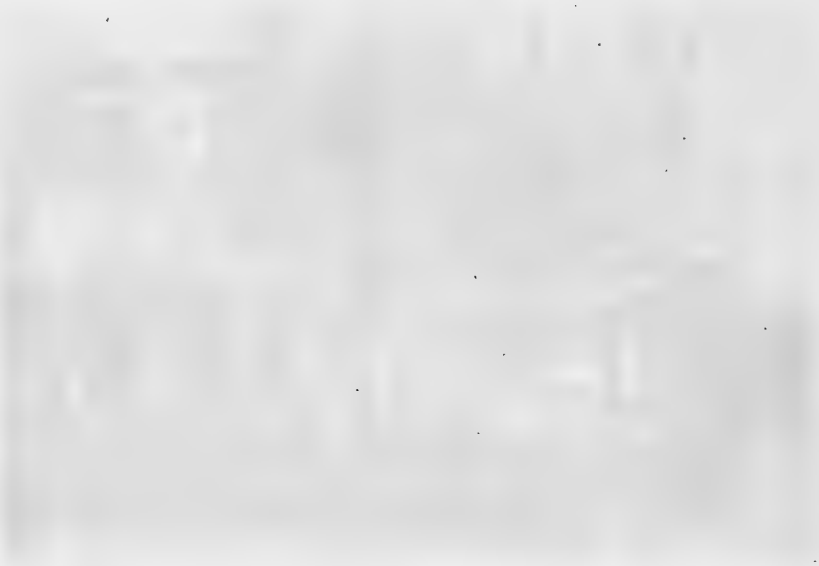
Броненосцы первыми отбивали атаку миноносцевъ.

Эта картина, безсиліе помочь своимъ товарищамъ производили на аврорцевъ самое удручающее впечатлѣніе.



Командиръ и офицеры погибшаго въ сраженіи (ночью)
эскадреннаго броненосца

„НАВАРИНЪ“.



Первая атака миноносцевъ.

Вскорѣ послѣ восьми часовъ на курсѣ SW на насъ въ темнотѣ наскочили первые непріятельскіе миноносцы; ихъ силуэты показались въ разстояніи 1—2-хъ кабельтовъ, послышались одинъ за другимъ странные короткіе звуки, сухой трескъ, похожій не то на разрывъ петарды, не то на отдѣльный выстрѣлъ изъ пулемета или ружейную стрѣльбу пачками. Это были выстрѣлы изъ минныхъ аппаратовъ.

„Олегъ“, а за нимъ „Аврора“ тотчасъ-же шарахнулись въ сторону, подставивъ корму приближавшимся минамъ, и завинтили самый полный ходъ—130 оборотовъ тремя машинами.

„Олегъ“ не удержался и открылъ орудійный огонь.

Нѣсколько минутъ прошло въ очень томительномъ ожиданіи....

Но мины, выпущенныя въ темнотѣ, дали промахъ.

Въ это время изъ нашихъ судовъ за нами продолжало слѣдовать только два миноносца и „Жемчугъ“ съ лѣвой стороны. Наши миноносцы вѣрно показали свои опознавательные огни.

Это были „Блестящій“ и „Бодрый“.

Вскорѣ послѣ встрѣчи съ непріятельскими миноносцами одинъ изъ нихъ сталъ постепенно отставать и скрылся, а другой спустя минуты три сразу исчезъ. Какъ оказалось послѣ, „Бодрый“ пришелъ на помощь своему товарищу „Блестящему“, потерпѣвшему аварію и, забравъ съ него команду, легъ на старый курсъ на югъ, разсчитывая нагнать насъ.

Поворотъ на сѣверъ.

Между тѣмъ въ 8 час. 15 мин. „Олегъ“ началъ постепенно поворачивать къ норду съ явнымъ намѣреніемъ прорваться во Владивостокъ.

Встрѣча со „Свѣтланой“.

На этомъ курсѣ показался какой-то небольшой силуэтъ: его приняли за миноносецъ; комендоры загорячились и уже навели орудія, какъ съ передняго мостика послышалась въ рупоръ команда: „Свѣтлана“! Не стрѣлять! „Свѣтлана“!

Силуэтъ быстро выросталъ...

Дѣйствительно, это была „Свѣтлана“, одиноко направлявшаяся къ сѣверу.

Мы ее тотчасъ обогнали, и она вступила „Аврорѣ“ въ кильватеръ и слѣдовала вмѣстѣ нѣкоторое время, но затѣмъ снова отстала въ темнотѣ.

Послѣ совѣщанія о томъ, открывать-ли въ такихъ случаяхъ прожектора или нѣтъ, было рѣшено—не открывать.

Первая попытка прорваться на сѣверъ.

Крейсера уже 20 минутъ шли хорошимъ ходомъ на сѣверо-западъ и успѣли пробѣжать большое разстояніе.

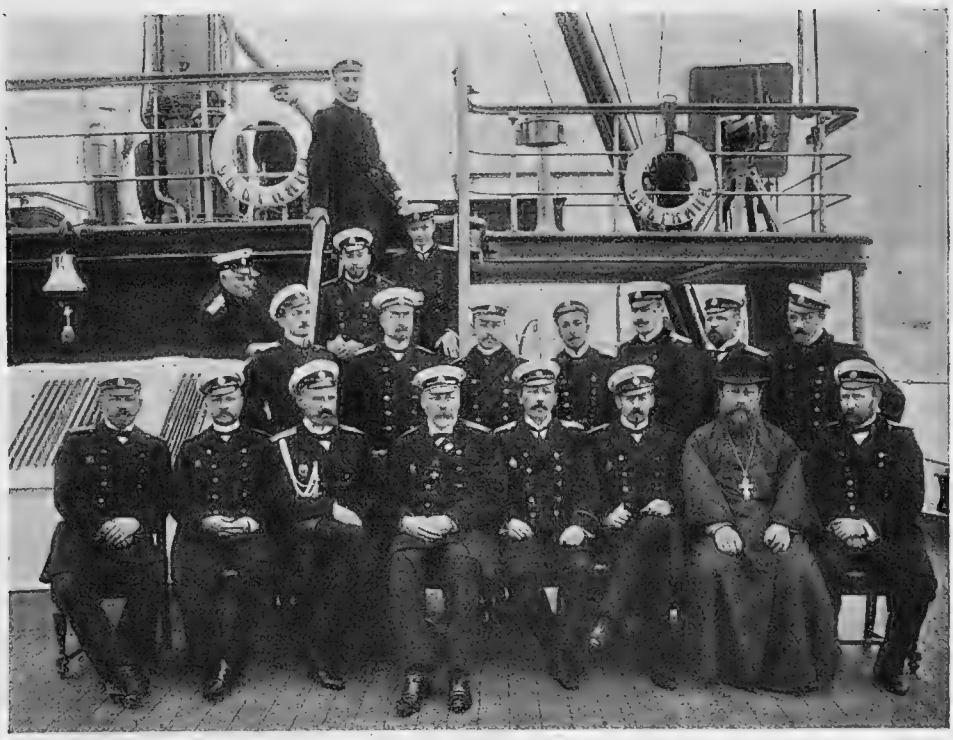
Справа и спереди видны были отдѣльныя орудійныя вспышки, доносилась пальба.

Соединиться со своими броненосцами, отступавшими въ безпорядочномъ строѣ на югъ и преслѣдуемыми, какъ мы полагали, японскими броненосцами, теперь не было никакой возможности. Насъ разстрѣляли-бы и свои и чужіе.

Присутствіе-же наше у своихъ броненосцевъ не принесло-бы имъ особенной пользы. Мы, вѣдь, и теперь отвлекли на себя часть миноносцевъ, но спасались отъ нихъ только хорошимъ ходомъ и частой перемѣной курса, не открывая освѣщенія и орудійнаго огня. Огонь крейсера „Авроры“ за выходомъ орудій батарейной палубы (плюсъ подбитыхъ орудій праваго борта верхней палубы) все равно былъ-бы мало дѣйствителенъ. Наилучшая тактика въ положеніи крейсеровъ это было прорываться самостоятельно во Владивостокъ, что адмиралъ и намѣревался, повидимому, сдѣлать, желая обойти броненосцы съ запада.

Вторая атака миноносцевъ.

Въ 8 час. 35 мин. мы очутились въ разстояніи всего одного кабельтова отъ четырехъ непріятельскихъ миноносцевъ: они живо прошмыгнули мимо насъ контракурсомъ въ темнотѣ съ правой стороны, выпустили мины и открыли огонь изъ 75-ти и 37-ми



фот. Квара.

Командиръ и офицеры погибшаго въ сраженіи
крейсера I-го ранга

„СВѢТЛАНА".

миллиметровыхъ орудій. Снаряды пролетѣли у насъ надъ головой.

Снова крейсера развили самый полный ходъ, измѣнили курсъ, чтобы принять атаку съ кормы и уйти отъ минъ.

Вслѣдъ затѣмъ по носу открылись какіе-то огни; „Олегъ", повидимому, принявъ ихъ за огни японскихъ судовъ, еще измѣнилъ курсъ и очутился на SW...

Встрѣча съ крейсеромъ „Владиміръ Мономахъ".

Нѣсколько минутъ спустя въ темнотѣ съ правой стороны обрисовался силуэтъ какого-то судна, со страшной быстротой несшагося на „Аврору". Оно было уже такъ близко, что можно было разглядѣть свѣтящійся фосфоресцирующій бурунъ у него подъ носомъ.

Безъ сомнѣнія, это полнымъ ходомъ несся въ атаку японскій миноносецъ.

Оставшіяся восемь орудій праваго борта были моментально наведены.

Тутъ въ полномъ блескѣ выказалась дисциплинированность аврорскихъ офицеровъ и команды. Не произошло ни малѣйшей паники.

Ждали приказанія стрѣлять.

Хотя каждое мгновеніе было такъ дорого.

Темная масса быстро росла, обрисовались двѣ трубы, двѣ мачты...

Это не могъ быть миноносецъ.

Съ передняго мостика короткой вспышкой сверкнулъ лучъ прожектора и освѣтилъ... „Мономахъ".

Онъ шелъ ходомъ не менѣе 16-ти узловъ, о чемъ можно было судить по громадному буруну подъ носомъ, шелъ прямо на пересѣчку нашего курса и отъ праваго борта „Авроры" находился въ разстояніи какихъ-нибудь двухъ-трехъ кабельтововъ— не болѣе.

Всѣ отбѣжали съ юта къ срединѣ судна, ожидая удара въ корму.

Много надо было положить руля на обоихъ судахъ, а, главное, успѣть это сдѣлать, догадаться, не растеряться, чтобы избѣг-

нуть неминуемаго столкновенія; при такомъ бѣшеномъ ходѣ оно повело-бы къ гибели обоихъ судовъ.

„Мономахъ“, на мгновеніе ослѣпленный нашимъ прожекторомъ, вильнулъ влѣво: радіусъ его циркуляціи крайне малъ, онъ ворочается „на пяткѣ“.

Мы уклонились влѣво, и опасность столкновенія миновала.

Вслѣдъ за тѣмъ „Мономахъ“ такъ-же быстро исчезъ въ темнотѣ, какъ появился, а нѣсколько минутъ спустя въ томъ направленіи, гдѣ онъ скрылся, засверкали прожектора и загремѣли выстрѣлы.

Это отстрѣливался „Мономахъ“, атакованный миноносцами.

Нѣсколько снарядовъ пролетѣло въ нашу сторону.

До десяти часовъ вечера накрапывалъ мелкій дождь и мѣшалъ распознаванію окружавшихъ предметовъ.

Въ 9 часовъ „Олегъ“ взялъ курсъ на W.

Казалось, это удаляло насъ отъ района дѣйствій миноносцевъ, но, потерявъ свое мѣсто на картѣ въ силу многочисленныхъ поворотовъ и зигзаговъ въ стороны, мы, быть можетъ, рисковали выскочить теперь прямо на скалы Цусимы.

Въ 9 ч. 30 м. у насъ произошелъ досадный эпизодъ: изоляторъ отъ безпроволочнаго телеграфа (еще днемъ сбитый со стеньгой) задержался на пеньковомъ тросѣ и попалъ вмѣстѣ съ нимъ въ пробитое снарядомъ отверстіе средней трубы. Тросъ загорѣлся, тлѣлъ и давалъ сильныя искры. Такъ какъ онъ находился высоко, то никакими усиліями не удавалось потушить его; вода изъ помпъ не хватала, а влѣзть по раскаленной трубѣ было нельзя. Повременамъ вырывалось пламя, било высоко.

Съ этимъ досаднымъ, развѣвавшимся по вѣтру, факеломъ, указывавшимъ нашъ путь, „Аврора“ шла до часу ночи, пока онъ самъ не потухъ.

Второй поворотъ къ сѣверу.

Отойдя порядочно на западъ, „Олегъ“ въ 9 ч. 35′ м. снова сталъ подыматься къ норду.

Мѣсто, гдѣ отбивались наши броненосцы, теперь обозначалось заревомъ; гулъ отъ выстрѣловъ еще былъ слышенъ.

За „Олегомъ“, не несшимъ гакабортнаго кильватернаго огня, все время мѣнявшимъ курсъ и скорость, было очень трудно слѣ-

дить въ темнотѣ. Приходилось руководствоваться бѣлымъ пятномъ на водѣ у его винтовъ (бурунъ и фосфоресценція воды). Но иногда, неожиданно свернувъ, „Олегъ“ въ темнотѣ уходилъ такъ далеко, что требовалась исключительная опытность старшаго штурманскаго офицера лейтенанта К. В. Прохорова, чтобы по болѣе темному дыму, двумъ-тремъ искоркамъ, вылетѣвшимъ изъ трубъ, узнать, въ какую сторону онъ направился.

Съ лѣвой стороны къ „Авроръ“ все время очень близко жался „Жемчугъ“. Иногда онъ подходилъ совершенно вплотную; были ясно слышны голоса. Низкая корма „Жемчуга“ совершенно уходила подъ воду и покрывалась буруномъ, вздымаемымъ тремя винтами.

Какимъ образомъ во время своихъ безчисленныхъ зигзаговъ „Аврора“ не столкнулась съ „Жемчугомъ“ — одному Богу извѣстно.

При такомъ быстромъ ходѣ, при такой темнотѣ малѣйшее сближеніе параллельнаго курса сію-же минуту привело-бы къ столкновенію.

Третья атака миноносцевъ.

Пройдя полчаса курсомъ на нордъ, въ десять часовъ снова подверглись нападенію миноносцевъ, на этотъ разъ съ обѣихъ сторонъ.

Опять тотъ-же сухой трескъ, вспышки.

Мы проскочили мины благополучно и на этотъ разъ, вѣрные своей тактикѣ, т. е. въ полной темнотѣ, не открывая огней, не стрѣляя, увеличивъ ходъ.

„Мономахъ“ и другія суда, которыя свѣтили прожекторами и хотѣли отбиться стрѣльбой, всѣ были подбиты минами.

Непріятельскій крейсерскій отрядъ.

Далѣе увидали по носу и нѣсколько слѣва пять топовыхъ отличительныхъ огней большихъ военныхъ судовъ, идущихъ въ кильватеръ. Очевидно, это былъ одинъ изъ крейсерскихъ отрядовъ, сражавшихся съ нами днемъ.

Отвернувъ сначала вправо, „Олегъ“ легъ затѣмъ на SW 55°.

Скоро эти огни были потеряны изъ виду.

На „Авроръ“, конечно, не знали плана дѣйствій адмирала.

Болѣе всѣхъ крейсеровъ связанная съ „Олегомъ“ рядомъ приказаній Рожественскаго и принципомъ взаимной поддержки, обладая ходомъ лишь немного меньшимъ, чѣмъ „Олегъ“, „Аврора“ естественно имѣла своей задачей не потерять своего флагмана (какъ это ни трудно было при данныхъ условіяхъ), остаться при „Олегѣ“, чтобы не начать дѣйствовать вразбродъ и по противоположнымъ планамъ (помня циркуляръ Рожественскаго: „держаться соединенно“).

Дѣйствія-же „Олега“, очевидно, сводились къ тому, чтобы прорваться на сѣверъ.

Теперь мы шли снова къ юго-западу.

Быть можетъ, нашъ адмиралъ разсчитывалъ обогнуть островъ Цусиму и успѣть проскочить ночью къ сѣверу черезъ западный проливъ?

Командиръ „Авроры“ Небольсинъ не желалъ идти на юго-западъ, не имѣя опредѣленнаго плана; поэтому онъ сталъ спрашивать потайнымъ фонаремъ Ратьера „Олегъ“ о томъ, куда мы идемъ и затѣмъ—нельзя-ли убавить ходъ, чтобы сократить чрезмѣрный расходъ топлива и дать отдохнуть выбившимся изъ силъ кочегарамъ.

Отвѣта на нашъ сигналъ не было.

„Аврора“ повторила его.

Послѣ долгаго молчанія послѣдовалъ лаконическій отвѣтъ: „миноносцы“...

Третій поворотъ къ сѣверу.

Вспышки сзади прекратились, зарева уже не было видно. Броненосцы, должно быть, какъ и мы, предпочли скрыть свои огни. „Олегъ“ снова повернулъ къ сѣверу.

Въ моментъ до поворота съ правой стороны показалась масса правильно разставленныхъ огней, точно кильватерная колонна мелкихъ рыбачьихъ судовъ или плотовъ.

Это была одна изъ военныхъ хитростей нашего противника, оставшейся непонятой. Вѣроятно, эти фальшивые огни были оставлены миноносцами. Не предполагали-ли они уклонить насъ въ сторону отъ нихъ на рядъ плавучихъ минъ?

Но мы благополучно съ размаху проскочили эту линію фальшивыхъ огней и шли снова къ сѣверу.

Въ моментъ проскакиванія въ правой рукѣ засверкалъ вдругъ на довольно близкомъ разстояніи лучъ прожектора, который постояннымъ круговымъ вращеніемъ въ одну сторону точно рукой указывалъ кому-то наше направленіе.

Аврорскій факелъ въ это время горѣлъ во всю.

Пройдя далѣе къ норду, увидали впереди по носу и влѣво тѣ-же самые пять топовыхъ огней большихъ судовъ, идущихъ въ кильватеръ съ правильными интервалами.

Эти огни японскія суда, вѣроятно, несли въ отличіе отъ русскихъ. Нашихъ немногочисленныхъ миноносцевъ имъ, вѣдь, опасаться было нечего.

Поворотъ на югъ.

Снова „Олегъ“ легъ на юго-западъ.

Огни, было, скрылись.

„Аврора“ стала сигналить фонаремъ Ратьера на „Олегъ“ и запрашивать его о курсѣ.

Въ это время опять показались огни.

Пять судовъ, очевидно, шли тѣмъ-же курсомъ, что и мы.

Велико было наше негодованіе на нашъ факелъ, который не хотѣлъ тухнуть.

Замѣтивъ появленіе огней, мы перенесли свою сигнализацію на противоположный (лѣвый) бортъ; „Олегъ“ сдѣлалъ то-же самое.

Преслѣдованіе непріятельскими крейсерами.

На этотъ разъ непріятельскія суда, несмотря на нашъ хорошій ходъ (не менѣе 17-ти узловъ), не теряли насъ изъ виду и, держась чуть сзади, не отставая, слѣдовали за нами на параллельномъ курсѣ. Потомъ отъ нихъ осталось только два огня, и эти провожали насъ до часу ночи, оставаясь на траверзѣ съ правой стороны.

Этотъ маневръ помѣшалъ „Олегу“ обогнуть Цусиму и пройти западнымъ проливомъ заблаговременно, т. е. ночью.

Попытки „Олега“ повернуть на нордъ вели къ сближенію съ непріятельскимъ отрядомъ.

Нашъ факелъ въ часъ ночи потухъ самъ собой; приблизительно въ то-же время скрылись и эти суда, отойдя какъ-будто влѣво.

Около 11 часовъ вечера крейсера находились приблизительно у входа въ Корейскій проливъ, но мы этого не знали: мѣсто на картѣ было, конечно, давно потеряно.

Миноносцы больше не тревожили.

Минъ, выпущенныхъ по „Аврорѣ“, насчитывали до 17. Отдѣлались мы отъ нихъ удачно.

Около половины двѣнадцатаго слѣва по носу показались силуэты двухъ судовъ коммерческаго типа (одно изъ нихъ, кажется, было однотрубное). Мы успѣли отклониться отъ нихъ вправо. Послѣ узнали, что эти небоевыя суда были „Манчжу-Мару“ (бывшая наша „Манчжурія“ Общества Восточно-Китайскаго пароходства) и „Садо-Мару“, видавшія насъ. Одно изъ нихъ и свѣтило передъ тѣмъ прожекторомъ, указывая наше направленіе. Спеціально для этой цѣли на этихъ судахъ японцами были поставлены прожектора, миноносцы-же японскіе своихъ прожекторовъ ночью не открывали.

Было встрѣчено еще какое-то суденышко безъ огней небольшого размѣра; должно быть, рыбачье. Оно, повидимому, стояло на одномъ мѣстѣ. Пройдя его на разстояніи голоса, мы видѣли, какъ на кормѣ выскочила испуганная японская фигура въ кимонѣ съ фонаремъ изъ промасленной бумаги.

Въ блужданіяхъ по проливу взадъ и впередъ было потеряно много драгоцѣннаго времени.

Возвращаться въ тотъ или другой проливъ теперь было ужъ поздно.

Разсвѣтъ былъ близокъ.

Въ два часа ночи ходъ у отряда былъ 12 узловъ.

Въ $3^1/_2$ часа по звѣздамъ опредѣлили свое мѣсто, получили широту $33^\circ 30'$N и долготу $128^\circ 42'$O.

Какимъ образомъ мы за ночь избѣгли попаданія минъ, столкновеній съ другими и со своими судами, не выскочили на Цусиму—можно объяснить только чудомъ.

Огненное крещеніе крейсера „Аврора".

Въ самомъ началѣ второго крейсерскаго боя нѣсколько крупныхъ снарядовъ, разорвавшихся при паденіи объ воду у праваго борта, осколками изрѣшетили помѣщеніе праваго перевязочнаго пункта. Минуты за двѣ передъ тѣмъ пунктъ былъ перенесенъ на лѣвый бортъ, и уходившіе послѣдними нѣсколько человѣкъ медицинскаго персонала, а также комендоры и прислуга 75-ти мм. № 3 орудія были спасены, благодаря коечной защитѣ изъ двойного ряда коекъ: послѣднія оказались пропоротыми почти насквозь крупными осколками.

Ранено легко пять человѣкъ (одинъ санитаръ).

Въ борту у ватерлиніи оказалось двѣнадцать небольшихъ пробоинъ, черезъ которыя верхняя и нижняя ямы носовой кочегарки быстро заполнились водой.

Получился кренъ 4°.

Много вливалось воды черезъ пробоину въ три квадратныхъ фута въ помѣщеніи нижней лебедки.

75-ти мм. орудіе № 9, находившееся въ каютъ-компаніи на правомъ борту, уже послѣ третьяго выстрѣла вышло изъ строя, будучи подбито залетѣвшими осколками; оно такъ и осталось съ угломъ возвышенія, т. е. съ дуломъ поднятымъ кверху.

Настоящая раздѣлка „Авроры" началась лишь тогда, когда она попала подъ первый перекрестный огонь и сблизилась съ непріятелемъ на 24 кабельтова.

Правый бортъ пострадалъ гораздо больше лѣваго.

Первый снарядъ, ударившій въ лѣвый бортъ, сдѣлалъ пробоину въ восемь квадратныхъ футъ, много мелкихъ, изрѣшетилъ паровой катеръ, испортилъ элеваторъ для подачи 75-ти мм. снарядовъ, вслѣдствіе чего съ самаго начала боя у ближайшихъ орудій пришлось прибѣгнуть къ ручной подачѣ, да леко не такой быстрой.

Сотрясеніемъ воздуха свалило съ ногъ всѣхъ, но несмотря на массу осколковъ ни одинъ человѣкъ не былъ раненъ.

Слѣдующій снарядъ 75-ти мм. калибра пробилъ правый бортъ и, не разорвавшись, упалъ въ батарейной палубѣ у орудія № 7, откуда и былъ тотчасъ-же выброшенъ за бортъ комендоромъ Кривоносовымъ.

Почти тотчасъ-же рядомъ разорвался болѣе крупный 8-ми дюймовый фугасный снарядъ, нанесшій много бѣдъ.

Ударъ, пришедшійся какъ разъ въ стыкъ верхней палубы,

заставилъ содрогнуться весь крейсеръ: замолкли орудія № 21 и № 7—одно въ батарейной, другое на верхней палубѣ. Въ борту зіяла пробоина въ 20 кв. футъ.

Наверху у орудія № 21 тяжело ранило четырехъ (одного смертельно). Подбѣжавшіе носильщики подхватили мичмана В. Я. Яковлева, обливавшагося кровью, понесли на перевязочный пунктъ. Юный мичманъ, когда его проносили по палубамъ мимо орудій, повторялъ: „братцы, цѣльтесь хорошенько".

А въ батарейной палубѣ у орудія № 7 переживались въ это время тяжелыя минуты. Взрывомъ разбросало патроны, вспыхнулъ пожаръ. Одна горящая пачка патроновъ была сброшена въ патронный погребъ. Каждую секунду могъ послѣдовать взрывъ.

Какимъ-то чудомъ съ пылавшей пачкой успѣли справиться находившіеся въ погребѣ Тимиревъ и Рѣпниковъ.

Вмѣстѣ съ пачкой къ нимъ слетѣли остатки чьей-то разбитой головы и забрызгали ихъ кровью и мозгомъ.

„Жутко было тамъ сидѣть, Ваше В.Б.!" разсказывалъ мнѣ послѣ мой вѣстовой Рѣпниковъ: „кругомъ одни снаряды; не знаешь, что наверху дѣлается, а вылѣзть нельзя — погребъ запертъ. Такъ мы до утра и просидѣли взаперти".

У орудія № 7 двое было убито (Кривоносовъ), одинъ раненъ смертельно, одинъ тяжело, остальные легко. Легкой раной отдѣлался мичманъ М. В. Шаховскій.

У бакового (носоваго) орудія энергично руководилъ стрѣльбой лейтенантъ Г. Л. Дорнъ.

Когда 6-ти дюймовый фугасный снарядъ разорвался у праваго входного трапа на полубакъ, послѣдній весь окутался чернымъ нестерпимо удушливымъ дымомъ. Лейтенантъ Дорнъ, одинъ устоявшій на ногахъ, схватился за грудь; казалось ему: еще минута и онъ задохнется. Но дымъ пронесло.

Вся прислуга орудія была разбросана и жалобно стонала (одинъ былъ раненъ смертельно, два тяжело). Переранены были всѣ, за исключеніемъ лейтенанта Дорна и лихого комендора Жолнеркевича. Выброшенный изъ патроновъ бездымный порохъ, раскинутый по всему полубаку, вспыхивалъ то тамъ, то здѣсь желтыми огоньками. Орудіе получило хорошія зазубрины на память, но изъ строя выведено не было. Тяжело раненый Зиндѣевъ отказался идти на перевязочный пунктъ, а Димитріенко тотчасъ-же вернулся оттуда.

Около трехъ часовъ одинъ за другимъ разорвались два крупныхъ фугасныхъ снаряда (6-ти дюймоваго калибра) надъ правымъ бортомъ позади передняго мостика. Осколки, отразив-

шіеся по всѣмъ направленіямъ, частью пронизали палубу надъ центральнымъ и правымъ перевязочными пунктами, частью застряли въ командирской походной рубкѣ, забитой углемъ, въ сѣткѣ передняго мостика, забитой втугую смоченнымъ брезентомъ, разрушили коечные траверзы, погнули чугунные колосники, обратили въ щепы барказъ.

Принесенные шестидюймовые патроны раскидало, вышибло изъ нихъ бездымный порохъ, который загорѣлся вспышками.

Пылали ростры, коечные траверзы, остатки барказа.

Прислуга двухъ шестидюймовыхъ орудій (№№ 13 и 15) была перебита и выведена изъ строя. У камбуза образовалась цѣлая груда изъ убитыхъ и раненыхъ полузадохшихся людей (четыре убито, два смертельно ранено, пять тяжело). Въ туловище одного изъ убитыхъ была вкраплена большая мѣдная гильза шестидюймоваго патрона, которую онъ и обнялъ послѣднимъ судорожнымъ объятьемъ.

Подъ орудіемъ, въ водѣ, скопившейся у борта благодаря крену, виднѣлось помертвѣлое лицо полузахлебнувшагося, тяжело раненаго комендора Цитко; его вытащили подоспѣвшіе санитары.

Пожаръ на рострахъ разгорался: отовсюду бѣжали съ помпами, шлангами люди трюмно-пожарнаго дивизіона.

Снова разорвался снарядъ, и дождемъ посыпались мелкіе раскаленные осколки.

Получившій въ это время серьезныя пораненія капитанъ 2-го ранга А. К. Небольсинъ остался въ строю, былъ наскоро перевязанъ изъ индивидуальнаго пакета подоспѣвшимъ боцманомъ Губановымъ и занялся тушеніемъ пожара.

Въ боевой рубкѣ между тѣмъ шло энергичное управленіе огнемъ и ходомъ, передавались по телефону отклоненіе, цѣликъ, разстояніе.

Здѣсь находились командиръ и старшіе спеціалисты: штурманъ К. В. Прохоровъ, артиллеристъ А. Н. Лосевъ и минеръ Ю. К. Старкъ.

Я уже передавалъ вѣщій сонъ лейтенанта Старка, разсказанный утромъ въ каютъ-компаніи.

Во время отдыха лейтенантъ Дорнъ, стоявшій на вахтѣ съ 12-ти часовъ, видѣлъ командира какимъ-то особеннымъ. Обычно весьма подвижной, насмѣшливый, большой скептикъ, сегодня онъ былъ какъ-то необыкновенно спокоенъ и хладнокровенъ; сидѣлъ въ рубкѣ въ креслѣ, изрѣдка вставлялъ свои замѣчанія и полудремалъ. Это была простая усталость послѣ безсонной ночи, но Дорну почему-то стало жаль Евгенія Романовича.

Начался бой.

Лейтенантъ Старкъ нѣсколько разъ обращался къ командиру: „посмотрите, Евгеній Романовичъ, какъ „Ослябю“ раскатываютъ! Евгеній Романовичъ, „Бородино“ выходитъ изъ строя!“

„Да, да, какое несчастье!“

Между прочимъ командиръ негодовалъ, почему не убираютъ „Жемчугъ“, „Изумрудъ“ и четыре миноносца, вертѣвшіеся подъ всѣми перелетами.

Черезъ нѣсколько времени командиръ обратился къ Старку: „Осляби“ больше нѣтъ!“

„Какъ нѣтъ? вышелъ изъ строя?“

„Нѣтъ, совсѣмъ потонулъ“.

Старкъ, слѣдившій въ это время за отрядомъ японскихъ крейсеровъ и глядѣвшій въ другую сторону, обернулся и увидѣлъ тонувшихъ и барахтавшихся людей.

Вслѣдъ за гибелью „Осляби“ крейсеру стало сильно влетать.

Послѣ разрыва шестидюймоваго снаряда о коечную защиту передняго мостика рубку окутало дымомъ; всѣмъ страшно захотѣлось пить. (Тутъ уже стояли заранѣе приготовленные кувшины съ водой).

Слѣдующій снарядъ 75-ти мм. калибра, прилетѣвшій съ праваго борта, разорвался о желѣзный ходовой трапъ передняго мостика рядомъ съ рубкой.

Трапъ разбило вдребезги, а осколки его чрезъ небольшое отверстіе боевой рубки попали внутрь ея и отразились отъ купола по различнымъ направленіямъ.

Одинъ изъ осколковъ пронизалъ навылетъ голову командира.

Въ рубкѣ свалились всѣ.

Крейсеръ, оставшійся безъ управленія, рыскнулъ въ сторону.....

Первымъ поднялся рулевой Цапковъ; онъ продолжалъ править штурваломъ, рѣшивъ, что всѣ убиты.

Вотъ поднялись, стали ощупывать себя лейтенантъ Прохоровъ, лейтенантъ Старкъ, выкарабкался изъ-подъ тѣла командира лейтенантъ Лосевъ.

Всѣ были переранены, у всѣхъ на бѣлыхъ кителяхъ пятнами выступила кровь.

Командиръ лежалъ ничкомъ, хрипѣлъ, изъ головы его лила кровь.

Старкъ и младшій штурманскій офицеръ Б. Н. Эймонтъ бросились къ нему, окликали его, послали за носилками и перенесли ближе къ выходу.

Штурманъ Прохоровъ уже попрежнему стоялъ на своемъ посту, слѣдилъ за „Олегомъ“, ни на минуту отъ него не отрываясь.

Принесли носилки, уложили командира. Спустившійся съ марса прапорщикъ Бергъ своей тужуркой прикрылъ его лицо.

Увидя, что крейсеръ выходитъ изъ строя, и рѣшивъ, что въ рубкѣ всѣ перебиты, лейтенантъ Дорнъ, оставивъ носовое орудіе, взбѣжалъ на мостикъ, чтобы временно вступить въ управленіе крейсеромъ, но, увидавъ въ прорѣзи рубки невозмутимое лицо уже очнувшагося Прохорова, вернулся обратно, по пути успокаивая команду, говоря, что командиръ только раненъ.

Почти всѣ находившіеся на переднемъ мостикѣ были изранены осколками этого снаряда.

Скоро поднялся на мостикъ и вступилъ въ командованіе крейсеромъ старшій офицеръ. Несмотря на пораненія, онъ сохранялъ полное самообладаніе и посылалъ приказаніе за приказаніемъ совершенно какъ въ мирное время.

Попаданій въ рубку больше не было.

Снаряды падали, разрывались спереди, рядомъ, сверху; пролетавшіе со всѣхъ сторонъ осколки жужжали какъ шмели, но рубку они оставили въ покоѣ.

На значительной высотѣ надъ боевой рубкой находился открытый со всѣхъ сторонъ незащищенный марсъ.

Не было на немъ ни мелкихъ пушченокъ, ни коечныхъ прикрытій, зато находился дальномѣръ Барра и Струда, нашъ единственный дальномѣръ.

Во время длиннаго пути всѣ поочереди практиковались на немъ, пріучаясь опредѣлять разстояніе.

Здѣсь было царство прапорщика Э. Г. Берга, долговязаго невозмутимаго нѣмца, который, несмотря на желѣзный вихрь кругомъ, чисто съ нѣмецкой педантичностью и аккуратностью бралъ разстояніе за разстояніемъ и произносилъ цифры: „50, 45, 30, 25, 24 кабельтова“, которыя затѣмъ и передавались по телефону и въ рупоръ однимъ сигнальщикомъ, въ то время какъ другой соотвѣтственно переводилъ стрѣлки циферблатовъ на электрической передачѣ.

Занятый всецѣло своимъ дѣломъ, Бергъ не обращалъ вниманія на то, что творится вокругъ, и даже останавливалъ живого экспансивнаго сигнальщика Михайлова, считавшаго своимъ долгомъ ежеминутно докладывать какимъ-то радостно возбужденнымъ голосомъ: „Ваше Благородіе! а Ваше Благородіе! Вотъ славно попали въ „Ослябю“! Вотъ знатно горитъ „Суворовъ!“ А „Осляби“ ужъ нѣтъ, Ваше Благородіе!“

Бергъ приказалъ ему замолчать.

Скоро отъ сильныхъ сотрясеній судна при выстрѣлахъ въ дальномѣрѣ испортилась передвижная планка. Бергъ досталъ отвертку и умудрился исправить поврежденіе.

Въ это время въ верхушку фокъ-мачты ударилъ 120-ти мм. снарядъ: желѣзная мачта дала трещину; осколки посыпались внизъ, но счастливо, никого не задѣли.

Когда послѣ гибели „Осляби“ крейсеръ попалъ подъ перекрестный огонь, слѣдующій снарядъ снесъ за бортъ всю правую половину форъ-марса-реи; лѣвая осталась висѣть. Цѣлый дождь желѣзныхъ и деревянныхъ осколковъ посыпался внизъ и изрѣшетилъ марсъ. Обрывки стальныхъ штаговъ съ грознымъ свистомъ пронеслись и стали раскачиваться надъ головой Берга. Пробитый насквозь дальномѣръ не годился никуда.

Бергъ, раненый легко, но во многихъ мѣстахъ, вытащилъ самъ изъ своей шеи нѣсколько торчавшихъ осколковъ и, тщетно попытавшись сначала исправить дальномѣръ, сталъ по телефону испрашивать изъ боевой рубки разрѣшеніе покинуть свой постъ, теперь ужъ безполезный.

Отвѣта не было.

Тогда Бергъ рѣшилъ спуститься съ марса и подоспѣлъ въ рубку въ тотъ моментъ, когда выносили на носилкахъ командира.

Затѣмъ упрямый нѣмецъ, вспомнивъ, что дорогой инструментъ можетъ окончательно испортиться, снова полѣзъ на марсъ убирать его.

Какъ разъ въ это время снарядъ сбилъ стеньгу, и Бергъ, долѣзшій уже до половины, сотрясеніемъ воздуха былъ сброшенъ, изрядно стукнулся головой о палубу и дальнѣйшихъ попытокъ взобраться на марсъ уже не возобновлялъ.

Когда веселый сигнальщикъ Михайловъ былъ тяжело раненъ, его товарищъ (тоже раненый) вздумалъ спустить его съ марса самъ, безъ помощи санитаровъ: захватилъ петлей поперекъ туловища, сталъ спускать. Михайловъ (съ открытымъ переломомъ предплечья) разсчитывалъ придержаться руками за желѣзныя выбленки, но сію-же минуту отъ боли выпустилъ ихъ, опрокинулся внизъ головой и въ такомъ положеніи былъ спущенъ на палубу.

Кренъ судна замѣтно увеличивался: для исправленія его было рѣшено затопить двѣ угольныхъ ямы на противоположномъ борту. Это немного выровняло кренъ.

Бой продолжался.

Крейсеръ попрежнему обстрѣливался огнемъ противника, во много разъ превосходившаго численностью, энергія-же его все болѣе и болѣе возрастала по мѣрѣ гибели нашихъ судовъ.

Когда крейсеръ попадалъ подъ перекрестный огонь, попаданія сразу усиливались.

Осколки недолетовъ, разрывавшихся при паденіи объ воду, наносили вредъ не менѣе самихъ снарядовъ.

8-ми дюймовый снарядъ, разорвавшійся въ водѣ, близъ самаго борта, перебилъ правый якорный канатъ, своротилъ клюзъ, сдѣлалъ у ватерлиніи двѣ пробоины по два квадратныхъ фута; все отдѣленіе носового миннаго аппарата тотчасъ-же заполнилось водой. Двери пришлось задраить наглухо. Желѣзныя переборки выдержали и не дали водѣ распространяться дальше.

Въ шпилевомъ отдѣленіи батарейной палубы рядомъ съ центральнымъ перевязочнымъ пунктомъ было выведено одно орудіе (ранено пять человѣкъ).

Слѣдующій снарядъ 8-ми дюймоваго калибра, разорвавшійся въ полубакѣ какъ разъ надъ центральнымъ перевязочнымъ пунктомъ, несмотря на массу произведенныхъ разрушеній, ранилъ тяжело только одного. Этотъ снарядъ пронизалъ весь крейсеръ насквозь, сдѣлавъ въ правомъ борту пробоину въ 12 кв. футъ, а по дорогѣ 10 пробоинъ по полтора кв. фута, развернувъ при этомъ желѣзныя переборки до неузнаваемости. Тяжело раненый Устиновъ былъ высоко подброшенъ волною воздуха.

Отовсюду неслись крики: „носилки! носилки!“. Кровотеченіе было останавливаемо матросами на мѣстѣ при помощи моихъ импровизированныхъ эсмарховскихъ жгутовъ. Легкія пораненія перевязывались изъ индивидуальныхъ пакетовъ, находившихся въ жестяныхъ ящикахъ съ краснымъ крестомъ, разставленныхъ всюду по палубамъ на видныхъ и заранѣе указанныхъ командѣ мѣстахъ.

Пожары удачно тушились.

Когда одинъ снарядъ разорвался надъ рострами, вслѣдъ за бурымъ дымомъ поднялся столбъ пламени вышиной до половины трубы.

Казалось, у японцевъ была разная окраска дыма при разрывѣ снаряда—черная, бурая. На цвѣтовые эффекты японцы большіе мастера. Съ одной стороны это дѣлалось для того, чтобы облегчить пристрѣлку, съ другой—этимъ, быть можетъ, отличались качества снаряда (бронебойные, фугасные и т. п.).

Вотъ за то при паденіи нашихъ снарядовъ не только дыму, но и столбовъ воды не видать было, да и разрывались-ли снаряды еще, Богъ вѣсть.

Единственный дальномѣръ былъ испорченъ почти въ самомъ началѣ боя: его длинная труба безпомощно вертѣлась вокругъ оси въ разныя стороны на марсѣ.

Во многихъ мѣстахъ была перебита и проводниковая передача, перестали дѣйствовать электрическіе приборы (циферблаты Гейслера), кое-гдѣ были сбиты прицѣльные оптическіе приборы.

Итакъ, мы стрѣляли, не зная разстояній, не видя своихъ попаданій.

И все-таки при такихъ изъ рукъ вонъ неблагодарныхъ условіяхъ умудрялись попадать наши комендоры, хотя и тутъ эффектъ отъ попаданія нашихъ снарядовъ былъ совсѣмъ иной, чѣмъ отъ непріятельскихъ. „Аврора“ на своихъ бокахъ испытала эту разницу (Гулль).

Всѣ трубы крейсера были славно изрѣшетены, пробоинъ отъ мелкихъ осколковъ нельзя было сосчитать. Передняя труба держалась чудомъ: въ нее попало два большихъ снаряда, сдѣлавшихъ двѣ пробоины по 45 квадр. футъ; средняя труба имѣла пробоину въ 24 квадр. фута.

Поврежденіе трубъ сразу уменьшило тягу и сильно увеличило расходъ угля.

Мелкіе осколки выводили много народу, находившагося на „Авроръ“ безъ прикрытія, и какъ на зло все комендоровъ и комендоровъ, которыхъ замѣнить было некѣмъ.

Одинъ изъ снарядовъ, ударившихъ въ стеньгу фокъ-мачты, сбилъ ее: надъ полубакомъ пронеслись, крутясь и извиваясь словно змѣи, концы оборванныхъ стальныхъ штаговъ; ранило нѣсколькихъ человѣкъ, въ томъ числѣ упрямаго хохла Дмитріенко, снова отказавшагося идти на перевязочный пунктъ.

Сбитая стеньга, повиснувъ вертикально, грозно раскачивалась изъ стороны въ сторону—вотъ, вотъ сорвется.

Каждый изъ находившихся поблизости съ трепетомъ на нее поглядывалъ, все ожидая, когда-же она наконецъ свистнетъ его по башкѣ.

Въ самомъ концѣ боя снарядъ, прилетѣвшій съ лѣвой стороны, снесъ стеньгу за правый бортъ; послѣдніе стальные штаги лопнули и ну снова хлестать, извиваться по полубаку.

Одинъ изъ нихъ пронесся надъ самой головой лейтенанта Дорна и закрутился о дуло 6-ти дюймоваго носового орудія.

Это спасло многихъ.

Не повезло лишь бѣдному Дмитріенко: его здорово хватило въ грудь, и, снесенный въ безпамятствѣ на центральный перевязочный пунктъ, онъ оттуда ужъ болѣе не появлялся.

Дневной бой близился къ концу.

До сихъ поръ попаданія приходились главнымъ образомъ на переднюю и среднюю часть судна.

Но небольшой 75-ти мм. снарядикъ, прилетѣвшій съ лѣваго борта и разорвавшійся въ кормѣ, натворилъ много бѣдъ.

Разорвавшись о тумбу праваго 37-ми мм. орудія, находившагося на заднемъ мостикѣ, онъ снесъ орудіе за бортъ, пустилъ вѣеромъ въ разныя стороны осколки, взорвалъ ящикъ съ патронами, перебилъ много народу и произвелъ пожаръ.

Уже загорѣлся и грозилъ взорваться другой ящикъ съ патронами: тяжело раненый въ руки и ноги, Борисовъ ползкомъ добрался до него и вытолкнулъ за бортъ. Передъ тѣмъ Борисовъ стоялъ часовымъ подъ флагомъ. Его ранило, а винтовку вырвало изъ рукъ и превратило въ нѣчто неузнаваемое: отъ деревянныхъ частей винтовки остались только жалкія щепы, а дуло, замокъ были частью пробиты, частью изогнуты спирально, дугообразно, такъ что ружье и узнать было нельзя.

Нашъ широкій новешенькій кормовой флагъ, весь превращенный въ жалкіе лохмотья, сбиваемый въ теченіе боя шесть разъ, теперь снова лежалъ на палубѣ, и подоспѣвшій лейтенантъ Старкъ тотчасъ-же скомандовалъ своимъ рѣзкимъ металлическимъ голосомъ, спокойно какъ всегда: „на флагъ! флагъ поднять!“

Но теперь это не такъ легко было сдѣлать: всѣ концы были оборваны, и флагъ на гафелѣ пришлось поднять по иному (на эренсталяхъ).

Туда подъ огнемъ полѣзъ боцманъ Козловъ.

У трехъ шестидюймовыхъ орудій въ кормѣ было убито два комендора, ранено 13 человѣкъ, одинъ смертельно.

Лихой первый загребной на командирскомъ вельботѣ матросъ Полстенко послѣдовалъ за своимъ командиромъ.

Стоявшій рядомъ съ Борисовымъ на заднемъ мостикѣ дальномѣрщикъ Храбрыхъ отдѣлался удивительно счастливо. Воздушная волна сбросила было его за правый бортъ, судорожнымъ движеніемъ онъ ухватился по дорогѣ за какой-то штагъ и висѣлъ уже за бортомъ. Обратный розмахъ судна вслѣдствіе качки заставилъ его, уже обезсилѣвшаго, отклониться въ другую сторону и упасть не въ воду, а на палубу.

Сильно оглушенный (разрывъ обѣихъ барабанныхъ пере-

понокъ), полуотравленный газами, онъ спустился внизъ въ каютъ-компанію, малость отдышался и пошелъ обратно въ строй, но ужъ никуда не годился, мололъ вздоръ и производилъ впечатлѣніе человѣка рехнувшагося.

Рехнешься при этакихъ обстоятельствахъ!

Командовалъ этими орудіями лейтенантъ князь А. И. Путятинъ.

Его тяжело ранило въ бокъ, свалило.

Кто-то на скорую руку кое-какъ забинтовалъ его повязкой изъ индивидуальнаго пакета, и онъ остался въ строю до конца боя и на перевязочный пунктъ явился лишь въ 12 часовъ ночи, совершенно обезсилѣвъ отъ громадной потери крови.

Всѣ раненые офицеры, за исключеніемъ мичмана Яковлева, остались на своихъ постахъ, воодушевляя команду.

Около четырехъ часовъ, въ то время, какъ суда разошлись галсами, и стрѣльба на короткое время затихла, палубы обошелъ новый командиръ вмѣстѣ со старшимъ артиллерійскимъ офицеромъ.

Команда не нуждалась ни въ какихъ воодушевленіяхъ.

Это были тѣ-же лихіе аврорцы, какихъ мы уже привыкли видѣть на всякихъ авральныхъ работахъ.

А бой былъ та-же погрузка угля, погрузка, во время которой аврорцы проламывали себѣ головы, стараясь какъ всегда быть первыми.

Не хватало лишь обычной музыки, нашего любимаго „янки-дудль“.

„Спасибо, братцы! Хорошо стараетесь! Молодцы!“ — говорилъ Небольсинъ — „цѣльтесь только какъ слѣдуетъ, не торопитесь!“

По всѣмъ палубамъ гремѣли лихіе, бодрые отвѣты.

Лейтенантъ Прохоровъ, который по старшинству долженъ былъ вступить въ исполненіе обязанностей старшаго офицера, по приказанію командира остался на своемъ посту при управленіи судномъ и смѣнился лишь въ полночь, т. е. съ начала боя до 12 часовъ стоялъ безсмѣнно.

По настоящему долженъ былъ вступить на вахту князь Путятинъ; онъ и явился и остался въ боевой рубкѣ, но былъ настолько слабъ, что корабля вести не могъ.

Рядомъ съ Прохоровымъ на переговорныхъ трубахъ стоялъ младшій штурманъ Эймонтъ, а у телефона (по собственному желанію) раненый Бергъ. Послѣдній могъ дѣйствовать только одной рукой. Безъ фуражки, весь въ крови, сильно продрогшій,

ослабѣвшій и отъ холода и отъ потери крови, онъ представлялъ изъ себя жалкую фигуру. Его насильно заставили идти на перевязочный пунктъ, откуда онъ вернулся тотчасъ-же и оставался на телефонѣ до поздняго вечера; наконецъ, совсѣмъ закоченѣвъ, спустился въ каютъ-компанію и сидѣлъ тамъ въ состояніи полнѣйшей апатіи, слыша крики „пожаръ“ и не будучи въ состояніи пошевельнуться.

Старшимъ офицеромъ на время боя былъ назначенъ старшій минный офицеръ лейтенантъ Старкъ, въ силу своей спеціальности болѣе свободный. Подъ его руководствомъ тушились пожары, задѣлывались пробоины, чинились досками пробитыя дымовыя трубы, пополнялась убыль прислуги, убирались убитые, смывались слѣды крови.

Лейтенантъ Ильинъ и мичманъ Щаховскій дѣятельно задѣлывали пробоины и исковерканные осколками и незакрывающіеся вслѣдствіе этого полупортики, откуда каскадами хлестала вода.

Собравшись по правому борту, она увеличила и безъ того уже существовавшій кренъ. Ее вычерпывали ведрами, а пробоины задѣлывали досками, брезентами, чемоданами, упорами.

Команда работала съ радостнымъ увлеченіемъ и безукоризненно.

Уже въ самомъ началѣ боя по палубамъ прошелъ слухъ, что боевая рубка со всѣми, кто находился въ ней, сметена снарядомъ.

Потомъ вѣсть о смерти командира.

Всѣ остались на своихъ постахъ, дружно работали, находили шутки и умирали безъ громкихъ фразъ.

У мичмана Терентьева команда подбитаго въ самомъ началѣ боя 75-ти мм. орудія въ каютъ-компаніи (по правому борту) во время огня съ правой стороны отказывалась переходить на лѣвый бортъ подъ защиту угля, говоря, что желаетъ умереть у своего орудія.

Лейтенантъ Дорнъ съ начала боя до полуночи стоялъ со своей прислугой у носового орудія на полубакѣ, весь заливаемый съ головы до ногъ брызгами холодной воды, достигавшей высоты верхняго мостика.

Но не только наверху, а также и въ батарейной палубѣ всѣ страшно зябли, заливаемые изъ полупортиковъ каскадами холодной воды, послѣ тропиковъ казавшейся намъ прямо ледяной.

Сигнальщикъ Мекеринъ, увидавъ, что сигнальный флагъ заѣлъ, полѣзъ очищать его на правый нокъ уцѣлѣвшей половины фока-реи и съ четверть часа возился тамъ, расправляя фалы (веревки), пока не спустилъ сигнала.

Въ это время былъ сильный огонь, кругомъ рвались снаряды: не только сотрясеніемъ воздуха, но и проносившимися надъ головой обрывками стальныхъ штаговъ могло каждую минуту снести смѣльчака за бортъ.

Между тѣмъ Мекеринъ продѣлывалъ все это, будучи незадолго до этого весь израненъ на переднемъ мостикѣ мелкими осколками.

Около 5½ часовъ лейтенантъ Дорнъ услыхалъ по лѣвому борту отчаянные крики, кинулся къ борту и увидалъ двухъ матросовъ барахтавшихся въ водѣ.

У Дорна подъ руками ничего не было, и онъ послалъ на ютъ бросить спасательный буекъ ординарца Зиндѣева. Оказалось, что лейтенантъ Старкъ уже распорядился бросить рѣшетчатый люкъ.

Спаслись-ли эти несчастные? Гдѣ вы? Откликнитесь!

Зиндѣевъ слеталъ однимъ духомъ, а, вернувшись, доложилъ, что ему бѣгать тяжело. Еще-бы не тяжело, когда въ бедрѣ у него, какъ оказалось, еще съ самаго начала боя сидѣлъ хорошій японскій гостинецъ.

Но я не стану перечислять всѣхъ отдѣльныхъ эпизодовъ, подтвердившихъ еще разъ всѣмъ извѣстныя мужество и стойкость русскаго человѣка.

Въ машинѣ.

Въ то время какъ строевая команда ночью послѣ боя могла на нѣсколько часовъ забыться тяжелымъ сномъ, нестроевая, т. е. машинисты и кочегары, безсмѣнно до утра продолжала свою работу.

Въ правой машинѣ находился старшій инженеръ-механикъ Н. К. Гербихъ, въ лѣвой младшій инженеръ-механикъ Н. И. Капустинскій, въ кормовой прапорщикъ по механической части М. К. Городниченко; въ кочегаркахъ младшій инженеръ-механикъ Ч. Ф. Малышевичъ; трюмами завѣдывалъ инженеръ-механикъ Н. Ф. Шмоллингъ.

Люди, находившіеся въ машинѣ, помѣщавшейся ниже уровня воды, были защищены сверху задраенной наглухо броневой палубой, а по бокамъ угольными ямами со слоемъ угля сажени въ двѣ вышиной.

Здѣсь, въ кочегаркахъ, машинахъ кипѣла горячая работа. Объ опасности некогда было и думать, надо было моментально исполнять приказанія, которыя черезъ каждыя 2—3 минуты передавались изъ боевой рубки.

Глухо доносились выстрѣлы. Часто были слышны удары въ бортъ отъ снарядовъ и осколковъ; послѣдніе давали впечатлѣніе разсыпавшейся дроби.

Собственно въ машину попаданій не было. Въ носовую кочегарку было; помѣщеніе ея наполнилось удушливыми газами; два кочегара, Герасимовъ и Егорченко, находившіеся ближе другихъ, полузадохлись и упали въ обморокъ. Произошла суматоха, думали разобщать котелъ, боясь, что его взорветъ.

Осколки содрали обшивку одной паровой трубы и повредили самую трубу. Если-бы они ударили чуть сильнѣе, труба разорвалась-бы, и всѣ люди сварились.

Здѣсь отличился своей распорядительностью инженеръ-механикъ Малышевичъ.

Послѣ крупныхъ пробоинъ въ передней и средней трубахъ тяга сильно упала, и уже нельзя было держать паръ такъ хорошо какъ раньше.

Вода, затопившая черезъ 12 небольшихъ пробоинъ у ватерлиніи правыя верхнюю и нижнюю угольныя ямы, дала 4° крену.

Этотъ кренъ вызывалъ въ людяхъ, находившихся въ машинахъ, весьма непріятное ощущеніе. Разобщенные съ внѣшнимъ міромъ, они не знали, въ чемъ дѣло, гдѣ пробоины, насколько опасны онѣ. При поворотахъ крейсера кренъ рѣзко увеличивался, и люди должны были невольно схватываться за поручни, чтобы не попасть въ машину, подъ быстро и со страшной силой вращавшіеся мотыли, эксцентрики, думая въ то-же время о томъ, не перевертывается-ли судно. Строились разныя предположенія, но никто не думалъ покидать свой постъ и выбѣгать наверхъ узнавать, въ чемъ дѣло.

Воду изъ угольныхъ ямъ приходилось выкачивать безпрерывно. Впослѣдствіи, чтобы уравнять кренъ, пришлось затопить двѣ угольныхъ ямы на лѣвомъ борту, что и привелъ въ исполненіе трюмный инженеръ-механикъ Шмоллингъ.

Въ кормовой машинѣ подъ холодильникомъ находилась центральная станція безпроволочнаго телеграфа, перенесенная туда передъ боемъ. Аппаратъ все время принималъ японскія депеши. Всѣ возмущались, почему не перебиваютъ ихъ. Вдругъ какой-то болѣе сильный аппаратъ сталъ мѣшать—японцы замолчали—оказалось: нашъ „Уралъ“ вызываетъ „Суворовъ“, дѣлая

его позывные. Вмѣсто „Суворова“ ему отвѣтилъ кто-то другой. Тогда „Уралъ“ сказалъ: „имѣю подводную пробоину, на меня напали крейсера, прошу помощи“.

Послѣ того, какъ у насъ была сбита стеньга и порвана пріемная телеграфная сѣть, нашъ аппаратъ замолкъ.

Очень непріятна была полнѣйшая неизвѣстность: лишь изрѣдка доходили слухи, но самые сбивчивые, противорѣчившіе одинъ другому.

То передавали, что непріятельскій снарядъ попалъ въ боевую рубку, смело всѣхъ, командира и офицеровъ, за бортъ, баковое орудіе тоже; на перевязочномъ пунктѣ священникъ убитъ, докторъ раненъ. Но приказанія, которыя снова стали передаваться изъ рубки, разубѣдили въ этомъ.

Послѣ 4-хъ часовъ въ машину нѣсколько разъ спускался уже въ роли старшаго офицера лейтенантъ Старкъ—какъ всегда невозмутимый; онъ прехладнокровно увѣрялъ: „Ослябя“ перевернулся?“—„Нѣтъ! да нѣтъ-же, говорю вамъ!“ А его-же разсыльный за его спиной кивалъ головой, что, молъ, да.

Или: „Бородино“ вступилъ въ строй, великолѣпно идетъ“, разсыльный сзади: „Никакъ нѣтъ, Ваше Благородіе, уже потонулъ“.

Въ общемъ до гибели „Бородино“ настроеніе въ машинѣ было очень жизнерадостное, побѣдоносное.

„Японцевъ здорово поколотили, японцы уходятъ и т. п.“.

Работали съ шуточками и прибауточками.

Но вѣсть о гибели „Бородино“ повліяла на всѣхъ удручающимъ образомъ.

Страшно томила жажда; на каждую машину было заготовлено по 10 ведеръ. Но вода скоро сдѣлалась горячей и противной на вкусъ.

На жару, однако, жалобъ слышно не было. Тропики пріучили насъ еще не къ такой температурѣ.

Воздухъ былъ очень худой, сизый. Энергично дѣйствовавшіе простые и электрическіе вентиляторы нагнетали прямо какую-то отравленную гадость, удушливые газы; временами ихъ примѣсь рѣзко усиливалась, тогда всѣ чувствовали тошноту, сладкій вкусъ во рту и какую-то странную слабость.

Тѣмъ не менѣе, по общему отзыву всѣхъ инженеръ-механиковъ, команда работала поразительно спокойно, ловко, умѣло. Не было даже обычныхъ поврежденій при спѣшкѣ по неосторожности—отрывовъ пальцевъ и т. п.

Машины работали безъ отказа, давая все, что онѣ должны были дать.

А раздергивали ихъ во всю.

Какъ съ 2-хъ часовъ дня посыпались безпрерывныя приказанія, такъ онѣ и продолжались до поздней ночи.

Со 130—125 оборотовъ командовали сразу на стопъ, а иногда тотчасъ-же на задній ходъ—едва успѣвали переводить кулисы. Эта частая и быстрая перемѣна ходовъ страшно вредна механизмамъ, но они ни разу не сдали, ничего не сломалось, подшипники не разогрѣвались, паръ не садился.

Очевидно, механизмы хорошо приработанные, испытанные, содержались въ полной исправности, а команды прекрасно владѣли ими.

Нужно отдать должную справедливость господамъ судовымъ инженеръ-механикамъ.

Работавшая на боевой вахтѣ безъ смѣны съ 12 час. дня до 12 час. ночи команда сильно переутомилась, люди чуть не валились съ ногъ. Но были такіе, которые простояли и 28 часовъ.

(Между прочимъ, слѣдовало-бы увеличить комплектъ боевой вахты хотя-бы на одну треть).

Вотъ, напримѣръ, образецъ скромной, не бьющей въ глаза дѣятельности этихъ труженниковъ: машинистъ Богаевскій долженъ былъ при безпрестанныхъ перемѣнахъ ходовъ то открывать, то закрывать главный детандеръ. На индикаторной площадкѣ была адская жара отъ цилиндра высокаго давленія. Всякій разъ, слѣзая оттуда, Богаевскій прямо метался отъ жары впередъ и назадъ и совалъ свою голову подъ струю холоднаго воздуха изъ вентиляторной трубы. Черезъ минуту, двѣ приходилось опять лѣзть къ детандеру. Когда-же Богаевскому предложили подсмѣниться, онъ отказался.

Да будутъ-же помянуты хотя здѣсь, хотя однимъ добрымъ словомъ эти незамѣтные герои, „духи“, закопченные дымомъ, углемъ, масломъ, непохожіе на людей, въ своихъ мрачныхъ подземельяхъ, въ душныхъ угольныхъ ямахъ, трюмахъ, въ раскаленныхъ кочегаркахъ, исполнявшіе свой скромный долгъ передъ родиной.

Судьба сохранила васъ въ живыхъ для родины, для новыхъ испытаній и новыхъ подвиговъ, и стыдиться, аврорцы, вамъ нечего!

Если-бы это было нужно, то и вы сумѣли-бы умереть не хуже своихъ товарищей на „Суворовѣ“, „Александрѣ III“, „Ослябѣ“, „Бородинѣ“ — идя ко дну, обваренные кипяткомъ, паромъ, размолотые цилиндрами. . . . . .

На перевязочномъ пунктѣ.

Услыхавъ тревогу, я сунулъ въ карманъ браунингъ и кинулся на перевязочный пунктъ. Всѣ были на своихъ мѣстахъ. Узнавъ, что крейсера переходятъ на правый флангъ броненосцевъ подъ ихъ защиту, я оставилъ перевязочный пунктъ на правомъ борту.

Палубы обошелъ командиръ; увидя у меня дневникъ въ рукахъ, онъ сказалъ нѣсколько шутливыхъ словъ по этому поводу. (Мы съ нимъ конкуррировали по части писанія).

„А гдѣ-же Вашъ попка?“ вспомнилъ онъ моего любимца. Это были послѣднія слова, слышанныя мною отъ него.

Вотъ послышался громъ отдаленной канонады, становившійся все слышнѣе и слышнѣе.

Пришелъ отецъ Георгій, окончившій обходъ съ крестомъ всѣхъ палубъ.

„А гдѣ мнѣ быть?“

„Оставайтесь, батюшка, у меня на перевязочномъ пунктѣ: веселѣе будетъ“.

Настроеніе у всѣхъ было очень бодрое, слышались шутки.

Я обратилъ вниманіе на транспортъ „Иртышъ“, который въ это время шелъ на правомъ траверзѣ „Авроры“. На безоружномъ транспортѣ высыпало на бакъ масса команды; они смотрѣли въ нашу сторону и радостно галдѣли. Рожи у всѣхъ были развеселыя, совсѣмъ на спектакль пришли глазѣть. Невольно это разсмѣшило и насъ.

Но вотъ нашъ крейсеръ вздрогнулъ отъ своего перваго выстрѣла изъ 6-ти дюймоваго орудія.

Одинъ, другой разъ. Пошла трескотня.

Шуточки исчезли, улыбочки стали кривыми.

Прошелъ мимо меня Чистяковъ, маленькій, тщедушный матросикъ, только что поправившійся отъ тяжелой болѣзни. Онъ тащилъ снарядъ къ 75-ти миллиметровому орудію. Я окликнулъ его:

„Что ты такой блѣдный?“

„Никакъ нѣтъ, Ваше Высокоблагородіе“.

„Да Вы сами, Ваше Высокоблагородіе, такой-же“, сказалъ кто-то изъ фельдшеровъ.

(Бѣдный Чистяковъ больше ужъ не возвращался, его вскорѣ убило однимъ изъ первыхъ снарядовъ, разорвавшимся рядомъ въ батарейной палубѣ).

Въ открытый полупортикъ 75-ти миллиметроваго орудія, находившагося на правомъ перевязочномъ пунктѣ, было занятно смотрѣть. Рядомъ падало масса перелетовъ. Это была эффектная картина: ежесекундно то здѣсь, то тамъ взметывались высокіе, красивые фонтаны воды. Мы на нихъ смотрѣли весьма наивно и довѣрчиво, еще не зная, какая тьма осколковъ при этомъ со страшной силой летитъ во всѣ стороны.

Веселаго „Иртыша“ уже не было видно — онъ куда-то отошелъ.

Теперь на нашемъ правомъ траверзѣ въ полукабельтовѣ разстоянія находился миноносецъ „Блестящій“; онъ уже сильно парилъ, отставалъ, держалъ сигналъ: „не могу управляться“; на немъ была большая суматоха, команда столпилась въ кормѣ. На нашихъ глазахъ снарядъ ударилъ въ переднюю часть судна, у мостика, и одинъ матросъ, распластавъ руки и ноги, полетѣлъ за бортъ.

Надъ головой творилось что-то невообразимое. Отдѣльные звуки выстрѣловъ слились въ общій ревъ. Мы съ трудомъ понимали другъ друга.

Я то глядѣлъ въ полупортикъ, то хватался за дневникъ— вдругъ дневникъ вылетѣлъ изъ рукъ, а самъ я въ одно мгновеніе очутился ничкомъ на палубѣ, больно ударившись головой, грудью и колѣномъ о задраенную горловину угольной ямы. Изъ носу лила кровь. Рядомъ поднимались другіе. Сотрясеніемъ воздуха отъ снаряда, разорвавшагося вблизи, смело насъ, какъ пушинокъ. Поднимаясь, я ощупывалъ себя со всѣхъ сторонъ, думая, что раненъ. Впечатлѣніе было не изъ пріятныхъ. Убѣдившись-же въ томъ, что цѣлъ, я пришелъ въ радостное настроеніе и шутилъ, говоря, что на крейсерѣ я первый пролилъ кровь за отечество. Другихъ раненыхъ въ это время еще не было.

Мы продолжали обсуждать подробности паденія. Въ это время надъ головой, какъ разъ надъ перевязочнымъ пунктомъ, рявкнули два 6-ти дюймовыхъ орудія праваго борта, одно за другимъ. Прибѣжалъ командовавшій сосѣднимъ плутонгомъ тутъ-же рядомъ въ батарейной палубѣ, мичманъ Щаховскій:

„Докторъ, переходите скорѣе на тотъ бортъ. Комендоры, открывайте огонь, цѣльтесь хорошенько“.

У меня все было предусмотрѣно на случай скорой переноски: все находилось въ особыхъ ящикахъ съ ручками.

„Санитары, маршъ!“

Едва были вынесены послѣдніе вещи, едва мы успѣли выйти въ сосѣднее помѣщеніе, какъ вслѣдъ намъ загремѣли осколки.

Правый перевязочный пунктъ былъ буквально изрѣшетенъ. И бортъ и верхняя палуба были пробиты во многихъ мѣстахъ. Если-бъ не коечная защита, то всѣ крупные осколки, пронизавшіе койки почти насквозь, очутились-бы въ нашихъ спинахъ и вывели-бы 75-ти миллиметровое орудіе со всею прислугою. Теперь-же оказалось только 5 легко раненыхъ.

Это было поистинѣ чудесное спасеніе.

75-ти миллиметровое орудіе, находившееся на лѣвомъ перевязочномъ пунктѣ въ то время, когда мы явились туда, ожесточенно стрѣляло.

„Куда Вы, куда Вы, докторъ?“ закричалъ мнѣ прапорщикъ М. Я. Сорокинъ. „Идите на правый бортъ“.

Санитары остановились въ недоумѣніи.

Оказалось, что часть непріятельскихъ крейсеровъ обошла насъ съ носу и взяла въ два огня.

Это былъ первый перекрестный огонь, и мы не разслышали команды: „обоимъ бортамъ тревога“.

Тогда я приказалъ, какъ и было раньше рѣшено, расположить все на центральномъ перевязочномъ пунктѣ, защищенномъ хуже—только койками, но зато съ обѣихъ сторонъ. Это было такъ называемое церковное отдѣленіе батарейной палубы; полупортиковъ съ орудіями здѣсь не было, и операціонный столъ находился какъ разъ на мѣстѣ престола. На переборкѣ, отдѣлявшей насъ отъ шпилевого (носового) отдѣленія, висѣли въ кіотахъ иконы, теплились лампады. Здѣсь было темно, и заранѣе подвѣшенныя люстры съ рефлекторами освѣтили нашу скромную обстановку.

Едва успѣли мы расположить инструменты, какъ къ намъ валомъ повалили раненые. Кого несли на носилкахъ, кто тащился самъ, поддерживаемый товарищемъ.

Еще, еще.....

Носильщики, сложивъ ношу съ носилокъ, убѣгали наверхъ на свои мѣста. Санитары поспѣшно разрѣзали одежду, снимали жгуты, очищали рану. Я дѣлалъ бѣглый осмотръ, опредѣлялъ степень серьезности кровотеченія, туго тампонировалъ, накладывалъ повязку, бросался къ другому раненому, мои-же помощники, фельдшера и санитары, доканчивали повязку, бинтовали, накладывали шины, косынки.

Раны были не то, что пулевыя—варварскія, сильно развороченныя, обожженныя, загрязненныя обрывками одежды.

Принесли еще носилки; я оглянулся и увидалъ улыбавшееся мнѣ блѣдной улыбкой лицо нашего общаго баловня, мичмана Яковлева.

„На столъ, живо! Что съ Вами, голубчикъ?“

„Нога, ой!“ и мичманъ откинулся назадъ, заскрипѣвъ зубами, теряя сознаніе отъ боли.

„Командира ранили! носилки требуютъ!“ крикнулъ въ это время кто-то.

Хотя наверху у меня находились носилки, спеціально обслуживавшія передній мостикъ и рубку, но я тотчасъ-же отрядилъ туда свои, предназначенныя для уборки раненыхъ съ перевязочнаго пункта; онѣ оказались лишними, такъ какъ въ это время на трапѣ уже показались носилки, и на нихъ фигура командира съ лицомъ, закрытымъ тужуркой.

Я нагнулся къ нему, приказавъ убрать со стола бѣднаго мичмана, которому еще только разрѣзывали одежду, и, снявъ тужурку, открылъ лицо Евгенія Романовича.

На немъ играла обычная, слегка насмѣшливая улыбка. Мнѣ не хотѣлось вѣрить, и я окликнулъ его: „Евгеній Романовичъ! Евгеній Романовичъ!“

Пока санитары перекладывали его на операціонный столъ, я успѣлъ убѣдиться въ отсутствіи пульса. Дыхательныя движенія груди были очень слабы, лицо быстро покрывалось синевою. На головѣ въ области темянной кости виднѣлось крошечное отверстіе входной раны; при изслѣдованіи окружности ея подъ неизмѣненной кожей на большомъ протяженіи мягко ощупывались осколки черепныхъ костей. Приподнявъ затылокъ и увидавъ мозгъ, я махнулъ рукой и приказалъ закрыть рану повязкой.

Положеніе раненаго было безнадежно.

Его отнесли въ каюту старшаго артиллерійскаго офицера Лосева, соблюдая очередь по заранѣе намѣченному плану.

На столъ былъ положенъ опять мичманъ Яковлевъ, терпѣливо ждавшій своей очереди и въ эти минуты забывшій о своихъ страданіяхъ.

Незадолго передъ тѣмъ прибѣгалъ ординарецъ старшаго офицера Обязинъ: „старшій офицеръ спрашиваетъ, свободны-ли Вы, можете-ли ихъ перевязать?“—„Скажи: свободенъ, прошу пожаловать на перевязочный пунктъ“.

Вслѣдъ затѣмъ спустился и Аркадій Константиновичъ. Голова у него уже была перевязана индивидуальнымъ пакетомъ. Онъ не ожидалъ встрѣтить у меня такую обстановку. Я отвелъ его въ сторону и сообщилъ о смерти командира. Тогда Аркадій Константиновичъ заторопился наверхъ, чтобы вступить въ командованіе крейсеромъ и ужъ не сталъ показывать мнѣ своихъ раненій. Повязка на головѣ, наложенная боцманомъ, лежала превосходно.

Я занялся мичманомъ. У него было двѣ тяжелыхъ рваныхъ раны на голени, висѣли оборванные нервы, сухожилія, торчали осколки деревянной палубы, кости какимъ-то чудомъ остались цѣлы. Мнѣ пріятно вспомнить о томъ, какимъ молодцомъ велъ себя этотъ молодой мичманъ въ то время, когда я торопливо, безцеремонно изслѣдовалъ его рану, отрѣзывалъ грязные разможенные лоскуты.

Раненые продолжали прибывать. Многіе изъ нихъ заявляли: „Ваше Высокоблагородіе! пустяки, не стоитъ смотрѣть, немного царапнуло, пусть санитаръ перевяжетъ чѣмъ-нибудь, чтобъ только кровь не бѣжала“. И спѣшили наверхъ, откуда чрезъ нѣсколько минутъ ихъ приносили уже на носилкахъ, вторично раненыхъ.

Одинъ изъ нихъ, провинившійся въ чемъ-то передъ боемъ и занесенный въ штрафной журналъ, былъ раненъ въ голень. Я его самъ послалъ наверхъ: „ступай, зарабатывай себѣ Георгія“. Онъ вскорѣ вернулся со второй раной на другой голени, перевязался и снова пошелъ въ строй, какъ я его ни удерживалъ на этотъ разъ. Импровизированные жгуты сохранили много драгоцѣнной крови.

На стерилизованный перевязочный матеріалъ я не скупился, заготовивъ его въ достаточномъ количествѣ.

По окончаніи перевязки, раненые быстро уносились людьми санитарнаго отряда. Тяжело раненые были размѣщаемы въ офицерскихъ каютахъ, начиная съ ближайшихъ. Въ подачѣ и уборкѣ раненыхъ задержки не было. Организація оказалась вполнѣ удачной. Люди санитарнаго отряда знали, что имъ дѣлать, не производили суеты и не бросались зря въ разныя стороны.

Всѣ работали молодцами. Вообще я ошибся, предполагая, что среди этого адскаго грохота мнѣ придется видѣть картину полнаго хаоса, людей ошалѣвшихъ, мечущихся безъ толку, падающихъ въ обморокъ. Ничего этого и въ поминѣ не было. Даже среди тяжело раненыхъ мнѣ не пришлось наблюдать ни одного обморока.

Не только фельдшера и санитары, видавшіе, такъ сказать, разные виды, но и весь остальной медицинскій персоналъ—проявили полное хладнокровіе и не теряли его въ самыя трудныя минуты.

Бой длился вѣчность.....

Подъ конецъ ощущенія какъ-то притупились. Сознаніе времени и опасности было давно уже потеряно. Подхватываемыя стоявшими на передачѣ людьми командныя слова вродѣ: „разстояніе 24 кабельтова! пожаръ на правомъ шкафутѣ! пожаръ въ

батарейной палубѣ! обоимъ бортамъ короткая тревога!“ (что означало приближеніе перекрестнаго огня)—никого не смущали и отъ дѣла не отвлекали.

Даже такой необычайный возгласъ: „мина! по лѣвому борту мина! приготовиться къ минному удару!“ не произвелъ особаго впечатлѣнія, всѣ „приготовились“, т. е. остались на своихъ мѣстахъ и оканчивали перевязки, какъ будто не ихъ это касалось.

Съ такими молодцами было пріятно работать и умирать.

Не скрою, что при извѣстіи о минѣ гдѣ-то въ самой глубинѣ точно окаменѣвшей за день души шевельнулось что-то.

Прошло нѣсколько минутъ.....

„Гдѣ-же, наконецъ, мина? Подите, узнайте, въ чемъ дѣло?“

Это была та самая мина, которая, отброшенная отъ нашего лѣваго борта обратной волной, прошла въ двухъ саженяхъ отъ него (ее видѣли изъ лѣваго перевязочнаго пункта) и, вскинутая затѣмъ тараномъ идущаго въ кильватеръ „Владиміра Мономаха“, переломилась надвое, не взорвавшись.

Еще одно испытаніе выдержано съ честью.

Раньше я почему-то представлялъ себѣ, что при подобномъ извѣстіи всѣ кинутся наверхъ, людьми овладѣетъ паника.....

Новости, которыя время отъ времени доносились сверху, были изъ рукъ вонъ: „Осляби“ ужъ нѣтъ, „Бородино“ пылаетъ, „Суворовъ“ вышелъ изъ строя, весь въ дыму. „Уралъ“ затонулъ, погибъ бѣдный „Роландъ“ (буксирное судно „Русь“).

„Фелькерзамъ погибъ, Рожественскій, вѣроятно, тоже; кто-же теперь управляетъ эскадрой?“ думалъ я про себя.

Приходилось всячески скрывать отъ окружавшей меня команды печальныя вѣсти или дѣлать видъ, что сомнѣваешься въ ихъ вѣрности.

„Что? На „Сисоѣ“ пожаръ? Затушатъ! Велика важность!“

И дѣйствительно, наши доблестные корабли, пылавшіе почему-то какъ костры, одинъ за другимъ выходили изъ строя, справлялись съ пожарами и поврежденіями, выравнивали кренъ, возвращались въ строй, снова выходили, снова возвращались.

Иногда на перевязочномъ пунктѣ наступала полная тишина, раненые были перевязаны, убраны. И среди этой тишины нерѣдко вдругъ раздавался чей-нибудь голосъ: „А командиръ-то, командиръ..... Боже мой!“

Я запрещалъ имъ вспоминать про командира, потому что не у меня одного, у многихъ слезы навертывались на глазахъ при этомъ. Всѣ мы его горячо любили и много надеждъ на него

возлагали. Но проходило нѣсколько минутъ, и снова кто-нибудь вспоминалъ эту тяжелую для всѣхъ потерю.

Пришелъ какой-то матросъ съ растерянным видомъ, держа въ рукахъ грязный окровавленный комокъ: „что съ нимъ дѣлать, Ваше Высокоблагородіе?“

Не разглядѣвъ, я спросилъ, что это такое; тогда онъ развернулъ скальпъ, лицо своего убитаго товарища.

Эта неожиданность произвела самое удручающее впечатлѣніе. Всѣ такъ и отшатнулись.

Я разсердился: „что дѣлать, что дѣлать? за бортъ выброси!“

Рядомъ съ операціоннымъ столомъ проходилъ элеваторъ для подачи 6-ти дюймовыхъ снарядовъ. Поминутно одна за другою громыхали, подымаясь кверху, бесѣдки съ тяжелыми 6-ти дюймовыми снарядами. Вотъ сюда-бы въ этотъ элеваторъ или въ одну изъ этихъ бесѣдокъ хорошій осколокъ, такъ насъ и поминай, какъ звали!

Въ самый разгаръ перекрестнаго огня въ погребѣ произошла какая-то досадная задержка: люди, стоявшіе на передачѣ, прямо звѣрскими голосами ревѣли: „бронебойные! скорѣе бронебойные!“

Тѣмъ временемъ работа на перевязочномъ пунктѣ шла своимъ чередомъ. Нѣсколько человѣкъ санитарнаго отряда пришлось отрядить для ухода за ранеными; надо было почаще поить ихъ, смотрѣть, чтобы повязки не сбились, не промокли. То одинъ, то другой фельдшеръ по очереди съ однимъ изъ санитаровъ посылались для обхода раненыхъ и вспрыскиванія подъ кожу морфія: иные получали по два шприца сразу.

Каждый посланный, исполнивъ свое порученіе, докладывалъ мнѣ. Такимъ образомъ мнѣ удавалось все время оставаться въ курсѣ дѣла.

Я не помню точно часа, кажется между 4 и 5, но былъ моментъ, когда весь перевязочный пунктъ вдругъ сразу наполнился грудой стонавшихъ и вздрагивавшихъ тѣлъ, среди которыхъ нѣсколько человѣкъ были принесены или скончавшимися по дорогѣ, или смертельно ранеными.

Электрическіе провода были перебиты, мы погрузились въ тьму, помѣщеніе наполнилось удушливыми газами, кругомъ слышались стоны и предсмертное хрипѣніе, люди сталкивались другъ съ другомъ, падали въ темнотѣ на раненыхъ.

Но это продолжалось всего нѣсколько мгновеній. Тотчасъ же люди санитарнаго отряда, спеціально приставленные къ освѣщенію, зажгли приготовленные на этотъ случай пиронафтовые и

ручные фонари, при тускломъ освѣщеніи которыхъ мы продолжали свою медицинскую работу.

Тутъ уже пришлось перевязывать всѣмъ, не только фельдшерамъ и санитарамъ, но и остальнымъ моимъ помощникамъ—прямо на палубѣ.

Дымъ пронесло.

Кое-какъ разобрались. Перевязанныхъ унесли. Умершихъ сложили въ одну кучу.

Молодцы минеры починили перебитые провода, и снова засіяли ослѣпительнымъ свѣтомъ люстры, освѣтивъ неприглядную обстановку.

А послѣдняя къ этому времени была такова: при первыхъ-же сильныхъ сотрясеніяхъ корпуса судна еще въ началѣ боя одиночныя электрическія лампочки (ихъ было много) посыпались намъ на головы мелкимъ дождемъ; уцѣлѣли лишь люстры, которыя были подвѣшены на шкертахъ (веревкахъ); послѣдніе и ослабляли силу сотрясеній.

Но и эти люстры потухали три раза. Три раза умудрялись минеры чинить ихъ разбитые провода. Въ концѣ концовъ освѣщеніе было выведено окончательно.

Шпилевое отдѣленіе и оба боковыхъ перевязочныхъ пункта, черезъ пробоины, полупортики захлестываемые волной, наполнились водой выше щиколотокъ. Сначала она гуляла свободно съ борта на бортъ, а потомъ, когда появился кренъ, скопилась вся на правомъ борту. Мы свободно ходили по этой холодной водѣ.

Помѣщеніе при стрѣльбѣ изъ своихъ-же орудій наполнялось газами бездымнаго пороха; когда-же наверху или вблизи разрывались непріятельскіе снаряды, это чувствовалось по особенно ѣдкому, удушливому запаху, отъ котораго вся грудь дѣлалась точно обожженной, а во рту появлялся непріятный сладковатый вкусъ. Все это смѣшивалось съ запахомъ крови, гари отъ пожара.

Отъ адскаго рева своихъ-же 6-ти дюймовыхъ орудій, заставлявшаго подскакивать операціонный столъ, мы давно оглохли, а теперь и голосъ потеряли.

Жажду никакъ нельзя было утолить, хотя воды было запасено достаточно.

Казалось, конца не будетъ бою.

Подсчетомъ раненыхъ и какой-бы то ни было регистраціей заняться было немыслимо. Я зналъ только то, что мѣстъ для раненыхъ уже давно не хватало: мы переполнили всѣ каюты, офицерскія, боцманскія, кондукторскія; въ иныхъ лежало уже

по 2, по 3, въ одной даже 4 раненыхъ; лежали въ офицерскомъ отдѣленіи, въ банѣ, въ жилой палубѣ, не только въ койкахъ, а прямо на палубѣ.

Подстилая каждому то запасной матрацъ, то одѣяло, то клеенку, накрывая простынями—въ общемъ устроили всѣхъ на первое время относительно сносно.

Въ моментъ передышки отъ перевязокъ я нѣсколько разъ обходилъ по каютамъ раненыхъ, кой-кого приказывалъ подбинтовать. Раненые вели себя спокойно, иные уже подъ грохотъ выстрѣловъ спали послѣ морфія сладкимъ сномъ.

Проходя батарейную палубу, я не могъ достаточно налюбоваться молодцами аврорцами. Несмотря на ужасную картину разрушенія вокругъ, подбитыя орудія, близость смерти каждаго, всѣ работали лихо, дружно, весело, съ довольными, прямо счастливыми лицами, съ хладнокровіемъ просто поразительнымъ. Подобныя фразы, встрѣчаемыя мною раньше въ описаніяхъ боевъ, всегда казались мнѣ неправдоподобными, какимъ-то паѳосомъ, и я былъ глубоко неправъ. Да съ такими людьми чудеса можно творить, дайте только средства имъ, обучите ихъ.

Очень жаль было глядѣть на нихъ, когда они принуждены были бросить свои орудія, заливаемыя водой, хотя и тутъ они живо нашли себѣ дѣло, откачивали воду и караулили моменты, когда мы ложились на обратный галсъ, не противъ волны, а по волнѣ: становилось тише, меньше заливало, и можно было дать одинъ, другой выстрѣлъ. Но комендоры казались прямо сконфуженными, не за себя, конечно.

Иногда, въ свободныя минуты я подходилъ къ одному изъ боковыхъ перевязочныхъ пунктовъ и тоскливо смотрѣлъ вдаль.

Вблизи виднѣлся все тотъ-же скалистый островокъ Котсу-Сима, который точно заколдовалъ насъ—долго мы никакъ не могли пройти далѣе его къ сѣверу; всё возвращались къ нему. Японцы точно нарочно отжимали насъ сюда. Послѣ я узналъ, что у нихъ здѣсь были заготовлены для насъ форты.

Видѣлъ, какъ красавецъ „Олегъ“ вышелъ изъ строя вправо и застопорилъ—команда говорила: „подбитъ“.

Въ началѣ боя видѣлъ картину огня, сосредоточеннаго по „Ослябѣ“. Кипѣло море. Фонтаны отъ снарядовъ взлетали выше клотиковъ мачтъ.

Мгла горизонта поразительно благопріятствовала окраскѣ японскихъ судовъ. Быстро, одна за другой вылетавшія огненныя вспышки, быстро развертывавшіеся комочки бураго дыма каза-

лись извергавшимися изъ стѣны тумана. Нельзя было не любоваться бѣглымъ огнемъ нашего противника.

Потрясающихъ картинъ гибели нашихъ броненосцевъ, перевертывавшихся со всѣмъ экипажемъ, я не видалъ, и слава Богу. Очевидцы говорятъ, что это ощущеніе, не поддающееся описанію. И говорить объ этомъ не хотятъ.

Впрочемъ времени особенно любопытствовать у меня не было; дневники также давно вылетѣли изъ головы.

Тѣхъ картинъ, которыя происходили на перевязочномъ пунктѣ и не одинъ день боя, а непрерывно въ теченіе десяти слѣдующихъ дней, съ меня болѣе, чѣмъ достаточно. Наружное спокойствіе дорого обошлось бѣднымъ нервамъ, и это сказалось впослѣдствіи.

На долю отца Георгія въ этотъ день выпало много работы. Неустанно онъ обходилъ раненыхъ со Святыми Дарами, напутствовалъ умирающихъ. Онъ-же остался при умиравшемъ командирѣ и часа полтора спустя принялъ его послѣдній вздохъ. Въ сознаніе Евгеній Романовичъ такъ больше и не приходилъ.

Во время одного изъ своихъ обходовъ, шлепая по водѣ черезъ каютъ-компанію, я увидалъ вѣчно неунывающаго мичмана Терентьева и бросилъ ему: „а! Вы еще живы?“ Я настолько былъ увѣренъ въ нашей неминуемой гибели, что считалъ это вопросомъ не часовъ, а какихъ-нибудь минутъ, и искренно обрадовался, увидѣвъ его азартно палящимъ изъ своей маленькой 75-ти миллиметровой пушчонки.

Послѣ Терентьевъ разсказывалъ мнѣ, что эта неудачная фраза его страшно разозлила, онъ счелъ ее за дурное предзнаменованіе. Но бравый мичманъ былъ не изъ такихъ, чтобы падать духомъ.

Въ одинъ изъ антрактовъ, когда мы разошлись галсами съ непріятелемъ, и стрѣльба стихла, палубы обошелъ новый командиръ съ артиллерійскимъ офицеромъ. А. К. Небольсинъ прихрамывалъ (двѣ раны на ногѣ онъ скрылъ отъ меня); видъ у него былъ бодрый, веселый. Онъ былъ пріятно изумленъ, заставъ у меня полный порядокъ и послѣ признавался, что онъ представлялъ себѣ на перевязочномъ пунктѣ совсѣмъ иное—нѣчто хаотическое, дикіе вопли раненыхъ и т. п., словомъ картину полной растерянности.

Таковой не было, но, приди онъ полчаса тому назадъ, когда мы орудовали въ темнотѣ, пожалуй-бы, сказалъ иное.

Лосевъ держался какъ-то неестественно прямо—оказалось, что у него въ спинѣ засѣло нѣсколько осколковъ. Не зная этого, я его неловко взялъ за талію и заставилъ вскрикнуть.

Кренъ, уже довольно значительный, оказалось, происходилъ оттого, что пробоины у ватерлиніи заливались водой. Командиръ уже отдалъ приказъ—затопить двѣ угольныхъ ямы на противоположномъ борту. Я послалъ свободныхъ санитаровъ на помощь людямъ трюмно-пожарнаго дивизіона, и тѣ ведрами вычерпывали воду на правомъ перевязочномъ пунктѣ. Но вода снова живо набѣгала.

Крейсера не надолго оставили насъ въ покоѣ. Снова послышалась стрѣльба.

Погода, свѣжая и утромъ, къ концу дня еще болѣе засвѣжѣла.

75-ти миллиметровыя орудія батарейной палубы, расположенныя слишкомъ низко надъ водой, уже давно не могли отвѣчать, несмотря на усилія комендоровъ.

Проклятіе! Двѣнадцать орудій нужно было вывести!

Я отказывался вѣрить этому и на лѣвомъ перевязочномъ пунктѣ сталъ самъ наводить орудіе: когда при мнѣ вкладывали патронъ, волна вкатила въ дуло и выбило его обратно, окативъ, конечно, всѣхъ насъ съ головы до ногъ. Наконецъ орудіе зарядили, я вытеръ прицѣлъ платкомъ, сталъ цѣлить, стараясь улучить моментъ, новая волна—дуло полно воды. Волна свободно вращала орудіе. Такъ ничего и не вышло. Полупортикъ пришлось задраить наглухо.

Днемъ на перевязочномъ пунктѣ было жарко и душно; теперь, ближе къ вечеру, здорово посвѣжѣло—раненыхъ пришлось укутать потеплѣй. Одѣялъ не хватило—пошли въ ходъ офицерскія вещи, пальто, тужурки—все, что было подъ руками.

Весь залитый кровью въ своемъ кителѣ, ходя весь день по водѣ, получивъ только что хорошій душъ у орудія, я пошелъ переодѣться въ свою каюту и не узналъ ея. Въ нее не попалъ ни одинъ снарядъ, но точно вихрь разрушенія пронесся здѣсь: книги съ полокъ были сметены на палубу, разбросаны, разорваны, листы перепутаны, разныя мелочи со стола—все валялось на полу. Привинченный къ переборкѣ электрическій вентиляторъ былъ сорванъ и исковерканъ, отъ стеколъ электрическихъ лампочекъ осталась одна пыль. (Хорошо, что я догадался убрать своего попку въ машину). Погромъ произошелъ оттого, что надъ головой весь день ахали три 6-ти дюймовыхъ чудовища (моя каюта находилась въ кормѣ рядомъ съ командирской).

Надѣвъ теплую шведскую куртку, я все-же никакъ не могъ согрѣться; всего прохватывалъ лихорадочный ознобъ.

Вернулся по правому борту.

Всюду было полно воды. Работали помпы. Кренъ, однако, что-то не уменьшался.

Ну, снова повалили раненые. Будетъ-ли когда-нибудь конецъ этому?

Довольно побаловались. Пора и честь знать.

Скоро-ли настанетъ ночь, и что эта ночь намъ принесетъ?

Раненыхъ перевязали, убрали.

Въ полнѣйшемъ отупѣніи я остановился на лѣвомъ перевязочномъ пунктѣ; полупортикъ былъ уже задраенъ, орудіе безмолвствовало; я подошелъ къ иллюминатору и сталъ глядѣть: „какія сѣрыя, едва замѣтныя суда. А эти огоньки, дымки, эти буроватыя, красноватыя облачка, какъ они эффектно, красиво вылетаютъ! Какъ быстро! Одно за другимъ! Постойте, да это, вѣдь, непріятель по намъ стрѣляетъ. Это не маневры, не салютъ“.

Очнувшись, я побрелъ къ себѣ въ центральный перевязочный пунктъ подъ защиту коечныхъ траверзовъ.

Команда торопилась ужинать. На перевязочномъ пунктѣ мы организовали раздачу холодныхъ консервовъ для раненыхъ и своего отряда.

Забѣжало нѣсколько человѣкъ проголодавшихся и иззябшихъ офицеровъ. Заявили, что у меня на перевязочномъ пунктѣ тепло, уютно и весело, не хватаетъ только водки и закуски. Вмѣсто водки я угостилъ ихъ гофманскими каплями, предложилъ консервы.

Пришелъ меланхолическій Бергъ, весь въ крови.

„Это ничефо! это пустяки!“

Отогрѣлся, пошелъ обратно.

Присѣвъ на какомъ-то тычкѣ, попробовалъ и я погрызть корочку чернаго хлѣба. Но не лѣзъ кусокъ въ горло.

Многихъ, надышавшихся газами, тошнило и рвало.

Вспомнивъ о своемъ питомцѣ, я спустился въ машинное отдѣленіе, крикнулъ черезъ горловину. Вынесли моего зеленаго дурня. Онъ отъ радости совсѣмъ обалдѣлъ, лѣзетъ ко мнѣ, хлопаетъ крыльями, кричитъ. Наскоро я накормилъ его. Затѣмъ бѣднягу пришлось обратно засадить въ маленькую клѣточку и сдать машинисту.

Въ машинѣ хорошо, тепло.

Пришло нѣсколько человѣкъ легко раненыхъ.

Говорятъ, „Суворова“, „Александра III“ ужъ и не видать. Командованіе передано адмиралу Небогатову, но никакихъ сигналовъ онъ не поднимаетъ.

Немного спустя пришла вѣсть о гибели „Бородино“. Послѣ этого, я думаю, у самыхъ ярыхъ оптимистовъ исчезла всякая надежда на благопріятный исходъ.

Мы стояли, молча.....

„Что-же, Ваше Высокоблагородіе, видно и въ самомъ дѣлѣ скоро и нашъ чередъ“, сказалъ вслухъ фельдшеръ Улласъ.

На этотъ разъ опроверженій у меня не нашлось.

Кто-то сказалъ: „миноносцы!“

„Сколько ихъ?“

Одинъ говоритъ: „9“, другой: „19“.

„Улласъ, подите, взгляните“.

Улласъ вернулся и рукой махнулъ.

„Какое 19—конца не видать; какъ грачи чернѣютъ“.

Я сказалъ людямъ санитарнаго отряда, чтобы въ случаѣ гибели судна, они не производили-бы суматохи, а кидались-бы каждый къ своей койкѣ. Каждый намѣтилъ себѣ то, что онъ возьметъ. Далѣе наступила тишина. Разговоры смолкли. Тускло горѣли фонари. Изъ шпилеваго отдѣленія тянула струя свѣжаго воздуха, стало еще холоднѣе. Слышались чьи-то выстрѣлы, не наши. Крейсеръ заворачивалъ полный ходъ, весь дрожалъ, пружинилъ; на перевязочномъ пунктѣ получалось ощущеніе, точно добрый конь несетъ тебя галопомъ. Что творилось наверху, никто не могъ сказать. Оставаться такъ безъ дѣла было тоскливо. Спотыкаясь и падая въ водѣ, я прошелъ по погруженной въ тьму батарейной палубѣ, освѣтилъ ручнымъ электрическимъ фонаремъ раненыхъ, взялъ кой-кого на операціонный столъ. Стали приходить сверху раненые, въ теченіе дня остававшіеся въ строю безъ перевязки, либо тѣ, у которыхъ повязки промокли. Новыхъ раненій уже не было.

Работа на перевязочномъ пунктѣ стала продолжаться своимъ чередомъ и отвлекала отъ грустныхъ мыслей.

Время отъ времени я посылалъ наверхъ узнавать, въ чемъ дѣло. Никто ничего не понималъ. Не то мы въ темнотѣ отбились въ сторону и хотимъ присоединиться къ эскадрѣ, не то прорываемся во Владивостокъ. Кругомъ во тьмѣ миноносцы, а стрѣлять по нимъ не приказано. Броненосцы наши еще ведутъ бой. Крейсеръ между тѣмъ то замедлялъ ходъ, переставалъ пружинить, то снова быстро несся куда-то во тьму. Часамъ къ 12-ти стали появляться на перевязку раненые офицеры: старшій артиллеристъ Лосевъ, старшій минный офицеръ Старкъ, прапорщикъ Бергъ (послѣдніе два, въ особенности Бергъ, были славно изрѣшетены мелкими осколками, но отдѣлались счастливо) и, нако-

нецъ, тяжело раненый въ бокъ и потерявшій массу крови, лейтенантъ князь Путятинъ, все время остававшійся въ строю. Кто-то наверху перевязалъ его повязкой изъ индивидуальнаго пакета, но она и весь китель жестоко промокли. Снявъ повязку и увидавъ рану и огромную кровяную опухоль (гематому) въ правомъ боку, я всплеснулъ руками и не удержался, расцѣловалъ князиньку. Офицеры сообщили мнѣ, что мы сейчасъ идемъ съ потушенными огнями, кажется, на SW, но часто мѣняемъ направленіе въ обратную. Намѣреніе адмирала, повидимому, самостоятельно прорваться во Владивостокъ. Съ правой стороны сейчасъ видны пять, точно преслѣдующихъ насъ, крейсеровъ.

На трубѣ у насъ горитъ какой-то факелъ, который никакъ не могутъ затушить. Въ темнотѣ наскакивали отряды миноносцевъ, которые выпустили по „Аврорѣ“ около 17-ти минъ, но безрезультатно. Днемъ насъ раздѣлывали не то 10, не то 11 непріятельскихъ крейсеровъ.

Мысль о нейтральныхъ портахъ никому, разумѣется, и въ голову не приходила.

Думали, что адмиралъ оставилъ попытки прорваться восточнымъ проливомъ и намѣренъ сдѣлать это западнымъ.

Тѣ, кого я видѣлъ, были смертельно утомлены, такъ что было не до разговоровъ.

Я рѣшилъ воспользоваться наступившей относительной тишиной и приказалъ своему отряду прикрыть инструменты и прилечь отдохнуть. Не прошло минуты, какъ мой незамѣнимый помощникъ старшій фельдшеръ Улласъ, свалившись тутъ-же, близъ операціоннаго стола, въ самой неудобной позѣ, уже храпѣлъ во всю. Недалеко отъ него среди груды матросскихъ тѣлъ, раскинувшихся въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, виднѣлась фигура батюшки, прикурнувшаго въ уголку. Въ одной изъ каютъ на голой палубѣ лежалъ раненый князь Путятинъ. Нашелъ и я себѣ свободное и сухое мѣстечко и знатно развалился на палубѣ, прикрывшись чѣмъ-то. Подушка поминутно выползала изъ-подъ головы, благодаря крену, который всё увеличивался. Это наводило на грустныя размышленія: вспоминались броненосцы. Не хватало воздуху, душилъ кашель; грудь была точно обожжена (дѣйствіе ядовитыхъ газовъ). Кровь изъ носу не переставала идти.

Нѣсколько времени спустя за мной явился Улласъ. Раненому Нетесу было худо. Я прошелъ по тускло освѣщеннымъ палубамъ.

Въ каютъ-компаніи, на узкомъ кожаномъ диванѣ, подставивъ

стулъ, примостились сразу три офицера, Бертенсонъ, Терентьевъ и Дорнъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Думаю: никогда они не забудутъ этого братскаго сна. На палубѣ прилечь негдѣ было: гуляла вода. Какія-то сонныя фигуры продолжали что-то дѣлать въ каютъ-компаніи; кажется, выкачивали воду.

Въ сосѣднемъ офицерскомъ отдѣленіи лежали груды тѣлъ; часть ихъ была завернута въ брезентъ—это убитые, но тутъ-же рядомъ примостились и живые и, положа къ нимъ голову на грудь, храпѣли, поминутно вздрагивая и бормоча что-то во снѣ.

Среди нихъ, у денежнаго сундука возвышалась меланхолическая безмолвная фигура, видимо, замороннаго до послѣдней степени часового, опиравшагося на штыкъ.

Нетесъ лежалъ внизу въ механической мастерской. Раненый въ полость живота, онъ умиралъ отъ внутренняго кровотеченія. Помочь ему было нельзя.

Вернулся обратно. Улегся.

Въ четыре часа пришелъ лейтенантъ Старкъ, смѣнившійся съ вахты, продрогшій, иззябшій; онъ молча устроился рядомъ на палубѣ, покрылся мокрымъ клеенчатымъ дождевикомъ—ничего другого не было.

Оба мы ворочались съ боку на бокъ, дѣлая видъ, что спимъ.

Скоро снова явился Уллассъ: умиралъ раненый Вернеръ (сквозная рана черепа).

Увы, я зналъ, что у меня есть еще три такихъ вѣрныхъ кандидата на тотъ свѣтъ, страданія которыхъ я только и могъ время отъ времени облегчать морфіемъ.

Переходъ до Маниллы.

15-го мая.

Въ теченіе всей ночи продолжалась дѣятельная задѣлка пробоинъ.

Съ 2-хъ часовъ ночи „Олегъ“ уменьшилъ ходъ до 12-ти узловъ, съ 6-ти часовъ до 10-ти узловъ, всё еще держа курсъ на SW45°—50°.

Забрезжилъ разсвѣтъ.

Не сомкнувъ глазъ ни на минуту, я вышелъ наверхъ.

Солнце еще не взошло. Стояла прекрасная погода. Волненіе за ночь стихло. Горизонтъ совершенно очистился.

Крейсеръ I-го ранга

„АВРОРА“.

(Снимокъ сдѣланъ съ борта крейсера „Олегъ“ на другой день послѣ боя, 15-го мая 1905 г.).

Кромѣ „Олега“ и „Жемчуга“, другихъ судовъ ни нашихъ, ни непріятельскихъ не было видно.

Съ „Олега“ что-то дѣятельно передавали по семафору.

На шканцахъ, выстроившись во фронтъ, команда пѣла утреннюю молитву „Христосъ Воскресе“. Эти блѣдныя землистаго цвѣта лица, безстрастное выраженіе глазъ, повязки, пропитанныя запекшейся кровью, надолго останутся у меня въ памяти.

Кругомъ виднѣлись слѣды ужаснаго разрушенія. Всё было смято, разворочено; торчали исковерканные стальные листы, валялись обломки, зіяли дыры пробоинъ (про которыя можно было сказать, что онѣ ничуть не напоминали наши гулльскія); деревянная палуба была точно изрыта, барказы обращены въ щепы; всюду виднѣлись слѣды мелкихъ осколковъ; коечные траверзы были сбиты, пропороты, но роль свою сыграли блестяще и спасли жизнь массѣ людей.

Мнѣ некогда было заниматься разсматриваніемъ поврежденій; я спустился на центральный перевязочный пунктъ и, проходя черезъ правый пунктъ, только покачалъ головой, глядя на его жалкій видъ. Не уйди мы во-время, ни одна душа не осталась-бы въ живыхъ.

Приказавъ санитарному отряду готовиться къ перевязкамъ, я началъ обходъ раненыхъ. Ихъ уже поили горячимъ чаемъ.

Какъ оказалось, „Олегъ“ спрашивалъ о потеряхъ въ личномъ составѣ, о характерѣ поврежденій, количествѣ оставшагося угля.

Положеніе отряда было таково:

На „Аврорѣ“ убито 10 человѣкъ (въ томъ числѣ командиръ), раненыхъ 89; изъ нихъ 6 смертельно, 18 тяжело (3 офицера ранено тяжело, 5 легко).

На „Олегѣ“ было убито 11, раненыхъ 40; изъ нихъ—2 смертельно, 8 тяжело (2 офицера легко ранено).

На „Жемчугѣ“ убито 9 (въ томъ числѣ 1 офицеръ), раненыхъ 34; изъ нихъ 1 офицеръ и 2 нижнихъ чина смертельно, 7 тяжело (2 офицера ранены легко).

Относительно угля получились слѣдующія свѣдѣнія: на „Олегѣ“ и на „Жемчугѣ“ осталось его на переходъ въ 1.300 миль при экономическомъ ходѣ, на „Аврорѣ“ нѣсколько больше, но при этомъ нужно было принять во вниманіе, что благодаря громаднымъ пробоинамъ, зіявшимъ въ трубахъ, расходъ угля чрезвычайно увеличился противъ нормы.

Самыя большія поврежденія по корпусу судна были на флагманскомъ кораблѣ „Олегъ“.

Много крупныхъ пробоинъ, затоплено нѣсколько отдѣленій. Вслѣдствіе какого-то поврежденія въ цилиндрѣ, а также оттого, что временную задѣлку пробоинъ срывало волной, „Олегъ“ уже не могъ дать своего прежняго хода.

Зато нашъ крейсеръ, не защищенный, какъ „Олегъ“, барбетами и казематными броневыми башнями, понесъ гораздо бо́льшія потери людьми и орудіями.

Изъ числа пострадавшихъ на „Авророѣ“ 99 человѣкъ—57 приходилось на комендоровъ и орудійную прислугу.

По приведеніи въ извѣстность потерь, поврежденій и количества угля, адмиралъ запросилъ мнѣнія командировъ о томъ, куда идти.

Для большинства аврорцевъ продолженіе курса SW и утромъ явилось новостью.

Опросивъ офицеровъ, Небольсинъ передалъ по семафору мнѣніе „Авроры“ о томъ, что надо въ ближайшую-же ночь попытаться форсированнымъ ходомъ проскочить Цусимскій проливъ; пока-же просилъ позволенія прекратить пары въ лишнихъ котлахъ, чтобы сберечь силы машинной и кочегарной командъ.

Что заявили командиры остальныхъ двухъ судовъ, не знаю.

Отрядъ пока продолжалъ двигаться прежнимъ курсомъ, самымъ малымъ ходомъ, стараясь на тихой водѣ, пока не засвѣжѣло, задѣлать пробоины. Сигнальщики внимательно слѣдили за горизонтомъ: ожидалось появленіе нашихъ броненосцевъ, которыхъ мы видѣли отступающими на югъ.

Сидя въ креслѣ, на шканцахъ, командиръ отдавалъ приказанія. Въ исполненіе обязанностей старшаго офицера вступилъ лейтенантъ Прохоровъ.

Пока все это происходило наверху, я занялся своимъ дѣломъ. Работы предстояло много.

Прежде всего надо было размѣстить раненыхъ поудобнѣе, выбрать мѣста болѣе прохладныя и свѣтлыя, перемѣнить тюфяки, залитые кровью, вымыть раненыхъ, переодѣть въ чистое бѣлье, организовать постоянный уходъ и наблюденіе за ними. Для этого было отряжено 15 человѣкъ санитарнаго отряда; имъ было поручено измѣрять температуру два раза въ день, поить, кормить раненыхъ. Помогали и свободные отъ службы товарищи.

Наскоро были сооружены временныя деревянныя нары въ батарейной палубѣ.

Для раненыхъ имѣлись постоянно подъ рукой горячій чай, кофе, холодное питье. Лазаретные и каютъ-компанейскіе запасы клюквеннаго и лимоннаго экстрактовъ, коньяку, рому, краснаго

вина, консервированнаго молока щедро расходовались. Болѣе тяжелымъ пришлось назначить легкую діэту: бульонъ, молоко, кисель, яйца.

Всюду шла дѣятельная очистка отъ кровяныхъ пятенъ — окровавленныя вещи выбрасывались прямо за бортъ; все-таки уже въ концѣ сутокъ трупный запахъ сталъ давать себя чувствовать.

Раненые вели себя поразительно терпѣливо. Повязки держались хорошо, нѣкоторыя промокли. Во время обхода я заглянулъ въ каюту Лосева, поглядѣлъ на Евгенія Романовича, лицо котораго приняло уже строгое, спокойное выраженіе.

Составивъ списокъ раненыхъ и назначивъ, кого брать первыми, я приступилъ къ перевязкамъ.

Началась наша настоящая медицинская работа.

Сейчасъ-же я встрѣтился съ вопросомъ, къ чему надо прежде всего приступить. Если мы будемъ прорываться ночью, то не стоило предпринимать какихъ-нибудь большихъ операцій и удалять глубоко лежавшіе осколки, а просто смѣнить повязки, перевязавъ кровоточившіе сосуды.

Если-же мы намѣрены идти на югъ, то ранами можно заняться основательнѣе, какъ въ мирное время.

Я посылалъ нѣсколько разъ узнавать, въ чемъ дѣло, выходилъ самъ, и такъ и не могъ добиться толку. Никто не зналъ, что предприметъ дальше адмиралъ.

Часовъ около 10-ти утра на центральный перевязочный пунктъ стали доноситься отдаленные выстрѣлы. Очевидно, съ сѣвера догонялъ насъ съ боемъ нашъ броненосный отрядъ.

Это для всѣхъ настолько не было неожиданностью, что мы отнеслись къ этому совершенно апатично, продолжали работу, какъ ни въ чемъ не бывало, развѣ только съ еще болѣе серьезными лицами.

На этотъ разъ мы даже и не старались узнать, въ чемъ дѣло.

Черезъ полчаса кто-то, однако, принесъ извѣстіе, что наверху къ пробоинамъ въ трубахъ стараются придѣлать желѣзные листы: они-то своимъ хлопаньемъ и производили полное впечатлѣніе глухой отдаленной пальбы.

Общій характеръ раненій состоялъ въ рваныхъ ранахъ самой неправильной формы, различной величины, съ краями большею частью ушибленными и обожженными; гораздо сильнѣе раны были обожжены внутри. Обрывки тканей одежды приходилось вытаскивать черными, обгорѣвшими, мышцы крошились на отдѣльныя волокна.

Впрочемъ ожоги ранъ имѣли и свою хорошую сторону— загрязненныя раны обеззараживались до нѣкоторой степени, кровотеченіе изъ мелкихъ сосудовъ останавливалось благодаря прижиганію.

Раненія были нанесены осколками снарядовъ или борта и увлекаемыми по дорогѣ различными металлическими частями судна — кусками чугуна, стали, мѣди. Немногіе были ранены осколками деревянной палубы или иллюминаторнаго стекла.

Разрушенія въ тѣлѣ были варварскія; осколки, вѣдь, не походили на гладкія пули, дѣлали большіе карманы, громадныя сильно развороченныя выходныя отверстія. Было много открытыхъ оскольчатыхъ переломовъ черепа и другихъ костей.

Послѣ очистки раны, удаленія обрывковъ одежды, горѣлыхъ частей, перевязки кровоточившихъ сосудовъ, отыскивались костные и металлическіе осколки. Матеріалъ употреблялся стерилизованный.

Нѣсколько человѣкъ смертельно раненыхъ производили тяжелое впечатлѣніе.

Сквозная рана таза у матроса Колобова, кончавшаяся огромнымъ развороченнымъ отверстіемъ у крестца, требовала не одной, а двухъ перевязокъ въ день.

У Ляшенко было огнестрѣльное поврежденіе позвоночнаго столба, параличъ конечностей; у Морозова двѣ крошечныхъ ранки въ области живота, которыя въ дальнѣйшемъ должны были неминуемо вызвать воспаленіе брюшины.

Штабъ-барабанщикъ Ледяевъ изъ 10-ти ранъ имѣлъ двѣ въ голову съ переломомъ черепа. Во время перевязки онъ стоналъ: „за что, за что? что я имъ сдѣлалъ? я, вѣдь, не стрѣлялъ“.

Кто-то изъ его раненыхъ товарищей замѣтилъ: „а зачѣмъ барабанилъ? самъ поднялъ артиллерійскую тревогу, а теперь жалуешься“. Бѣдный Ледяевъ долженъ былъ согласиться съ этимъ.

Впослѣдствіи у него развились явленія остраго психоза: днемъ и ночью ему грезилась грозная картина боя, перевертывавшіеся броненосцы, адмиралы Макаровъ и Рожественскій; онъ вскакивалъ, начиналъ метаться, буйствовать, потомъ стихалъ, пѣлъ „Христосъ Воскресе“; его пришлось держать въ горячечной рубахѣ.

Я не стану вдаваться въ подробности другихъ раненій, представлявшихъ спеціальный интересъ, упомяну лишь о двухъ тяжелыхъ ранахъ голени у мичмана Яковлева, малѣйшее неблагопріятное теченіе которыхъ угрожало вызвать ампутацію.

Тяжело былъ раненъ въ бокъ князь Путятинъ.

Къ чести аврорцевъ я долженъ прибавить, что многіе считали свои, иногда даже тяжелыя раненія пустяками и, видя массу работы на перевязочномъ пунктѣ, не хотѣли идти на перевязку. „И такъ, молъ, пройдетъ!“ Такихъ пришлось на другой день высвистывать отдѣльной дудкой съ вахты.

Въ полдень штурмана, опредѣлившись по солнцу, получили широту 32°12′ Nord, долготу 127°14′ Ost.

Обѣдъ у команды былъ примитивный—тѣ-же холодные малышевскіе консервы. Котелъ и топка въ камбузѣ были разбиты снарядомъ. Послѣ обѣда отдыхать никому такъ и не пришлось—слишкомъ много работы всѣмъ предстояло, да и отдыхать было негдѣ: все было заполнено ранеными, а въ другихъ свободныхъ помѣщеніяхъ съ борта на бортъ переливалась вода.

Въ часъ дня крейсера застопорили машины. Адмиралъ, въ виду смерти командира „Авроры“ и раненія ея старшаго офицера, перенесъ свой флагъ на нашъ крейсеръ и перебрался со своимъ штабомъ (флагманскій штурманъ капитанъ 2-го ранга С. Р. Де-Ливронъ, флагъ-офицеры Д. В. Денъ и А. С. Заринъ). Такъ какъ форъ-стеньга у насъ была сбита, то контръ-адмиральскій флагъ пришлось поднять на гротъ-стеньгѣ.

На гафелѣ все еще развивался боевой флагъ, весь изодранный, въ лохмотьяхъ.

Адмиралъ, представительный, высокій, съ длинной сѣдой бородой старикъ, былъ, видимо, сильно потрясенъ исходомъ боя.

Мы узнали о крупныхъ поврежденіяхъ корпуса „Олега“, который являлся небезопаснымъ для плаванія: большинство пробоинъ находилось у самой воды, у ватерлиніи. Временныя починки могли быть сбиты первой-же сильной волной.

Идти обратно Корейскимъ проливомъ съ сильно поврежденными судами (на „Олегѣ“ въ рубашку праваго цилиндра высокаго давленія просочился рабочій паръ, и онъ уже не могъ дать своего прежняго хода), съ ограниченнымъ количествомъ угля, расходъ котораго на „Олегѣ“ за день боя дошелъ до 350 тоннъ, и рисковать встрѣчей съ многочисленнымъ и совершенно не пострадавшимъ непріятельскимъ флотомъ адмиралъ находилъ невозможнымъ.

Для прохода во Владивостокъ кружнымъ путемъ, вокругъ Японіи, черезъ Лаперузовъ проливъ, не хватало угля.

Поэтому адмиралъ пока рѣшилъ идти въ Шанхай, чтобы попытаться принять тамъ съ нашихъ транспортовъ за 24-хъ часовой срокъ уголь и, задѣлавъ на тихой водѣ своими средствами получше пробоины и забравъ съ собою угольщиковъ, попытаться

далѣе пройти во Владивостокъ Лаперузовымъ проливомъ или возвращаться въ Россію. Пока-же отрядъ нашъ стоялъ, не давая ходу.

Адмиралъ разсчитывалъ, что къ намъ должны приблизиться уцѣлѣвшія броненосныя суда эскадры, отступившія на югъ.

Какихъ-либо инструкцій насчетъ возможнаго разлученія съ эскадрой послѣ боя у адмирала не имѣлось.

Впрочемъ, въ секретномъ письмѣ Рожественскаго къ адмиралу говорилось, что въ Сайгонѣ и Шанхаѣ оставляются угольщики на случай пораженія эскадры и отступленія ея на югъ.

Въ 2 часа на горизонтѣ показался дымокъ—ближе, ближе: сигнальщикъ разглядѣлъ большой коммерческій пароходъ; думали: „Иртышъ“. Онъ оказался англичаниномъ, прошелъ близко отъ насъ. Мы въ это время стояли, чинились.

Въ 3 часа дня „Аврора“ хоронила 9 человѣкъ убитыхъ нижнихъ чиновъ и 2-хъ умершихъ отъ ранъ—Вернера и Нетеса. Всѣ 11 человѣкъ были бравые молодцы, всѣ на подборъ.

Я улучилъ минуту и выскочилъ наверхъ на ютъ, гдѣ происходило отпѣваніе.

Толпилась команда, впереди стояли адмиралъ и офицеры.

У нашихъ ногъ на палубѣ, покрытые брезентомъ, подъ сѣнью прострѣленнаго во многихъ мѣстахъ, висѣвшаго клочьями Андреевскаго флага, лежали тѣла умершихъ, зашитыя наглухо въ парусиновыя койки, съ двумя чугунными балластинами, прикрѣпленными къ ногамъ.

Отецъ Георгій, совершенно лишившійся голоса, едва слышно произнесъ обрядъ отпѣванія, и матросы стали опускать по доскѣ въ море безмолвныя сѣрыя фигуры, одну за другой.

Море, такое непривѣтливое наканунѣ, сегодня, пригрѣтое солнышкомъ, заштилѣло и ласково жалось къ бокамъ крейсера. Послѣ бросанья слышался короткій всплескъ, и тѣло быстро шло ко дну.

Печальный обрядъ кончился.

Забурлили винты, взбивая изумрудную воду въ бѣлую пѣну, и отрядъ двинулся далѣе.

Тѣло командира, положенное на носилки, покоилось на правыхъ шканцахъ на командирскомъ вельботѣ.

Офицеры рѣшили употребить всѣ усилія, чтобы довести его до перваго порта.

Плотники и машинисты торопились изготовить цинковый и деревянный гробы, которые были затѣмъ герметически закрыты и помѣщены на ютѣ съ правой стороны.

Весь остальной день шли малымъ ходомъ, 8 узловъ, кур-

сомъ на SW48°, чтобы подойти къ Шанхаю съ юга. Въ 7 часовъ вечера измѣнили курсъ на румбъ вправо и всю ночь продолжали идти тѣмъ-же малымъ ходомъ.

Адмиралъ все еще надѣялся, что у Шанхая мы соединимся съ разбитой эскадрой, хотя съ другой стороны, по примѣру прежнихъ случаевъ, можно было ожидать, что у Шанхая мы застанемъ японскіе быстроходные крейсера, тѣ самые пять, что преслѣдовали насъ ночью.

Офицеры и команда глухо роптали на то, что отрядъ продолжаетъ идти на югъ, хотя никому и въ голову не приходило ослушаться своего адмирала, слышались лишь сожалѣнія о томъ, что ночью мы „нечаянно“ не отбились отъ „Олега“.

О спасеніи своей драгоцѣнной жизни, давно потерявшей для насъ прежнюю цѣну, никто и не думалъ; смертельно утомленные и нравственными и физическими страданіями предыдущаго дня, мы теперь ко всему относились апатично.

Не всё-ли намъ теперь равно..... послѣ гибели флота и всѣхъ надеждъ!

Если-бы мы были въ силахъ стряхнуть съ себя это отупѣніе, то поняли-бы, что, нѣтъ, не всё равно, не всё еще погибло, и послѣ такого позорнаго разгрома у насъ есть еще доблестный выходъ—умереть.

Правда, это самое мы пытались сдѣлать вчера, но кто намъ мѣшаетъ повторить попытку сегодня, завтра? . . . . . .

. . . . . .

16-го мая.

На разсвѣтѣ въ тылу показался дымокъ. Застопорили машины, и въ 9½ часовъ утра насъ нагналъ буксиръ „Свирь“, на которомъ оказались командиръ, старшій офицеръ и 75 человѣкъ команды, спасенныхъ съ „Урала“.

Ничего другого, кромѣ того, что мы сами знали, „Свирь“, конечно, сообщить намъ не могла.

Крейсера, приблизившись другъ къ другу и держась на разстояніи голоса, долгое время вели переговоры въ рупоръ.

Адмиралъ сильно колебался и намѣревался оставить „Олегъ“ и „Жемчугъ“ въ Шанхаѣ, а самому на „Авроръ“, взявъ уголь въ Шанхаѣ, пробиваться кружнымъ путемъ. Но выяснилось, что, благодаря своей осадкѣ, „Аврора“ должна ждать у Шанхая прилива, вслѣдствіе чего не успѣла-бы использовать короткій 24-хъ

часовой срокъ для погрузки всего запаса угля, необходимаго для обхода Японіи кружнымъ путемъ.

Послѣ долгаго колебанія, подсчитыванія судовыми механиками всего количества оставшагося угля, адмиралъ измѣнилъ рѣшеніе заходить въ Шанхай, въ которомъ онъ боялся подвергнуться немедленному разоруженію, приказалъ „Свири“ продолжать свой путь и, по прибытіи въ Шанхай, сейчасъ-же дать шифрованную телеграмму о высылкѣ изъ Сайгона на Маниллу нашего транспорта съ углемъ, самъ-же рѣшилъ на „Авроръ“ двинуться въ этотъ американскій портъ, надѣясь, что американцы будутъ гостепріимнѣе: дадутъ достаточный срокъ для исправленія поврежденій, какъ это было предложено въ С.-Франциско „Ленѣ“, а затѣмъ позволятъ выйти въ море.

Уступая настойчивымъ просьбамъ командировъ „Олега“ и „Жемчуга“ не дробить отрядъ, послѣ заявленія ихъ о томъ, что до Маниллы угля хватитъ, хотя и въ обрѣзъ, адмиралъ взялъ эти суда съ собою. Для „Олега“, поврежденнаго болѣе другихъ, этотъ путь являлся весьма рискованнымъ, и „Аврора“ должна была конвоировать его.

За этотъ переходъ личному составу „Олега“ пришлось пережить не мало непріятныхъ минутъ.

Въ $10^1/_2$ часовъ „Свирь“ была отпущена, а крейсерскій отрядъ далъ свой экономическій ходъ 11 узловъ и легъ на проливъ Меако-Сима.

Съ полудня стало свѣжѣть отъ SO, а къ ночи вѣтеръ достигъ силы 5 балловъ.

Всѣ эти дни медицинскій персоналъ работалъ почти безъ отдыха и перевязки заканчивалъ лишь въ 12-мъ часу ночи.

Командиръ слегъ. Такъ оно и должно было случиться. Уже нѣсколько разъ я обращался къ нему съ самой настоятельной просьбой не ходить, не тревожить своихъ ранъ, а лежать спокойно въ каютѣ и оттуда отдавать приказанія; даже ходилъ нарочно къ адмиралу, жаловался—нѣтъ, Небольсинъ бравировалъ двое сутокъ подрядъ, пока не расхворался.

Уже двое сутокъ у меня не перестаетъ идти кровь носомъ, работаю съ тампонами.

Переодѣваясь, впервые увидалъ у себя на груди и на колѣнѣ хорошіе кровоподтеки въ мѣстахъ ушибовъ при паденіи—памятка о Цусимѣ. По ночамъ не могу заснуть, кашель разрываетъ грудь, нервы страшно напряжены. Жизнь кажется такой скучной.

17-го мая.

Благодаря свѣжей погодѣ эта ночь была особенно тяжела для „Олега“, которому все время приходилось работать у пробоинъ: задѣлки то и дѣло выбивались волной.

Медицинское дѣло наладилось недурно. Два раза въ день обходъ, провѣрка назначеній, съ которыми быстро справлялись мои энергичные и толковые помощники, фельдшера Улассъ и Михайловъ.

Съ утра до поздняго вечера, нерѣдко до 12 часовъ ночи, съ небольшими промежутками для ѣды, шли перевязки.

Сегодня и вчера благодаря качкѣ выдались трудные деньки, и стоновъ раздавалось гораздо больше, чѣмъ прежде. Всѣ манипуляціи съ ранеными, какъ-то: переноска ихъ, сниманіе, наложеніе повязокъ, зондированіе, заведеніе тампоновъ, стали особенно болѣзненными.

Атмосфера, въ которой пришлось работать послѣдніе два дня, была прямо невозможна. Начать съ того, что гдѣ-то неподалеку происходила перегрузка угля и, несмотря на принятыя предосторожности, весь пунктъ заносился мелкой угольной пылью. А такъ какъ полупортики и иллюминаторы изъ-за волны пришлось наглухо задраить, то воздухъ въ этомъ помѣщеніи, пропитанномъ къ тому-же запахомъ карболки, іодоформа, сталъ чрезвычайно удушливъ.

Въ довершеніе бѣдъ, несмотря на массу бѣлья, подушекъ, коекъ и другихъ вещей, выброшенныхъ за бортъ, несмотря на генеральную приборку, во всѣхъ помѣщеніяхъ съ каждымъ днемъ все больше и больше усиливалось трупное зловоніе, и теперь при задраенныхъ иллюминаторахъ стало прямо невыносимымъ. „Съ души претъ“—какъ выражаются матросы. Оказалось, что кровь затекла подъ линолеумъ палубъ и тамъ разлагалась.

Снова началась энергичная чистка. Линолеумъ всюду былъ ободранъ, выброшенъ за бортъ; палуба, борты, рундуки вымыты горячей водой съ мыломъ, сулемой, содой.

По возможности я старался входить во всѣ мелочи по уходу за ранеными, но, главнымъ образомъ, былъ занятъ перевязками и операціями, на которыя не хватало 24-хъ часовъ въ сутки.

На помощь мнѣ пришли гг. офицеры, учредившіе между собой суточныя дежурства.

Отецъ Георгій, можно сказать, весь погрузился въ медицину; отъ раненыхъ не уходилъ ни на шагъ и къ концу перехода сдѣлался неузнаваемъ: такъ осунулся.

Въ ночь на 18-ое умеръ отъ ранъ бѣдный Колобовъ. Мучился онъ ужасно. Перевязки его были и для него и для меня пыткой. На послѣдней вечерней перевязкѣ онъ, несмотря на жестокія страданія, нашелъ въ себѣ силу улыбнуться на какую-то мою шутку такой славной, кроткой улыбкой, которая до сихъ поръ еще у меня въ памяти. Его похоронили въ морѣ, такъ-же какъ и его предшественниковъ.

18-го мая.

Уже началось безпокойство объ углѣ. Суточный расходъ его на трехъ крейсерахъ изъ-за разбитыхъ дымовыхъ трубъ увеличился чрезвычайно; явилась опасность, что „Олегъ“ и „Жемчугъ“ и до Маниллы не дойдутъ. Поэтому рѣшено придержаться къ сѣверо-восточной оконечности острова Люсона; въ случаѣ нехватки угля можно зайти въ одну изъ его бухтъ на сѣверномъ берегу. Штурмана роются въ лоціяхъ, отыскивая подходящія бухты.

Идемъ прежнимъ 11-ти узловымъ ходомъ.

Этой ночью прошли проливъ между островами Меако и Ліукіу, словомъ идемъ совершенно тѣмъ-же самымъ путемъ, что съ эскадрой Рожественскаго.

Думали-ли мы, проходя здѣсь всего нѣсколько дней тому назадъ, о томъ, что будемъ скоро этими-же самыми мѣстами возвращаться назадъ въ такомъ жалкомъ видѣ.

Сегодня хорошо: заштилѣло, не качаетъ. Въ открытые полупортики, иллюминаторы врывается свѣжій здоровый воздухъ.

Мы снова въ тропикахъ.

Морозову, у котораго я со дня на день ожидалъ воспаленія брюшины, совсѣмъ лучше; сегодня, вѣдь, уже пятый день. Дай Богъ, чтобы я ошибся въ своемъ предсказаніи.

Въ каютъ-компаніи за столомъ все одни и тѣ-же безцѣльные споры и дебаты по поводу того, правъ или виноватъ былъ Рожественскій, избравъ кратчайшій путь, правильно-ли поступила „Аврора“, слѣдуя въ кильватеръ своему адмиралу, или же ей слѣдовало ослушаться, проявить какую-нибудь собственную иниціативу, и съ какого собственно момента слѣдовало-бы ей это сдѣлать; однимъ словомъ запоздалые споры о томъ, если бы да кабы.

Впрочемъ всѣ сходятся на томъ, что съ поврежденнымъ „Олегомъ“ вмѣстѣ прорваться-бы не удалось, но что аврорцы сумѣли-бы погибнуть не хуже другихъ.

„Иная намъ досталась доля“...

Дравшіеся въ теченіе дня, какъ дай Богъ всякому, удачно избѣгнувшіе ночью по окончаніи боя столькихъ атакъ, мечтавшіе лишь о томъ, чтобы въ бою, какъ на всѣхъ авральныхъ работахъ взять первый призъ или пойти ко дну съ гордо поднятыми флагами, подъ звуки судового оркестра... вмѣсто этого мы отступаемъ, отступаемъ за неимѣніемъ своего въ чужой портъ, гдѣ, весьма возможно, намъ грозитъ „нейтрализація“.

Но развѣ кто-нибудь изъ насъ боится, дрогнулъ предъ лицомъ смерти? развѣ мы охвачены паникой? бѣжимъ стремглавъ, очертя голову, съ однимъ только желаніемъ спастись, спастись?

Ничего подобнаго нѣтъ и въ поминѣ.

За эти дни я совсѣмъ отсталъ отъ каютъ-компанейской жизни, двигаюсь какъ во снѣ и живу только интересами этихъ несчастныхъ Морозовыхъ, Ледяевыхъ и др.

Адмиралъ занялъ командирское помѣщеніе, а его штабъ мою двойную свѣтлую и просторную каюту. Вѣстовой наскоро свалилъ мои вещи въ маленькую ординарную каютку, и я съ трудомъ разбираюсь въ своихъ записяхъ, исторіяхъ болѣзни, температурныхъ листкахъ—повернуться негдѣ.

Бѣдный попка заброшенъ, пищитъ цѣлый день.

19-го мая.

Обогнувъ сѣверо-западный мысъ Люсона, легли вдоль западныхъ его береговъ.

У „Олега“ всего на всего 150 тоннъ! Не дойдетъ!

Адмиралъ рѣшилъ зайти въ лежащій по пути до Маниллы американскій портъ Суалъ, разсчитывая, на основаніи указаній лоцій, найти тамъ уголь, кой-какіе запасы и госпиталь, въ который можно было-бы сдать наиболѣе тяжелыхъ раненыхъ.

Въ 5 часовъ пополудни встрѣтили нѣмецкій пароходъ, который поднялъ сигналъ: „встрѣтилъ „Днѣпръ“ въ широтѣ 19°N и долготѣ 120° Ost“. Поблагодарили его сигналомъ.

У Морозова началось воспаленіе брюшины. Онъ старообрядецъ и отказывается причаститься у нашего священника.

Въ производствѣ ампутацій или вылущеній у раненыхъ не было никакой необходимости. Всѣ случаи открытыхъ переломовъ (за исключеніемъ одного косого перелома бедра) удалось провести консервативнымъ путемъ.

Веселому дальномѣрщику Михайлову пришлось удалить часть кости.

Осколковъ, давившихъ на нервы, сосуды, вызывавшихъ отеки, сильныя боли, за время перехода мнѣ удалось отыскать и удалить 78 штукъ. Первые дни это не представляло особыхъ затрудненій, но дней черезъ пять, когда раны воспалились, каналы ихъ припухли и закрылись, конечности стали сильно отечны, отыскиваніе осколковъ сдѣлалось чрезвычайно затруднительнымъ.

Тогда я попросилъ старшаго миннаго офицера лейтенанта Старка установить мнѣ на перевязочномъ пунктѣ рентгеновскій аппаратъ, имѣвшійся на суднѣ.

Къ хлороформированію больныхъ, при такой массѣ раненыхъ и за неимѣніемъ младшаго врача, я не прибѣгалъ.

И безъ того ни одна минута не терялась нами даромъ. Ни одинъ человѣкъ санитарнаго отряда не оставался безъ дѣла.

Общая сумма повязокъ всѣмъ раненымъ составила внушительную цифру 202, а повязокъ, которыя приходилось мѣнять ежедневно, 100—120.

Многіе раненые перевязывались черезъ день, а тяжелые и серьезные случаи ежедневно. Поэтому 15-ое, 17-ое и слѣдующіе нечетные дни явились для медицинскаго персонала самыми тяжелыми.

Быть можетъ, частыми перевязками я и создавалъ себѣ и своимъ помощникамъ излишнюю работу, но у меня уже былъ кое-какой опытъ перваго плаванія на броненосцѣ „Сисой Великій“ въ этихъ самыхъ водахъ.

Мы, вѣдь, уже снова попали въ тропическій поясъ, гдѣ приходилось считаться съ неблагопріятнымъ дѣйствіемъ жары и сырости на процессъ заживленія ранъ.

Къ тому-же не надо забывать, что такъ называемый центральный перевязочный пунктъ ни малѣйшимъ образомъ не напоминалъ операціоннаго зала. Это тѣмъ болѣе было досадно, что внизу въ слѣдующей палубѣ (въ кормѣ) имѣлась спеціальная операціонная, чистая, съ прекраснымъ электрическимъ освѣщеніемъ, вполнѣ оборудованная—работать-же въ ней изъ-за жары было немыслимо. Послѣдній разъ въ ней оперировали священника, раненаго въ Гуллѣ.

Осторожность не помѣшала, и я не имѣлъ ни гангрены, ни рожи, ни флегмонознаго воспаленія. Большая часть ранъ протекала безъ лихорадки. Зловоніе въ глубокихъ сильно загрязненныхъ ранахъ прекратилось послѣ того, какъ удалось наконецъ отыскать и удалить послѣднія клочья одежды.

Все время я употреблялъ только стерилизованный мате-

ріалъ, сохранявшійся въ спеціальныхъ металлическихъ, герметически закрывавшихся цилиндрахъ.

Перевязки, затягивавшіяся до поздняго вечера, нерѣдко до 11 часовъ, сильно утомили медицинскій персоналъ, и старшій фельдшеръ, всегда энергичный и расторопный, подъ конецъ сталъ съ повязкой въ рукѣ заглядываться въ одну точку.

А между тѣмъ намъ прибавилась еще новая работа—рентгеноскопированіе.

Сегодня состоялись похороны двухъ умершихъ этою ночью отъ ранъ—Морозова и Ляшенко.

Въ 6 часовъ вечера втянулись въ прекрасно защищенную высокими горами бухту—Суалъ.

Спустили на воду наскоро починенный паровой катеръ, на которомъ долженъ былъ съѣхать на берегъ мичманъ М. Л. Бертенсонъ для отправки телеграммъ и переговоровъ съ мѣстными властями; издырявленный осколками катеръ чуть не затонулъ, и Бертенсонъ отправился на вельботѣ, тоже достаточно дырявомъ.

Съ „Олега“ и „Жемчуга“ прибыли къ адмиралу командиры Л. Ѳ. Добротворскій и П. П. Левицкій; у обоихъ измученныя, осунувшіяся лица.

Наступила ночь. Надвинулись грозовыя тучи, со всѣхъ сторонъ засверкали молніи, раскаты грома отдавались громкимъ эхомъ въ горахъ.

Наконецъ Бертенсонъ вернулся: ничего здѣсь нѣтъ, ни угля, ни телеграфа; мѣстечко совсѣмъ заброшено американцами.

Потерявъ понапрасну столько драгоцѣннаго угля, стоя на одномъ мѣстѣ подъ парами, мы, скрѣпя сердце, должны были покинуть уютную бухту и снова вытянулись въ море, которое уже глухо шумѣло и волновалось отъ налетавшихъ бурныхъ порывовъ вѣтра.

Внезапно налетѣвшій ночью шквалъ скрылъ „Олегъ“ изъ нашихъ глазъ. Прояснило, а „Олега“ нѣтъ какъ нѣтъ. Мы встревожились. Послѣ оказалось, что у него потекли холодильники, и вмѣсто 11 узловъ онъ могъ дать только 7.

21-го мая.

Идея примѣнить аппаратъ Рентгена оказалась весьма удачной и своевременной. Судовой безпроволочный телеграфъ помѣщался на крейсерѣ „Аврора“ подъ защитой брони въ машинномъ отдѣленіи (перенесенный туда заблаговременно). Конечно, было немыслимо спускать туда на носилкахъ раненыхъ для

изслѣдованія, поэтому всѣ необходимыя принадлежности пришлось поднять въ центральный перевязочный пунктъ и установить неподалеку отъ операціоннаго стола.

Установка была дѣло нелегкое и потребовала перенесенія всей передающей станціи системы Слаби-Арко.

Зато успѣхъ превзошелъ ожиданія и вполнѣ вознаградилъ труды старшаго миннаго офицера лейтенанта Старка.

Передъ уходомъ изъ Николаевскаго морского госпиталя въ Кронштадтѣ были взяты двѣ круксовыхъ трубки, экранъ, штативъ. Эти немногія принадлежности рентгеновскаго аппарата оказали намъ услугу поистинѣ неоцѣнимую.

Я улыбался, вспоминая голоса скептиковъ, увѣрявшихъ, что примѣненіе рентгена на линейномъ суднѣ невозможно. Хрупкія трубки, дескать, разобьются при первомъ-же сотрясеніи отъ выстрѣловъ, и что вообще для лазарета это излишняя „роскошь“.

Раненые изслѣдовались въ различныхъ позиціяхъ, стоя, сидя или лежа на операціонномъ столѣ, безъ сниманія повязокъ и одежды. Большую услугу оказали мнѣ іодоформенные тампоны, заведенные въ раны: они не просвѣчивали, были видны темнымъ пятномъ и давали возможность превосходно оріентироваться по поводу соотношенія раны, осколковъ, направленія канала.

Результаты были блестящи. Открыто было масса осколковъ, переломы—тамъ, гдѣ ихъ вовсе не ожидали. Мнѣ это страшно облегчило работу, а раненыхъ избавило отъ лишнихъ страданій—мучительнаго отыскиванія осколковъ зондомъ.

Не имѣя фотографическихъ пластинокъ, ни досуга, чтобы заниматься фотографированіемъ и проявленіемъ снимковъ, я, отыскавъ металлическій или костный осколокъ, переломъ, наскоро набрасывалъ схему отъ руки, прекращая на это время дѣйствіе аппарата, потомъ снова пускалъ его въ ходъ и провѣрялъ вѣрность рисунка.

Между прочимъ этотъ опытъ широкаго примѣненія аппарата Рентгена на линейномъ кораблѣ послѣ боя явился первымъ.

Изслѣдовано было болѣе 40 раненыхъ.

За все время я наблюдалъ только одинъ случай обморока, и это было во время изслѣдованія Рентгеномъ.

Дальномѣрщикъ Михайловъ, самый веселый больной, тяжело раненый, имѣвшій десять ранъ, открытый оскольчатый переломъ костей лѣваго предплечья, во время самыхъ мучительныхъ перевязокъ вѣчно шутившій надъ собой и смѣшившій до упаду другихъ—вдругъ не выдержалъ. Стальные нервы его наконецъ дрогнули подъ вліяніемъ этой темноты, таинственности, стран-

наго мерцающаго зеленаго свѣта и вида костей собственнаго скелета на экранѣ.

Вотъ ужъ никакъ не ожидалъ я этого отъ Михайлова.

Гдѣ-то онъ теперь? Такъ-ли шутитъ и балагуритъ попрежнему, или бѣдному калѣкѣ теперь уже не до шутокъ?

Сегодня „Аврора“ готовится хоронить своего командира, тѣло котораго, вслѣдствіе наступленія тропической жары, сохранить не удалось.

Въ 11 часовъ высвистали всѣхъ наверхъ. Крейсеръ замедлилъ ходъ.

Послѣ краткой литіи тяжелый деревянный ящикъ-гробъ былъ поднятъ на лебедкѣ и съ правой стороны шканцевъ опущенъ въ воды Южно-Китайскаго моря въ 15° сѣверной широты и 119° 15′ восточной долготы. Были отданы послѣднія воинскія почести—7 выстрѣловъ.

Покойный командиръ отдалъ морю 40 лѣтъ своей жизни, но это не превратило его въ грубаго морского волка, а оставило тѣмъ-же корректнымъ, изящнымъ джентльменомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, подъ наружнымъ вѣжливымъ мягкимъ обхожденіемъ котораго скрывалась желѣзная сила воли. Онъ всегда считался лихимъ командиромъ, и я его помню еще на парусномъ крейсерѣ „Воинъ“ въ кадетскомъ отрядѣ, когда онъ всегда такъ лихо полнымъ ходомъ вплотную рѣзалъ корму адмиралу. Онъ очень любилъ природу, прекрасно зналъ естественныя науки, море любилъ, какъ немногіе, училъ молодежь понимать его красоту и любовался закатомъ, какъ истый художникъ.

Командиръ велъ подробный дневникъ, многія страницы котораго мнѣ были извѣстны. Съ обычнымъ юморомъ—насмѣшливо, но безобидно, онъ талантливымъ перомъ описывалъ разныя стороны нашего необычайнаго путешествія.

Евгеній Романовичъ относился къ числу тѣхъ лицъ, которыя совершенно не обольщались никакими иллюзіями насчетъ исхода нашего предпріятія, и на войну шелъ лишь для того, чтобы исполнить свой долгъ.

Въ Корейскомъ проливѣ, послѣ длиннаго пройденнаго пути, всего какихъ-нибудь 600 миль отдѣляли его отъ Владивостока, гдѣ на одномъ изъ боевыхъ крейсеровъ находился бравый молодой лейтенантъ, его сынъ, котораго онъ такъ жаждалъ увидѣть.

Но не суждено имъ было свидѣться.

Онъ умеръ славной, завидной для каждаго моряка смертью и погребенъ въ море, которое такъ любилъ.

Аврорцы не забудутъ своего командира.

Собравшись въ каютъ-компаніи, мы дѣлились воспоминаніемъ объ Евгеніи Романовичѣ, какъ вдругъ сверху принесли извѣстіе, что по безпроволочному телеграфу переговариваются неизвѣстно—чьи военныя суда.

Кто-бъ это могъ быть?

Скоро по палубамъ загремѣла боевая тревога.

Я выскочилъ на верхній мостикъ.

Мы въ это время проходили траверзъ мыса St.-Fernando, миляхъ въ 7 отъ него. Впереди и мористѣе насъ открылось пять дымовъ военныхъ судовъ, слѣдовавшихъ въ кильватерной колоннѣ.

Никто не сомнѣвался въ томъ, что это японцы.

Зная по прежнимъ примѣрамъ ихъ манеру преслѣдовать до нейтральныхъ портовъ, мы были убѣждены, что видимъ своихъ старыхъ знакомцевъ—Дэва или Уріу. Насъ по дорогѣ встрѣчали иностранныя суда, дали имъ знать. Мудренаго нѣтъ ничего.

До Маниллы оставалось еще 100 миль, часовъ 7—8 ходу.

Угля на „Олегѣ“ и на „Жемчугѣ“ совсѣмъ не было. Шли единственно въ разсчетѣ на тихую погоду и малый ходъ. Давать полный ходъ, маневрировать мы не могли.

На правомъ борту у насъ, какъ извѣстно, было порядочно подбито орудій, выбыло много комендоровъ и орудійной прислуги. Тѣмъ не менѣе по тревогѣ мы тотчасъ-же приготовились вступить въ бой.

Выбывшихъ замѣнили запасные номера, согласно новому боевому росписанію, заранѣе составленному. Много раненыхъ вернулось въ строй. Конечно, всѣ раненые офицеры (за исключеніемъ мичмана Яковлева) стали на свои посты. Небольсину помогли взобраться на мостикъ его ординарцы.

Я спустился на перевязочный пунктъ, приказалъ прекратить перевязки, очистить столъ, убрать раненыхъ и приготовить пунктъ по боевому.

На крейсерѣ царили полная тишина и спокойствіе.

„Аврора“ тѣмъ-же ходомъ продолжала идти впередъ на сближеніе съ непріятелемъ, готовясь принять окончательный рѣшающій бой.

Непріятельскія суда тоже, видимо, держали курсъ на насъ, сближались.

Командиръ крейсера

„АВРОРА"

Капитанъ 1-го ранга Евгеній Романовичъ

Егорьевъ.

(Снятъ со своимъ сыномъ во Владивостокѣ въ предыдущее плаваніе, будучи командиромъ транспорта „Океанъ").

Орудія уже были наведены; каждую минуту ожидался сигналъ: „открыть огонь“...

Вмѣсто этого раздался отбой. Это оказалась американская эскадра изъ двухъ броненосцевъ и трехъ крейсеровъ: „Орегонъ“, „Висконсинъ“, „Цинциннати“, „Ралей“ и „Охайя“—подъ флагомъ старшаго контръ-адмирала Трэна.

Пожалуй, насъ это разочаровало. По воодушевленнымъ, полнымъ рѣшимости лицамъ нашихъ славныхъ аврорцевъ безъ словъ можно было судить, что дешево жизнь свою они врагу не отдадутъ, что всѣ въ одинаковой степени горятъ желаніемъ докончить счеты съ врагомъ и отомстить за павшихъ товарищей.

Вмѣсто боевыхъ залповъ намъ пришлось обмѣняться салютомъ въ 15 выстрѣловъ, при чемъ за неимѣніемъ холостыхъ мы стрѣляли въ воду боевыми снарядами.

Американская эскадра, разойдясь на контра-курсѣ, легла на обратный курсъ и послѣдовала за нашимъ отрядомъ.

Вотъ и знакомая Манильская бухта, Коррехидорскіе острова. Четыре года тому назадъ я входилъ сюда на эскадренномъ броненосцѣ „Сисой Великій“ подъ флагомъ контръ-адмирала Григорія Павловича Чухнина, входилъ съ совсѣмъ иными ощущеніями.

Въ 7 часовъ 45 минутъ, послѣ 21-дневнаго пребыванія въ морѣ, раздался сигналъ, который показался намъ самымъ лучшимъ, какой только можетъ быть: „всѣхъ наверхъ!“—„на якорь становиться!“—„отдать якорь!“—Трр... загремѣлъ изъ клюза, сверкая искрами во всѣ стороны, тяжелый якорный канатъ.

Эскадра стала на якорь.

Одновременно съ нами рядомъ расположились и американскія суда.

У „Олега“ угля осталось... 10 тоннъ!

За время пути „Аврора“ похоронила пятерыхъ матросовъ, умершихъ отъ ранъ, „Олегъ“—двухъ, „Жемчугъ“—одного.

Иллюминаторы, полупортики, люки широко раскрыты. Съ берега тянетъ пряными ароматами. Горитъ полное электричество; чуть-ли не въ Либавѣ зажигали мы его послѣдній разъ, но теперь намъ незачѣмъ и не отъ кого скрываться.

Боже мой, да, вѣдь, мы живы... и какъ хороша жизнь!

Что-то такое оттаиваетъ на сердцѣ, и слезы готовы подступить къ глазамъ.

Манилла.

Тотчасъ-же по постановкѣ на якорь, на берегъ былъ посланъ старшій флагъ-офицеръ лейтенантъ Денъ, для отправленія телеграммъ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и Управляющему Морскимъ Министерствомъ и для отысканія русскаго консула. На „Аврору“ прибылъ флагъ-капитанъ Начальника американской эскадры, которому и были сообщены причина и цѣль прихода отряда на Маниллу.

Вернувшійся флагъ-офицеръ доложилъ, что русскаго консула нѣтъ совсѣмъ, французскій находится въ отсутствіи, а лица, его замѣнявшаго, никто указать не могъ. Транспортъ съ нашимъ углемъ, ожидавшійся изъ Сайгона, до сихъ поръ еще не прибылъ.

Привезенныя свѣдѣнія о печальной судьбѣ немногихъ уцѣлѣвшихъ судовъ эскадры поразили насъ какъ громомъ и повергли въ глубокое уныніе. Мы предполагали всё, только не то, что случилось.

22-го мая.

На крейсерѣ тихо. Слышны только стоны раненыхъ. Офицеры и команда замѣтно упали духомъ.

Сегодня воскресный день. На внѣшнемъ рейдѣ съ утра до вечера большое оживленіе: снуютъ, описываютъ круги возлѣ насъ шлюпки, катера, яхты, пароходики съ любопытствующей разнаряженной публикой, поминутно щелкающей затворами фотографическихъ аппаратовъ.

Видъ нашихъ крейсеровъ крайне печальный: борта, трубы ободраны, зіяютъ огромныя пробоины, краска обгорѣла, у „Авроры“ передняя мачта сбита до половины, заклинившіяся орудія торчатъ хоботами въ разныя стороны; матросы загорѣвшіе, какъ негры, обносившіеся до послѣдней степени во время плаванія, выглядятъ жалкими оборванцами.

На пароходикахъ мы разглядѣли рожи японцевъ. То-то, должно быть, радовалось ихъ сердце. Среди нихъ находился и японскій консулъ, какъ мы узнали впослѣдствіи.

Мы не пустили къ себѣ на бортъ ни назойливыхъ корреспондентовъ, ни фотографовъ.

Адмиралъ отправился утромъ съ визитомъ къ Начальнику американской эскадры, контръ-адмиралу Трэну, которому изложилъ положеніе судовъ отряда и спросилъ, можемъ-ли мы

надѣяться на то, что намъ будетъ данъ извѣстный срокъ для задѣлки пробоинъ, разрѣшеніе нагрузиться углемъ, принять необходимые запасы и выйти въ море.

Адмиралъ Трэнъ заявилъ, что для рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ ему необходимо снестись съ Вашингтономъ, но что, насколько онъ понимаетъ существующія постановленія американскаго правительства относительно захода судовъ воюющихъ державъ въ американскій портъ, правительство должно дать срокъ для приведенія судовъ въ состояніе, обезпечивающее имъ безопасное плаваніе, и разрѣшить принять необходимые запасы угля и прочихъ предметовъ въ количествѣ, достаточномъ для того, чтобы дойти до перваго русскаго порта.

Тотчасъ-же была назначена комиссія изъ американскихъ инженеръ-механиковъ для опредѣленія сроковъ, необходимыхъ для приведенія каждаго изъ нашихъ судовъ въ состояніе, обезпечивающее безопасное плаваніе.

Кромѣ того адмиралъ Трэнъ любезно предложилъ свезти нашихъ раненыхъ въ морской госпиталь въ Кавитэ (военно-морская станція американскаго флота въ 7 миляхъ отъ Маниллы).

Аналогичныя-же предложенія были получены адмираломъ Энквистомъ и отъ военнаго начальства и отъ городского муниципалитета. Послѣднія два предложенія были съ благодарностью отклонены, такъ какъ уже было рѣшено помѣстить тяжело раненыхъ въ морской госпиталь.

Вскорѣ на „Аврору“ прибылъ г. Генри Жоржъ, замѣнявшій французскаго консула на время его отсутствія.

Состоялась назначенная адмираломъ Трэномъ комиссія для осмотра поврежденій. Судамъ пришлось снять временныя задѣлки пробоинъ, поставленныя съ такимъ трудомъ.

Комиссія пришла къ заключенію, что для приведенія судовъ въ состояніе, при которомъ имъ будетъ обезпечена безопасность плаванія, необходимо дать разные сроки. Минимальными изъ нихъ являлись для исправленія „Олега“—60 дней, „Авроры“—30 и „Жемчуга“—7 дней.

Въ ожиданіи рѣшенія участи нашихъ раненыхъ, работа на перевязочномъ пунктѣ шла своимъ порядкомъ.

Я предложилъ по семафору услуги по рентгеноскопіи своимъ товарищамъ, и врачи крейсеровъ „Олега“, „Жемчуга“ доктора Аннинъ, Викторовъ и Денъ привезли мнѣ своихъ раненыхъ.

Такъ какъ ожидалось, что „Аврора“ приметъ уголь и тотчасъ-же уйдетъ въ море, быть можетъ, на сѣверъ кружнымъ

путемъ, то, на всякій случай, поставщикамъ былъ экстренно заказанъ запасъ перевязочнаго матеріала.

Эту ночь заснуть не удалось: пришлось спѣшно доканчивать скорбные листы наиболѣе тяжело раненыхъ, которыхъ предполагалось сдать въ американскій морской госпиталь.

23-го мая.

Утромъ вызвали во фронтъ: пріѣхалъ отдавать визитъ адмиралъ Трэнъ. Онъ очень интересовался подробностями боя и былъ чистосердечно удивленъ, когда ему сказали, что стрѣльба въ бою велась иногда на разстояніи до 5 миль. Онъ не хотѣлъ этому вѣрить и замѣтилъ, что стрѣлять на такомъ разстояніи, конечно, можно, но попадать—врядъ-ли.

Послѣ его отъѣзда нашъ адмиралъ отправился съ визитомъ къ генералъ-губернатору Филиппинскихъ острововъ г. Врайту и командующему войсками генералъ-маіору Корбину.

Инструкцій изъ Вашингтона до сихъ поръ получено не было.

Въ корридорѣ, ведущемъ въ кабинетъ генералъ-губернатора, Энквистъ встрѣтился съ японскимъ генеральнымъ консуломъ, о чемъ узналъ только впослѣдствіи. Мѣстныя газеты не преминули ухватиться за этотъ случай и изобразили его въ видѣ какой-то драматической сцены.

Были посланы телеграммы ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ съ описаніемъ боя, въ Главный Морской Штабъ со спискомъ убитыхъ и раненыхъ.

На „Олегѣ“ по безпроволочному телеграфу сегодня получались шифрованные знаки.

Коммерческія суда, пришедшія съ моря, передали намъ предостереженіе: близъ входа въ Маниллу они видѣли японскіе крейсера.

Нервы наши очень напряжены.

Я рѣшилъ не посылать телеграммы домой о томъ, что я живъ—стоитъ-ли. Сегодня живъ, а завтра, Богъ вѣсть. Подождемъ, пока все выяснится.

Транспорта съ углемъ все еще нѣтъ.

24-го мая.

Угольныя ямы совсѣмъ пусты.

Разрѣшено принять американскій уголь. Полный запасъ принять не можемъ, такъ какъ пробоины еще не задѣланы и при полномъ запасѣ уйдутъ въ воду.

Наконецъ получена офиціальная бумага отъ генералъ-губернатора—отвѣтъ американскаго правительства, оказавшійся

неблагопріятнымъ для насъ: такъ какъ наши суда потерпѣли не отъ морскихъ случайностей, а отъ столкновенія съ японскими военными судами, то безъ нарушенія нейтралитета имъ нельзя разрѣшить по исправленіи поврежденій выйти въ море.

Мы очутились въ крайне затруднительномъ положеніи: насъ передъ тѣмъ обнадежили различными предположеніями, заставили снять всѣ временныя задѣлки пробоинъ для осмотра комиссіи. Теперь-же снова приходилось задѣлывать ихъ своими средствами, что потребовало-бы не менѣе 3-хъ дней, и лишь только по окончаніи этой работы можно было приступить къ погрузкѣ полнаго запаса угля.

Адмиралъ тотчасъ-же подалъ протестъ: задѣлки пробоинъ были сняты по желанію американскихъ властей, и это обстоятельство не дало возможности судамъ отряда принять уголь и быть готовыми къ немедленному выходу въ море.

Адмиралъ просилъ дать достаточный срокъ для приведенія судовъ своими средствами хотя-бы въ такой видъ, въ которомъ они пришли въ Манилу.

Генералъ-губернаторъ немедленно телеграфировалъ объ этомъ въ Вашингтонъ.

Во время разговора флагъ-офицера съ генералъ-губернаторомъ, послѣдній тоже упомянулъ о присутствіи японскихъ крейсеровъ въ филиппинскихъ водахъ. Повидимому, это ему было офиціально извѣстно.

Въ 5 часовъ пополудни на двухъ пароходикахъ прибыли изъ Кавитэ американскіе морскіе врачи со своими санитарами и носилками.

Съ „Аврроры“ было сдано 26 самыхъ тяжелыхъ раненыхъ, въ томъ числѣ 2 офицера, лейтенантъ князь Путятинъ и мичманъ Яковлевъ.

Мой оборванный санитарный отрядъ не ударилъ въ грязь лицомъ передъ щеголеватыми янки и выносилъ и спускалъ раненыхъ самъ и на нашихъ носилкахъ, которыя, какъ я замѣтилъ съ чувствомъ нѣкотораго удовлетворенія, оказались гораздо практичнѣе американскихъ.

Раненые снимали фуражки, крестились, говорили: „прощайте, братцы, не поминайте лихомъ!“

Охъ, и не хотѣлось-же мнѣ отдавать ихъ въ чужія руки послѣ столькихъ трудовъ, послѣ 11 дней возни съ ними на крейсерѣ!

Лихорадящихъ было мало, раны имѣли прекрасный видъ. И я привыкъ къ раненымъ, и они ко мнѣ.

Каждаго изъ нихъ я снабдилъ исторіей болѣзни, темпера-

турнымъ листкомъ, рентгеновскимъ рисункомъ; пусть американцы не думаютъ, что у насъ какъ-нибудь.

Послалъ телеграмму Главному Медицинскому Инспектору Флота.

Скоро-ли кончится наше томленіе!

25-го мая.

Въ 11 часовъ утра на „Аврору“ прибылъ генералъ-губернаторъ съ многочисленнымъ штатомъ чиновниковъ. По ихъ смущенному виду мы угадали отвѣтъ.

Президентъ Соединенныхъ Штатовъ приказалъ, въ случаѣ нежеланія разоружиться, ограничить пребываніе отряда въ Манилѣ 24-хъ-часовымъ срокомъ.

Былъ экстренно созванъ совѣтъ командировъ.

Никакихъ инструкцій изъ Петербурга еще не было.

Работа на крейсерахъ кипѣла. Пробоины торопились задѣлывать своими средствами.

Транспорта съ углемъ изъ Сайгона, котораго можно было-бы взять съ собою для окончанія погрузки въ морѣ, еще не было.

На предложеніе командирамъ о выходѣ въ море, командиръ „Олега“ заявилъ, что ввѣренный ему крейсеръ положительно не способенъ къ плаванію, съ чѣмъ адмиралъ, зная его поврежденія, долженъ былъ согласиться.

Командиры „Авроры“ и „Жемчуга“ заявили, что, хотя, плаваніе въ данныя минуты, при такомъ состояніи своихъ судовъ, они считаютъ очень опаснымъ, но не невозможнымъ, и, что, кромѣ безопасности, является вопросъ объ углѣ, полный запасъ котораго врядъ-ли суда успѣютъ принять въ такой короткій срокъ.

Никакого отвѣта американскимъ властямъ дано не было. Срокъ истекалъ на другой день въ 12 часовъ дня. За это время могли придти какія-нибудь инструкціи изъ Петербурга.

Спѣшно грузился уголь.

Крейсера снова переживали томительныя минуты.

Все равно, куда идти, только скорѣе-бы.

Мѣстная пресса, скорѣе не расположенная къ Россіи, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за ходомъ переговоровъ и была на нашей сторонѣ. Въ нѣкоторыхъ газетахъ появились даже выходки противъ Президента, напоминавшія ему, что когда-нибудь и американскія суда могутъ очутиться въ такомъ-же точно положеніи.

Неизвѣстно, былъ-ли это простой искренній призывъ къ справедливости, или досада на то, что на основаніи первоначаль-

ныхъ заявленій властей, всѣ газеты объявили, что отряду будетъ разрѣшено исправить поврежденія, а затѣмъ выйти въ море.

Поздно вечеромъ была получена телеграмма отъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА слѣдующаго содержанія:

„Въ виду необходимости исправить поврежденія, разрѣшаю Вамъ дать обязательство американскому правительству не участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ“.

„НИКОЛАЙ“.

О боѣ мы каждый день узнавали всё новыя и новыя печальныя подробности. Изъ 36 моихъ товарищей, морскихъ врачей, погибло 13 человѣкъ: два изъ нихъ на эскадренномъ броненосцѣ „Сисой Великій“ были отравлены ядовитыми газами японскихъ снарядовъ, остальные пошли ко дну со своими броненосцами.

Первое время непріятель считалъ „Олегъ“ затонувшимъ ночью отъ снарядовъ, полученныхъ въ дневномъ бою, а „Аврору“ взорванной минами во время ночныхъ атакъ. Затѣмъ послѣдовало слѣдующее донесеніе Того:

„Во время боя „Олегъ“ и „Аврора“ находились въ сферѣ огня нашихъ 3-й и 4-й эскадръ, и на нихъ начался пожаръ. Возможно, что эти суда спаслись, но во всякомъ случаѣ онѣ надолго потеряли свою боевую способность“.

Изъ этого-же донесенія мы узнали, почему къ шести часамъ вечера крейсера оставили насъ въ покоѣ.

Флагманскій корабль адмирала Уріу, крейсеръ „Нанива“ получилъ пробоину въ кормѣ у ватерлиніи, и отряду Уріу пришлось временно оставить бой около 5 час. 10 мин., чтобы дать возможность флагманскому кораблю сдѣлать необходимыя исправленія.

Другой, тоже флагманскій, корабль крейсеръ „Читозе“ (подъ флагомъ адмирала Дэва) получилъ болѣе серьезное поврежденіе. Вода настолько быстро прибывала черезъ подводную пробоину въ угольной ямѣ, что онъ покинулъ поле сраженія и, сопровождаемый своимъ товарищемъ, другимъ крейсеромъ, къ 6-ти часамъ вечера пришелъ въ бухту Абуррайя (ему не надо было тамъ „интернироваться“ или „нейтрализоваться“, какъ нашему отряду).

26-го мая.

Адмиралъ заявилъ американскимъ властямъ официальной бумагой, что на основаніи полученнаго разрѣшенія отъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, онъ остается со ввѣренными ему судами въ Манилѣ и намѣренъ приступить къ исправленію ихъ поврежденій.

Начались переговоры съ заводами.

Убѣдившись, что нельзя превратить все судно въ госпиталь и что надо-же дать отдохнуть и измученнымъ фельдшерамъ и санитарамъ, я списалъ еще 14 тяжело раненыхъ (съ „Авроры“ было списано всего 40).

Съ „Олега“ былъ откомандированъ въ морской госпиталь младшій врачъ Денъ.

Наши раненые заполнили все хирургическое отдѣленіе, и часть ихъ принуждена была помѣститься на верандѣ.

27-го мая.

Въ 11 часовъ утра состоялось разоруженіе крейсеровъ. Офицеры дали слово не выѣзжать изъ предѣловъ Маниллы безъ разрѣшенія Президента Соединенныхъ Штатовъ, что было равносильно запрету участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Тяжело было это вынужденное обязательство. Дрожащей рукой мы подписывали его.

Флагъ и вымпелъ суда не спускали.

Вслѣдъ за этимъ личный составъ отряда былъ глубоко осчастливленъ телеграммой ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА слѣдующаго содержанія:

„Контръ-адмиралу Энквисту.

Сердечно благодарю Васъ, командировъ, офицеровъ и команду крейсеровъ „Олега“, „Авроры“ и „Жемчуга“, за ихъ беззавѣтную честную службу въ тяжеломъ бою.

Да утѣшитъ Васъ всѣхъ сознаніе свято исполненнаго долга“.

„НИКОЛАЙ“.

Милостивыя слова НАШЕГО МОНАРХА подняли совсѣмъ упавшій, послѣ подписанія отреченія, духъ отряда и послужили намъ нравственной поддержкой на дальнѣйшіе труды.

Желая выразить чувства глубокой благодарности и любви къ ЦАРЮ, охватившія весь личный составъ отряда по полученіи этой телеграммы, адмиралъ Энквистъ отправилъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ слѣдующую телеграмму:

„Милостивыя слова ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА радостно отозвались въ сердцахъ всѣхъ чиновъ отряда и помогутъ намъ перенести тяжелую долю, насъ постигшую.

Контръ-адмиралъ Энквистъ“.

Изъ Цусимской ловушки удалось прорваться къ сѣверу только небольшимъ и быстроходнымъ судамъ: „Алмазу“, „Изумруду“ и двумъ миноносцамъ.

Отдѣльныя попытки судовъ „Олегъ“, „Аврора“, „Жемчугъ“, „Свѣтлана“, „Мономахъ“, „Донской“, „Сисой Великій“ и „Нахимовъ“ потерпѣли неудачу. Первые три, а также два транспорта („Анадырь“ и „Корея“) и одинъ миноносецъ все-таки прорвались на югъ, остальные были потоплены.

Но и „Изумруду“ не суждено было увидѣть Владивостокъ: онъ разбился и былъ взорванъ въ бухтѣ Св. Владиміра. „Алмазъ“, котораго ожидало еще одно препятствіе — мины, набросанныя непріятелемъ передъ самымъ Владивостокомъ, о которыя только что взорвался „Громобой“, счастливо миновалъ ихъ.

Вотъ все, что осталось отъ Второй Тихоокеанской Эскадры.

Изъ донесеній Того мы узнали, что „отрядъ, выдѣленный флотомъ, розыскивалъ непріятеля далеко къ югу, но ни одинъ корабль не былъ найденъ“.

Странная судьба нашей „Авроры“!

Ей точно не суждено дойти до Владивостока.

Впервые она пыталась попасть туда въ отрядѣ контръ-адмирала Виреніуса, вмѣстѣ съ „Ослябя“ и „Донскимъ“, но, захваченная въ дорогѣ объявленіемъ войны, принуждена была вернуться изъ Краснаго моря въ Россію и въ Суэцкомъ каналѣ стояла бокъ о бокъ съ „Нисшинъ“ и „Кассугой“, спѣшно отправлявшимися въ Японію; назначеніе послѣднихъ было извѣстно всѣмъ и каждому, но захватить ихъ было нельзя: на нихъ, вѣдь, развѣвался „нейтральный“ флагъ „Владычицы морей“.

Англійскіе кэптены впослѣдствіи прямо заявляли, что на нашемъ мѣстѣ они-бы низачто не упустили такой прекрасный случай: „нечаянно“ таранили-бы эти суда, а тамъ пусть разбираютъ.

Второй разъ „Аврора“ была немногимъ счастливѣе: разстрѣленная и едва не потопленная своими-же судами въ Гуллѣ, она дошла гораздо дальше... до самой Цусимы, гдѣ снова повстрѣчалась съ тѣми-же „Нисшинъ“ и „Кассугой“, которыя плохо отплатили ей за ея любезность въ Портъ-Саидѣ.

Изъ всѣхъ боевыхъ судовъ, обогнувшихъ съ адмираломъ Рожественскимъ Мысъ Доброй Надежды, „Аврора“—единственное уцѣлѣвшее судно.

Американскія газеты перепечатывали всевозможныя сообщенія о боѣ изъ японскихъ источниковъ.

Мы узнали, что одинъ японскій развѣдочный крейсеръ слѣ-

дилъ за эскадрой еще съ Камрана и все время слѣдовалъ вблизи ея.

Когда эскадра ночью повернула къ Шанхаю, развѣдчикъ потерялъ было ее, пошелъ къ Цусимскому проливу и, не найдя здѣсь ея, телеграфировалъ Того, что эскадра, вѣроятно, пошла кругомъ Японіи. Того приказалъ ему не оставлять своего мѣста еще одну ночь, а затѣмъ на другое утро идти кругомъ Японіи.

На наше несчастье какъ разъ въ эту ночь японскій развѣдчикъ насъ нашелъ—мы уже возвращались изъ подъ Шанхая. Открылъ-же онъ насъ благодаря непростительной ошибкѣ: въ то время какъ всѣ военныя суда имѣли приказаніе идти безъ огней, госпитальныя суда эскадры „Орелъ“ и „Кострома“ несли полные огни, освѣщенный спардекъ, и напоминали плавучіе дворцы.

По нимъ японскій развѣдчикъ открылъ эскадру и донесъ Того, который уже собирался двинуться на сѣверъ; слѣдовательно мы могли-бы свободно пройти Цусимскій проливъ и если-бы даже и встрѣтились съ Того въ Японскомъ морѣ, то, безъ сомнѣнія, дрались-бы въ условіяхъ, гораздо болѣе для насъ выгодныхъ.

Я увидѣлся, наконецъ, со своими товарищами докторами В. П. Аннинымъ, А. И. Викторовымъ и О. О. Денъ. Всѣ они поработали на славу во время боя.

Докторъ Аннинъ, въ началѣ боя забравшійся, было, въ спеціально устроенный на „Олегѣ“ боевой перевязочный пунктъ (прекрасно оборудованный по плану д-ра Р. О. Гловецкаго, защищенный съ бортовъ углемъ, но помѣщенный глубоко внизу, точно въ колодцѣ, съ пренеудобнымъ спускомъ—элеваторомъ), едва не былъ затопленъ тамъ со своимъ матеріаломъ и долженъ былъ перебраться въ одинъ изъ казематовъ верхней палубы.

Наконецъ я уразумѣлъ, почему это судьба такъ распорядилась мной и вопреки моимъ желаніямъ назначила на „Аврору“.

Здѣсь я, какъ хирургъ, оказался нужнѣе.

На „Изумрудѣ“ было только семь легко раненыхъ.

Но „Изумрудъ“ лихо прорвался, а меня судьба сдѣлала въ награду бѣглецомъ съ поля сраженія, какъ насъ стали называть послѣ разъясненій морского критика г. Кладо, пользовавшагося въ то время широкой популярностью въ обществѣ.

Впрочемъ, почемъ знать!

Быть можетъ, на „Изумрудѣ“, не имѣя раненыхъ, я полѣзъ-бы изъ любознательности со своимъ дневникомъ куда-нибудь въ

Контръ-адмиралъ О. А. Энквистъ, командиры: Л. Ф. Добротворскій, П. П. Левицкій, А. К. Небольсинъ и офицеры крейсеровъ: „Олегъ“, „Аврора“ и „Жемчугъ“

(по прибытіи въ Манилу).

такое мѣсто, гдѣ меня стукнуло-бы головой о желѣзную палубу покрѣпче, чѣмъ на „Аврорѣ“.

Этимъ и утѣшимся.

Судовые врачи отряда часто навѣщали раненыхъ, помѣщенныхъ въ морскомъ госпиталѣ въ Кавитэ, присутствовали при операціяхъ.

Послѣ каторжной судовой обстановки наши матросы очутились словно въ раю: мягкія кровати, бѣлоснѣжное бѣлье, чудный уходъ. Жители города, дамы, монахи мѣстныхъ католическихъ монастырей засыпали ихъ лакомствами, фруктами, сигарами.

Вотъ только американскій столъ, вкусный и разнообразный, для нашихъ митюхъ, привыкшихъ наѣдаться до отвалу, показался голоднымъ; американцы сначала не хотѣли вѣрить, а потомъ послѣ нашихъ объясненій ввели спеціальную усиленную порцію для этихъ „ужасныхъ русскихъ обжоръ“.

И еще одно горе было: „чарки“ здѣсь ни подъ какимъ видомъ не полагалось.

А привычка къ ней была сдѣлана хорошая.

Въ этомъ отношеніи американцы оказались неумолимыми.

Осколки снарядовъ изъ ранъ вынимались по моимъ рисункамъ. Конечно, на суднѣ всѣхъ удалить я не успѣлъ.

Нужно-же было такъ случиться, чтобы прекрасно оборудованный рентгеновскій кабинетъ морского госпиталя принужденъ былъ бездѣйствовать изъ-за какой-то поломки, которую такъ и не удалось исправить за все время пребыванія нашихъ раненыхъ въ Кавитэ.

Самолюбіе американцевъ было, видимо, этимъ сильно задѣто.

Среди раненыхъ еще нѣсколько человѣкъ умерло въ госпиталѣ отъ ранъ (съ „Авроры“ комендоръ Цитко, которому не помогла высоко сдѣланная ампутація бедра).

Между прочимъ оказалось, что нѣсколько разрывовъ барабанныхъ перепонокъ я проглядѣлъ. Но это не мудрено было при такой массовой работѣ; да и на уши никто не жаловался послѣ боя—всѣ одинаково оглохли и считали это въ порядкѣ вещей.

Лишь полтора мѣсяца спустя послѣ боя въ Маниллу пришло госпитальное судно „Кострома“, врачи котораго увидали первыхъ раненыхъ цусимцевъ въ аврорскомъ лазаретѣ.

Оба госпитальныхъ судна „Орелъ“ и „Кострома“, прекрасно оборудованныя, не сыграли той роли, которая для нихъ предназначалась, а напротивъ, сыграли даже печальную роль, если именно по нимъ насъ открылъ Того, что болѣе чѣмъ вѣроятно.

А сколько народу онѣ могли-бы спасти во время боя!

И зачѣмъ это онѣ въ самомъ началѣ боя удалились такъ далеко, что были отрѣзаны и захвачены „Садо-Мару“, который и увелъ ихъ?

Со стороны непріятеля это былъ некрасивый поступокъ.

Въ оправданіе свое японцы приводили то, что госпитальное судно „Орелъ“ заходило въ Капштадтъ, Сайгонъ, принимало почту для эскадры, имѣло безпроволочный телеграфъ и такимъ образомъ вышло изъ своей роли чисто госпитальнаго судна; къ „Костромѣ“-же была сдѣлана придирка за ея будто-бы неправильную окраску вопреки правиламъ конвенціи Краснаго Креста.

Все это мелочныя, недостойныя придирки.

Въ слѣдующій разъ госпитальнымъ судамъ необходимо постараться какъ-нибудь избѣгнуть непріятной возможности быть захваченными въ плѣнъ и не исполнить своего назначенія; необходимо придумать для нихъ какія-нибудь новыя дополнительныя постановленія и выполнять ихъ уже строго, безъ нарушеній.

Возможно-ли это? Вѣдь, для желающаго придраться всегда найдется новый и новый поводъ. А послѣ разбирай, кто правъ. Побѣдителя не судятъ.

„Кострому“, впрочемъ, японцы, устыдившіеся общественнаго мнѣнія, отпустили. Кстати-же она представляла менѣе цѣнный призъ, чѣмъ „Орелъ“.

Мы доставили на „Кострому“ изъ госпиталя часть раненыхъ, уже поправлявшихся, и она повезла ихъ на родину далекимъ кружнымъ путемъ.

Вспоминая госпитальныя суда, которыя во время боя прекрасно могли-бы подбирать гибнувшихъ, мнѣ вспомнился разсказъ о гибели „Ушакова“. Очень хотѣлось-бы, чтобы это былъ только анекдотъ.

Вмѣсто спасательныхъ поясовъ на русскихъ судахъ имѣются койки-матрасы, набитыя пробкой. Къ нимъ пришиваются тесемки, которыя должны укрѣпить койку вокругъ груди.

И вотъ, когда бѣдный геройскій „Ушаковъ“ пошелъ ко дну, и непріятельскія суда приблизились, онѣ увидали ушаковцевъ барахтавшимися въ водѣ и плававшими большей частью вверхъ ногами, благодаря своимъ спасательнымъ поясамъ, очутившимися у нихъ не на груди, а на животѣ. Пораженные подобнымъ зрѣлищемъ, японскіе офицеры на „Миказѣ“, будто-бы, кинулись къ фотографическимъ аппаратамъ, а Того закричалъ: „что вы дѣлаете? тутъ люди гибнутъ! спасать людей!“

Быть можетъ, это лишь анекдотъ, но во всякомъ случаѣ анекдотъ не невозможный.

На „Изумрудѣ“, помню я, пришлось изобрѣтать наилучшій способъ прикрѣпленія тесемокъ и затѣмъ перешивать ихъ. Попавъ съ „Изумруда“ на „Аврору“, я тотчасъ-же вспомнилъ о койкахъ, и здѣсь также тесемки пришлось перешить.

Надѣюсь, на будущее время мы избѣгнемъ печальной возможности „спасаться“ подобнымъ образомъ.

Жестоко ошибется тотъ, кто подумаетъ, что въ Маниллѣ мы отдыхали и веселились.

Городъ дѣйствительно встрѣтилъ насъ чрезвычайно гостепріимно, клубъ и частныя лица засыпали приглашеніями, но мы отъ всего отказывались и ограничились лишь офиціальными визитами.

Прошло болѣе пяти мѣсяцевъ нашей стоянки въ Маниллѣ. Уже и миръ былъ заключенъ, и приказаніе вернуться на родину получено, а починки все еще не пришли къ концу, несмотря на энергичную дѣятельность американскихъ и нашихъ инженеровъ.

Съ утра до шести часовъ вечера не смолкалъ на суднѣ адскій грохотъ, теперь особенно непріятно дѣйствовавшій на наши измученные, въ конецъ раздерганные нервы.

Подъ оглушительный стукъ молотовъ писались обстоятельные боевые отчеты. Каждый слѣдилъ за работами по своей части.

На долю врачей, какъ водится, послѣ боя выпало еще больше дѣла.

Восемь мѣсяцевъ жизни на консервахъ безъ съѣзда на берегъ не могли пройти для команды безслѣдно.

Открылась цынга.

Конечно, противъ нея тотчасъ-же были приняты надлежащія мѣры: давалось только свѣжее мясо, зелень сверхъ положенія, лимоны.

Отъ судовой солонины теперь не только отказались, но, согласно постановленію нарочно созванной комиссіи, всю оставшуюся солонину вывезли далеко въ море и выбросили.

Въ общемъ, изъ 1207 пудовъ солонины, принятой въ Кронштадтѣ, на „Олегѣ“ было выброшено за полной негодностью 788 пудовъ, на „Авророѣ“ изъ 1684 пудовъ—1360.

Это наводитъ на грустныя размышленія.

Команда, соскучившаяся по свѣжей зелени и фруктамъ, жадно накинулась на нихъ и поглощала въ большомъ количествѣ въ сыромъ видѣ. Ѣли и на суднѣ и на берегу, умудря-

лись доставать тайкомъ. Трудно было за всѣмъ доглядѣть, а наставленія не помогали.

Начались гастрическія заболѣванія, мѣстная дизентерія. Умудрился и я захватить ее—надолго.

Мѣсяца черезъ полтора—два послѣ нашего прихода въ городѣ вспыхнула холера. На „Олегѣ“ отъ нея умерло двое: прапорщикъ Соколовъ и одинъ матросъ.

Пришлось запретить спускъ на берегъ, продажу фруктовъ, овощей, даже доступъ рабочимъ—китайцамъ одно время.

Довольно долгое время мы жили въ карантинѣ подъ этой непріятной угрозой. На берегу заболѣвало по 60 человѣкъ въ день, и первое время была масса случаевъ, протекавшихъ быстро и со смертельнымъ исходомъ.

Но наши потери ограничились лишь двумя жертвами, а въ результатѣ принятыхъ мѣръ явилось почти полное исчезновеніе желудочно-кишечныхъ заболѣваній.

Тщетно я ждалъ на помощь себѣ пріѣзда младшаго врача.

Да, строго говоря, онъ у меня и былъ, назначенный на „Аврору“ одновременно со мной, но съ оставленіемъ въ распоряженіи флагманскаго врача на госпитальномъ „Орлѣ“.

Вѣроятно, благодаря этому приказу мнѣ такъ и не удалось получить младшаго врача изъ Россіи.

Захваченный въ плѣнъ госпитальный „Орелъ“ былъ тотчасъ-же расформированъ, и его врачи, такъ-же какъ и врачи боевыхъ судовъ, нѣсколько дней спустя послѣ боя уже возвращались къ себѣ домой на частныхъ пароходахъ вольными гражданами.

Въ серединѣ лѣта нашему отряду пришлось выдержать жестокій тайфунъ.

Много судовъ погибло въ этотъ день, много ихъ было выброшено на берегъ; человѣческія жертвы были не только на морѣ, но и въ самомъ городѣ, гдѣ рушились постройки, сносились крыши, выворачивались съ корнемъ деревья, телеграфные столбы; отъ порчи электрическаго освѣщенія городъ погрузился въ мракъ.

Въ Кавитэ затонуло нѣсколько военныхъ судовъ, а неподалеку въ морѣ погибла небольшая канонерка со всѣмъ своимъ экипажемъ.

Насъ чуть было не сорвало съ якорей. Стоя на мѣстѣ противъ вѣтра, мы все время давали ходъ машинами.

На таранъ „Олега“ навалила джонка и пошла ко дну.

Лучше всѣхъ выдерживалъ тайфунъ узкій, длинный „Жемчугъ“.

Островъ Люсонъ извѣстенъ какъ центръ зарожденія тайфуновъ.

Два раза въ недѣлю на „Аврорѣ“ собирались офицеры съ трехъ крейсеровъ и въ присутствіи адмирала и командировъ обсуждали различные боевые вопросы. На этихъ засѣданіяхъ каждый молодой офицеръ могъ смѣло и совершенно свободно высказывать свое мнѣніе и оспаривать чужое. Преніями руководилъ предсѣдатель, командиръ „Жемчуга“, капитанъ II-го ранга Левицкій.

Относительно прошлаго нашей эскадры разногласій не было. Большинство причинъ, вызвавшихъ пораженіе, было давно, еще задолго до боя, извѣстно всѣмъ и каждому, съ остальными-же нашими русскими „авось да небось“ мы познакомились надлежащимъ образомъ лишь въ Цусимскомъ проливѣ.

Мы были разбиты превосходствомъ одного артиллерійскаго огня противника и по качеству, и по количеству.

Это и есть главная причина пораженія; всѣ остальныя блѣднѣютъ передъ нею.

Командующему эскадрой, адмиралу З. П. Рожественскому многое ставятъ въ вину: выборъ пути, недостаточность совѣщаній, игнорированіе командировъ, плохую развѣдку, пожары на нашихъ судахъ, перегрузку ихъ, присутствіе транспортовъ, печальную роль миноносцевъ и т. п.

Я глубоко увѣренъ, что въ томъ положеніи, въ которомъ находился адмиралъ Рожественскій, другой на его мѣстѣ надѣлалъ-бы ошибокъ еще бо́льшихъ, гораздо худшихъ. Нужно знать и вспомнить всѣ перипетіи нашего похода. И только благодаря желѣзной непреклонной волѣ и энергіи человѣка, стоявшаго во главѣ, возможно было, чтобы „армада“ эта, составленная изъ самыхъ разнородныхъ судовъ и командъ, плохо снаряженныхъ, мало плававшихъ, совсѣмъ необученныхъ, наконецъ не вѣрившихъ въ успѣхъ дѣла, могла обогнуть полъ земного шара.

Адмиралъ сдѣлалъ все, что было въ его силахъ, а ошибки, если таковыя были, искупилъ своею кровью.

Насколько я замѣтилъ, съ особеннымъ энтузіазмомъ и уваженіемъ относилась къ своему адмиралу молодежь.

Угольныя погрузки на эскадрѣ адмирала З. П. Рожественскаго.

За неимѣніемъ по дорогѣ угольныхъ станцій, принадлежавшихъ Россіи, вопросъ о погрузкѣ угля для Второй Тихоокеанской эскадры являлся прямо роковымъ.

Въ силу исключительныхъ особенностей нашего плаванія, безъ базировки на порта, этотъ вопросъ представилъ такъ много оригинальнаго и интереснаго, что пусть не посѣтуетъ на меня читатель, если я отведу ему отдѣльную главу, которая уцѣлѣвшимъ участникамъ похода будетъ, вѣроятно, самая близкая сердцу.

Первоначально предполагалось грузить уголь по способу американца Спенсеръ-Миллера.

При этомъ способѣ военное судно буксируетъ угольщика; требуется масса арматуры, электрическія лебедки, которыя должны давать сотни оборотовъ въ минуту и передвигать по кабелю надъ водой мѣшки угля съ громадной быстротой.

Этотъ способъ, кажется, никѣмъ еще неиспытанный, усиленно рекламировался американцами. При формированіи эскадры было пріобрѣтено приборовъ Спенсеръ-Миллера почти на $1^1/_2$ милліона рублей. Въ Кронштадтѣ на судахъ эскадры адмирала Рожественскаго производились опыты, суда грузились въ морѣ. Хотя въ концѣ концовъ и выяснилась полная непригодность этого способа погрузки, тѣмъ не менѣе громоздкія приспособленія Спенсеръ-Миллера были взяты въ походъ и занимали на палубахъ судовъ не мало мѣста, не принеся ни разу пользы.

Второй способъ былъ возможенъ лишь при очень благопріятныхъ условіяхъ, когда два судна могли швартовиться бортъ о бортъ въ открытомъ океанѣ; для этого надо было имѣть особо хорошіе кранцы и — непремѣнное условіе — хорошую погоду, штиль.

Какъ ни кажется чудовищной подобная операція въ морѣ, она все-же на эскадрѣ адмирала Небогатова была примѣнена удачно раза 2—3; но Небогатовъ шелъ пассатами и имѣлъ суда меньшія по величинѣ, съ прямой гладкой палубой, куда была возможность сбрасывать уголь (не то что „Суворовъ“, „Александръ III“ и друг.). На эскадрѣ-же адмирала Рожественскаго этотъ способъ въ морѣ примѣнить не могли, такъ какъ хорошей погоды не видали, и суда были несравненно бо́льшаго водоизмѣщенія.

Будущность этотъ способъ врядъ-ли имѣетъ.

Третій способъ, совершенно новый, впервые испытанъ русскими. Онъ заключался въ томъ, что угольный транспортъ или судно спускали на воду деревянные или желѣзные (съ воздушными ящиками) барказы, сгружали въ нихъ въ мѣшкахъ уголь отъ 8 до 11 тоннъ въ зависимости отъ погоды. Барказы буксировались паровыми катерами къ броненосцамъ, крейсерамъ, и мѣшки тѣмъ-же путемъ, какимъ были погружены (т. е. посредствомъ стрѣлъ), выгружались на суда.

На первый взглядъ этотъ способъ кажется не морскимъ, не серьезнымъ, на самомъ-же дѣлѣ онъ явился единственнымъ, которымъ пользовались на эскадрѣ, и если-бы эскадра адмирала Рожественскаго пошла кругомъ Японіи открытымъ океаномъ, то, конечно, никакого иного способа кромѣ этого придумать было нельзя.

Что касается вліянія погоды, то, какъ ни велика волна мертвой зыби, она погрузкѣ угля не вредила (за исключеніемъ стуканья барказа о бортъ или въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда барказъ попадалъ подъ пятку шеста миннаго загражденія качающагося судна). Но волна и вѣтеръ для этой погрузки были очень неблагопріятны; вѣтеръ относилъ далеко погрузчика отъ пріемщика угля, вода захлестывала барказы, барказы посылались съ половиннымъ грузомъ, и вся работа сводилась къ толченью воды, потерѣ силъ и безнадежнымъ результатамъ.

Первая глава исторіи угольныхъ погрузокъ началась съ погрузки угля въ Маломъ Бельтѣ. Картина для всѣхъ офицеровъ была выходящая изъ ряду. Глухая ночь, дулъ свѣжій осенній вѣтеръ, теченіе 2—3 узла; съ адмиральскаго корабля то сигналомъ, то черезъ офицера получалось приказаніе принять къ борту иностранца угольщика.

Трудно теперь себѣ представить, какъ эти суда швартовились и какъ отходили отъ борта, но въ общемъ эта первая глава прошла безъ единой аваріи, и погрузка дала для всѣхъ неожиданно весьма удовлетворительные результаты: нѣкоторыя суда погрузили въ среднемъ въ часъ 40—50 тоннъ.

Послѣ стоянки у мыса Скагена отряды судовъ раздѣлились.

Слѣдующая погрузка угля была въ Танжерѣ.

Рейдъ здѣсь совершенно не защищенъ: открытъ для сѣверныхъ вѣтровъ.

Съ моря шла мертвая зыбь, и приставать бортъ о бортъ пароходы не могли. Между прочимъ адмиралъ Рожественскій

телеграммами изъ Виго торопилъ адмирала Фелькерзама кончать погрузку угля въ самый краткій срокъ. Когда пришлось прибѣгнуть къ погрузкѣ угля барказами, то дѣло стало за малымъ: всѣ барказы были на нашихъ отсутствовавшихъ добровольцахъ, а угольщики были всѣ иностранцы. Предполагалось отправить одного изъ ревизоровъ въ Гибралтаръ, чтобы зафрахтовать тамъ паровыя баржи (ихъ обѣщали доставить въ тотъ-же день), но справки показали, что „Владычица морей“ относится недоброжелательно къ какимъ-либо русскимъ работамъ въ сферѣ ея вліянія, и что баржей этихъ намъ не видать. Вѣдь, въ воздухѣ только что нависъ неразрѣшенный Гулльскій инцидентъ. Офицеры (молодежь) и тутъ нашлись: поразыскивали, понанимали на берегу арабскіе плашкоуты, и вотъ нашъ грозный военный флотъ былъ окруженъ туземными соломенными покрышками разной величины: баржами, лихтерами и т. п.

Арабы отнеслись къ выгодному заработку съ перваго начала страшно охотно, но когда ихъ барки начали набивать углемъ и таскать по рейду вдоль и поперекъ, днемъ и ночью, буксиры лопались, баржи въ темнотѣ терялись, то арабы взвыли и запросились на берегъ. Получивъ отъ нашихъ офицеровъ въ отвѣтъ на эту просьбу категорическій отказъ, они съ горя предались сну въ носовыхъ шалашахъ въ позахъ, полныхъ отчаянія, и распоряжаться баржами предоставили нашей молодежи.

Какимъ образомъ, съ какими усиліями производилась эта работа, можетъ показать слѣдующій эпизодъ: моряку онъ особенно будетъ понятенъ.

Когда паровой катеръ крейсера „Аврора“ намоталъ себѣ на винтъ буксиръ, что пріостановило работу, то, не теряя минуты, принялись поднимать его.

Была глухая, темная, дождливая ночь. Свистѣлъ вѣтеръ. Въ темнотѣ были разнесены гини — нелегкая вещь — и десять минутъ спустя катеръ уже отдѣлился отъ воды и повисъ, а неутомимый младшій инженеръ-механикъ Шмоллингъ, приставъ на какой-то маленькой шлюпкѣ, быстро очистилъ винтъ и двѣ минуты спустя уже кричалъ: „травите! все готово!“

Несмотря на подобное промедленіе, количество погруженнаго въ этотъ часъ угля было не меньше обыкновеннаго.

Слѣдующая погрузка была въ Дакарѣ 30-го октября; въ сущности говоря, это была первая планомѣрная работа; начата она была рано по утру и прошла съ громаднымъ энтузіазмомъ и успѣхомъ.

Эскадра стала довольно отдаленно на рейдѣ, и сейчасъ-же къ каждому изъ судовъ подошли угольные транспорты.

Послѣдовавшее затѣмъ распоряженіе адмирала принять полуторный запасъ угля поставило всѣхъ въ большое затрудненіе, такъ какъ 50% излишняго угля никто никогда не принималъ.

Это распоряженіе было вызвано, вѣроятно, тѣмъ обстоятельствомъ, что на рейдѣ насъ уже давно ожидали угольщики съ 40,000 тоннъ запаса угля; но избавить ихъ отъ этого груза эскадра могла лишь въ четвертой долѣ того, что было ошибочно и излишне привезено сюда.

Каждому угольщику платили по 500 р. въ сутки, а потому этотъ расходъ навѣрное былъ громаденъ, принимая во вниманіе большое число пароходовъ и очень продолжительное время, проведенное ими въ ожиданіи эскадры.

Всѣ угольщики были нѣмцами и только одинъ англичанинъ; счетъ платы имъ шелъ съ сентября мѣсяца.

Началась отчаянная погрузка на всѣхъ судахъ при соревнованіи между ними изъ-за впервые обѣщанной приказомъ адмирала Рожественскаго преміи за наискорѣйшую погрузку.

Рекордъ побилъ крейсеръ „Аврора“, грузившій по 70,8 тоннъ въ часъ въ среднемъ, команда его удостоилась крупной денежной преміи (около 720 рублей на 560 человѣкъ команды).

„Аврора“ грузилась 12 часовъ, принявъ 850 тоннъ. Погода была сухая, а потому пыли много: все безъ исключенія почернѣло моментально. Не жалѣли ни человѣческой силы, ни машинъ, которыми грузили, передавая уголь съ германскаго парохода „Оріонъ“; кругомъ стоялъ грохотъ, шумъ отъ быстраго передвиженія мѣшковъ, подвѣшенныхъ на колесныхъ телѣжкахъ артиллерійской подачи, раздавались сиплые голоса людей; томили жара и жажда; впечатлѣніе отъ этого трудящагося муравейника, покрытаго грязью и пóтомъ, было самое ужасное.

Въ результатѣ—быстрая погрузка, двое очень серьезно зашибленныхъ людей и горы угля, которыя только черезъ 1½ сутки могли быть кое-какъ прибраны.

Завалены были кочегарки, нѣкоторые входы, два жилыхъ носовыхъ помѣщенія; въ остальныхъ помѣщеніяхъ образовалась адская температура вслѣдствіе закрытія отъ пыли всѣхъ входныхъ отверстій для притока наружнаго воздуха въ корабль.

Была попорчена масса имущества, и съ броненосца „Орелъ“ былъ отвезенъ на госпитальное судно „Орелъ“ почти въ безнадежномъ состояніи одинъ матросъ, придавленный во время обвала угля.

Пріѣзжали французскія власти, официально заявивъ, что они не позволятъ эскадрѣ запасаться углемъ въ такомъ большомъ количествѣ.

Это, понятно, исполнено не было.

Впервые поставленное на почву состязанія и наградъ дѣло погрузки угля полюбилось, пришлось по душѣ нашей командѣ, задѣло за живое даже нашу неспортивную славянскую натуру.

Слѣдующая погрузка была въ Либервиллѣ у Нигера 14-го ноября.

Характернымъ эпизодомъ здѣсь было то, что адмиралъ Рожественскій, еще подходя къ этому порту, объявилъ, какъ всегда, въ категорическомъ тонѣ, что суда должны принять двойной запасъ угля. Для крейсера „Аврора“ это вмѣсто обычныхъ 900 составляло 1800 тоннъ. Съ имѣвшимися въ то время въ ямахъ 620-ти тоннами оставалось допринять еще 1300.

Эта совершенно неожиданная большая погрузка привела всѣхъ въ уныніе.

Не допуская мысли о возможности выполнить приказаніе буквально, командиръ „Авроры“ Е. Р. Егорьевъ попробовалъ было заикнуться о томъ, что, вѣдь, тогда придется завалить углемъ всѣ жилыя помѣщенія крейсера. На это ему было сказано, что пусть онъ заваливаетъ, что хочетъ, но 1800 тоннъ должно быть на палубѣ, и никакихъ разговоровъ больше по сему поводу не допускается.

Что произошло дальше—описать трудно. Работа была исполнена офицерами и командой молодецки: въ 18 часовъ 15 минутъ было принято 1300 тоннъ, но зато на что стало похоже судно!

Каютъ-компанія переселилась въ командирскую столовую. Прежнее помѣщеніе офицерской каютъ-компаніи почти сплошь завалили углемъ; офицерскій буфетъ былъ выломанъ и превращенъ въ угольную яму.

Кормовая машина была наглухо закрыта броневыми люками, а сверху погребена подъ слоемъ угля въ 8 футъ вышины.

Сыпали уголь всюду, куда только было возможно.

Когда все это было заполнено, начали валить уголь прямо на палубы, цѣлыя горы угля, не разрѣшивъ еще задачу, куда дѣвать его впослѣдствіи.

Высказывались совершенно основательныя опасенія за неустойчивость судна при перегрузкѣ верхней палубы около 400 тоннъ.

Когда приказаніе адмирала было исполнено, то на верхней палубѣ высился уголь въ ростъ человѣка; были оставлены лишь самые узкіе проходы.

Послѣ погрузки, окончившейся лишь въ два часа ночи, люди, истомленные до послѣдней крайности, впали въ безпробудный сонъ, свалившись тутъ-же на углѣ, гдѣ кто работалъ.

Но главное испытаніе этой ночи было еще впереди. Едва только угольщики успѣли благополучно отвалить отъ борта, какъ надъ эскадрой разразилась настоящая троическая буря съ тропическимъ ливнемъ. Все ближе и ближе подходили къ нашей якорной стоянкѣ молнія и громъ; наконецъ разразился такой ударъ и такъ близко, что всѣ перепугались.

На заваленной угломъ верхней палубѣ творилось нѣчто невообразимое: шпигаты, сточныя трубы были завалены угломъ; вода, не успѣвая вытекать за бортъ, быстро поднималась, образовывая всюду черное мѣсиво и море, того и гляди, угрожая залить судно черезъ люки.

Трудно было справиться съ этой нежданной напастью: не хватало силъ, не было умѣнья.

Только что сомкнувшая глаза команда была разбужена страшными раскатами грома и потоками ливня. Какъ полчище распуганныхъ таракановъ, они голые, грязные сновали всюду по палубѣ, спотыкаясь, толкаясь, нигдѣ не находя себѣ пристанища. Въ силу ужасной необходимости шли въ батарейную палубу, гдѣ при температурѣ около 40° дышать было нечѣмъ.

А дождь такъ лилъ и лилъ, пока не пересталъ, и восходящее солнце застало крейсеръ, надо признаться, въ весьма безпомощномъ состояніи.

Всѣ отъ мала до велика вооружились лопатами и, загребая, расчищая уголь, точно сугробы снѣга въ метель, работая, не покладая рукъ, черезъ три часа привели крейсеръ въ довольно приличный видъ: возстановили проходы, открыли и очистили шпигаты, уложили уголь въ мѣшки и образовали изъ послѣднихъ вокругъ орудій брустверы.

Послѣ гигантской работы съ угломъ на другой день утомленныхъ людей потребовали на новую угольную погрузку госпитальнаго судна „Орелъ“ и буксира „Роландъ“. Работа эта снова продолжалась двое сутокъ, а на крейсерѣ за неимѣніемъ

свободныхъ рукъ приборка наваленнаго угля шла страшно медленно.

По прибытіи въ Грэтъ-фишъ-бэй 23-го ноября сигналомъ адмирала было сообщено, что въ этой бухтѣ грузиться будутъ пять броненосцевъ, къ которымъ подойдутъ пять угольщиковъ, ожидавшихъ насъ тамъ, а съ послѣднихъ съ другого борта будутъ принимать уголь наши транспорты.

Для послѣдней цѣли были назначены люди съ крейсеровъ, и это въ связи съ тѣмъ, что у „Авроры“ имѣлся еще полуторный запасъ угля, укрѣпило насъ въ надеждѣ, что хотя на этотъ разъ аврорцамъ удастся избѣгнуть угольной напасти.

Палуба въ проходахъ почти что очистилась отъ угольныхъ залежей, явился радостный просторъ, начали мыть борта, устанавливать на мѣста снятые приборы стрѣльбы, подкрашивать избитую отъ угля окраску; успѣли выкрасить даже правый наружный бортъ.

Всѣ радовались, что хотя на нѣсколько дней удастся вылѣзть изъ невѣроятной грязи. Не тутъ-то было. Въ 9 часовъ вечера аврорцы были разочарованы приказаніемъ допринять 300 тоннъ угля ночью, послѣ того какъ угольщики освободятся отъ броненосцевъ.

Около 3-хъ часовъ ночи подошелъ знакомый германецъ „Азія“, съ котораго началась очень быстрая перегрузка 320 тоннъ, которую кончили къ 8-ми часамъ утра. Работа по мытью и окраскѣ, конечно, вся пошла прахомъ.

Погрузка угля въ Англа-Пекуэнѣ 29-го ноября дала себя знать въ другомъ отношеніи.

Отличительная черта этого порта та, что здѣсь постоянно дуетъ очень свѣжій мѣстный вѣтеръ силой до 8 балловъ. Лоцмана говорили, что разъ въ пять дней вѣтеръ затихаетъ, а затѣмъ снова задуваетъ съ той-же силой.

Погрузка угля здѣсь, въ противоположность предыдущей, была самая печальная.

Волной и вѣтромъ отъ борта крейсера „Аврора“ оторвало угольщика, несмотря на то, что онъ стоялъ на стальныхъ перлиняхъ.

Работа должна была прекратиться.

Къ счастью, „Авроръ“ пришлось принять всего 100 тоннъ, но зато наша команда грузила углемъ „Метеоръ“, „Камчатку“ и „Роландъ“.

На „Суворовѣ“ при попыткѣ грузиться бортъ о бортъ было сломано орудіе.

Еще того хуже было на броненосцѣ „Ослябя“: тамъ угольщикъ продавилъ въ одной изъ офицерскихъ каютъ бортъ насквозь, образовавъ пробоину въ ростъ человѣка.

Это поврежденіе было необходимо исправить въ двое сутокъ и основательнѣйшимъ образомъ: впереди предстоялъ переходъ вокругъ мыса „Доброй Надежды“.

И дѣйствительно этотъ переходъ далъ себя знать: у мыса „Доброй Надежды“ эскадра адмирала Рожественскаго 6-го, 7-го и 8-го декабря выдержала небывалый штормъ. Волна здѣсь знаменита своей высотой и длиной. Во время шторма суда совершенно скрывались другъ отъ друга. Нашъ хворый транспортъ „Малайя“ съ поломкой въ машинѣ безпомощно сталъ поперекъ волны и скрылся изъ виду черезъ какихъ-нибудь 5—7 минутъ. Думали, что онъ погибъ. Во время этого урагана „Суворовъ“ потерялъ гребной катеръ, „Аврора“—вельботъ.

Такъ какъ не мало волнъ вкатывало на верхнюю палубу, проникая всюду, гдѣ только было возможно, внутрь крейсера, то пришлось тщательнѣйшимъ образомъ задраить всѣ люки и отверстія.

Внизу, въ этой ужасной духотѣ, при страшной качкѣ необходимо было перегружать уголь изъ разныхъ случайныхъ угольныхъ помѣщеній въ опоражнивавшіяся постепенно угольныя ямы.

На Мадагаскарѣ погрузки угля имѣли рейдовый характеръ и, если-бы не экваторіальная жара, то ихъ можно было-бы считать веселымъ спортомъ; всѣ рѣшительно, не исключая и медицинскаго персонала, на долю котораго перепадало много случаевъ травматическихъ поврежденій, сопровождающихъ обычно эту работу, втянулись въ аврально-боевыя угольныя погрузки, какъ въ свое обычное рутинное дѣло.

Но насъ зарѣзала не наша погрузка угля, а перегрузка съ большихъ транспортовъ на малые и съ малыхъ на пароходы Добровольнаго флота. Для этихъ работъ дѣлался нарядъ; каждый разъ все на разныя суда въ разную обстановку. При отсутствіи здѣсь соревнованія работа являлась очень утомляющей.

Съ выходомъ изъ Мадагаскара началась другая эра угольныхъ погрузокъ.

На 4000-мильномъ переходѣ суда грузились въ открытомъ океанѣ восемь разъ. Эти погрузки превзошли всякія ожиданія:

уже на второй океанской погрузкѣ суда поднимали 130—140 тоннъ за время работы съ 8 часовъ утра до 3-хъ часовъ дня.

По окончаніи погрузки въ 3 часа дня, какъ только взвивался адмиральскій сигналъ: „поднять всѣ гребныя суда“, вся работа, бывшая передъ тѣмъ въ полномъ своемъ разгарѣ, сразу обрывалась, и производился маневръ быстраго подъема барказовъ и паровыхъ катеровъ на свои суда.

За эти погрузки былъ только одинъ случай, когда паровой катеръ „Сисоя Великаго“ попалъ подъ пятку шеста отъ сѣтей миннаго загражденія, наполнился водой и пошелъ ко дну.

Бывали еще такіе курьезные случаи, когда желѣзный ботъ распарывался, сдавалъ по шву и заполнялся водой поверхъ находившихся въ немъ 10 тоннъ угля, но благодаря воздушнымъ ящикамъ не шелъ стремительно ко дну, а былъ не прочь еще поплавать, если-бы его изъ предосторожности не поднимали тотчасъ-же наверхъ.

Въ томъ и другомъ родѣ продолжались погрузки и у береговъ Индо-Китая.

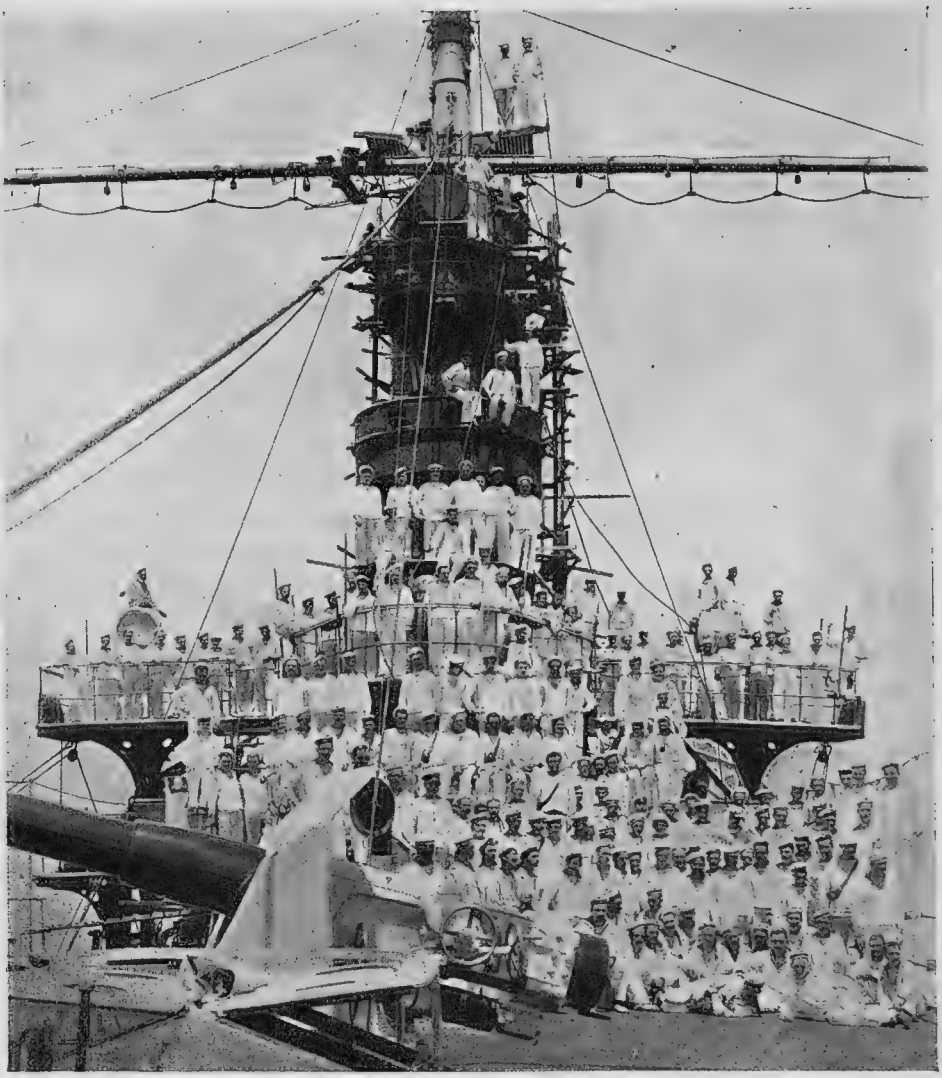
За погрузку угля въ Камранѣ, когда было принято въ 4 часа безъ 5 минутъ 400 тоннъ угля, послѣдовалъ памятный аврорцамъ лаконическій сигналъ нашего грознаго адмирала: «„Аврора“—молодецъ!».

Самая лихая погрузка была сдѣлана личнымъ составомъ крейсера „Аврора“ подъ самымъ носомъ непріятеля за двое сутокъ до Цусимскаго боя. Въ этотъ день „Аврора“ побила рекордъ, принявъ барказами 270 тоннъ угля.

Кѣмъ-же держалась вся эта работа, составившая гордость личнаго состава Второй Тихоокеанской эскадры, благодаря которой русскій флотъ двигался по свѣту, не одолжившись ни на одну полушку ни у какого иностраннаго благоустроеннаго порта со всѣми его приспособленіями, гдѣ можно было-бы произвести погрузку угля и скоро и безопасно, безъ аварій для судовъ и людей.

Вся эта работа наладилась и развилась благодаря общему энтузіазму, которому способны поддаваться прежде всего, конечно, молодые офицеры—судовая молодежь.

Стоило собраться тремъ офицерамъ, какъ разговоръ ихъ тотчасъ-же переходилъ на тему о спортивномъ складѣ нашего плаванія: какъ-бы принять хорошаго угля да съ хорошаго транспорта (съ большими стрѣлами и лебедками, что поднимаютъ не одну, а двѣ тонны)? Какъ ускорить быстроту погрузки, подни-



Команда крейсера 1-го ранга „Аврора“

(по прибытіи въ Маниллу).

мать такъ, чтобы стрѣла дрожала какъ тростникъ? Нельзя-ли перемѣнить ходъ на электрическихъ лебедкахъ къ стрѣламъ такъ, чтобы подъемы мѣшковъ были не минутные, а полу-минутные? Что легче, подавать-ли уголь мѣшками или грузить его большими матами (пластырями), насыпая кучу угля вѣсомъ въ двѣ тонны и поднимая всю эту массу угля за четыре угла мата? Лучше-ли носить уголь мѣшками на спинѣ или везти по рельсамъ подобно тому, какъ подаютъ бесѣдки со снарядами, или на телѣжкахъ, или просто тащить волокомъ по палубѣ? Что дѣлать съ вѣчной нехваткой мѣшковъ, ибо таковые скоро изнашиваются, рвутся, а 8 человѣкъ парусниковъ, работая каждый день, не успѣваютъ между двумя погрузками починить достаточное количество мѣшковъ?

Довольно-ли судовому врачу фельдшера и двухъ санитаровъ на помощь при перевязкахъ раненыхъ при частыхъ случаяхъ поврежденій во время погрузки, или пусть врачъ перевязываетъ одинъ съ фельдшеромъ? (Остальные—одинъ фельдшеръ и два санитара — всегда принимали дѣятельное участіе въ погрузкѣ угля въ роли счетчиковъ и ординарцевъ).

Поливать-ли команду, какъ на пожарѣ, изъ брандспойта или вспрыскивать водой только уголь, давать-ли командѣ воду съ краснымъ виномъ или чай со льдомъ, останавливать-ли рефрежираторы для всѣхъ судовыхъ надобностей за исключеніемъ льду для работающей команды, давать-ли каждый часъ пять минутъ отдыху, чтобы покурить, а музыкѣ чтобъ тѣмъ временемъ сыграть два веселыхъ марша, а потомъ на рожкѣ сыграть сигналъ: „слушайте всѣ“, и въ большой рупоръ объявить: „погружено за послѣдній часъ столько-то тоннъ!“ и т. д. и т. д. . . . . .

И вотъ еще полсотни такихъ вопросовъ сдѣлали погрузку угля не просто валовой работой, а доблестью состава судна.

Этимъ работа держалась и такимъ именно путемъ она могла дать тѣ блестящіе результаты интереснаго боевого морского маневра, которые изображены здѣсь лишь въ краткихъ общихъ чертахъ.

Эпилогъ.

Vae victis!
Горе побѣжденнымъ!

Кончился бой.

Точно прозрѣли мы.

Каждый изъ насъ состарился на добрый десятокъ лѣтъ, любой мичманъ сталъ куда опытнѣе стараго лейтенанта, не бывавшаго въ бою.

Хорошій данъ былъ урокъ; но словами всего не разскажешь. Надо было все самому видѣть, самому прочувствовать.

Офицеры и команда сильно переутомились не столько послѣ боя, сколько послѣ похода. Каждый изъ насъ предпочелъ-бы рискнуть еще разъ своей головой, чѣмъ выдержать снова восемь мѣсяцевъ жизни при самыхъ невозможныхъ условіяхъ: жарѣ, грязи, вѣчныхъ погрузкахъ и перегрузкахъ угля, постоянномъ напряженіи нервовъ, начиная съ самаго Кронштадта.

Все это въ связи съ длиннымъ рядомъ нашихъ неудачъ и на морѣ, и на сушѣ было въ состояніи расшатать самые крѣпкіе нервы. Наконецъ-то мы почувствовали, что и у насъ они есть, и что безнаказанно раздергивать ихъ нельзя.

Аврорцы, тѣ бравые аврорцы, которые такъ лихо, съ такимъ соревнованіемъ грузили уголь, стали ужъ не тѣ.

Лазаретъ переполнился не только ранеными, но и совсѣмъ иного рода больными. Широкоплечіе, мускулистые богатыри стали жаловаться на то, что у нихъ „сердце болитъ“, „руки и ноги не свои“, „всѣмъ тѣломъ разслабъ“, „спать не могу“ и т. п. И это были не симулянты, не „лодыри“, какъ ихъ принято называть.

Это были больные, которымъ трудно было помочь обычными лазаретными спеціями.

И я, докторъ, перенесшій съ ними всю эту каторгу, больше, чѣмъ кто-либо, понималъ, въ чемъ нуждаются теперь мои бѣдные соплаватели.

Наконецъ-то, послѣ долгаго, томительнаго ожиданія пришли вѣсти съ далекой родины, увы, нерадостныя.

Три несчастныхъ, измученныхъ, израненныхъ крейсера забрызгивались грязью.

Велико было наше негодованіе, когда намъ пришлось читать критическій разборъ боя.

Какъ смѣшны и наивны казались эти длинныя разсужденія о томъ, о семъ, съ приложеніемъ плановъ, чертежей.

Но не до полемики намъ было. Мы, вѣдь, не на лаврахъ отдыхали послѣ боя.

Наконецъ, штабъ адмирала Энквиста былъ вынужденъ послать заявленіе въ „Новое Время“ о томъ, что „статьи, озаглавленныя „Разборъ Цусимскаго боя“, писались безъ достаточныхъ свѣдѣній объ этомъ боѣ; большая часть положеній совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности; поэтому штабъ предупреждалъ, что къ заключеніямъ автора статей слѣдуетъ относиться съ большой осторожностью“.

Я помню, какъ трудно было помѣстить въ одномъ весьма распространенномъ столичномъ органѣ прекрасно написанное офиціальное донесеніе адмирала Энквиста о боѣ; наконецъ, поздно—поздно оно появилось, но какъ?—анонимно, со словъ какого-то „очевидца“, не только безъ подписи адмирала (что, конечно, имѣло уже не тотъ вѣсъ), но безъ всякой подписи.

Также и моя статья, изъ которой можно было усмотрѣть, что мы не только все „бѣгали“ съ поля сраженія, но и что-то тамъ дѣлали, завалялась въ редакціонной корзинѣ той-же газеты.

И вотъ теперь, выслушивая рядъ боевыхъ выводовъ, поученій и морали отъ лицъ, не нюхавшихъ пороху, больно сжимались сердца уцѣлѣвшихъ участниковъ боя и кипѣли негодованіемъ.

Неправда! неправда! хотѣлось крикнуть намъ. Не вамъ-бы это говорить, не намъ слушать!

Вынужденное отступленіе послѣ упорнаго боя, удачный прорывъ черезъ непріятеля, превосходившаго во много разъ численностью, не есть позорное трусливое бѣгство.

Эти скромные незамѣтные герои, безъ единаго ропота отдававшіе свою жизнь, умиравшіе безъ громкихъ фразъ въ бою и отъ ранъ въ Маниллѣ, не заслужили того, чтобы ихъ чернили въ глазахъ родины.

О! тому, у кого поднялась рука добивать своихъ товарищей, немногихъ имѣвшихъ несчастье остаться въ живыхъ, никогда не понять всей глубины, всего трагизма Цусимской катастрофы!

Бываютъ нравственныя раны, которыя гораздо тяжелѣе физическихъ. Неужели морякамъ (подъ этимъ словомъ я разумѣю настоящихъ, дѣйствительно плававшихъ моряковъ, а не кабинетныхъ теоретиковъ) такъ легко, такъ просто перенести на своихъ глазахъ гибель родныхъ судовъ, всего флота, друзей, товарищей, надеждъ—всего, всего!

Если я, врачъ, слѣдовательно во флотѣ по служебному положенію штатскій человѣкъ, отдавшій флоту только 10 лѣтъ, правда, лучшихъ лѣтъ моей жизни, за это короткое время такъ успѣлъ сродниться съ нимъ, полюбить его, что боялся сойти съ ума, когда начиналъ вдумываться во всю глубину нашего несчастья, то что-же должно было тогда твориться въ душѣ вотъ этого старика адмирала, который отдалъ флоту не 10 лѣтъ, а всю свою жизнь, который со своими двумя картонными крейсерами въ бою отважно бросался на 10—11 непріятельскихъ судовъ?

Развѣ кто-нибудь изъ насъ посмѣетъ сказать, что онъ прятался отъ смерти? И не также-ли вели себя остальные офицеры и команда?

Нужно было чудо, чтобы кто-нибудь изъ насъ уцѣлѣлъ, и вотъ мы остались живы, т. е. не всѣ мы—много нашихъ товарищей рядомъ съ нами сложили свои головы, сложилъ ее и нашъ лихой командиръ: вспомните потери наши.

Остальные, да, живы.

Живы... какъ такъ? зачѣмъ? почему именно мы остались живы, въ то время, какъ товарищи наши, друзья, братья гибли тутъ-же рядомъ на нашихъ глазахъ?

Вѣдь, съ мыслью о смерти неминуемой мы уже давно сроднились, сроднились еще тогда, когда тамъ въ Петербургѣ, Кронштадтѣ, Либавѣ, Черномъ морѣ сами напрашивались въ плаваніе.

Развѣ мы не понимали истиннаго положенія дѣла, не знали, на что идемъ?

Наши надежды были болѣе чѣмъ скромны! прорваться во Владивостокъ, хотя-бы съ половиннымъ числомъ судовъ, сильно избитыхъ — вотъ о чемъ мы мечтали, а о томъ, что съ нами будетъ тамъ — дальше, во Владивостокѣ, не хотѣли и спрашивать себя.

Много-ли насъ уцѣлѣло-бы въ дальнѣйшихъ передрягахъ!

Но горькая дѣйствительность разбила всѣ наши ожиданія.

Послѣ всего того, что намъ пришлось видѣть и перечувствовать, мы и сами не рады тому, что остались въ живыхъ, спаслись изъ этого ада, изъ этой бойни?..

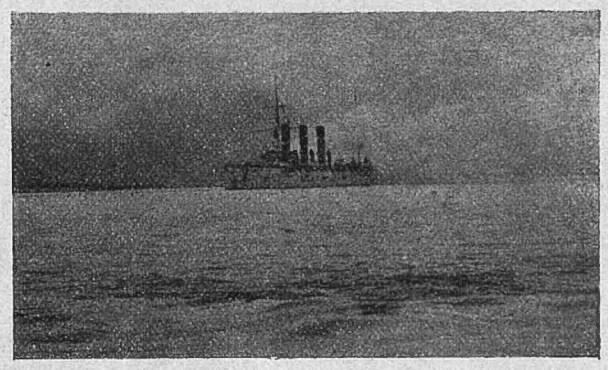
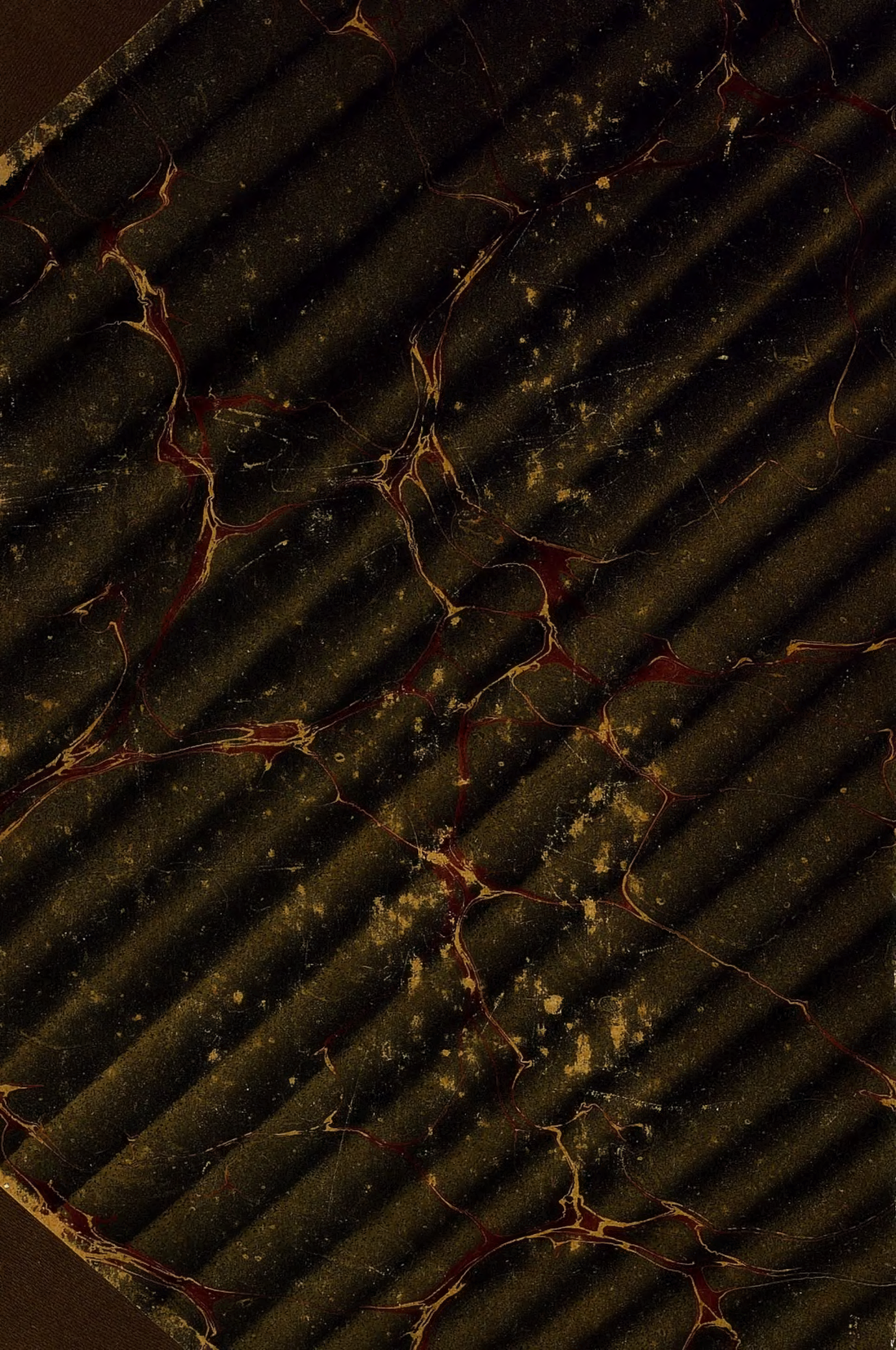
Много времени нужно было для того, чтобы сродниться съ тою мыслью, что судьба зачѣмъ-то пощадила насъ, очнуться отъ того кошмара, подъ вліяніемъ котораго мы, не разсуждая, слѣпо шли, шли, шли впередъ.

О, какъ-же нерадостно было наше возвращеніе къ жизни . . .

И, что обиднѣе всего, въ Маниллѣ мы были поставлены въ такія условія, что и слова въ свою защиту сказать не могли.

Газеты доходили до насъ слишкомъ поздно, мѣсяца $1^1/_2$—2 спустя, когда общественное мнѣніе о насъ уже было составлено.

И никогда эти жалкія несправедливыя статейки не принимались такъ горячо, такъ близко къ сердцу моими бѣдными измученными товарищами, какъ въ это время.

Хотя и разбитые, но доблестно сражавшіеся въ бою крейсера „Аврора“, „Олегъ“ и „Жемчугъ“ были достойны и лучшей участи, и лучшей, болѣе справедливой оцѣнки.

И горько поэтому было намъ на чужбинѣ, несмотря на все радушіе жителей, отнесшихся къ намъ чрезвычайно сердечно и участливо.